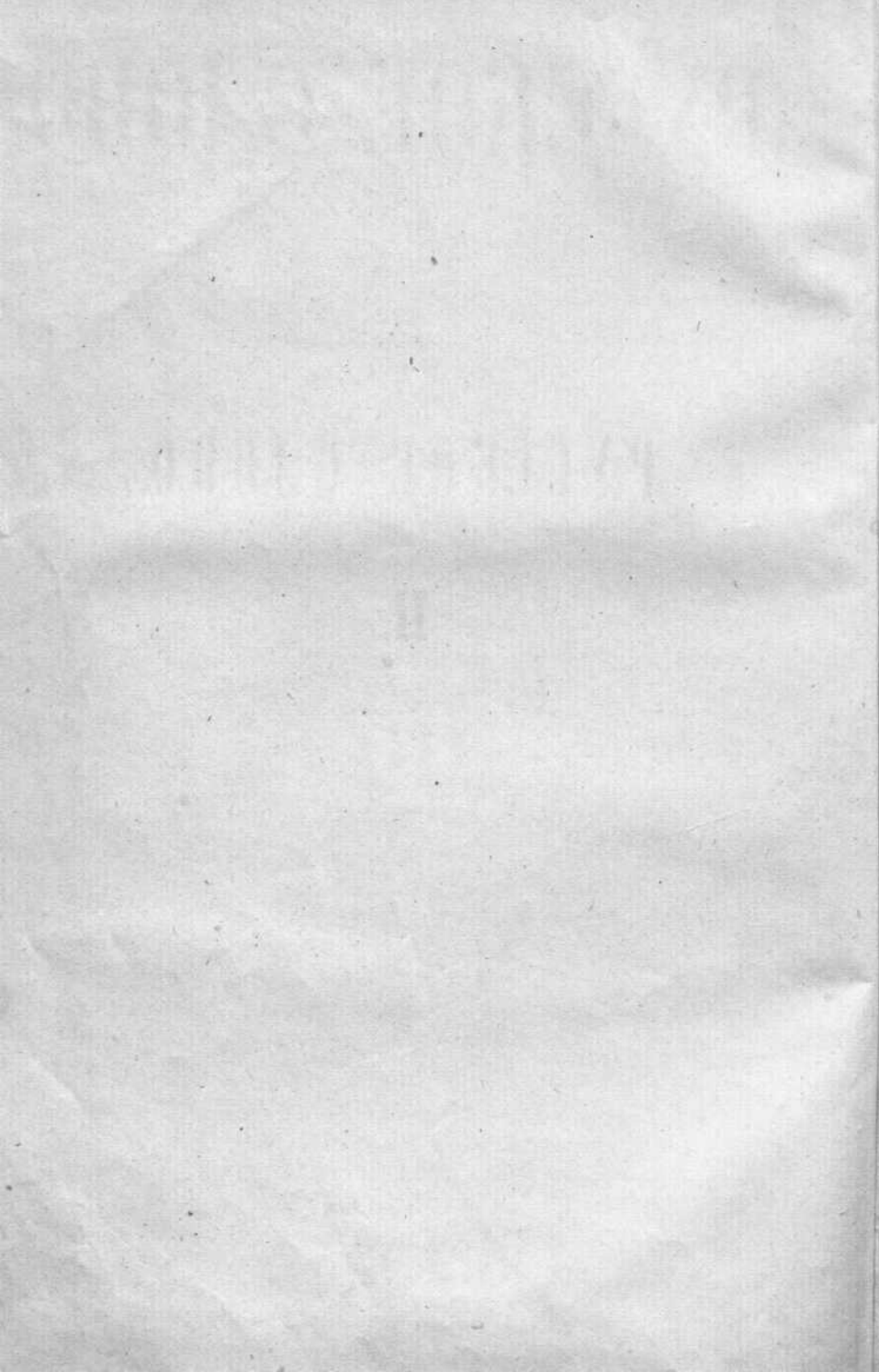

III
~~600~~^a

Conclusions

Семевскій.

РУССКОЕ СЛОВО.

II.

GEORGE CABO

ENTRADA - 1870

NO. 100

GEORGE CABO

ENTRADA - 1870

II

1870

ENTRADA

ENTRADA

ENTRADA - 1870

050

05
С-

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО - УЧЕНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ГРАФОМЪ ГР. КУШЕЛЕВЫМЪ-БЕЗБОРОДКО.

ПРОВЕРЕНО

195/г.

1859.

ФЕВРАЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГЮМНА И КОМП.

Handwritten signature/initials

*2590.
31*

Handwritten signature or initials, possibly "С. Палаузовъ".

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, было представлено въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 25. Февраля 1859 года.

Ценсоръ А. Фрейманъ.

Ценсоръ С. Палаузовъ.

Faint, illegible text.

Handwritten mark or signature.

Проектъ
1980

ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА

ДО ВОШЕСТВІЯ СВОЕГО НА ПРЕСТОЛЪ. 1709 — 1741.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

(Посвящается Алекс. Иванович. Семевскому.)

Грѣхъ ради, наказа насъ Господь частыми монарховъ перемѣнами, и остави насъ в школъ неблагополучія, предаде насъ, под видомъ тѣхъ, в неизбѣжныя руки жестокихъ и немилостивыхъ приставниковъ: изблочи насъ рабскимъ ихъ тайнохитрымъ правленіемъ!...

(Слово Іеромонаха Наржидцаго, говоренное 4 авг. 1742)

I.

0857
Рожденіе Елизаветы. — Воспитаніе и воспитатели. — Ассамблеи. — Взглядъ на нравы современнаго общества. — Наружность царевны. — Празднованіе ея совершеннолѣтія. — Переговоры съ Европейскими дворами о бракосочетаніи Елизаветы. — Смерть Петра I-го.

1709 — 1725.

18 декабря 1709 года, въ десять часовъ утра, при громѣ пушечной пальбы, при гулѣ колокольнаго звона — въ главѣ Россійскихъ половъ, въ сопровожденіи великолѣпной свиты генераловъ и знаменитѣйшихъ Шведскихъ плѣнныхъ, начался торжественный въѣздъ Петра въ первопрестольную Москву. Въѣздъ этотъ напоминалъ Римскія триумфальныя шествія. Массы народа тѣснились на пути: съ заборовъ, стѣнъ, крышъ — отовсюду видѣлись головы любопытныхъ, отовсюду раздавался несмолкаемый крикъ: «да здравствуетъ государь, отецъ нашъ, да здравствуетъ нашъ батюшка!» Громкое ура какъ бы спорило съ оглушительнымъ звономъ колоколовъ, съ босмъ литавръ и барабановъ, съ пушечными залпами!

Въ эту великую минуту полнѣйшаго торжества преобразователя Россіи, онъ получилъ вѣсть о рожденіи царевны Елизаветы. Шествіе было остановлено. Въ избыткѣ радостнаго чувства, Петръ сказалъ приближеннымъ: «Господь Богъ усугубилъ радость торжества въ честь Полтавской побѣды, рожденіемъ мнѣ дочери. Того ради, отложимъ празднество и поспѣшимъ поздравить со вшествіемъ въ міръ дочь мою, яко со счастливымъ предвозвѣщаніемъ вождельнаго мира!» (2).

Государь поспѣшилъ со вѣмъ генералитетомъ въ Успенскій Соборъ. Начался молебенъ. При пѣніи: «Тебѣ Бога хвалимъ», Петръ присоединилъ свой голосъ къ хору. Снова Кремлевскія стѣны поддернулись облаками дыма и затряслись отъ грома пушечныхъ залповъ. Колокола загудѣли, то Петръ извѣщалъ Москву о своей радости, о рожденіи Елизаветы.

Послѣ благодарственнаго молебствія, государь, въ сопровожденіи множества сановниковъ, иностранныхъ министровъ и духовенства, отправился во дворецъ села Коломенскаго (3). Какъ супругу свою, такъ и новорожденную, Петръ нашелъ внѣ опасности. Вся свита была приглашена къ торжественному обѣду. Въ весельи монарха участвовали и плѣнные Шведы. Въ Коломенскомъ дворцѣ ихъ угостили великолѣпнымъ пиромъ. Нижнимъ чинамъ выставили всякаго рода яства и выкатили бочки съ виномъ.

Всѣ, отъ перваго сановника до послѣдняго нищаго, вслѣдъ за государемъ, пили за здоровье новорожденной царевны Елизаветы. Только 21 декабря кончились пиры и празднества въ честь сего событія; начались другія въ память Полтавской побѣды.

При такихъ счастливыхъ обстоятельствахъ родилась будущая императрица. Самое мѣсто ея рожденія, село Коломенское, славное историческими воспоминаніями, любимое жилище царя Алексѣя, долго считавшееся мѣстомъ рожденія преобразователя Россіи, какъ бы служило предзнаменованіемъ счастливой судьбы, постигшей Елизавету (4).

До насъ мало дошло извѣстій о первыхъ годахъ молодости Елизаветы, немного мы имѣемъ свѣдѣній и о людяхъ, первыхъ приставникахъ, ея воспитателяхъ....

Извѣстно, какой разумный наказъ былъ подписанъ Петромъ въ 1703 году, о томъ, какъ воспитывать и обучать царевича Алексея. Въ этомъ наказѣ, составленномъ просвѣщеннымъ Гейсеномъ (Huysen), сказано было между прочимъ: «обратить особенное вниманіе на французскій языкъ, какъ языкъ легчайшій и употребительнѣйшій». На французскій же языкъ было обращено особенное вниманіе при обученіи Елизаветы Петровны.

Царевна въ послѣдствіи сама разсказывала Штелину (5), что однажды, во время уроковъ, пришелъ къ ней государь и заставъ ее за чтеніемъ французскихъ пасемъ госпожи Ламбертъ, Петръ попросилъ перевести одну страницу. Царевна перевела. «Счастливы вы дѣти, замѣтилъ послѣ этого государь, обращаясь къ дочерямъ, (6) счастливы вы, что васъ воспитываютъ, что въ молодыхъ годахъ пріучаютъ васъ къ чтенію полезныхъ книгъ.... Въ своей молодости я былъ лишень и дѣльныхъ книгъ, и добрыхъ наставниковъ».

Изъ всѣхъ учителей царевны намъ извѣстенъ только лифляндецъ Глюкъ.

Вообще, о Елизаветѣ до 1717 года мало говорятъ, какъ русскіе современники, такъ и иностранные послы, бывшіе при нашемъ дворѣ. Только съ этого времени, какъ русскіе, такъ въ особенности иностранцы стали обращать вниманіе на замѣчательную красоту средней дочери Петра (6).

Такъ въ 1717 году, на Елизавету обратили вниманіе, по случаю возвращенія государя изъ-за границы. 10 октября обѣ царевны Анна и Елизавета выѣхали на встрѣчу къ отцу въ испанскихъ костюмахъ. По замѣчанію посла французскаго, нарядъ этотъ чрезвычайно шелъ къ восьми-лѣтней Елизаветѣ. Провожаемый супругой и дочерьми, государь вошелъ во дворецъ. При входѣ въ него, на маленькой, шотландской лошаdkѣ сидѣлъ двухъ-лѣтній Петръ Петровичъ. Отъ лица его Меньшиковъ сказалъ привѣтственную рѣчь, за нимъ говорили привѣтствіе Анна и Елизавета Петровны (7).

Съ начала 1718 года началось слѣдствіе; строгій Монархъ предалъ суду своего старшаго сына. Страшный эпизодъ человѣческой лѣтописи! 6 февраля, въ Петербургѣ получено было повелѣніе самодержца присягнуть новому наслѣднику

престола, Петру Петровичу. Стукъ барабановъ созвалъ жителей на Троицкую площадь. Народу прочитали отрѣченіе Алексѣя отъ престола, манифестъ о его винахъ и никто не поколебался исполнить приказъ монарха. Въ Троицкомъ Соборѣ, послѣ обѣдни, въ присутствіи малютки Петра Петровича, Меньшиковъ привелъ къ присягѣ весь дворъ, Анну и Елизавету Петровну.

Тяжелъ былъ этотъ годъ для Петра I, тяжелъ и для его подданныхъ. По донесенію Ла-Ви, до 300 человекъ было арестовано по дѣлу царевича; казни, пытки, розыски начались и продолжались въ Москвѣ, Преображенскомъ, Суздальѣ и кончились только спустя почти годъ, въ Петербургѣ. Отъ однихъ конфискованныхъ имѣній, собрано было нѣсколько миліоновъ рублей (8).

Въ это время Петръ велѣлъ устроить на иностранный манеръ ассамблеи, танцевальные вечера. Приказъ государя былъ исполняемъ по очереди всѣми сановниками. Вечера начинались у государя и оканчивались у Оберъ-Полиціимейстера. На послѣднемъ лежала обязанность въ началѣ каждой зимы, публиковать роспись (обыкновенно составляемую самимъ государемъ) по которой вельможи чередовались.

Всѣ должны были съѣзжаться на балъ къ тремъ часамъ пополудни, въ богатѣйшихъ нарядахъ. Къ пяти пріѣзжалъ государь, вслѣдъ за нимъ являлась Екатерина съ дочерьми. Наряды государыни и царевень отличались необыкновеннымъ великолѣпіемъ. На царевнахъ бывали надѣты желтыя бѣлыя или цвѣтныя платья, изъ лучшихъ матерій, обшитыя золотомъ и серебромъ. Головные уборы были залиты брилліантами (9).

Балы открывались монотонными, церемоніальными танцами. Музыканты играли родъ погребальнаго марша. Каждая пара поочереди дѣлала *реверансы*. За тѣмъ слѣдовалъ *Польскій*, которымъ и оканчивались церемоніальные танцы. Маршалъ, дирижировавшій танцующими, ударялъ жезломъ и провозглашалъ, что каждый можетъ танцевать, какъ и что ему вздумается.

Первое время посѣтители ассамблей были печальны, задумчивы, хотя боясь гнѣва царскаго, старались казаться

веселыми. Ежедневные аресты и казни у всякаго были передъ глазами.....

Желая разсѣять мрачное настроеніе общества и приучить его къ *заморскимъ* увеселеніямъ, Петръ вмѣстѣ съ семьей, постоянно являлся на ассамблеи. Ни одно собраніе не обходилось безъ его присутствія. Юныя царевны были постоянными посѣтительницами танцевальныхъ собраній (10).

Мало по малу, старанія государя увѣнчивались успѣхомъ. Ассамблеи стали составляться безъ принужденій, между дамами и дѣвцами явились страстныя любительницы этого рода удовольствій. Одинадцати-лѣтняя Елизавета небольшая была любительница *церемониальныхъ* танцевъ, но въ нецеремониальныхъ, она показывала большую ловкость, много живости и искусства. Минуеть, англійскій кадрилъ и польскій, тогдашніе обыкновенные танцы, давали полную возможность царевнѣ плѣнять граціозностью своей всѣхъ присутствовавшихъ. Вмѣстѣ съ другими дѣвцами и дамами, Елизавета безпрестанно выдумывала новыя фигуры, танцевала въ залахъ, переходила въ другія комнаты, подымалась во второй этажъ. Шведскіе плѣнные офицеры были первыми учителями танцевъ, но ученики и въ особенности ученицы скоро превзошли своихъ наставниковъ. Вмѣстѣ съ царевною славилась красотой и искусствомъ въ танцахъ: дочь Г. И. Головкина, Княгиня Черкаская, Кантеміръ и Долгорукая, впоследствии невѣста императора Петра II.

Царедворцы, желая угодить государю, чаще и чаще съ каждымъ годомъ устраивали ассамблеи. Но они вполнѣ отражали на себѣ вѣкъ преобразованій, въ которомъ, на ряду съ хорошимъ, было много дурнаго или по крайнѣй мѣрѣ смѣшнаго. Въ комнатахъ, гдѣ танцевали царскія дочери вмѣстѣ со всѣми другими дамами, зрители курили скверный табакъ, пили и напивались до-пьяна, играли въ шашки, ссорились, бранились. Въ комнатахъ была вонь, стукотня, шумъ, крикъ. Между танцами дамы, по обычаю, не говорили съ мужчинами. Весь вечеръ проходилъ въ бѣганьи, поклонахъ, прыжкахъ, а молодые люди не проранивали ни слова, слушая въ тоже время перебранки запившихся игроковъ (10).

Изъ этого можно вывести заключеніе, во многомъ ли были полезны, и были ли въ чемъ нибудь полезны ассамблеи для подростящей царевны? А она съ каждымъ годомъ дѣлалась прелестнѣе. Вотъ первый, довольно полный портретъ Лизаветы, оставленный Ла-Ви (11): «Княжна эта прелестна, писалъ онъ въ 1719 году, очень стройна и могла бы считаться совершенною красавицею, если бы цвѣтъ волосъ ея не былъ темнаго рыжеватъ, что впрочемъ можетъ измѣниться съ лѣтами. Она умна, добродушна и сострадательна».

«Царевна бѣлокура и очень нѣжна», говоритъ Беркгольцъ, встрѣтивъ Елизавету впервые въ Лѣтнемъ саду, въ 1721 году, «руки ея прекрасны; лице, какъ и у Анны Петровны, чрезвычайно доброе и пріятное (11). Она меньше ростомъ своей сестры, но гораздо живѣе и полнѣе ея. Въ этотъ разъ (25 іюня) сестры были одѣты одинаково, но младшая имѣла еще крылышки, у старшей они были недавно отрѣзаны, но еще не сняты, а только зашнурованы. Сдѣланы эти крылышки прекрасно. Платья принцессъ были безъ золота и серебра, изъ красивой, двухъ-цвѣтной матеріи, а головы убраны драгоценными камнями и жемчугомъ, по новѣйшей французской модѣ съ изяществомъ, которое бы сдѣлало честь лучшему парижскому парикмахеру» (12).

Въ нарядахъ и танцахъ проходила молодость царевень. Удовольствіямъ посвящала большую часть своего времени Лизавета. Вотъ почему, мы должны обратить вниманіе на современныя забавы и потѣхи, чтобы судить, какое вліяніе они имѣли на образованіе дочери Петра.

Всѣ празднества того времени дѣлились на лѣтнія и зимнія. Лѣтнія давались въ Лѣтнемъ саду (на Фонтанкѣ). Зимнія въ царской *австеріи*, гостинницѣ на Петербургской сторонѣ, у крѣпости, либо тамъ же въ зданіи Сената, либо въ Почтовомъ дворѣ, гдѣ нынѣ Мраморный дворецъ.

Кромѣ танцевальныхъ ассамблей, были катанья на Невѣ. Впереди флотилии всевозможныхъ лодокъ ѣхала царская яхта. Петръ, въ шкиперскомъ костюмѣ, управлялъ ею. Здѣсь сидѣли: государыня, царевны Анна и Лизавета Петровны, Катерина, Анна и Прасковья Ивановны. Всѣ они

въ подобныхъ случаяхъ одѣвались, подобно женамъ Сардамскихъ корабельщиковъ, въ канифасовыхъ кофточкахъ, юпкахъ изъ красной матеріи и небольшихъ, круглыхъ шляпахъ. Цѣль катаній, большею частию, былъ Екатеринбургъ, гдѣ, послѣ великолѣпной закуски, нерѣдко устраивались танцы (12).

Нева и въ зимнее время была мѣстомъ катаній. Отъ дворца до крѣпости расчищали ледъ; сѣзжались ботики, поставленные на коньки или желѣзныя полозья, подымали паруса, и оригинальная флотилія дѣлала всевозможныя эволюціи за адмиральскимъ ботомъ, которымъ управлялъ государь.

Царь дѣлалъ столь странные маневры для того, чтобъ не забыли морскихъ эволюцій. Потѣха тянулась нѣсколько часовъ сряду, въ часы отдыха, мужчины пили и напивались пуншемъ, а дамы глинтвейномъ.

Но чаще всѣхъ удовольствій и замѣчательнѣе ихъ были торжественные обѣды, на которые всегда являлся государь съ супругой, а нерѣдко и совѣмъ семействомъ.

Спускъ новаго корабля, его закладка, тезоименитство когонибудь изъ членовъ царской фамиліи, воспоминаніе о какойнибудь побѣдѣ, орденскій или полковой праздникъ, свадьба когонибудь изъ придворныхъ — все служило поводомъ къ устройству торжественнаго обѣда. Эти то обѣды лучше всего выражали современные нравы.

Пиръ тянулся нѣсколько часовъ сряду; гости волею-неволею выпивали ужасное количество вина. Послѣ обѣда государь уходилъ отдыхать, но до его возвращенія никто не смѣлъ ослушиваться его приказа, т. е. никто не подымался изъ-за стола. Со скуки продолжалась попойка и тутъ почти всегда разыгрывались престранныя сцены. Вотъ разсказъ объ одномъ изъ такихъ обѣдовъ, разсказъ очевидца: «всѣ были пьяны, но еще продолжали пить до послѣдней возможности. Великій адмиралъ О. М. Апраксинъ, по обыкновенію, до того *натянулся*, что плакалъ, какъ ребенокъ. Князь Меншиковъ такъ опьянѣлъ, что упалъ замертво, и его люди принуждены были послать за княгиней и ея сестрою; они съ помощью разныхъ спиртовъ, съ величайшимъ тру-

домъ привели князя въ чувство и еще съ большимъ трудомъ испросили у царя позволеніе увезти пьянаго домой. Несовершенно пьяныхъ — не было; описаніе всѣхъ *дурачествъ*, совершавшихся въ нѣсколько часовъ, заняло бы нѣсколько листовъ: то князь Валахскій въ рукопашную схватывался съ оберъ-полиціймейстеромъ Девіеромъ, то начиналась въ другомъ углу ссора и драка, то слышалось чоканье бокаловъ на братство и дружбу.... Другіе, совершенно уже пьяные, лезли ко всѣмъ съ объятіями и поцѣлуями. Баронъ Бѣловъ всѣхъ бранилъ, совсѣми ссорился, вызывалъ всѣхъ на дуэль.....

Дамы, смотрѣли на эти сцены и смѣялись. Генераль-Майоръ Штенфельхтъ, обезумѣвшій отъ попойки, колотилъ слугъ и вооруженный кортикомъ, надѣлалъ бы много бѣдъ, если бы его не схватили и силой не отправили бы домой. По угламъ, подъ столами валялось нѣсколько гостей, не устоявшихъ противъ бутылочныхъ батарей и не получившихъ дозволеніе заблаговременно уѣхать домой» (12).

На общественныя маскарады, подъ опасеніемъ штрафа, никто не смѣлъ не являться; никто не имѣлъ право до указа выйти на улицу безъ маски и не въ потѣшномъ костюмѣ. Въ эти дни улицы покрывались всякаго рода шутовскими, скоморошническими масками. Всюду раздавались звуки барабановъ, свистковъ, гудковъ, бубень, слышны были пѣсни удалыя, лилось вино.....

Танцы и попойка въ Сенатѣ или на Почтовомъ дворѣ довершали празднества. Нѣкоторыя важнѣйшія дамы рѣшились, подъ разными предлогами, не явиться на одно изъ подобныхъ пиршествъ въ 1721 году. Имъ приказано собраться въ зданіе Сената и въ наказаніе выпить столько же, сколько выпили *другія*. Полиціймейстеру Девіеру и царскому денщику А. Д. Татищеву (извѣстному впоследствии постройкой Ледянаго дома), поручено было строжайше слѣдить за тѣмъ, чтобы ни одна изъ дамъ не уклонилась отъ штрафа.

«Нечего и говорить», замѣчаетъ очевидецъ, «что приказъ былъ слѣпо выполненъ. Дѣло не обошлось для дамъ безъ головныхъ болей и другихъ неприятностей, Хуже всего при этомъ было то, что виновнымъ напередъ объявили, что ихъ

собирають съ одною цѣлью: опонть за неявку въ послѣдній пирь. Эта опойка производилась самыми скверными винами и большими порціями чистой водки, которую всѣ должки были пить непременно (12).»

«Добрая генеральша Олсуфьева», рассказывает Бергольцъ. «урожденная нѣмка, получивъ приказъ явиться въ Сенатъ поспѣшила во дворець съ мольбой: избавить ее отъ наказанія. Государыня отвѣчала, что на то воля Государя, генеральша, начала представлять, что она не изъ каприза оставалась въ прошедшее воскресенье дома, что уже болѣе недѣли не выходитъ со двора, что беременна въ послѣднемъ періодѣ, что ей крайне вредно пить, что это приведетъ къ полнѣйшему разстройству ея здоровья. Тогда пошли къ государю и просили его избавить на этотъ разъ Олсуфьеву отъ явки въ Сенатъ. Онъ отвѣчалъ, что не можетъ этого сдѣлать, что другія знатныя русскія дамы оскорбятся такимъ предпочтеніемъ, оказываемымъ нѣмкѣ. Генеральша такъ терзалась во всю ночь, что на утро разрѣшилась мертвымъ младенцемъ. Исполняя указъ 1718 года о пополненіи кунсткамеры всѣми *монстрами и курьезами*, она должна была представить ребенка и отдать его на храненіе въ кунсткамеру. (перев. Аммона. Мос. 1858) (12)

Самые обыкновенные, семейные обѣды не обходились безъ странныхъ шутокъ. Зная слабость И. М. Головина (шуточнаго адмирала русскаго флота), слабость къ желе, Петръ приказывалъ ему отворять ротъ, вставалъ съ мѣста и отдѣливъ желе ножемъ, стаканъ за стаканомъ опрокидывалъ въ раскрытую глотку любимца. (12)

Или по данному знаку княгиня Черкасская начинала щекотать подъ шеей князя Трубецкаго (впослѣдствіи судьи надъ Минихомъ, Остерманомъ и друг.) Князь всякой разъ принимался ревѣть какъ теленокъ, котораго рѣжутъ, что вызывало единодушный смѣхъ царевень и всѣхъ присутствовавшихъ (12).

Карниловичъ, описывая жизнь Петербургскаго общества, въ царствованіе Петра, пренаивно замѣчаетъ: что во время торжественныхъ обѣдовъ того времени *только изрядка бывали небольшой шумъ и споры.*

Вліяніе общества неотразимо дѣйствовало на отдѣльныя личности. Женщины усвоивали себѣ черты суровости и твердости въ характерахъ. Вотъ любопытный анекдотъ, рассказанный по сему случаю однимъ путешественникомъ. Красавица царица Анна Петровна сдѣлалась предметомъ обожанія юнаго графа Апраксина. Молодой человекъ рѣшился открыть ей свое сердце и молилъ вознзти ему мечъ въ грудь и тѣмъ прекратить его мученія. «Дайте мнѣ вашу шпагу, спокойно отвѣчала Анна, я вамъ покажу, что дочь государя вашего, съумѣетъ наказать безумнаго, забывшаго къ ней почтеніе!» Апраксинъ испугался, вложилъ въ ножны саблю и молилъ о прощеніи (12).

Обращаюсь къ прерванному разсказу. Царевны и дамы Петровскаго двора наряжались, неутомимо посѣщали ассамблеи, маскарады, пиршества. Неутомимо танцовали и танцовали, но ни одна изъ нихъ не умѣла занять кого бы то ни было бесѣдою; платя дань современной модѣ они были чрезвычайно молчаливы и застѣнчивы. Петръ не любилъ музыки, не любилъ театръ, и вся его семья, а за ней все общество презирало эти удовольствія. Только княгини Каптемиръ, Черкасская и графиня Головина кое какъ умѣли играть на фортепяно, и то только потому, что нехотя выучились этой музыкѣ въ Швеціи, будучи тамъ съ своими родными; вообще же музыка была въ презрѣніи (12).

Отвлеченный дѣлами правленія отъ личнаго надзора за воспитаніемъ дочерей, государь предоставилъ это важное дѣло приставникамъ царевенъ. Сама Екатерина не могла быть руководительницею въ дѣлѣ воспитанія. Бѣдная сирота въ домѣ пастора Глюка, она такъ быстро дошла до престола, что не успѣла выучиться ни писать, ни читать. По свидѣтельству историковъ, достоверно то, что она не умѣла подписать свое имя.

Изъ гувернеровъ и гувернантокъ не было ни кого, который бы отличался многостороннимъ образованіемъ и могъ бы благотворно дѣйствовать на развитіе Елизаветы (13). Общество, ее окружавшее — намъ уже знакомо, и нѣтъ сомнѣнія, что на характеръ воспримчивый царевны имѣли большое вліяніе нянюшки, мамушки; нѣтъ сомнѣнія, что отъ

нихъ она усвоила предрасудки и нѣкоторыя другіе недостатки, на которые мы укажемъ въ своемъ мѣстѣ, забывая указать и на достоинства.

Вотъ изъ какихъ лицъ состоялъ штатъ прислуги царевны: Мама Андрѣева. Дѣвушки: Крестьяновна, Акулина Толстая, Анна Біата (вѣрно иностранка), Анна Юрѣева, Авдотья Лаврентьева. *Карлицы и шутихи*: Авдотья Павлова, Акулинья Тимофѣева. Мужчины: Петръ Климовъ, Алексѣй Полозовъ. Карликъ и шутъ, да трое калмыковъ (13).

Для того чтобы представить себѣ, хотя отчасти, будничное препровожденіе времени царевень, ихъ забавы у себя въ комнатахъ, виѣ ассамблей и офціальныхъ празднествъ, мы передаемъ нѣсколько замѣтокъ наблюдательнаго Берггольца о житиѣ Катерины Ивановны, Герцогини Мекленбургской, любительницы театровъ, долго жившей въ Германіи, женщины, не лишенной образованія (13).

«21 октября 1722 г., я воспользовался приглашеніемъ, пишетъ Бергголецъ, и отправился къ герцогинѣ. Приемъ былъ очень любезный, миѣ дали поцѣловать свои руки, какъ Катерина, такъ и Прасковья Ивановны. Последняя была больна; я ее встрѣтилъ въ спальнѣ, проходя въ гостиную. Когда я побылъ въ приемной комнатѣ, герцогиня позвала насъ (Бергголецъ былъ не одинъ) въ спальню, гдѣ полъ былъ устланъ краснымъ сукномъ, довольно новымъ и чистымъ. (Вообще, все убранство комнатъ очень плохо). Показывала намъ стоящую тутъ кроватку дочери, (впоследствии правительницы Анны Леопольдовны), за тѣмъ заставила какого то полуслѣпаго, крайне невзрачнаго бандурщика, довольно долго играть и пѣть свои и сестры своей любимыя пѣсни.....(13).

У нихъ по комнатамъ разгуливаетъ босикомъ какая то старая, слѣпая, безобразная и глупая женщина, которой позволяли стоять въ углу около насъ. Принцесса часто заставляеть плясать передъ собой эту старуху, весьма дурно одѣтую.....(14).

Но если образованіе царевны Лизаветы не могло быть удовлетворительно въ той средѣ, въ которой поставила ее судьба, то за то наружность ея отличалась красотой восхи-

тительною. Ея стройный станъ, ея большіе выразительные глаза, ея бѣлокурые волосы, правильныя черты лица, наконецъ рѣзвость, живость и граціозность движеній всѣхъ плѣнили. Всѣ писатели единогласно называютъ ее *прелестною* (14).

28 января 1722 года при празднованіи Ништатскаго мира въ Москвѣ, царевна Лизавета, на 14-мъ году отъ рожденія, была объявлена совершеннолѣтнею. Въ обширномъ деревянномъ балаганѣ, выстроенномъ среди Красной площади, данъ былъ обѣдъ знатнѣйшимъ сановникамъ имперіи. За тѣмъ государь роздалъ золотыя медали, въ честь заключеннаго мира. По окончаніи роздачи, императоръ взялъ за руку Елизавету, и вывелъ ее передъ все собраніе духовенства и вельможъ. Ему подали пожницы и онъ, въ присутствіи супруги, царевны Анны Петровны, герцога Голштинскаго, Синода, Сената, иностранныхъ министровъ, знатнѣйшихъ дамъ — отрѣзалъ ей крылышки, которыя царевна, по обычаю, до тѣхъ поръ носила сзади на платьѣ. Крылышки были переданы гувернанткѣ. Государь объявилъ царевну совершеннолѣтнею, обнялъ и нѣжно ее поцѣловалъ. Лизавета Петровна цѣловала руки отца и матери, за тѣмъ сама подносила всѣмъ присутствовавшимъ по стакану вина. Съ этого же времени, какъ она, такъ и Анна Петровна, вмѣсто царевенъ, стали титуловаться *цесаревнами* (14).

Еще на десятомъ году возраста Лизаветы, родители ея заботились о бракосочетаніи средней своей дочери. Основываясь на словахъ де-Лане, (выписаннаго въ Россію для мануфактуръ, сестра де-Лане была фрейлиною при царевнѣ) посланникъ Ла-Ви еще въ 1719 году, таинственными шифрами, писалъ въ Парижъ: что Петръ имѣетъ въ виду современемъ выдать Лизавету за Людовика XV. Государыня не однажды говорила дочери, что она ничего не требуетъ отъ нея, какъ только большаго прилежанія при изученіи французскаго языка, и что есть важныя причины для того, чтобы царевна Лизавета изучила этотъ языкъ, а не другой.

По поводу сего предположенія, государь писалъ нашему послу при французскомъ дворѣ, князю Долгорукову, отъ 21 мая 1721 года: «Понеже мы въ бытность свою во Фран-

ціи, много говаривали Виллероу и мамѣ королевской о сватанѣ за короля (одну) изъ нашихъ дочерей, а особливо за среднюю, понеже равнолѣтна ему, но пространно тогда, за скорымъ отъѣздомъ, не говорили, которое дѣло нынѣ вамъ поручаемъ, чтобы вы его, сколько возможность допустить производили, однакожъ, чтобъ то тайно было отъ регента, въ чемъ приложите свой трудъ».

Трудъ этотъ не увѣнчался успѣхомъ. Французское правительство стало сватать за юнаго короля Испанскую инфантину. Обстоятельство это объясняется тогдашними отношеніями Англіи и другихъ государствъ къ Франціи и Россіи. Регентъ былъ другъ Георга I-го, а король Англіи — недоброжелательствовалъ Петру. Государь устранялъ того и другаго отъ участія въ его сватовствѣ, и тотъ и другой были противъ него. Притомъ же бракъ Лизаветы съ Людовикомъ XV связывалъ родственнымъ союзомъ двѣ могущественныя державы, что возбуждало опасенія со стороны остальныхъ государствъ, которыя не забыли своихъ выгодъ и всячески противились желанію Петра (15).

Но государь, ради политическихъ своихъ видовъ, сильно желалъ породниться съ французскимъ дворомъ. Онъ стал хлопотать о выдачѣ Лизаветы за Принца Шартрскаго.

Началась дѣятельная переписка. По внушенію канцлера Шафирова, французскій посланникъ Кампредонъ, въ донесеніи своемъ отъ 31 октября 1721 года, представлялъ на видъ всѣ выгоды сего брака. Онъ сообщалъ по секрету, что царь, въ случаѣ согласія, употребитъ всѣ усилія къ возведенію принца на Польскій престоль.

Версальскій дворъ молчалъ, а между тѣмъ въ С. Петербургѣ, въ слѣдствіе писемъ герцога Пармскаго, какой то Итальянскій аббатъ завелъ переговоры (въ апрѣлѣ 1722 г.), о бракѣ Лизаветы съ принцемъ Испанскимъ Дономъ-Карлосомъ. Они кончились въ Іюнѣ того же года ничѣмъ.

24 іюля (1722 г.), Кампредонъ снова пишетъ о томъ же самомъ предметѣ; разсынается въ самыхъ лестныхъ похвалахъ Лизаветѣ, наконецъ заключаетъ донесеніе словами: цесаревна столь же умна, сколько и прекрасна.

На этотъ разъ старанія русскаго посла и донесенія Кампредона были успѣшнѣе. Въ октябрѣ французскій дворъ вошелъ въ переговоры, и сталъ дѣлать разныя предположенія по сему случаю.

Въ февралѣ 1723 г. Кампредонъ имѣлъ ауденцію у государя. Выславъ изъ комнаты Остермана, императоръ и императрица много и долго говорили съ посломъ о предстоявшемъ супружествѣ Лизаветы. Хельницъ (?) сообщилъ французскому правительству, на какихъ условіяхъ можетъ совершиться сей бракъ. Переговоры шли безостановочно. 12 марта 1723 г. Кампредонъ послалъ проектъ трактата о бракосочетаніи. Въ двухъ тайныхъ статьяхъ постановлялось, чтобы Россія доставила принцу Польскую корону. Посоль тутъ же писалъ, что препятствія на счетъ вѣры могли бы быть значительны, но что, вѣроятно, царь мало будетъ затрудняться симъ обстоятельствомъ, почему и шѣтъ нужды настаивать на этой статьѣ.

Дѣло быстро подвигалось къ развязкѣ, какъ вдругъ, къ счастью или несчастью Лизаветы, и къ большому огорченію ея родителей, французскій принцъ скончался въ декабрѣ 1723 года (16).

Спустя годъ снова представилась возможность Петру породниться съ Людовикомъ XV. Вслѣдствіи несогласія короля и другихъ обстоятельствъ, переговоры о бракѣ съ инфантинной прекратились, невѣста была отправлена въ Испанію. Государь, несказанно обрадованный, послалъ князя Куракина возобновить прежнее сватовство (17).

...Зѣло бы мы желали, писалъ онъ Куракину, 16 января 1725 года, чтобы король намъ зятемъ былъ; въ чемъ гораздо прошу всевозможные способы къ тому употребить и твой трудъ по крайней возможности».

Письма Куракина показываютъ, что онъ всячески старался выполнить волю монарха: переговоры ведены были съ большимъ жаромъ (17).

Къ этому же времени относится слѣдующее обстоятельство, имѣющее отношеніе къ ряду предположеній и переписокъ о бракосочетаніи Лизаветы. Петръ вызвалъ къ себѣ на службу принца Людовика Гессенъ-Гомбургскаго,

который поступилъ въ русскую службу, въ чинѣ Полковника. Манштейнъ повѣствуетъ, что Петръ готовъ былъ выдать за принца-полковника свою дочь Лизавету, что смерть Петра уничтожила это намѣреніе, объ которомъ никто больше и не думалъ. Извѣстіе это не заслуживаетъ вѣроятія. Императоръ не рѣшился бы никогда выдать дочь за чело-вѣка, не имѣвшаго политическаго значенія, ничтожнаго въ нравственномъ. Принцъ Гессенъ-Гамбургскій, по свидѣ-тельству Манштейна, былъ чело-вѣкъ безъ всякаго обра-зованія, безъ правилъ, безъ вкуса, сварливый, слабый .. (17).

Не хорошо аттестовалъ его впоследствии и фельдмар-шалъ Минихъ: «Принцъ Гессенъ - Гамбургскій весьма вспыльчивъ и золъ, не соблюдаетъ никакого чинопочитанія, имѣетъ блѣдное лицо, не имѣетъ во время боя твердой рѣ-шимости, не годится къ полевой службѣ» (17).

Въ то время какъ шли переговоры съ Франціей, 28 ян-варя 1725 года не стало Петра. 10 марта тѣло государя отнесено была, вмѣстѣ съ тѣломъ его семилѣтней дочери Натальи, въ это же время умершей отъ оспы, въ Петро-павловскій соборъ. Въ печальной, похоронной процес-сіи шла 16-ти-лѣтняя Лизавета, заливаясь горячими сле-зами (17).

II.

Заговоръ противъ Екатерины и царевенъ. — Переговоры о бракосочетаніи Лизаветы. — Предложеніе Остермана. — Свадьба Анны Петровны. — Празд-нества. — Приѣздъ принца епископа Любекаго. — Смерть Екатерины I.

1725 — 1727.

Съ кончиною преобразователя Россіи, повѣствуютъ нѣ-которые писатели, государынѣ и цесаревнамъ угрожала большая опасность. Князья Голицыны, Трубецкіе, Долго-руковы, Куракины, Рѣпинны, Лопухины, Нарышкины и др. составили обширный заговоръ. Цѣль замысла не была у всѣхъ общая. Одни настаивали на введеніи конституціон-наго правленія, другіе стояли за водареніе Петра II-го, вмѣстѣ съ возстановленіемъ старинныхъ обычаевъ; но та и другая партія сходились на одномъ: на необходимости заточить въ монастырь Катерину съ ея дочерьми. Дѣятель-ныя мѣры, принятыя Ягужинскимъ, графомъ Бассевичемъ

и въ особенноти княземъ Меньщиковымъ разрушили замысль; Екатерина была провозглашена императрицей; вельможи и войско поспѣшили присягою закрѣпить ей свою вѣрность (18).

Когда новый порядокъ вещей утвердился, когда броженіе умовъ успокоилось, Екатерина снова обратилась къ пеканію достойнаго жениха Лизаветѣ. Князь Меньщиковъ неоднократно представлялъ французскому послу всѣ выгоды бракосочетанія Людовика XV съ русской цесаревной. Въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ отзывался о ея свойствахъ и достоинствахъ, увѣрялъ, *что по своему характеру, она легко приспособится къ французскимъ правамъ, что въ отношеніи вѣры не встрѣтится никакихъ затрудненій, что вмѣстѣ съ рукою цесаревны, король пріобрѣтетъ въ Россіи могущественную союзницу, которая поддержитъ его притязанія на Польскую корону* (18).

На всѣ эти доводы Камредонъ отвѣчалъ, что предложеніе князя щекотливо, что король, отославъ инфантину, вѣроятно, принялъ другое намѣреніе на счетъ своей женитьбы. Было бы лучше, заключилъ посланникъ, если бы императрица сдѣлала это предложеніе черезъ своего министра въ Парижѣ (18). «Этого то именно она и не хочетъ, отвѣчалъ Меньщиковъ, государыня имѣетъ къ вамъ довѣренность и увѣрена, что вы исполните ея порученіе со всевозможнымъ усердіемъ.»

Камредонъ обѣщалъ и, исполняя обѣщаніе, возобновилъ переписку по сему дѣлу. Расхваливая Лизавету, посолъ доносилъ такъ: цесаревна пишетъ и хорошо говоритъ по-французски; говоритъ по-нѣмецки и ловка въ обращеніи, не смотря на *малыя дарованія особъ, заботившихся о ея воспитаніи.*

Въ отвѣтъ на эти письма и предложенія, государыня съ величайшею досадою узнала, что Людовикъ XV заключилъ брачный договоръ съ Англійскою принцессою, второю дочерью принца Валлійскаго.

Начались толки о женитьбѣ герцога Бурбонскаго съ Лизаветою, но герцогъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ предложеніи, онъ просилъ руки нѣмецкой принцессы. Между

тѣмъ, Петербургскій дворъ узналъ, что брачный договоръ съ Англійскою принцессою разстроился; Меньщиковъ снова обратился къ Камредону. Удивлялся тому, что Франція сама не блюдетъ своихъ выгодъ; заключала же она съ Россіей родственные союзы — Генриха I-го съ Анною Ярославною, что тогдашнее значеніе Россіи было ничтожно въ сравненіи съ нынѣшнимъ и проч. Чтобы побудить французское правительство на согласіе, распущена была молва: будто бы Англійскій король искалъ руки Лизаветы для одного изъ своихъ внуковъ.

Только съ извѣстіемъ о бракосочетаніи Людовика XV съ Маріей, дочерью короля Польскаго, Станислава Лещинскаго, Екатерина перестала надѣяться видѣть свою дочь на французскомъ престолѣ.

Разсказываютъ современники еще объ одномъ проэктѣ: выдать цесаревну за сына Маркграфа Альберта и отдать въ приданое Курляндію; но едва ли и существовало подобное предположеніе (19).

Между тѣмъ царствованіе Екатерины было весьма не спокойно. Перемены въ административномъ управленіи, кончившіяся разъединеніемъ властей, ослабленіе власти Сената и Синода, деспотизмъ князя Меньщикова, управлявшаго Россіей, какъ своей вотчиною, все это возбуждало всеобщій ропоть. Партія недовольныхъ росла. Въ народѣ бродили тревожные слухи... Тайная канцелярія, по настоянію Меньщикова, терзала въ застѣнкахъ обвиненныхъ, виновныхъ и чаще невинныхъ (20).

Правительство сильно было встревожено волненіемъ умовъ и со страхомъ ждало сильныхъ переворотовъ въ государствѣ. Члены Верховнаго Совѣта (Верховники, какъ ихъ тогда называли), предлагали различныя проэкты къ огражденію престола отъ возможныхъ потрясеній. Замѣчательнѣе всѣхъ была мысль барона Остермана. Онъ предлагалъ, какъ лучшее средство къ водворенію спокойствія въ имперіи, сочетать бракомъ великаго князя Петра Алексѣевича (род. 12 октября 1715 г.), съ его теткой родной Лизаветой (род. 18 Декабря 1709 г.) Остерманъ слѣдующими доводами уничто-

жалъ препятствія къ сему браку, т. е. близость родства и разность лѣтъ:

«Никакого вящаго несчастія государству приключиться не можетъ», писалъ Остерманъ, «и никакое раздѣленіе такъ опасно есть, какъ когда у онаго формальнаго наслѣдственнаго порядка и наслѣдника нѣтъ....» Далѣе говоритъ онъ, «что супружеское сіе обязательство, предпринимаемое между близко сродными персонами, можетъ касаться только до однихъ подданныхъ, живущихъ *подъ правительствомъ*, но не до высокихъ государей и самовластной державы, которая не обязана исполнять во всей строгости свои и предковъ своихъ законы, но оныя по своему изволенію и волѣ отмѣнять свободную власть и силу имѣеть, особливо когда отъ того зависитъ спасеніе и благополучіе толь многихъ миліоновъ людей...» и т. д. (20).

Представленіе Остермана, пишутъ Арсеньевъ и Каменскій, по странности своей и рѣшительному несогласію съ догматами вѣры, было отвергнуто. Нѣтъ сомнѣнія, что эти слова на чемъ нибудь основаны. Тѣмъ не менѣе, какъ отраженіе слуховъ и толковъ того времени, для насъ любопытны донесенія Кампредона:

Должно быть, по предложенію Басевича, (писалъ агентъ французскій, въ ноябрѣ 1725 г.), государыня приказала узнать мнѣніе Синода о томъ, можетъ ли великій князь Петръ жениться на своей теткѣ. Синодъ отвѣчалъ, что это не можетъ быть дозволено, ни Божескими, ни человѣческими законами (20). Не смотря на мнѣніе Синода, доносить Кампредонъ въ декабрѣ того же года, послано просить у вселенскихъ патріарховъ разрѣшеніе на этотъ столь странный бракъ. Очень многіе были убѣждены, что разрѣшеніе выйдетъ, бракъ состоится и престоль утвердится за обвѣнчавшимися племянникомъ и теткой. Нашъ дворъ велъ по этому поводу переговоры съ Вѣнскимъ правительствомъ, и на всѣхъ празднествахъ и балахъ, Петръ являлся не лучшимъ съ Лизаветой (21).

Въ то время, какъ для Елизаветы, послѣ тщетныхъ поисковъ достойнаго жениха между иностранными принцами,

нашли его среди кровныхъ родственниковъ, сестру ея Анну выдали за Карла Фридриха герцога Голштейнъ-Готторбскаго.

21 мая 1725 года, въ Троицкомъ Соборѣ, что на Петербургской сторонѣ, совершенно былъ обрядъ вѣнчанія. Въ особо устроенномъ залѣ лѣтняго дворца, шумно и весело отпраздновали свадьбу. Вся царская фамилія принимала живѣйшее участіе въ торжествѣ, цесаревна Лизавета и великая княжна Наталья Алексѣевна были близкими дѣвицами невѣсты. Всѣ блистали необыкновенною пышностью нарядовъ и головныхъ уборовъ (21).

Вообще празднества на разные случаи и ассамблеи скоро возобновились послѣ смерти Петра. При Катеринѣ онѣ приняли болѣе приличный видъ. Компаты, гдѣ танцевали, очистились отъ табачнаго дыма, перестали опивать изъ штрафнаго кубка водкой; толпы шутовъ, дураковъ и скомороховъ на время выгнаны и изъ дворца, и изъ общественныхъ собраній. Стали заводится карточныя игры. Между дамами и дѣвицами незнаніе танцевъ уже считалось стыдомъ.

Семнадцатилѣтняя красавица Лизавета блистала на всѣхъ собраніяхъ. Ловкая, живая, граціозная и веселая, она была царицею баловъ. Но суровые сановники съ неудовольствіемъ видѣли въ ней излишнее пристрастіе къ подобнымъ забавамъ, и осуждали вѣтреность ея характера.

Государыня страстно любила своихъ дочерей. Съ выдачей за мужъ старшей, младшая при ней была безотлучно. Лизавета читала матери нужные бумаги и акты, она же, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, подписывала всѣ указы именемъ своей матери (21).

Въ началѣ 1726 года, императрица возложила на Лизавету орденъ Св. Екатерины; тотъ же орденъ получила и Д. М. княгиня Меншикова. Но въ то время, когда все улыбалось любимцу счастья, большая партія его противниковъ воспользовалась первымъ случаемъ, чтобы шизпровергнуть временщика. Отъѣздомъ его въ Курляндію Девіеръ, Толстой, Ушаковъ и друг., воспользовались какъ нельзя лучше. Императрица была возбуждена противъ своего любимца; надъ нимъ нарядили комиссію, всѣ съ потеряннѣмъ

ждали гибели Меньшикова. Но Бассевичъ, пріятель князя, убѣдиль заступиться за него герцога Голштинскаго. Слабый, безхарактерный герцогъ, противъ своихъ выгодъ, спасъ фаворита. Онъ остался въ прежней силѣ и съ прежнею властію правителя, которой и воспользоваться для страшной мести надъ своими врагами....

Для насъ этотъ случай важенъ по слѣдующему обстоятельству. Неумѣстное заступничество герцога возбудило противъ него и вообще противъ голштинцевъ злобу всѣхъ Верховниковъ, министровъ, вельможъ, придворныхъ, всѣхъ многочисленныхъ недоброжелателей Меньшикова (22).

Негодование до того было явно, что когда прибылъ въ Петербургъ, въ 1726 г. 11 октября, двоюродный братъ герцога, принцъ епископъ Любскій Карлъ Августъ, то императрица, сильно желавшая выдать за него Лизавету, старалась всячески скрыть это намѣреніе и свое благоволеніе къ принцу. Не раньше, какъ только въ своемъ завѣщаніи, государыня рѣшилась назвать его женихомъ своей дочери.

Вечеромъ 6-го мая 1727 года, Катерина скончалась на 44 году отъ рожденія.

III.

Завѣщаніе императрицы. — Отъѣздъ герцогини Голштинской Анны Петровны. — Паденіе Меньшикова. Партія. — Переговоры о бракосочетаніи Лизаветы. — А. Б. Бутурлинъ. — Ссора цесаревны съ государемъ. — Смерть Петра II-го. —

1727 — 1730.

Лишь только скончалась государыня, Меньшиковъ поставилъ у всѣхъ выходовъ дворца сильные караулы и на другой же день, рано по утру, пригласилъ во дворецъ великаго князя Петра Алексѣевича, герцога и герцогиню Голштинскихъ, цесаревну Елизавету, вельможъ и именитѣйшее духовенство. Предъ всѣмъ собраніемъ Меньшиковъ громогласно прочелъ завѣщаніе Екатерины.

Завѣщаніе это было сочинено графомъ Бассевичемъ (23), разумѣется подъ диктовку Меньшикова. «Всѣ бумаги и указы въ царствованіе Екатерины подписывались цесаревной Елизаветой, герцогомъ Голштинскимъ и Меньшиковымъ, о томъ положительно извѣстно, пишетъ Саксонскій посолъ Лефорть

27 сентября 1727 года, что большая государыня не только не читала, но и ничего не знала о завѣщаніи, составленномъ отъ ея имени».

Справедливо ли несправедливо это извѣстіе, но великій князь Петръ Алексѣевичъ, на основаніи сего акта, былъ объявленъ императоромъ. За его малолѣтствомъ, надъ нимъ учреждалось регентство изъ десяти лицъ. Въ числѣ ихъ были герцогъ съ герцогинею Голштинскою и Лизавета. Слѣдующіе пункты завѣщанія относились къ нимъ.

8. Если великій князь скончается безъ наслѣдниковъ, то послѣ него вступаетъ на престолъ герцогиня Голштинская, потомъ цесаревна Елизавета, и наконецъ великая княгиня Наталья Алексѣевна съ ихъ потомствами, такъ однако, чтобы мужское колѣно имѣло преимущество предъ женскимъ; если же не останется никого изъ потомковъ фамиліи нашей, то наслѣдовать престолъ долженъ ближайшій и старѣшій родственникъ нынѣ царствующей въ Россіи фамиліи, мужскаго пола; но ни одна изъ царствующихъ уже гдѣ либо особъ, или исповѣдующихъ грекороссійскій законъ, не можетъ быть на престолѣ Россійскомъ.

9. Такъ какъ обѣ наши дочери уступаютъ свое право на престолъ великому князю, то должно выдать каждой изъ нихъ, кромѣ приданого, состоящаго изъ 300,000 рубл., по милліону рублей, которые вылатить, если не вдругъ, то въ продолженіе малолѣтства великаго князя. Деньги сіи, равно какъ и приданое, ни подъ какимъ предлогомъ, ни отъ нихъ, ни отъ супруговъ или дѣтей не требовать; также послѣ нашей кончины обѣ дочери наши наслѣдуютъ бриліанты, золото, серебро, мебели, экипажи, лично намъ принадлежащіе. Что касается до деревень, нашу собственность составляющихъ, то онѣ должны быть раздѣлены между ближайшими, кровными нашими родственниками.

10. Во время пребыванія обѣихъ нашихъ дочерей въ Россіи, кромѣ назначенныхъ имъ въ предъидущей статьѣ денегъ, выдавать имъ ежегодно по 100,000 рублей.

11. Дочь наша, цесаревна Лизавета Петровна имѣетъ сочетаться бракомъ съ Голштинскимъ герцогомъ и еписко-

помъ Любскимъ, на что мы даемъ наше материнское благословеніе п. т. д.

Ручательство Римскаго императора гарантировало исполненіе сего завѣщанія, которому суждено было не исполниться во многихъ статьяхъ. Такъ смерть лишила цесаревну новаго, на этотъ разъ ей завѣщаннаго жениха: епископъ Любскій скончался прежде обрученія, отъ сильной простуды, 1-го іюня 1727 года, въ Петербургѣ. (24)

И такъ этотъ пунктъ духовной не могъ быть выполненъ; что касается до остальныхъ, то и они были нарушены властолюбивымъ Меньщиковымъ. Въ его полной власти находился державный отрокъ. Онъ былъ окруженъ семействомъ, за нимъ слѣдили клеветы и сторонники временщика. Меньщиковъ сдѣлался единственнымъ опекуномъ Петра, и не потитлу, а по существу былъ истиннымъ регентомъ. — Совѣтъ или вовсе не собирався, или созывался только тогда, когда Меньщиковъ хотѣлъ изумить своихъ сочленовъ какимъ либо новымъ свидѣтельствомъ своего возвеличенія (24).

Надменный правитель, недовольствуясь всѣми почестями и безпредѣльною властію, имъ самимъ присвоенною, интриговалъ еще противъ важнѣйшихъ своихъ сочленовъ: противъ герцога и герцогини Голштинскихъ. Опасаясь ихъ вмѣшательства въ дѣла правленія, онъ долго и упорно ихъ преслѣдовалъ; отказывалъ въ просьбахъ, обращался съ ними сурово-надменно и презрительно. Несчастный герцогъ рѣшился уклониться отъ преслѣдованій. Въ концѣ іюля 1727 года, онъ оставилъ Россію навсегда. 4-го Мая слѣдующаго года Анна Петровна скончалась, произведши на свѣтъ сына Карла-Петра-Ульриха, въ послѣдствіи императоръ Петръ III.

Съ отъѣздомъ сестры, 18-ти лѣтняя цесаревна Лизавета, во всемъ блескѣ красоты, осталась одна посреди обольщещей свѣта; безъ руководителей и просвѣщенныхъ наставниковъ, она не получила любви ни къ дѣламъ государственнымъ, ни къ какимъ либо серьезнымъ занятіямъ; чужда была желанія господствовать въ Совѣтѣ, уклонялась отъ всякаго участія въ правленіи, пламенно любила придворные праздники, всякаго рода увеселенія, забавы и танцы. Вотъ почему она не имѣла значенія, не внушала и того уваженія,

которое оказывали ей сестрѣ Аннѣ Петровнѣ, бывшей, по словамъ современника: *умильною собой, пріемной и умной*. Напротивъ, на цесаревну не обращали вниманія и гордый временщикъ не считалъ нужнымъ противъ нее крамольничать. Елизавета была равнодушна ко всему этому, она и незамѣчала той незавидной роли, которая выдалась ей въ числѣ *верховниковъ* государства. Она довольствовалась внѣшнимъ почетомъ, который продолжали ей оказывать, какъ теткѣ императора. (25)

Въ числѣ главныхъ дѣятелей сего времени былъ Остерманъ. Подъ его вѣдѣніемъ находилось множество дѣлъ, онъ умѣлъ сдѣлаться столь полезнымъ, что ни въ одной Коллегіи нерѣшался дѣла безъ его вліянія. Буде собирались члены для рѣшенія какого нибудь дѣла и между ними не было Остермана, они только пили водку и всегда кончали тѣмъ, что обращались за совѣтомъ къ Остерману, который какъ нельзя лучше, управлялъ ими. Этотъ-то искусный человѣкъ сталъ во главѣ партіи недовольныхъ Меньщиковымъ. Ловко спискавши уваженіе всѣхъ членовъ царской фамиліи и даже цесаревны Елизаветы, всегда его не любившей, Остерманъ ниспровергнулъ Меньщикова въ минуту, когда тотъ достигъ всего, чего можетъ только достигнуть поданный. (25)

Но съ ссылкою временщика въ Березовъ, положеніе двора не улучшилось. Открылись интриги; окружающіе государя раздѣлились на враждебныя другъ другу партіи. Каждая изъ нихъ старалась захватить въ свои руки кормило правленія, вышущенное изъ отроческихъ рукъ государя. Дворъ наполнился честолюбивыми вельможами, ссорившимися, терзавшими другъ друга и цѣлую Россію. (26)

Въ этой общей неурядицѣ, поведеніе Елизаветы, державшей себя, по своему характеру, вдали отъ всѣхъ козней и интригъ, было очень благоразумнымъ. Дюкъ Лирійскій хвалитъ за это цесаревну. Но Елизавета Петровна дѣйствовала такъ не столько по расчетамъ благоразумія и политики, сколько по своей безпечности Какъ-бы то ни было, но ласковое обращеніе ея съ вельможами, уваженіе къ Остерману, все это пріобрѣло ей довѣренность и расположе-

ніе молодого государя. Пользуясь этимъ, цесаревна могла бы, властвовать его именемъ и подавить крамолы вельможъ. Но для этого у нея не было ни твердости, ни рѣшимости.

А между тѣмъ расположеніе государя къ теткѣ уже вызвало боязнь со стороны Долгорукихъ, ревниво оберегавшихъ власть надъ юнымъ самодержцемъ. Супружество было лучшимъ предлогомъ удалить отъ двора опасную цесаревну. Графъ Морицъ Саксонскій просилъ ея руки. Верховники благосклонно приняли его просьбу. Въ то же самое время, престарѣлый герцогъ Курляндскій Фердинандъ, не думая о смерти, думалъ о женитьбѣ: онъ также сватался за дочь Петра I. Но ей удалось сохранить свою независимость, устранивъ предложеніе какъ герцога Курляндскаго, такъ и претендента на его корону (26).

Спокойно, весело и беззаботно проводилъ время царь, среди тревожнаго двора своего, вовсе не подозрѣвая партій столь гибельныхъ для имперіи. Не любя наставленій Остермана, не любя серьезныхъ занятій, онъ проводилъ время въ пріятномъ для него обществѣ Ивана Долгорукаго, тетки Лизаветы и сестры Наталіи. Къ нимъ государь питалъ почти одинакую любовь и расположеніе. «Но я не ручаюсь впрочемъ, писалъ Дюкъ Лирійскій въ январѣ 1728 г., надолго ли останется подобное положеніе дѣлъ. Не ручаюсь, чтобъ черезъ недѣлю не случилось чего нибудь, совершенно противнаго нынѣшнему состоянію двора, ибо нѣтъ въ Европѣ двора, непостояннѣе здѣшняго» (27).

Испанскій посоль былъ правъ. Алексѣй Долгорукій, стремясь къ исключительному управленію государемъ и государствомъ, съ удивительнымъ искусствомъ умѣлъ охладить дружбу и любовь Петра къ сестрѣ, а потомъ и къ теткѣ.

Не проникнувъ замысла лукаваго царедворца, Лизавета, возбуждаемая его клеветами, стала съ презрѣніемъ и холодностью обращаться съ Натальей.—Во вредъ себѣ стала вооружать государя противъ сестры. Въ это же время Иванъ Долгорукій, орудіе отца своего, всячески отдалялъ монарха отъ княжны и старался сблизить его съ красавицей-теткой. Очарованный ея прелестями, Петръ предался теткѣ со всѣмъ

пыломъ молодости, являлъ ей торжественно свою любовь, ее только искалъ въ собраніяхъ, слѣпо исполнялъ ея просьбы.

«Принцесса Елизавета, писалъ Англійскій посоль Рондо, пользуется въ настоящее время особымъ расположеніемъ царя. Она прекрасна, любитъ все то, что правится царю, т. е. танцы, охоту, въ которую государь просто влюбленъ. Не стану говорить о другихъ склоностяхъ общихъ теткѣ и ея племяннику..... До сихъ поръ цесаревна вовсе не мѣшается въ дѣла государственныя, она вся погружена въ забавы, и всюду, на всѣхъ празднествахъ, юный монархъ отъ нея не отходитъ» (27).

Это то расположеніе царя къ теткѣ вызываетъ новыя козни. Власть Елизаветы пугаетъ Долгорукихъ, они стараются очернить ее предъ государемъ и посѣять между ними раздоръ.

Князья Голицыны, партія враждебная Долгорукимъ, чрезъ посредство Елизаветы, вознамѣрились завладѣть Петромъ. Орудіемъ своей интриги они употребили А. Б. Бутурлина (27). Молодой Бутурлинъ, какъ камергеръ двора Елизаветы, имѣлъ къ ней свободный доступъ и успѣлъ вызвать расположеніе со стороны цесаревны. Это обстоятельство доставило Бутурлину любовь и дружбу государя, потомъ орденъ Св. Александра Невскаго, чинъ генераль-маіора, мѣсто въ рядахъ кавалергардскаго корюса (28).

Но скоро расположеніе Елизаветы было представлено государю въ дурномъ свѣтѣ. Петръ пересталъ съ ней говорить, пересталъ кланяться. 5-го сентября 1728 года, въ день своихъ именинъ, цесаревна созвала въ свой дворецъ много гостей къ именинному обѣду. Государь пріѣхалъ къ самому ужину и, по окончаніи его, не дождавшись начала бала, уѣхалъ. Никогда еще, пишетъ очевидецъ, не показывалъ его величество такого явнаго нерасположенія къ своей теткѣ. Но та не замѣчала, или умышленно не обращала на это вниманія, была весела и много танцевала.

Въ октябрѣ того же года, посоль Прусскій, графъ Вратиславскій, въ слѣдствіе повелѣнія своего кабинета, сдѣлалъ предложеніе о бракосочетаніи цесаревны съ Карломъ, маркграфомъ Бранденбургскимъ Байретейтскимъ. Переговоры

объ этомъ предложеніи были прерваны государемъ. Думая, что бракъ этотъ пріятенъ Лизаветѣ, Петръ, изъ личнаго къ ней перасположенія, отказалъ жениху. (28)

Впрочемъ, авторъ замѣчаній на записки Манштейна говоритъ, что переговоры тянулись до смерти Петра II-го. Съ воцареніемъ Анны Ивановны, Прусскій дворъ перемѣнилъ предметъ своихъ исканій. Онъ всячески старался женить принца на царской племянницѣ, Аннѣ Леопольдовнѣ. Дѣло шло успѣшно, портретъ Маркграфа висѣлъ уже въ кабинетѣ невѣсты, но интриги Вѣнскаго двора измѣнили ходъ переговоровъ. Портретъ сняли, а руку Анны Леопольдовны отдали Антону-Ульриху, племяннику императора Карла VI. (28)

Въ февралѣ 1729 года дворъ, вслѣдъ за государемъ и его теткой, переѣхалъ въ Москву. Бутурлинъ былъ отправленъ въ Украину, съ полками, въ апрѣлѣ 1729 года. Съ этого то времени Елизавета не имѣла при дворѣ ни партій, ни подпоры, она даже находилась подъ стѣснительнымъ надзоромъ Долгорукихъ.

Петръ проводилъ время на охотѣ, въ обществѣ своихъ любимцевъ. — Нелюбезная ему тетка, проводила весну и лѣто въ селѣ Покровскомъ, отсюда ѣздила въ Измайлово, гдѣ, въ обществѣ Катерины Ивановны и ея родныхъ, занималась рукодѣліями, пряла шелкъ, ткала холсты, вышивала церковныя облаченія и велены. Зимой тамъ строились для катаній снѣжныя горы; преданіе гласитъ, что цесаревна особенно любила кататься на конькахъ, на пруду. — Въ Измайловѣ имѣло доступъ и драматическое искусство. Катерина Ивановна сама распоряжалась ходомъ спектаклей. Въ антрактахъ выходили на сцену шуты и шутихи, они потѣшали невзыскательныхъ зрителей плясками съ припѣвами и всякаго рода фарсами. Въ Измайловѣ и Покровскомъ цесаревна развлекала себя охотою за зайцами, бывали и псовыя охоты. (29)

7-го Мая 1729 года въ память восшествія на престолъ государя, былъ большой балъ. Цесаревна, подъ предлогомъ нездоровья, не явилась на него, а на другой же день выздоровѣла. Подобныя поступки конечно не могли примирить ее съ племянникомъ; Долгорукіе, искусно распаливши ссору, имѣли въ виду заточить Лизавету въ монастырь и вѣроятно

уси́ли бы въ своемъ намѣреніи, еслибы самъ его не оставили, какъ дѣло совершенно бесполезное: Елизавета не была уже для нихъ опасна (29)!

19-го Января 1730 года императоръ скончался, послѣ непродолжительной, но жестокой болѣзни оспою, на 15-мъ году отъ рожденія. Съ смертію Петра II-го пресѣклось мужеское колѣно дома Романовыхъ.

IV.

Дѣйствія Верховнаго Совѣта при избраніи государя. — Анна Ивановна принимаетъ власть самодержицы. — Замыслы въ пользу цесаревны Елизаветы. — Ея жизнь въ селѣ Покровскомъ. — Шубинъ. — Мысль о заточеніи Елизаветы въ монастырь. — Жизнь въ Петербургѣ. — Аудиенція Китайскаго посла. — Праздникъ по случаю взятія Данцига. — Бракъ Анны Леопольдовны. — Казни Долгорукихъ. — Миръ съ Турками. — Забавы при дворѣ Анны Ивановны. — Рожденіе Іоанна. — Распоряженія о престолонаслѣдіи.

Болѣзнь и смерть Анны Ивановны.

1730 — 1740.

При одрѣ умирающаго государя Долгорукіе соединились съ Голицыными и рѣшились, не упуская удобнаго случая, при избраніи новаго монарха, ограничить власть самодержавную. Всѣ верховники, исключая уклончиваго Остермана, согласились съ этимъ предложеніемъ. Начались долгіе споры о лицахъ, достойныхъ взойти на престолъ. Слышались различныя предложенія за государышо — невѣсту (такъ называлась Катерина Долгорукая), (30) за Авдотью Оедоровну Лопухину, бабу покойнаго императора. Завѣщаніе Катерины I-й, своевременно обнародованное и отпечатанное въ вѣдомостяхъ, было всѣмъ извѣстно и всѣ избиратели единогласно отрицали права Елизаветы на отцовскій престолъ. Ея двухъ-лѣтній племянникъ, сынъ покойной Анны, и она, цесаревна, — въ силу завѣщанія, были ближайшими наследниками престола. Но Голицыны, Долгорукіе, а за ними и другіе сановники, не упоминая о Петрѣ III-мъ, говорили, что Елизавета слишкомъ молода (ей шель 21-й годъ), слишкомъ любитъ развлеченія и забавы. Во всемъ собраніи сановниковъ не раздавался ни одинъ голосъ въ защиту прекрасной царевны. Вотъ что писалъ объ этомъ Французскій посоль Маньянъ, два мѣсяца спустя, 3-го апрѣля: (30).

«Принцесса Елизавета вовсе не показывалась въ Москвѣ въ продолженіе всѣхъ толковъ о томъ, кто будетъ избранъ на престолъ. Она жила въ деревнѣ и, не смотря на просьбы своихъ друзей, готовыхъ ее поддержать, друзей, которые умоляли ее явиться въ Москву и своимъ присутствіемъ дать благопріятный оборотъ дѣлу, Елизавета не раньше явилась въ городъ, какъ по избраніи Анны Ивановны. Впрочемъ, говорить Маньянъ, если бы она и явилась своевременно, то и тогда бы не приобрѣла себѣ сторонниковъ среди именитыхъ сановниковъ, расположавшихъ судьбою царства. Царствованіе Екатерины 1-й, ознаменованное деспотизмомъ Меньшикова, еще слишкомъ было свѣжо въ ихъ памяти боялись новаторенія его со вступленіемъ на престолъ Елизаветы.

Манштейнъ рассказываетъ, что вопреки всѣмъ дѣйствіямъ Верховнаго Совѣта, Елизавета могла бы воспользоваться своими правами на престолъ и получила бы корону, если бы послѣдовала совѣтамъ своего доктора Лестока. Государь скончался въ два часа ночи. Докторъ, въ ту-же ночь получа о семъ извѣстіе, паскоро одѣлся, поспѣшилъ въ спальню снавшей цесаревны, разбудилъ и настойчиво просилъ ее собрать гвардію, показаться народу и отправиться въ Сенатъ, гдѣ предъявить свои права на корону (31).

Достовѣрно извѣстно, что кончавшаяся уже болѣзнь, не дозволила цесаревнѣ явиться гвардіи, народу и Сенату. Въ рѣшительную минуту она не могла оставить покоевъ, герцогиня Курляндская была избрана на царство. 20 Геиваря 1730 Маньянъ (31) писалъ въ своей депешѣ: Министры и уполномоченные разныхъ дворовъ были изумлены подобнымъ выборомъ. Никто изъ нихъ и не думалъ о дочеряхъ Ивана Алексѣевича. Всѣ были убѣждены, что корона достанется кому-нибудь изъ трехъ: сыну герцога Голштинскаго, цесаревнѣ Елизаветѣ или Катеринѣ Долгорукой. Но лишь только сдѣлались извѣстны условія, съ которыми предложена корона герцогинѣ Курляндской, тогда сейчасъ же объяснилась тайная причина столь страннаго предпочтенія (32).

Дѣйствія верховниковъ не увѣнчались желаемымъ успѣхомъ. Составился обширный заговоръ упросить госуда-

рыню принять, вмѣсто власти ограниченной, власть самодержавную, ничѣмъ не ограниченную. Написаны и подписаны два прошенія. Явилась и введена къ императрицѣ толпа просителей... Всѣ подробности, относящіяся къ восшествію на престоль Анны Ивановны, необыкновенно интересны, но, разумѣется, не въ сочиненіи льстиваго, и лукаваго Прокоповича, а въ сочиненіяхъ, подобныхъ: *La Cour de la Russie il y a cent ans, 1725 — 1783. Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français.* Berlin 1858 (73).

Къ этой книгѣ отсылаемъ читателей нашего очерка, позволяя себѣ остановиться на отрывкѣ изъ письма de Bussy, французскаго агента, который въ слѣдующихъ словахъ отъ 25 февраля 1730 рисуетъ лобопытную сцену моленій толпы дворянъ, о принятіи царицей власти предшественниковъ ея. «Гвардейскіе и другіе офицеры, стоявшіе предъ трономъ, объявили, что они не хотятъ налагать законы на ихъ государыню, что власть ея должна быть столь же не ограничена, какъ и власть ея предшественниковъ. Энтузіазмъ ихъ до того увеличился, что они распростерлись у ея ногъ съ криками: «Государыня, мы твои слуги, твои подданные Мы служили твоимъ предшественникамъ, и мы готовы пожертвовать жизнью на службу вашему величеству, но мы не можемъ страдать отъ тираніи нѣсколькихъ вельможъ. Скажите слово, и мы повергнемъ къ ногамъ вашего величества головы тирановъ!» Но уже верховники и безъ того потеряли головы отъ страха: что предпринять въ столь опасномъ дѣлѣ; нерѣшительность и ненаходчивость спасла имъ на этотъ разъ жизнь. «Если бы они,» пишетъ Маньянъ, «рѣшились бы на какуюнибудь мѣру, на какую-нибудь оппозицію, то дворянство и офицеры, въ порывахъ пламеннаго энтузіазма, выкинули бы ихъ за окошки (33).

Просьбы, моленія энтузіастовъ были услышаны. 23-го февраля Анна Ивановна, приняла самодержавіе. Все предстоящее дворянство пало къ ногамъ и съ умиленіемъ лобызало руку, въ благодарность за столь высокую милость. Верховники, бывшіе тутъ же, до того растерялись, что также благодарили императрицу, хотя дѣло, за которое они уиженно цѣловали ея руку, приводило ихъ въ ужасъ.

Въ тотъ же день, вечеромъ, было видно на горизонтѣ сѣверное сіяніе; кровавымъ заревомъ освѣщало оно все небо. Это явленіе сильно поразило какъ простой народъ, такъ и суевѣрное дворянство. Всѣ съ ужасомъ видѣли въ этомъ явленіи предзнаменованіе правленія ужаснаго, свирѣпаго, въ продолженіе котораго польются потоки крови. Вѣрноподадическая радость смѣнилась страхомъ и боязливымъ ожиданіемъ (33)!

Съ первыхъ же дѣйствій новаго правительства, дворянство разочаровалось. Съ неудовольствіемъ видѣло оно, что государыня окружила себя иностранцами. Что курляндецъ Биронъ, осыпанный почестями и титулами, пользуется особенною ея любовью. Что соотечественники фаворита заняли важнѣйшія мѣста въ дѣлѣ управленія Россіи... Старыя аристократическія фамиліи русскія были жестоко оскорблены этимъ незаслуженнымъ предпочтеніемъ. Слѣдствіемъ сего недовольства было то, что многіе родовые князья и дворяне стали сожалѣть о своей опрометчивости, раскаявались въ сдѣланной ими ошибкѣ и стали искать случая поправить дѣло. Случаемъ подобнымъ могло быть возведеніе на престолъ Лизаветы. На нее возложили свои надежды недовольные правленіемъ курляндцевъ, на эту цесаревну, на которую столь недавно, не обращали почти никакого вниманія и оставляли проводить жизнь въ той сферѣ, которая болѣе другихъ приходилась по ея вкусу (33). Но теперь наступило другое время; она была русская по сердцу и по характеру. «Множество дворянъ», писалъ Рондо, «вмѣстѣ съ гвардейскими офицерами уже толкуютъ межъ собой секретно и превозносятъ Елизавету, любовь къ памяти ея отца еще болѣе возвышаетъ Лизавету въ глазахъ недовольныхъ дворянъ. Составляется заговоръ; цѣль его обязать императрицу объявить наслѣдницей престола не племянницу свою, дочь Катерины Ивановны, а цесаревну Лизавету» (34).

Нѣтъ сомнѣнія, что при такомъ состояніи умовъ, при всеобщемъ неудовольствіи противъ Бирона, цесаревна Елизавета сильно смущала государыню, и заставляла трепетать ее за свою корону. Но дочь Петра, въ настоящее время, менѣе всего думала о престолѣ (35)

По распоряженію Бирона уже начались ссылки и аресты: въ числѣ первыхъ схваченныхъ былъ пранорщикъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка Алексѣй Яковлевичъ Шубинъ. Вотъ немногія подробности о немъ: Шубинъ, былъ молодой человѣкъ, статный, красивый, съ умомъ предприимчивымъ; арестованный, по особому повелѣнію, онъ долго томился въ оковахъ, въ застѣнкѣ, въ такъ называемомъ *каменномъ мѣшкѣ*, гдѣ нельзя было ни стать, ни лечь. Послѣ ужаснаго заточенія, подѣ строгимъ карауломъ, несчастный красавецъ, по обычаю того времени, безъ слѣдствія и суда, былъ сосланъ подѣ другимъ именемъ въ Камчатку, гдѣ, противъ воли, его обвиняли съ Камчадалкою. Каменскій видѣлъ въ Москвѣ, у одного любителя старинныхъ рукописей, пѣсню, сочиненную и писанную дѣвицею, которая страстно любила Шубина. Слогъ устарѣлъ, но пѣсня дышетъ огненнымъ чувствомъ:

Я не въ своей мочи огонь утушить,
Сердцемъ болѣю, да чѣмъ пособить?
Что всегда различно и безъ тебя скучно —
Легчебъ-ти не знати, нежели такъ страдати
Всегда по тебѣ и т. д. (35).

Въ продолженіе всего этого времени (1731 годъ) цесаревна прожила въ любимомъ ея селѣ Покровскомъ. Въ деревянныхъ хоромахъ дворца, нѣкогда видѣвшаго въ своихъ стѣнахъ царей Михаила и Алексѣя, проводила время цесаревна вмѣстѣ съ своими родственниками Скавронскими и Гендриковыми. Въ двухъ обширныхъ фруктовыхъ садахъ, широко раскинувшихся вокругъ дворца, прогуливалась Елизавета, сажала цвѣты, наблюдала за разбивкой цвѣтниковъ, пересадкой фруктовыхъ деревьевъ; въ густыхъ липовыхъ аллеяхъ устроивались, по ея повелѣнію, бесѣдки; на широкихъ лугахъ высились качели, на прудахъ зимою возвышались горы. Между садомъ и дворцомъ, въ прекрасномъ пруду, выложенномъ бѣлыми камнями, водились щуки и караси; по звону колокольчика приплывали они къ берегу, и цесаревна изъ своихъ рукъ кормила рыбъ. На лугу, съ красными сѣнными дѣвушками, Елизавета любила водить хороводы, сама пѣла пѣсни. До сихъ поръ, по словамъ Снегирева, сохранилась пѣсня, приписываемая Елизаветѣ; пѣсня напоминаетъ

про ея здѣсь житье. «Во селѣ, селѣ Покровскомъ» и проч. Зимую цесаревна любила кататься съ горъ и въ пошевихъ....

Верховники и бояре были правы; двадцатилѣтняя Елизавета была еще слишкомъ молода для престола и управленія государствомъ. Если жизнь и ея занятія многимъ не нравились, то красота ея ослѣпляла, приводила въ восторгъ. «Цесаревна такая красавица», пишетъ Дюкъ Лирийскій въ 1731 году, проѣхавшій по всей Европѣ, «такая красавица, какихъ я никогда не видалъ. Цвѣтъ лица ея удивителенъ, глаза пламенные, ротъ совершенный, шея бѣлѣйшая и удивительный станъ. Она высока ростомъ и жива необыкновенно. Танцуетъ хорошо, ѣздитъ верхомъ безъ малѣйшаго страха. Въ обращеніи ея много пріятнаго....» (36).

Какъ ни безопасно вела себя Елизавета, тѣмъ не менѣе ея права на престолъ возбуждали опасенія со стороны Анны Ивановны, ревниво оберегавшей свою власть. Въ слѣдствіе сего опасенія, императрица издала указъ, повелѣвая всѣмъ учинить присягу въ томъ, что они признаютъ наслѣдникомъ того, кого угодно будетъ ей назначить. Эта формальность, заведенная Петромъ въ 1722-мъ году, тѣмъ не менѣе была исполнена, хотя она и не спасала государство отъ переворотовъ. Въ это же время, императрица думала заключить въ монастырь цесаревну, чтобы лишить ее вовсе надежды когда нибудь взойти на престолъ. Государыня какъ нельзя лучше понимала, что вопреки всевозможнымъ присягамъ корона не удержится на главѣ ею избраннаго наслѣдника, если близъ трона будетъ находиться дочь Петра I. Только ревнистое заступничество Бирона спасло Елизавету отъ постриженія и *тѣснаго* заточенія въ отдаленнѣйшемъ монастырѣ. Герцогъ въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, дѣйствовалъ не по влеченію сердца, у него сердечныхъ, благородныхъ порывовъ и небыло (36), а изъ своекорыстныхъ расчетовъ.

Празднества по случаю коронаціи поражали своимъ великолѣпіемъ. «Вы не можете вообразить», писалъ резидентъ англійскій, «какъ великолѣпенъ здѣшній дворъ съ новымъ царствованіемъ, хотя въ казначействѣ нѣтъ ни одного шиллинга. При всеобщемъ безденежьи куртизаны входятъ въ неоплат-

ные долги, чтобы дѣлать великолѣпные наряды къ маскарадамъ» (37).

Только въ январѣ 1732 года весь дворъ, послѣ цѣлаго ряда самыхъ блестящихъ празднествъ, возвратился въ Петербургъ, забытый покойнымъ государемъ. Послѣ новыхъ блестящихъ празднествъ, данныхъ въ Петербургѣ, жизнь императрицы и цесаревны потянулась довольно однообразно. Великая княжна жила въ особомъ дворцѣ (нынѣ Пажескій корпусъ, на Садовой), имѣла свой дворъ и проводила время однообразно. Въ ея дворцѣ не было ни маскарадовъ, ни баловъ, ни собраній. Все это изрѣдка бывало во дворцѣ императрицы, куда должна была являться и цесаревна. Но и эти собранія не имѣли и тѣни той веселости, той свободы, того оживленія, которыми они столь правились Лизаветѣ въ царствованіе Екатерины I и Петра II. Напротивъ, серьезный видъ государыни, присутствіе ненавистнаго Бирона, дѣлали вечера необыкновенно монотонными и скучными. Карты почти вытѣснили танцы, даже Лизавета, страстная любительница танцевъ, должна была покоряться модѣ, и терпѣливо просиживать цѣлые вечера за картами, вмѣстѣ съ императрицей, ея сестрой, Бирономъ или другими именитыми особами, раболѣпно занимавшимися всѣмъ тѣмъ что только правилось государынѣ. Лѣто и весну цесаревна проводила въ лѣтнемъ своемъ домѣ, построенномъ въ 1720 году, въ деревнѣ Смольной, что противъ Охты, на мѣстѣ, гдѣ нынѣ возвышается соборъ Учебныхъ Заведеній (37).

Этикетъ при дворѣ наблюдался самый строгій. Прежде чѣмъ явиться къ государынѣ, Лизавета должна была посылать съ просьбой, могутъ ли ее принять. Въ утро дней своего рожденія или именинъ, принявъ поздравленія у себя во дворцѣ, цесаревна вечеромъ должна была являться на балъ къ императрицѣ. У себя она не имѣла права сдѣлать *ассамблею*. Свадьбы придворныхъ, торжественные обѣды, приемы пословъ, не много разнообразили время. Одна изъ подобныхъ аудіенцій важна и для нашего очерка. Въ январѣ 1734 года, въ обширной залѣ дворца, (бывшаго у Полцейскаго моста), представлялся китайскій посланникъ. Послѣ официальныхъ рѣчей, императрица спросила черезъ пе-

реводчика: «какая дама здѣсь прелестнѣе всѣхъ?» Китаецъ уклончиво отвѣчалъ: «смотря на небо въ звѣздную ночь, можно ли сказать, которая звѣзда болѣе блеститъ». Императрица просила прямого и рѣшительнаго отвѣта. Тогда Китаецъ вѣжливо поклонился Елизаветѣ и сказалъ: «изъ числа всѣхъ этихъ прелестныхъ дамъ, я считаю эту прекраснѣйшею, и еслибъ только у нея были не такъ велики глаза, то никто бы не могъ, взглянувши на нее разъ, не умереть послѣ этого отъ любви (38)».

Во всякой странѣ свои понятія о красотѣ. По словамъ современниковъ, хорошо знавшихъ цесаревну, у нея были прекрасныя, большіе глаза.

Де-Лане въ 1718 г. писалъ, что у цесаревны волосы *рыжеватыя*; жена англійскаго посла, спустя 15 лѣтъ, находитъ цвѣтъ этихъ волосъ каштановымъ, почти чернымъ. Вотъ какъ описываетъ Рондо наружность цесаревны. «У нея большіе, выразительныя, голубыя глаза, прекрасныя зубы и очаровательныя уста. Можетъ быть, съ годами княжна сдѣлается толста, но теперь она прелестна, совершенная красавица и танцуетъ лучше всѣхъ женщинъ, сколько я ихъ ни видала. Говоритъ по-нѣмецки, по-французски и по-итальянски, чрезвычайно веселаго нрава (38).

На великолѣпномъ праздникѣ, данномъ императрицей, въ іюнѣ 1734 года, по случаю взятія Данцига, цесаревна вызвала единодушныя похвалы своей наружности отъ французскихъ плѣнныхъ, приглашенныхъ на праздникъ съ начальникомъ ихъ Де-ла-Мотъ. Обѣдъ и танцы были въ Лѣтнемъ саду, разукрашенномъ по сему случаю. Послѣ любезнаго привѣтствія, сказаннаго императрицей плѣнникамъ, дамамъ и Елизаветѣ поручено было ихъ занимать. Последняя блистала и своею красотой, и своимъ костюмомъ; онъ состоялъ изъ цвѣтной робы съ накрахмаленнымъ, газовымъ чехломъ, съ вышитыми по немъ серебряными цвѣтами; роскошныя волосы царевны не были обезображены пудрою, а завитыя въ локоны, перевитыя цвѣтами, они ниспадали на бѣлыя плечи. Умѣнье говорить по-французски, свѣтскость, живость и веселость царевны сдѣлали ее, по словамъ очевидца, феей праздника, богиней веселья.

Но тѣ же современники, которые восхищаются красотой, упрекають красавицу въ ея безпечности, съ которою и въ царствованіе Анны она оставалась равнодушною зрительницею всѣхъ событій въ государствѣ, не вспоминала о прошедшемъ, не хлопотала и не заботилась о будущемъ, но не могла быть довольною и настоящимъ. Только въ 1739 году, она была какъ бы выведена изъ обычной апатіи по слѣдующему случаю. Еще въ 1733 году привезенъ былъ въ Петербургъ 14-ти-лѣтній принцъ Брауншвейгскій Анто́нъ-Ульрихъ. Съ тѣхъ поръ его воспитывали вмѣстѣ съ Анной Леопольдовной, чѣмъ надѣялись поселить въ нихъ взаимную привязанность. Но принцъ не могъ поправиться скромной и умной племянницѣ государыни. При статной фигурѣ и пріятномъ лицѣ, принцъ получилъ самое нелѣпое воспитаніе. Его держали въ отдаленіи отъ людей, безъ хорошихъ наставниковъ, съ нимъ обращались сурово, деспотически. Анто́нъ-Ульрихъ сдѣлался дикъ, застѣнчивъ, молчаливъ, говоря заикался и вообще былъ страшно неловокъ въ обращеніи. Въ походахъ Минниха онъ участвовалъ, какъ волонтеръ, и, кромѣ храбрости не ознаменовалъ себя ничѣмъ. Пользуясь отсутствіемъ принца и нерасположеніемъ къ нему княжны, Биронъ надѣялся соединить ея руку съ рукою своего сына. Но Анна Леопольдовна рѣшилась лучше выйти за нелюбимаго герцога, нежели за сына ненавистнаго ей Бирона. Въ іюлѣ 1739 года свадьба была отиразниована съ азіятскою пышностью (39).

Въ минуту торжественнаго обрученія, печальная невѣста упала въ объятія государыни и стала плакать. Императрица держала себя сначала съ важностью, но скоро и она смѣшала свои слезы съ слезами племянницы. Послѣ обмѣна колець, императрица повѣсила на руку невѣсты портретъ жениха и, крѣпко поцѣловавъ, поздравила. Затѣмъ подошла поздравить Анну Леопольдовну цесаревна. Обнявъ ее, она залилась горячими слезами. Что было причиною этихъ слезъ? Искреннее ли сожалѣніе о несчастной принцессѣ, выходящей за немилаго человѣка? Но цесаревна никогда не была близка съ принцессой, никогда не была дружна. Не о себѣ ли, не о своей ли судьбѣ плакала Елизавета, обнимая бу-

дущую правительницу Россіи? Съ этимъ бракомъ терялась для нея послѣдняя надежда наслѣдовать прародительскій престоль....

Свадебное торжество поражало великолѣпіемъ. Дамскіе наряды были чрезвычайно роскошны. Такъ напр. Лизавета (постояннымъ кавалеромъ ея во время церемоній, былъ сынъ Бирона, Петръ герцогъ Курляндскій), была одѣта въ малиновое платье, шитое серебромъ и убранный множествомъ камней.... Свадьба была въ іюль, въ самую жаркую пору и ни одна дама не была въ легкомъ платьѣ, ихъ не любила государыня (40).

Маскарады, балы, фейерверки, итальянскія оперы, торжественныя обѣды, продолжались недолго, не болѣе недѣли. На послѣднемъ маскарадѣ устроено было четыре кадрили. Первою управляли новобрачные; а второю Елизавета съ Курляндскимъ принцемъ, одѣтые въ зеленыя домино, съ золотыми кокардами на головахъ....

По случаю сего торжества, въ примѣчаніяхъ къ С. Петербургскимъ вѣдомостямъ, профессоръ Я. Штелинь напечаталъ на нѣмецкомъ языкѣ оду, которая тогда же была переведена на русскій языкъ (40). Вотъ любопытныя отрывки изъ нея:

«Прочь, Венера» восклицаетъ Штелинь, «со всею прелестью и роскошью своею! Древность могла восхищаться тобою; но то, чѣмъ очаровываетъ насъ красота Анны, помрачаетъ всю твою славу. Тогда лишь въ мысляхъ восхищались, въ одномъ воображеніи; а здѣсь самъ глазъ свидѣтель, что во взорѣ Анны дѣйствительно блеситъ все, что когда либо изображало искусство!»

«О, еслибы поэтъ могъ найти сравненіе, чтобы выразить твою красоту! И еще болѣе, если бь могъ въ то же время изобразить высокія дарованія, украшающія твое сердце! Что въ немъ господствуетъ? Великодушіе, справедливость, любвеобильная милость, снисходительность, умирительная кротость, любовь къ добру, словомъ — одинъ небесный влеченья».

«Переодевшись, закрой маскою твое лицо; но ты прой-
дешь и тебя узнаютъ по твоимъ движеніямъ.... Твоя при-

родная грація тотчасъ обнаружитъ тебя потому, что и поступъ твой, и движенія отзываются высочайшимъ благородствомъ.... Кто не славить въ тебѣ полноту ума и вкуса, зрѣлость сужденій и благоразуміе рѣшеній?...» и т. д.

Наконецъ прекратились празднества съ своими обѣдами, проновѣдями, хвалебными и высокопарными одами. Для насъ торжество это важно въ томъ отношеніи, что во все продолженіе его, мы постоянно видимъ Петра Курляндскаго подлѣ цесаревны. Дѣло въ томъ, что Биронъ, не успѣвъ въ сватовствѣ принцессы Мекленбургской, задумалъ женить своего сына на Елизаветѣ.

«Цесаревна», рассказываетъ Манштейнъ, «сильно огорченная бракомъ принцессы Анны, положила за непремѣнное составить для себя партію. Дѣйствія ея при этомъ были столь благоразумны и хитры, что никто ее не могъ заподозрить въ честолюбивыхъ планахъ (41)».

Вотъ что говоритъ объ этомъ составитель книги: *La Cour de la Russie*. «Съ вѣстью о томъ, что престоль переходитъ послѣ смерти государыни въ фамилію ея племянницы, всѣ тѣ, которые терпѣливо ждали восшествія на престоль Лизаветы, пришли въ отчаяніе. Искра давно тлѣла подъ пепломъ, теперь она разгорѣлась съ новою силою. Составился обширный заговоръ. *Безъ сомнѣнія*, въ главѣ его стояли Долгорукіе, разсланные по Сибири, рассаженные по казаматамъ Шлессельбургскимъ. Но дѣло было открыто (41)».

Не находя ни въ какихъ достовѣрныхъ источникахъ, ни въ депешахъ посольскихъ, подтвержденія своему разсказу составитель книги: *La Cour de la Russie* — цитируетъ письмо какого то офицера, найденное при депешѣ англійскаго посла въ Швецію отъ 1 августа 1740 года. Письмо это, замѣчаетъ онъ, проливаетъ яркій, хотя все еще не полный свѣтъ, на планы и намѣренія заговорщиковъ.

«Вамъ извѣстно», пишетъ офицеръ, «что вся нація и высшій классъ въ особености, очень недовольны настоящимъ правленіемъ. Въ послѣдніе шесть лѣтъ слышится глухой ропотъ, постоянныя жалобы во 1-хъ на слѣпую привязанность императрицы къ герцогу Курляндскому, во 2-хъ на

невыносимо дерзкое и презрительное обращеніе фаворита, который первѣйшихъ сановниковъ третируетъ какъ негодьяевъ, въ 3-хъ на любимца Биронова — жиду Липмана, придворнаго банкира, разорившаго купцовъ, въ 4-хъ на страшную растрату государственныхъ доходовъ, брошенныхъ на самыя нелѣпныя затѣи, въ 5-хъ на ужасныя наборы солдатъ, наборы опустошившіе земли помѣщиковъ; невоздѣланныя поля ихъ не приносятъ дохода и не даютъ средствъ выплачивать тягостныя подати, въ 5-хъ на запустѣніе флота, созданіе котораго стоило Петру много денегъ, еще больше трудовъ. — Чтобы уничтожить столько зла, заговорщики рѣшились сдѣлать переворотъ; ихъ ободряли неуспѣхъ войны 1738 года, плохое состояніе арміи, надежда, что Минихъ погибнетъ въ степяхъ Молдавскихъ, бывшихъ столь гибельными для Петра I-го, наконецъ всеобщее недовольство. Они сносились съ Швеціею и Франціею, и условились, что тотчасъ, какъ Русская армія будетъ разбита въ смѣломъ походѣ 1739 года, Швеція двинетъ въ Россію 30,000 войска, заговорщики произведутъ возстаніе, заточатъ императрицу въ монастырь, еще круче обойдутся съ фаворитомъ, принцессу Анну съ мужемъ вышлютъ въ Германію, туда же прогонять всѣхъ нѣмцевъ, казнятъ нѣкоторыхъ и возведутъ на престолъ Лизавету (42).

Таковъ былъ планъ заговора. Все было приготовлено, ждали только пораженія Миниха, чтобы начать всеобщее возстаніе. Дворъ былъ заблаговременно предувѣдомленъ шпионами. Лица, заподозрѣнныя въ участіи въ заговорѣ, были схвачены и Долгорукіе, какъ главные виновники его, были преданы ужаснымъ казнямъ. Все это было вовсе скрыто отъ публики, ни слова не было сказано о заговорѣ въ бумагахъ, опубликованныхъ по случаю казней, а предлогомъ для нихъ послужило завѣщаніе Петра II-го, сочиненное Долгорукими въ 1730 году. Посольскія депеши молчатъ о заговорѣ еще болѣе удивительномъ. Во главѣ его стоялъ А. П. Вольнскій, сложившій свою голову на плахѣ» (42).

Письмо это едва ли не подлогъ, сочиненіе досужаго издателя. Иначе нельзя объяснить себѣ то, что нигдѣ нѣтъ подтвержденія симъ страннымъ рассказамъ. Только одинъ

Яковлевъ, издавая въ 1814-мъ году маленькое жизнеописаніе Анны Леопольдовны, между другими баснями своего сочиненія, помѣстилъ сказку, подобную письму мнимаго офицера. «Вельможи, недовольные возвышеніемъ нѣмецкой партіи, пишетъ Яковлевъ, рѣшились совершить переворотъ. Во время путешествія государыни въ Москву (гдѣ, вопреки словамъ г. Яковлева, Анна и не была послѣ коронаціи), русская партія готова была возвести на престолъ Лизавету. Заговоръ былъ открытъ и зачинщики его, князя Долгорукіе, казнены» (43).

Но причины новыхъ и послѣднихъ гоненій на эту несчастную фамилію весьма удовлетворительно объяснены Минихомъ-сыномъ, Вейдемейеромъ и авторомъ «Сказаній о родѣ Долгорукихъ.» Здѣсь не мѣсто повторять эти рассказы, скажемъ только, что казни, совершенныя въ ноябрѣ 1739 года надъ Иваномъ, Алексѣемъ и Василиемъ Долгорукими, тѣсное заточеніе въ казематахъ Василя и Михаила Владиміровичей Долгорукихъ — ничего не имѣетъ общаго ни съ именемъ цесаревны, ни съ ея мнимымъ намѣреніемъ составить при дворѣ Анны Ивановны партію приверженцевъ-заговорщиковъ. Мы видѣли, что цесаревна не имѣла рѣшимости, не имѣла надлежащаго искусства и ловкости, чтобы вести придворныя интриги, а тѣмъ болѣе, чтобы составлять политическій заговоръ, въ виду 20.000 несчастныхъ, сосланныхъ въ Сибирь *секретно*, т. е. безъ суда, безъ слѣдствія и допросовъ, по одному только подозрѣнію, за одно слово, а часто и вовсе ни за что. Трудно было стать въ главѣ партіи женщинѣ, каждое слово которой исправно доносилось шпионами.

Вскорѣ послѣ торжества бракосочетанія, въ началѣ 1740 года, праздновано было заключеніе мира съ Турками (43). Многіе были весьма щедро награждены. Довольно сказать, что одинъ изъ шутовъ царскихъ — за *ревностную службу*, состоявшую въ надзорѣ и ухаживаньи за любимой собачкою Анны Ивановны, получилъ 3,000 рублей. Тогда же, 6-го февраля, отпразднована была свадьба въ ледяномъ домѣ другаго шута, съ карлицей Бужениновой (43).

Вообще, въ удовольствіяхъ сего времени видна грубость и страшное невѣжество. Однообразное, бездѣятельное *уби-*

санье времени вызывало со стороны услужливыхъ царедворцевъ всѣ усилія чѣмъ нибудь потѣшить скучающую императрицу. Концертовъ не любили; что касается до театровъ, то еще Петръ I-й имѣлъ нѣмецкую и очень скверную труппу актеровъ; въ 1736-мъ году явилась при дворѣ итальянская опера, но она не пришлась по вкусу (44). Тогдашней именитой публики нравились комедіи, интермедіи, фарсы итальянскіе, въ которыхъ преобладалъ элементъ шутовства. Разыгрывались фарсы и изъ русскихъ сказокъ какъ напримѣръ: *Баба-Яга*, *Фениксово перышко* и друг. Придворныя же дамы и кавалеры выполняли роли, и обер-гофмаршалъ Дмитрій Андреевичъ Шенелевъ приводилъ въ восторгъ своими шутовскими выходками, въ комическихъ роляхъ (44).

Шуты, карлики и карлицы состояли въ штатѣ каждаго изъ членовъ царской фамиліи, почти каждаго вельможи. Отъ шутовъ не требовалось ловкости, остроумія, довольно было усердія въ дракахъ и перебранкахъ другъ съ другомъ, этимъ они уже вызывали единодушный хохотъ и одобренія. Смѣшная, уродливая наружность, глупость или только косноязычіе составляли, по словамъ Мнниха, достаточныя качества, чтобы быть принятымъ въ число шутовъ (45).

Есть извѣстія, не подлежащія сомнѣнію, что въ послѣдніе годы своей жизни, наскучивъ дѣлами государственными, картами, стрѣляніемъ въ цѣль и другими забавами, государыня цѣлые часы просиживала въ креслѣ, слушала болтовню шутовъ, любовалась потѣшными драками, смѣялась, глядя на ожесточеніе бойцевъ, нещадно царапавшихъ другъ друга. Сама цесаревна, не смотря на нѣкоторую мягкость въ характерѣ и свой болѣе утонченный вкусъ, забавлялась шутихами, карликами, калмыками (45).

Когда и шуты надоѣдали, государыня приказывала приводить во дворецъ унтеръ-офицеровъ гвардіи съ ихъ женами. Они танцовали національныя пляски, и вельможи, также и члены царской фамиліи принимали участіе въ этомъ удовольствіи. Цесаревна Лизавета, ловкостью и граціозностью движеній въ русской пляскѣ, затмѣвала всѣхъ танцовавшихъ (45).

Съ іюня 1740 года стали постепенно стихать во дворцѣ пѣсни скомороховъ, крики шутовъ, шумъ танцоровъ; государыня сильно страдала припадками подагры и каменной болѣзни. Среди сильныхъ мученій, она была чрезвычайно обрадована рожденіемъ внука: Анна Леопольдовна разрѣшилась 12-го августа сыномъ Іоанномъ.

Сохранился любопытный анекдотъ, относящійся къ сему событію. Цесаревна Лизавета, по обычаю, должна была сдѣлать подарокъ родильницѣ. Она нѣсколько разъ посылала въ Гостиный дворъ торговать какую-то вазу, но не могла дать дорогой цѣны, которую за нее просили. Вдругъ гостинодворцы какъ-то узнали, что вазу торгуетъ цесаревна, они немедленно уступили ее даромъ. Бартеньевъ, передавая этотъ случай, объясняетъ его тѣмъ, что Лизавета считалась въ мнѣніи народномъ представительницей русской партіи (45).

Съ рожденіемъ Іоанна, Лизавета окончательно потеряла надежду взойти на престоль. Празднества, бывшія по случаю рожденія принца, не радовали ее... (46).

А во дворцѣ длиннѣе и длиннѣе вытягивались лица царедворцевъ. Да и было отъ чего: болѣзненные припадки государыни приняли самый дурной оборотъ. 6-го октября императрица слегла въ постель. Биронъ не терялъ ни головы, ни времени, ни случая; вспомошествоваемый А. П. Бестужевымъ-Рюминымъ, Млинкомъ, Левенвольдомъ, княземъ Черкасскимъ, Татищевымъ, барономъ Остерманомъ, Менгденомъ онъ убѣдилъ умирающую подписать манифестъ о передачѣ ему регенства надъ малолѣтнимъ императоромъ. Двухъ-мѣсячный Іоаннъ объявленъ наслѣдникомъ престола. Принцесса Анна съ мужемъ, цесаревна Елизавета, Биронъ, всѣ присягнули и клялись признать Іоанна за законнаго государя. Въ случаѣ его смерти, по завѣщанію государыни, престоль долженъ былъ наслѣдовать второй сынъ, *имлющій бытъ* отъ принцессы Анны, и такъ далѣе по праву первородства. Въ случаѣ смерти всѣхъ дѣтей ея, Регенту, обще съ главнѣйшими сановниками имперіи, предоставлялось избрать достойнаго государя (46).

Съ каждымъ днемъ страданія больной усиливались; не смотря на это, она каждый день принимала Лизавету, принцессу Анну и ея мужа. 17-го октября отнялась у ней лѣвая нога. Страданія ея были такъ ужасны, писалъ Финчъ, англійскій резидентъ, отъ 18-го октября, что люди, которымъ особенно дорога была жизнь императрицы, молили Бога о скорѣйшемъ наступленіи роковой минуты. Цесаревна вышла изъ комнаты страждущей за два часа до ея смерти, Биронъ остался до конца (46).

Анна Ивановна испустила духъ на 47-мъ году отъ рожденія, царствовавъ десять лѣтъ и восемь мѣсяцовъ.

V.

Вниманіе Бирона къ цесаревнѣ. Его правленіе: пытки, ссылки и казни. Замыслы регента о возведеніи на престолъ Елизаветы. Арестъ Бирона (47).
1740.

О событіяхъ 1740 и 1741 годовъ мы будемъ говорить на столько, на сколько они касаются цесаревны Елизаветы. По этому и здѣсь, какъ и въ предыдущихъ главахъ, мы не станемъ останавливаться на обстоятельствахъ, не имѣющихъ прямаго отношенія къ нашей задачѣ.

Въ первые же дни своего регенства, Биронъ посѣтилъ Елизавету Петровну и назначилъ ей 50,000 ежегоднаго доходу. (48) Вообще, первыя распоряженія его были довольно благоразумны. Но не прошло и недѣли, какъ возобновились аресты, пытки и ссылки въ Сибирь. Безъ всего этого, по мнѣнію Бирона, его власть не была надежна. На площадяхъ и перекресткахъ явились караулы, по улицамъ столицы расхаживали и разъѣзжали патрули, шпіоны подслушивали, прокрадывались въ дома, втирались въ семейные кружки и бесѣды задушевныхъ пріятелей, ловили слова налету и доносили патрону. Такъ, между прочимъ, узналъ Биронъ, что два гвардейскіе офицера: капитанъ Ханьковъ и поручикъ Аргамаровъ громко осуждали его правленіе, свободно толковали о его высокогерцогской особѣ, узналъ, что Ханьковъ бывалъ довольно часто во дворцѣ цесаревны. Офицеры были схвачены и преданы ужасной пыткѣ. Кровавыя истязанія обличили ихъ только въ неосторожности, съ которою они отзы-

вались о мучителѣ (48). Одинъ изъ Кабинетныхъ секретарей, показывая Лизаветѣ копию съ завѣщанія Анны Ивановны, изъявилъ свое неудовольствіе на новую форму правленія. Его схватили, пытали и бросили *въ каменной мѣшокъ* (48). Гоненія только усилили всеобщее негодованіе. Составился обширный заговоръ гвардейскихъ, преимущественно Семеновскаго полка, офицеровъ, съ цѣлью низвергнуть Бирона и вручить кормило правленія Аннѣ Леопольдовнѣ. Лазутчики и здѣсь показали всю свою преданность герцогу. Заключение въ казематы, пытки, наказаніе кнутомъ, которому подверглись арестованные, поразило всѣхъ ужасомъ. Принцъ Антошъ-Ульрихъ, отецъ императора, получилъ строжайшій выговоръ, былъ арестованъ, лишенъ званій и титуловъ и вмѣстѣ съ женой, страшась новыхъ гоненій со стороны Бирона, думалъ только объ одномъ, какъ бы ѣхать въ Германію (48).

При такомъ положеніи дѣлъ, при общемъ на него негодованіи, Биронъ ясно видѣлъ всю непрочность своей власти. Поддержку онъ рѣшился найти въ цесаревнѣ: «Ей онъ показываетъ, писалъ резидентъ англійскій 1 ноября, самое дружеское расположеніе и глубокую преданность. Оказываетъ всякаго рода услуги, повидимому, готовъ служить ея интересамъ, далъ ей средства расплатиться съ долгами и большою пенсією обезпечилъ ее содержаніе» (48).

Герцогъ имѣлъ частыя и долгія свиданія съ Лизаветой; цѣлыя часы проводили они въ тайныхъ бесѣдахъ. Однажды герцогъ, при многихъ придворныхъ, бывшихъ у ней, сказалъ, что если принцесса Анна сдѣлаетъ какое либо возмущеніе, онъ вышлетъ ее съ мужемъ въ Германію и призоветъ герцога Голштинскаго, сына Анны Петровны. Но не 12-ти лѣтній Петръ былъ предметомъ думъ правителя, онъ давно мечталъ своей собственной семьѣ проложить дорогу къ престолу. Женить сына на цесаревнѣ и вручить имъ скипетръ — вотъ его замысль. Рассказываютъ, что онъ ждалъ только похоронъ Анны Ивановны, чтобы немедленно приступить къ дѣлу (48).

Между тѣмъ Минихъ, первоначально не подозрѣвая этихъ замысловъ, внимательно слѣдя за дѣйствіями Лизаветы, воз-

вышенія которой онъ изъ чувства самосохраненія всегда боялся, зналъ все, что она дѣлаетъ и обо всемъ тотчасъ же сообщалъ регенту. Такъ узналъ онъ, что цесаревна показываетъ своимъ приближеннымъ портретъ племянника своего, принца Петра Голштинскаго, и съ восторженными похвалами отзывается объ оригиналѣ. (48) Минихъ донесъ объ этомъ Бирону, говоря, что онъ долженъ запретить Елизаветѣ показывать портретъ принца Голштинскаго, потому что она дѣлаетъ это не безъ цѣли и тронъ императора колеблется.

— Но какъ могу я это сдѣлать? отвѣчалъ Биронъ, — всякій воленъ имѣть портреты своихъ родственниковъ и показывать ихъ кому угодно. А вы хотите, чтобы я запретилъ это принцессѣ, уважаемой всѣмъ народомъ!

Минихъ замолчалъ, видя что разговоръ этотъ неприятенъ регенту.

Вскорѣ послѣ этого узналъ онъ, что довѣренный камердинеръ Лизаветы очень часто ходитъ въ домъ къ французскому посланнику, маркизу де-ла-Шетарди. Объ этомъ снова сообщено было регенту, при чемъ Минихъ снова настаивалъ на принятіи строгихъ и рѣшительныхъ мѣръ, говоря, что французскія интриги могутъ имѣть самыя опасныя послѣдствія. Увѣренный въ себя, Биронъ отвѣчалъ съ рѣшительнымъ спокойствіемъ:

— Повѣрьте, графъ, что это ничего не значущія связи. Впрочемъ, вы, вѣроятно, очень хорошо понимаете, что еслибъ Лизавета вздумала что нибудь предпринять, ей было бы очень не трудно исполнить свои планы: ее поддержитъ весь народъ.

— Я думаю, напротивъ, что народъ долженъ радоваться, имѣя надежду видѣть на престолѣ мужчину, сказалъ Минихъ. Но положимъ, что относительно народа вы правы; по крайней мѣрѣ, ручаюсь вамъ, что солдаты смотрятъ на это иначе.

— И за солдатъ вы не можете ручаться, возразилъ Биронъ; — даже за гвардейскій полкъ, который находится подъ непосредственнымъ вашимъ начальствомъ.

— Этимъ вы доказываете еще больше необходимость строгихъ и рѣшительныхъ мѣръ, отвѣчалъ Минихъ; уже

ли жъ мы вѣчно должны зависѣть отъ воли цесаревны? Уже-ли мы никогда не избавимся отъ опасности. Въ такихъ случаяхъ нельзя терять ни минуты. Петръ I-й заключилъ въ монастырь свою безпокойную сестру.....

При словѣ *монастырь*, регентъ съ испугомъ и недоумѣніемъ посмотрѣлъ на Минниха и долго стоялъ въ глубокомъ раздумѣ; потомъ, видимо смущенный, но желая казаться спокойнымъ, сказалъ шутливымъ тономъ:

— Хорошо было-бы начать прямо съ этого.

— Отчегожъ бы и не начать, на нѣкоторое время? нерѣшительно замѣтилъ Минихъ. Онъ ужъ самъ желалъ кончить этотъ щекотливый разговоръ, видя, что подозрительный регентъ начинаетъ какъ-то особенно на него поглядывать (48).

Съ этого разговора Минихъ съ большимъ вниманіемъ сталъ слѣдить за ссорами герцога съ родителями императора, и въ то же время, узнавая о тайныхъ и частыхъ бесѣдахъ Бирона съ Лизаветой, онъ пришелъ къ окончательному убѣжденію, что честолюбецъ идетъ прямо къ рѣшительному перевороту въ пользу своего семейства. Фельдмаршалъ рѣшился предупредить Бирона, и хотя изъ личныхъ выгодъ, но спасти настоящее правительство.

Нѣкоторые писатели повѣствуютъ, что жидъ Липманъ предупредилъ регента объ опасности, но почему тотъ не принялъ мѣръ — неизвѣстно. Едва ли сіе извѣстіе справедливо, ибо за три часа до исполненія заговора, Биронъ обнадеживалъ фельдмаршала чрезъ его невѣстку въ своей милости и обѣщалъ щедрый подарокъ (49).

Въ два часа ночи, съ 8-го на 9-е ноября 1740 года, Минихъ привелъ въ спальню правительницы офицеровъ, стоявшихъ въ тотъ день во дворцовомъ караулѣ. Трепещущая мать императора просила ихъ спасти ее отъ постыднаго и тяжкаго ига Бирона, дала имъ поцѣловать руку и съ приказомъ арестовать регента, отпустила ихъ. Фельдмаршалъ объявилъ этотъ приказъ солдатамъ, велѣлъ зарядить ружья и повелъ ко дворцу, что нынѣ у Праченного моста, на Фонтанкѣ, здѣсь жилъ Биронъ (49).

Разсказываютъ, что Минихъ съ половины дороги возвратился, въ страхѣ, что за нимъ слѣдятъ шпионы правительницы, и что его подозрѣваютъ въ измѣнѣ. Только увѣрившись въ противномъ, онъ продолжалъ путь (50).

Не станемъ повторять всѣмъ извѣстныхъ фактовъ ареста герцога Курляндскаго. Всѣ обстоятельства сего событія подробно разсказаны героемъ сего дѣла Манштейномъ, записки котораго выдержали въ русскомъ переводѣ два изданія. Разсказъ этотъ повторенъ Вейдемейеромъ въ трехъ изданіяхъ его «Обзора событій съ кончины Петра I-го, до царствованія Елизаветы.»

Къ четыремъ часамъ утра все было кончено. Герцогъ и его жена, за два часа располагавшіе судьбою мильоновъ стали въ рядъ тѣхъ несчастныхъ, кои гибли по одному ихъ слову. Но Анна Леопольдовна не имѣла и тѣни той злобы и мстительности, которыя отличали павшаго фаворита; онъ былъ слишкомъ легко наказанъ заточеніемъ и ссылкой за десятилѣтнее тиранство его въ Россіи (52).

VI.

Анна Леопольдовна, правительница Россіи. — Всеобщая радость. — Милости. — Празднества. — Посольство Шаха-Надира, мнимое сватовство Лизаветы. — Приѣздъ принца Людовика Брауншвейгскаго. — Домашняя жизнь Анны. — Графъ Линаръ. — Война съ Швеціей. — Партія цесаревны. — Приготовленія къ перевороту. — Мѣры правительства къ предупрежденію опасности. — Докторъ Лестокъ. — Ночь на 25-е ноября. — Арестъ и ссылка Правительницы съ ея семействомъ. — Цесаревна Лизавета Петровна императрица всероссійская.

1740 — 1741.

Рано утромъ, 9-го ноября, дворецъ былъ окруженъ несмѣтными толпами народа. Радость была всеобщая, принцесса Анна, принявъ титулъ великой княгини и правительницы Россіи, принимала въ придворной церкви присягу отъ знатнѣйшихъ чиновъ государственныхъ. Не было ни одного человѣка, который бы не радовался отъ души, освобождаясь наконецъ отъ свирѣпой тираніи Бирона. Немедленно водворилось повсюду спокойствіе, сняли караулы, перестали посылать патрули. Но дальновидные люди, по словамъ современника, уже предвидѣли, что новый порядокъ вещей не долго удержится (51), что послѣдуетъ новый переворотъ

и виновники нынѣшняго будутъ низпровергнуты новыми. Легкій успѣхъ настоящаго переворота обнадеживалъ людей предприимчивыхъ въ успѣхѣ будущаго. Замѣчательно, пишетъ Манштейнъ, что если бы хотя одинъ изъ множества часовыхъ, разставленныхъ въ Зимнемъ дворцѣ и въ домѣ регента поступилъ бы по своей должности, дѣло приняло бы другой оборотъ. Та же самая безопасность карауловъ и часовыхъ въ послѣдствіи облегчила предпріятіе цесаревны.

Вотъ что писалъ между прочимъ Французскій посоль, въ депешѣ отъ 21-го ноября 1740 года: «гвардія, собравшаяся на площади, у Зимняго дворца, была разведена по домамъ не ранѣе 4-хъ часовъ по полудни. Радость ихъ была столь же велика, какъ безмѣрна была нѣкогда печаль, при вѣсти о томъ, что Биронъ принялъ званіе регента. Когда, вслѣдъ за Лизаветой, присягнули правительницѣ именитѣйшіе сановники, баталіоны гвардейскіе составили каре и подъ знаменами произнесли присягу. Не было никогда случая, чтобы дворъ былъ такъ многочисленъ и одушевленъ всеобщей, необыкновенною радостью, какъ въ сегодняшній день. Переворотъ, совершившійся въ такой тишинѣ, такъ неожиданно, разлилъ по всѣмъ лицамъ довольство и счастье. То и другое увеличилось вслѣдствіе милостей, изліянныхъ щедрою рукою правительницы.»

Въ 4 часа по полудни герцогъ и герцогиня Курляндскіе были отвезены въ Шлиссельбургъ. Они были отправлены въ маѣ 1741 года въ Пелымъ (52).

Добродушная правительница въ первые же дни своего регенства вспомнила о несчастныхъ, сосланныхъ въ Сибирь, въ царствованіе Анны Ивановны и Бирона. Число сихъ несчастныхъ простиралось до 20,000, по инымъ писателямъ до 35,000. Если ихъ было и на половину того, что показываютъ иностранцы, такъ и тогда выйдетъ цифра ужасная. Все свободное время Анна Леопольдовна, по свидѣтельству ея оберъ-гофмаршала Миниха - сына, проводила за слушаніемъ дѣлъ важнѣйшихъ и почти всѣ приговоры были отмѣнены.

Грубое ласкательство, низость были изгнаны изъ дворца. Съ добродушіемъ (54) и острымъ умомъ мать импера-

тора соединяла ненависть къ притворству и принужденію. Свободно вздохнула Россія подъ ея кроткимъ правленіемъ. Весело встрѣтила столица день рожденія (7 декабря) Анны. Онъ былъ отпразднованъ, по словамъ вѣдомостей, «*съ великою радостью и всенародными восклицаніями*. Всякъ ревностно старался, дабы искреннюю свою радость разнымъ образомъ публично засвидѣтельствовать» (54).

Балы и всякаго рода празднества дѣлались часто. На нихъ всегда присутствовала Лизавета, ласкаемая и любимая правительницей. 16 февраля въ домѣ Миниха былъ особенно *богатый трапезентъ*. Именитыя гости провели у фельдмаршала все время съ 12 ч. до 8 вечера, при чемъ «*всячески забавляться благоволили*» (54).

Все вошло въ свою обычную колею. Самая наука, запуганная Бирономъ, опять выдвинулась впередъ. Въ вѣдомостяхъ было объявлено «*охотникамъ до физической науки*», что профессоръ Георгъ Вольфгангъ Крафтъ намѣревается *опять* нынѣшнее лѣто, по изданной имъ книгѣ, *публично* показывать физическіе *эксперименты*, объясняя при томъ, по два раза въ недѣлю, на публичныхъ лекціяхъ все касающееся до науки: о движеніи, о воздухѣ, тяжести и стужѣ» (54).

Около этого же времени Петербургъ увидѣлъ великолѣпное, многочисленное посольство. Посоль знаменитаго Тахмоль Куды Хана Шаха Надира вѣхалъ въ столицу съ свитою 3000 человекъ, 14 слонами, 30 верблюдами и множествомъ драгоценнѣйшихъ камней, добытыхъ въ имперіи великаго Могола, все это т. е. слоны, верблюды и проч. было дары императору (55).

Вслѣдъ за Манштейномъ нѣкоторые историки утверждаютъ, что главнѣйшею причиною посольства шаха Надира было домогательство получить руку Лизаветы, что будто бы посланникъ, именемъ своего владыки, въ случаѣ согласья, изъявлялъ готовность ввести въ своемъ царствѣ христіанскую вѣру, и что правительница была не прочь исполнить желаніе Персидскаго завоевателя, если бы только этотъ шагъ не былъ бы уже слишкомъ отваженъ. «Весь этотъ рассказъ, замѣчаетъ П. А. Остерманъ (55), пустѣйшая выдумка Манштейна. Увоенный побѣдами надъ великимъ

моголомъ, шахъ Надиръ вознамѣрился отнять у Турокъ ими завоеванныя области Персидской монархіи; для этого искалъ онъ содѣйствія въ Россіи, почему и отправилъ въ Петербургъ нынѣшнее посольство съ награбленными подарками.

Еще прежде пріѣзда Персидскаго посла, правительница была чрезвычайно обрадована прибытіемъ мужнина брата герцога Лудвига Брауншвейгъ-Люнебургскаго, стараніями нашего двора избраннаго въ герцоги Курляндскіе.

Пріѣзжій прельстилъ всѣхъ своимъ умомъ и ласковымъ обращеніемъ. Онъ показалъ большую любознательность, съ любопытствомъ осматривалъ достопримѣчательности Петербурга и въ одной Академіи пробылъ пять часовъ, внимательно осматривая съ немалымъ удовольствіемъ географическую, рисовальную, художественную, книжную палаты, кунсткамеру, натуральную камеру и медальный кабинетъ.

Въ физической экспериментальной палатѣ колдунъ чародѣй Крафтъ показывалъ физическіе опыты и курьезныя штуки (55).

Манштейнъ утверждаетъ, что правительница имѣла въ виду женить Людовика на Лизаветѣ, что къ этому браку она готова была принудить ее силою. Но и это извѣстіе не болѣе какъ выдумка досужаго француза. Мысль о семъ бракѣ, говоритъ Остерманъ, была мгновенная и тотчасъ забыта. Не только никогда не принуждали Лизавету выйти за Людовика, но ей никогда и не высказывали сего предложенія. Впрочемъ, если бы цесаревна сама бы заявила желаніе выйти за принца и тогда бы возникли новыя затрудненія: принцъ былъ *десятью* годами моложе цесаревны и не чувствовалъ къ ней ни малѣйшей склонности (56).

Вообще, правительница обращалась съ Лизаветой ласково и дружелюбно. Въ день своего рожденія она получила отъ великой княгини прекрасныя браслеты, а отъ имени императора золотую табакерку съ государственнымъ гербомъ на крышкѣ. Соляная контора, сверхъ того, получила приказаніе выдать цесаревнѣ на уплату долговъ (изъ которыхъ она никогда не выходила) 40,000 рублей. 24 іюля на крестинахъ дочери правительницы, Катерины, восприемницей была Лизавета съ герцогомъ Мекленбургскимъ, особу ко-

того представлялъ великій канцлеръ и кабинетъ-министръ Ал. Мих. Черкасскій (56).

12 августа, день рожденія Іоанна, праздновалось особымъ торжествомъ. Во время обѣди пушечная пальба съ крѣпости и адмиралтейства не умолкала. На торжественномъ выходѣ, среди блестящаго двора былъ вынесенъ малютка императоръ. За тѣмъ: обѣдъ, задравные тосты, бѣглый огонь гвардейскихъ полковъ, стоявшихъ въ парадѣ у дворца, спускъ 66-ти пушечнаго корабля *Іоаннъ*, балъ и сожженіе великолѣннаго фейверка заключили праздникъ (56).

Достоинно замѣчанія, что бессмертный Ломоносовъ (56), не за долго до этого прибывшій изъ Голландіи, привѣтствовалъ день рожденія Іоанна высокаторжественною одою, отъ имени *веселящейся Россіи*. Вотъ нѣсколько строкъ изъ сего панегирика, растянутаго на 210 стиховъ:

Породы царской вѣтвь прекрасна,
Моя надежда, радость, свѣтъ.
Счастливыхъ дней Аврора ясна
Монархъ, младенецъ, райской цвѣтъ,
Позволь твоей рабѣ нижайшей,
Въ твой новый годъ пѣть стихъ нижайшій....
Цѣлую васъ вы щедры очи,
Небесный въ коихъ блещеть лучъ....
Цѣлую ручки, что къ державѣ
Природа мудра въ свѣтъ дала....
Лишь только *перстикъ* вашъ погнется
Народъ безчисленъ вдругъ сберется
Готовъ идти, куда велишь....
Вы ножки, что лобзать жаждють
Давно уста высокихъ лицъ,
Подданства знаки вамъ являютъ
Языки многи, павши ницъ.... и. т. д.

Л.

Похвалы, щедро расточаемыя поэтотъ вѣнценосному малюткѣ и его матери, были не со всѣмъ преувеличены. Спокойствіе и довольство царю въ Россіи; кроткая правительница не переставала благодѣтельствовать всѣмъ и каждому, ни одинъ не имѣлъ повода быть ею недовольнымъ; о пыткахъ и казняхъ не было помину. Къ сожалѣнію и къ гибели правительницы, она стала оказывать неограниченную довѣренность Саксонскому послу графу де-Линару, (57) она съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе удалялась отъ

благомыслящихъ людей, отъ такихъ полезныхъ совѣтниковъ, какими были Остерманъ, Головкинъ, Черкасской и другіе.

Въ 1735 году графъ Линаръ былъ вызванъ къ своему двору. Съ наденіемъ Бирона, Линаръ снова явился при нашемъ дворѣ въ качествѣ посла курфирста Саксонскаго и при посредствѣ Юльяны Менгденъ, фрейлины Анны Леопольдовны, имѣлъ съ ней частыя свиданія. Юльяна вышла потомъ за мужъ за Линара (58).

13 Августа, въ присутствіи правительницы, ея мужа, цесаревны Елизаветы и множества именитыхъ особъ совершили брачный сговоръ. Вскорѣ послѣ него Линаръ уѣхалъ въ Саксонію для устройства своихъ дѣлъ, и, къ счастью своему, не успѣлъ скоро вернуться, иначе онъ былъ бы сосланъ въ Сибирь вмѣстѣ съ Минихомъ и другими.

Между правительницею и ея мужемъ давно не существовало согласія. Они не говорили другъ съ другомъ по цѣлымъ недѣлямъ. Согласія между министрами также не было. Великая княгиня болѣе и болѣе тяготилась дѣлами государственными, любила уединеніе, страстно привязалась къ чтенію книгъ, при чемъ съ особеннымъ удовольствіемъ читала драматическія сочиненія. Она любила видѣть себя въ небольшомъ кружку людей, ею избранныхъ (58).

Между тѣмъ, Швеція не въ состояніи будучи помириться съ мыслию, что она навсегда потеряла земли, завоеванныя у нее Петромъ, нашла настоящее положеніе дѣлъ въ Россіи удобнымъ временемъ для возобновленія съ нею войны. Любопытно, что между причинами объявленія войны со стороны Стокгольмскаго правительства были слѣдующіе: «отлученіе цесаревны Елизаветы и герцога Голштинскаго отъ Русскаго престола и неограниченія власть, какую иностранцы присвоили себѣ надъ Русскимъ народомъ» (58). Съ полнымъ сознаніемъ своей правоты и достоинства отвѣчало наше правительство на объявленіе Шведами войны. (смотри. Петер. Вѣд. 1741 г. N 67 Авг. 14).

Въ то время, когда на югѣ Финляндіи генералы Кейтъ и Лассенъ начали военныя дѣйствія и быстро ознаменовали себя рядомъ блестящихъ успѣховъ (59), при Петербургскомъ дворѣ съ торжествомъ и весельемъ отпраздновали 29 августа, день

ангела императора; 30-ое, праздникъ ордена Александра Невскаго, 5-го сентября, день именинъ цесаревны Лизаветы (59).

Вообще поведеніе правительницы относительно цесаревны рѣшительно опровергаетъ всѣ рассказы Маштэйна и друг. о стѣспительномъ положеніи цесаревны, о ея преслѣдованіи Анной и проч. Лизавета жила какъ ей угодно, ее не подслушивали, за ней не подсматривали, по крайней мѣрѣ этого не приказывала Анна, и во все время ея правленія жизнь цесаревны, замѣчаетъ современникъ, относительно прежнихъ царствованій была тоже, что свобода относительно тюремнаго заключенія. Правда, говоритъ Остерманъ, люди недобросовѣстные старались посѣять раздоръ между Анной и Лизаветой, увѣряли первую, что Минихъ, недовольный удаленіемъ его изъ министерства, имѣетъ тайныя свиданія съ цесаревной, съ цѣлью доставить ей престолъ, но и эти клеветы не поссорили добродушную правительницу съ цесаревной (59).

Въ началѣ ноября 1741 г. нѣкоторые министры совѣтовали великой княгинѣ принять титулъ императрицы, съ властью самодержицы, во избѣжаніи неудобствъ, могущихъ случиться по кончинѣ императора малолѣтнимъ. Совѣтъ былъ одобренъ, принять и неосторожная правительница думала привести его въ исполненіе 7-го декабря, въ день своего рожденія, (она родил. въ 1718 году) (59). Въ Петербургѣ готовились по этому случаю къ празднествамъ, наградамъ; а Шведскій военачальникъ Левенгауптъ, вторгнувшись въ русскую Финляндію, объявлялъ, что Шведы воюютъ не съ народомъ, а съ толпою чужеземцевъ, завладѣвшихъ верховною властію, что цѣль войны освободить Россію отъ иноземнаго ига, и дать ей государыню болѣе способною управлять монархіей, болѣе *народною!*

Съ жадностью читались эти прокламаціи приверженцами Лизаветы; они сознавали ея права на престолъ, видѣли слабость правительницы, рассчитывали на помощь Шведовъ (60).

Маркизь де-ла-Шетарди, ради политики своего двора, не жалѣлъ ни денегъ, ни прожектовъ въ пользу какого бы то ни было переворота, долженствующаго ослабить Россію. Но снискать любовь гвардейцевъ было необходимо. Побуждае-

мая безпокойнымъ Лестокомъ (60) и пронырливымъ Шетарди, цесаревна стала посѣщать казармы; по улицамъ Петербургскимъ, зачастую, проносились широкія открытыя сани. На заняткахъ стояли гвардейцы..... Не проходило дня, чтобы цесаревна у кого нибудь изъ нихъ не крестила или не была на именинахъ... Ее звали «*матушкой, государыней!*» Гренадеры Преображенскіе приходили во дворець и всегда видѣли свою *матушку*, исполнявшею всѣ обряды, наблюдавшею всѣ обычаи простаго народа. Все это быстро разносилось между солдатами и тѣ превозносили свою матушку. Двѣнадцати гренадерамъ Преображенскаго полка былъ открытъ замыселъ. Самымъ дѣтельнымъ изъ нихъ былъ Грундштейнъ (60).

Планъ возвести на престолъ дочь Петра постепенно открывался и другимъ Преображенцамъ. Число знавшихъ умыселъ возросло до 30-ти человекъ (61).

Но приверженцы цесаревны вели себя крайнѣ неосторожно, болтливый, вѣтренный Лестокъ, изъ хвастовства давалъ замѣтить знакомымъ своимъ о важности роли, которую ему скоро доведется играть; съ важностью утверждалъ что скоро, очень скоро, въ государствѣ произойдетъ важная перемѣна. Если такъ легкомысленно держалъ себя главный двигатель задуманнаго дѣла, то не чинились сбереженіемъ *секрета* и Преображенцы; они громко толковали о матушкѣ императрицѣ Лизаветѣ Петровнѣ, и о тѣхъ благахъ, какія ниспослетъ ея рука, съ возведеніемъ ея на престолъ.... (61).

Что же дѣлали Минихъ, Остерманъ, Головкинъ, Левенвольдъ, Черкасской и друг.? Они смотрѣли и видѣли все. Шпіоны доносили страждущему тѣломъ, но бодрому духомъ Остерману о поведеніи Лизаветы: онъ спѣшилъ съ донесеніями во дворець, говорилъ, просилъ, предостерегалъ, убѣждалъ съ жаромъ и свойственнымъ ему краснорѣчіемъ; ему отвѣчала правительница добродушнымъ смѣхомъ, либо показывала новыя платья, сшитыя для императора и для нея. Маркизь де Бота съ подробнымъ донесеніемъ о заговорѣ явился къ Аннѣ, именемъ Бога заклиналъ ее предостеречь отъ себя опасность. Та съ досадою отвѣчала, что все это пустыя розказки. Простодушная, наивная какъ ребенокъ,

она не могла вѣрить, что существуютъ люди, готовые за ея добро, отплатить ей зломъ! Тяготясь властію, тяготясь занятїями государственными она, вся отдавалась небольшому кружку своихъ друзей, читала книги и часто вспоминала восторженные рассказы своей воспитательницы (61) г-жи Адеркасъ, по происхожденію изъ Гамбурга, о прелестяхъ заграничной жизни. «Боже мой, говорила правительница, для чего я не могу жить въ Гамбургѣ, устраниаясь отъ суеты пышныхъ дворцовъ и всякаго величія?»

Удаляясь отъ умныхъ руководителей и достойныхъ совѣтниковъ, она быстрыми шагами приближалась къ гибели. Не могъ спасти ее и мужъ. Человѣкъ, по выраженію Фридриха II, храбрый, но слабый, безъ особеннаго ума, безъ воли и характера, онъ боялся и благоговѣлъ предъ своею сунругою. Съ насмѣшкою и презрѣніемъ слушала она предостереженія мужа, котораго никогда не слушалась, ибо не уважала и не любила (62).

А между тѣмъ, партія цесаревны при всѣхъ своихъ недостаткахъ, при неумѣньи и болтливости своихъ партизановъ, съ нетерпѣніемъ ждала удобнаго момента, чтобъ приступить къ дѣлу. Но съ приближеніемъ роковой минуты, цесаревна начинаетъ трепетать за свою свободу и даже жизнь. Каждый день она выслушивала настойчивыя просьбы Лестока поспѣшить, и всякій разъ откладывала день. Наконецъ, условились произвести переворотъ 6-го генваря, въ день крещенія. Планъ былъ необдуманнѣйшій, вполнѣ достойный самонадѣяннаго и вѣтренаго Лестока. Во время Крещенскаго парада, Лизавета готовилась предстать на льду Невы предъ гвардейскими полками и, увлекши рѣчью Преображенцевъ, привлечь на свою сторону остальные полки. Нѣтъ сомнѣнія, что при своей нерѣшимости Лизавета никогда бы не покусилась на поступокъ, результатомъ котораго могла быть ссылка или постриженіе ее въ монастырь. Судьба дала ей возможность скорѣе и легче достигнуть сего трона (62).

Анна Леопольдовна, убѣжденная своими совѣтниками, рѣшилась предупредить опасность. 23-го Ноября, вечеромъ, былъ при дворѣ сѣздъ. Великая княгиня, вставъ изъ за

стола, вызвала въ другую комнату цесаревну, до тѣхъ поръ спокойно игравшую въ карты. Съ простодушіемъ высказала мать императора всѣ слухи и опасенія, дошедшія до нея, всѣ совѣты и предостереженія ея друзей, она заключила свою рѣчь легкимъ упрекомъ. Ровный, спокойный, даже ласковый голосъ и видъ правительницы ободрилъ цесаревну. Съ ловкостью, которую нельзя было и подозрѣвать въ ней доселѣ, стала Лизавета увѣрять, что ей ничего подобнаго и въ голову не приходило. За тѣмъ Лизавета расплакалась и, въ припадкѣ сильного огорченія, упала въ объятія великой княгини. Добрая женщина, увидавъ слезы, не выдержала, залилась слезами и, наплакавшись вдоволь, крѣпко обняла тетку, просила у ней извиненія въ томъ, что на минуту усомнилась въ ея поведеніи, наконецъ отпустила Лизавету съ самыми дружескими знаками любви (62).

Поздно вернулась во дворецъ цесаревна. Явился, по ея призыву, Лестокъ. Съ удивленіемъ и ужасомъ узналъ онъ о разыгравшейся мелодрамѣ. Въ ту же ночь готовъ онъ былъ приступить къ дѣлу, но сотоварищи не были предувѣдомлены, жили они въ разныхъ частяхъ города, собирать ихъ понадобилось бы много времени. Исполненіе плана отложено до слѣдующей ночи (62).

Любопытно, что за нѣсколько дней до роковаго дня, правительница, посѣтивъ Лизавету, возвратилась отъ нея въ большей задумчивости. Прощаясь съ ней, она споткнулась и упала. «Худое предзнаменованіе, сказала Анна приближеннымъ, боюсь, что придетъ время, когда я буду у ногъ Лизаветы.» Этотъ фактъ указываетъ на суевѣріе правительницы, вопреки свидѣтельству ея оберъ-гофмаршала, утверждавшаго, что Анна была чужда суевѣрій.

Утромъ 24-го ноября, во Вторникъ, въ 10-ть часовъ, Лестокъ вошелъ къ цесаревичу. Она сидѣла за туалетомъ. Вчерашняя рѣшимость ея смѣло приступить къ исполненію давнозадуманнаго дѣла пропала. На нее напало сомнѣніе въ успѣхѣ, явилась робость,
 Лестокъ послѣ сильныхъ и рѣзкихъ убѣжденій подошелъ къ столу и нарисовалъ на игральной картѣ на одной сторонѣ: Лизавету въ царской коронѣ, на другой

ее же, но подъ монашескимъ покрываломъ, среди казней и орудій пытокъ. Выбирайте, сказалъ Лестокъ, показывая карту, выбирайте одно изъ двухъ. Или тронъ или монастырь? Что желаете вы? Быть самодержавной императрицей всей Россіи, или же видѣть на плахѣ и висѣлицахъ своихъ близкихъ друзей, своихъ вѣрныхъ слугъ?» (62).

Грубый фокусъ хирурга, хорошо знавшаго свою пациентку, сильно воздѣйствовалъ на больную. Онъ вылечилъ ее, по крайней мѣрѣ, на этотъ разъ отъ боязни и нерѣшительности. Та же ночь назначена для исполненія заговора.

А въ это время, герцогъ Антонъ Ульрихъ тщетно просить у жены позволенія разставить караулы и разсылать патрули на случай опасности. Не нѣтъ, отвѣчаетъ Анна, Лизавета рѣшительно ни въ чемъ не виновата; слезы пролитыя ею предо мною вчера лучшее доказательство ея невинности!» (62).

Наступила ночь на 25-е ноября; ночь, по словамъ современнаго календаря, весьма холодная и ненастная (63).

Лестокъ велѣлъ вѣхаться во дворъ дворца цесаревны (нынѣ зданіе Пажескаго корпуса) двумъ санямъ. Между тѣмъ, еще прежде докторъ назначилъ нѣкоторымъ изъ своихъ единомышленниковъ сойтись въ ближайшемъ трактирѣ, къ 8-ми часамъ вечера. На мѣстѣ свиданія встрѣтилъ онъ подозрительнаго человѣка, его нужно было удержать, не пустить въ городъ. Лестокъ воспользовался страстью шпіона къ игрѣ. Завлекъ его въ игру, проигралъ ему нѣсколько партій и дождался наконецъ прихода одного изъ сотоварищей. Тогда быстро окончивши игру, Лестокъ поспѣшилъ къ дворцу правительницы, съ цѣлью осмотрѣть все ли тамъ благополучно. На площади онъ встрѣтилъ другаго товарища посланнаго къ домамъ Миниха и Остермана. Узнавъ отъ него, что и тамъ все спокойно, хирургъ возвратился къ цесаревнѣ и съ довольнымъ видомъ разсказалъ ей, что все идетъ пока благополучно (64).

Но при наступленіи рѣшительной минуты, едва не встрѣтилось непреодолимое препятствіе. Лизавета вновь оставила всѣ планы и предположенія, ничего не хотѣла о нихъ слышать. Только рѣшительныя убѣжденія Лестока могли

возвратить ей мужество. Трещущая, она упала на колѣна предъ иконою Богоматери (65) и два часа, съ жаромъ и слезами, голосомъ взволнованнымъ отъ рыданій, молилась о дарованіи ей короны. Говорятъ, что въ эту минуту она дала обѣтъ при успѣхѣ предпріятія уничтожить смертную казнь (65). За тѣмъ успокоившись немного, цесаревна надѣла подъ платье латы, по совѣту Лестока возложила на себя орденъ св. Екатерины, взяла въ руки большой, серебряный крестъ и въ полночь на 25-ое ноября, сани тронулись со двора, увозя трещущую Лизавету. Подлѣ нея сѣлъ Лестокъ, на запяткахъ стали камергеръ: М. В. Воронцовъ, камеръ - юнкеры: Петръ и Александръ Шуваловы, да въ другихъ саняхъ сидѣли Алексѣй Разумовской, Василій Оеодоровичъ Салтыковъ, да три гренадера Преображенскаго полка стали у нихъ на запяткахъ. Маленькій поѣздъ быстро проѣхалъ по пустыннымъ улицамъ Петербургскимъ прямо къ *съѣзжей* лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка (на мѣсто, гдѣ нынѣ стоитъ соборъ Спаса - Преображенія, у Литейнаго проспекта.)

Увидавъ толпу пріѣзжихъ, ихъ странный видъ, вооруженіе, барабанщикъ, стоявшій въ сѣняхъ, хотѣлъ ударить въ барабанъ, Лестокъ быстро кинулся къ нему и кинжаломъ распоролъ кожу барабана. Нѣсколько гренадеръ съ нетерпѣніемъ ждали въ съѣзжей пріѣзда Лизаветы; увидавъ ее, они бросились въ казармы, скликая ихъ проворнѣй собраться къ ихней матушкѣ цесаревнѣ. Безъ шума, въ нѣсколько минутъ сбѣжалось почти половины роты, весьма немногіе изъ нихъ знали въ чѣмъ дѣло, и для чего ихъ зовутъ (66). Цесаревна въ краткихъ, но не безъ эффекта сказанныхъ словахъ высказала свои права на престолъ, рассказала о гоненіяхъ на нее правительницы, объявила, что ее насильно хотятъ либо выдать замужъ, либо постричь въ монастырь. Между тѣмъ, по одиначкѣ подходили остальные гренадеры той же роты и молча присоединялись къ слушателямъ. Прекрасная царевна (ей шель 33-й годъ) заключила словами, что она намѣрена возвратить незаконно похищенный у нея престолъ, что въ этомъ послѣ Бога—возлагаетъ надежду на любезныхъ ей Преображенцевъ, и такъ:

заклучила она, зная чья я дочь, готовы ли вы идти за мною?»

Рота закричала: «готовы наша матушка, да здравствует Лизавета Петровна!» Громкое *ура* огласило темныя и закопченныя казармы Преображенцевъ. Солдаты присягнули новой императрицѣ, цѣлуя серебряный крестъ и ея руку.

Первымъ дѣломъ было арестованіе дежурнаго офицера, спокойно спавшаго въ своей комнатѣ, то былъ иностранецъ *Грессъ*. За тѣмъ вся рота, въ составѣ 360 человекъ рядовыхъ двинулась къ Зимнему дворцу (онъ стоялъ на мѣстѣ нынѣшней дворцовой площадкѣ, у адмиралтейства.) Впереди шла Лизавета съ крестомъ въ рукахъ (66). На походѣ Лестокъ отдѣлилъ четыре отряда, каждый въ 25 человекъ для арестованія Мишиха, Остермана, Головкина, Левенвольда и друг. По прибытіи ко дворцу, съ остальными солдатами цесаревна вошла въ караульню и повторила слова, сказанныя въ сѣзжей

И во дворцовомъ караулѣ солдаты и офицеры не колебались предоставить цесаревнѣ дѣйствовать какъ она хочетъ. Караулъ присягнулъ ей въ вѣрности, а Лестокъ въ это время смѣнилъ всѣхъ старыхъ часовыхъ солдатами своего отряда, и приказалъ тридцати рядовымъ арестовать правительницу съ мужемъ. Съ шумомъ вбѣжали солдаты къ Аннѣ Леопольдовнѣ и объявили ей, что она должна слѣдовать за ними. Тренущая отъ страха, великая княгиня, кой-какъ одѣвшись, молила о свиданіи съ Лизаветой. Ей отказали и торопили одѣваться. Обезумѣвшій отъ страха принцъ сидѣлъ какъ ошеломленный. Съ грустью и отчаяніемъ упрекнулъ онъ жену въ ея безвѣрности и непослушаніи благоразумнымъ совѣтамъ. «Слава Богу еще, отвѣчала правительница, и тутъ не измѣнившая своей кротости и добросердечію, слава Богу, что дѣло кончилось такъ мирно и спокойно, что Лизавета достигла своей цѣли безъ пролитія крови, за эту милость надо благодарить Господа.» Тихо выронила скинетръ Анна Леопольдовна изъ своей слабой руки.

Но супругамъ не дали время на разговоры; вслѣдъ за Анной увлекли ея мужа; тщательно укутавъ ихъ, посадили обоихъ въ санці и закрыли шубою. Ихъ повезли во дво-

рець цесаревны (67). Солдаты перешли въ комнату императора; невинный младенець спалъ въ колыбелькѣ. Исполняя приказъ цесаревны, гренадеры не будили его, и въ молчаніи окружали царственную колыбель. Слустя часъ, Юаншъ проснулся; гренадеры съ шумомъ заспорили о томъ, кому изъ нихъ взять младенца на руки. Испуганный ребенокъ, при видѣ оружія, усатыхъ, грозныхъ лицъ, заплакалъ и закричалъ. На плачь прибѣжала кормилица, трепеща отъ страха, взяла она его на руки и въ сопровожденіи гренадеръ, сошла въ караульню. Сюда же явились посланные съ извѣстіями, что генераль-фельдмаршалъ графъ *Минихъ*, кабинетъ-министры: *Остерманъ* и *Головкинъ*, оберъ-гофмаршалъ графъ *Левенвольдъ*, президентъ коммерцъ-коллегии баронъ *Мейденъ* (братъ дѣвицы Юліаны), дѣйств. стат. совѣт. коллегии экономіи членъ *Темірязевъ* и кабинетный секретарь Андрей *Яковлевъ* арестованы, и отправлены уже въ казематы Петропавловской крѣпости.

Окруженная ликующими гвардейцами, при громкомъ несмолкаемомъ ура, Елизавета, взявъ на руки развѣчанаго младенца, отправилась въ свой дворець, на большую Садовую улицу. Крики ура развеселили ребенка; онъ сталъ подпрыгивать, махать ручками, подражая тому же крику. «Бѣдняжка, сказала сердобольная цесаревна, ты не знаешь, что эти клики, лишаютъ тебя короны» (68).

Въ 3 часа ночи Елизавета была въ своемъ дворцѣ. Петръ Ивановичъ Шуваловъ посланъ къ Шетарди съ извѣстіемъ о благополучномъ восшествіи на престолъ цесаревны. Французъ, болѣе оглушенный, нежели обрадованный сею вѣстью, внутренно досадуя, что переворотъ совершился безъ смуты, безъ вмѣшательства Швеціи, безъ уступокъ Петровскихъ завоеваній, словомъ — безъ внутреннихъ и вѣшнихъ неурядиць, тѣмъ не менѣе поспѣшалъ съ льстивымъ поздравленіемъ къ новой императрицѣ.

Тогда же извѣстилъ Лестоку и фельдмаршала Ласси (68), бывшаго въ то время въ С. Петербургѣ, о всемъ случившемся и передалъ ему повелѣніе государыни, не опасаясь ничего, явиться къ ней съ поздравленіемъ и присягой. Курьеры развезли всѣмъ сенаторамъ, генералитету и инымъ санов-

никамъ приказъ: спѣшить во дворецъ. «Лишь только я уснулъ въ три часа, пишетъ въ своихъ запискахъ сенаторъ Я. Б. Шаховской, меня разбудилъ необыкновенный стукъ въ ставень моей спальни. «Вставайте проворнѣй, одѣвайтесь, спѣшите во дворецъ, кричалъ голосъ сенатскаго экзекутора, цесаревна Лизавета взшла на престолъ, я спѣшу съ этою вѣстью къ остальнымъ сенаторамъ!» Проворно выпрыгнувъ я изъ постели, бросился къ окну съ разпросами, но гонецъ уже бѣжалъ далѣе. По улицамъ валилъ толпами народъ, всѣ бѣжали на Садовую, къ дворцу цесаревны. Отовсюду слышались крики, бѣжали люди съ факелами и фонарями, слышался громкій говоръ. Я поспѣшилъ выйти изъ дому. Ночь была темная и морозная, улицы и площади залиты народомъ. Чѣмъ ближе ко дворцу, тѣмъ чаще и чаще попадались гвардейскіе отряды. Тамъ и сямъ дымились разведенные костры, вокругъ нихъ грѣлись ликующіе солдаты; поздравляли другъ друга и распивали водку Шумъ, говоръ, захватскія пѣсни, громкое ура, крики воинствъ: «да здравствуетъ наша матушка, да здравствуетъ Лизавета Петровна!» все это сливалось въ одинъ гулъ. Сенаторы, генералы и придворные, въ своихъ раззолоченныхъ, парадныхъ костюмахъ, не могли проѣхать въ экипажахъ; они пѣшкомъ пробирались сквозь толпы народныя При входѣ въ залу, сановники робко смотрѣли другъ на друга, и въ недоумѣньи, шопотомъ спрашивали о всемъ случившемся. Временщики новаго царствованія, Шуваловы, обнимали, лобызали вельможъ и весело рассказывали о своемъ подвигѣ, поздравляя всѣхъ съ успѣхомъ. Сановники не могли не радоваться. Въ это время, говоритъ Шаховской, вбѣжалъ въ комнату генералъ-полицейстеръ Вас. Фед. Салтыковъ, который съ женой своей Марьей Алексѣвной не мало способствовалъ Лизаветѣ взойти на престолъ. Быстро подойдя, онъ схватилъ меня за руки. «Ну, что господа сенаторы? Что скажете господа?» говорилъ Салтыковъ? (69).

Сенаторы были смущены и не знали что отвѣчать «Что это значитъ, сказалъ Шаховской твердымъ голосомъ, обращаясь къ Салтыкову, что значитъ, что теперь, когда всѣ радуются, вы атакуете насъ, какъ людей, недоброжелатель-

ствующихъ государынь? (69). Не находите ли вы на насъ какойнибудь мѣтки? или поступаете такъ по особому повелѣнію, въ такомъ случаѣ, извольте объявить намъ это надлежащимъ образомъ, и мы во всемъ, по незазрѣшой, нашей совѣсти безбоязненно отвѣчать готовы.»

Объясненіе прервано было выходомъ императрицы. Она, пишетъ сенаторъ, весьма милостиво соизволила принять наши вѣрноподданническія поздравленія и дозволила поцѣловать свою руку.

Принявъ присягу отъ Сената и Синода, императрица отиравалась въ большой линейкѣ съ Лестокомъ и другими главнѣйшими партизанами въ Зимній императорскій дворецъ. Вокругъ шли безпорядочною толпою Преображенцы. Шествіе это было совершено, по словамъ вѣдомостей, въ началѣ третьяго часа по полудни, при непрестанномъ, *радостномъ* восклицаніи въ безчисленномъ множествѣ собравшагося народа. Здѣсь, въ придворной церкви, отиравленъ былъ благодарственный молебень, при громѣ пушечной пальбы (70), послѣ чего прочтанъ былъ на скоро сочиненный и уже отпечатанный, на большихъ листахъ сѣрой бумаги, манифестъ о вступленіи на престолъ Елизаветы (70).

На вопросъ: какъ приняли вѣсть о семъ событіи десятки миліоновъ людей, составлявшихъ населеніе Россіи, отвѣчаетъ Даниловъ; безъ возгласовъ и разсужденій онъ внесъ въ свои любопытныя записки слѣдующія строки:

«Послѣ Анны Ивановны была великая перемѣна въ правленіи. Въ одинъ годъ мы три раза были приводимы къ присягѣ.» (71)

Привѣтствуя воцареніе Елизаветы, одинъ изъ тогдашнихъ академикомъ такъ писалъ въ вѣдомостяхъ (71):

«Промыслъ спалъ, статское искусство дремало! Вся російская имперія была театръ, на которомъ дикая злоба, честолюбіе, ярость и свирѣпство свое изліяло!... Желаніе къ похищенію коронъ вмѣстѣ съ корыстью, сребролюбіемъ дѣла Петра I-го уничтожили и помрачили!.. Коронами играютъ яко бы мячами, сего ради встаньте сыны отечества и

вѣрные Россы! Спѣшите оборонять свою родину отъ честолюбивыхъ хищниковъ!»..

«Семнадцать лѣтъ протекло съ кончины Петра Великаго! Россія смѣло подвигалась по стезѣ, проложенной преобразователемъ ея; но, потрясаемая внутренними перемѣнами, не успѣла еще вполне насладиться всеми плодами мудрыхъ его предначертаній. Отрасль его, прерванная царствованіемъ Анны Ивановны, возвратилась съ Лизаветою Петровою на престоль Россійскій, и съ тѣхъ поръ царствуетъ къ славѣ и благоденствію любезнаго нашего отечества!»

Сими словами Вейдемейера мы почли нужнымъ заключить нашъ разсказъ (72).

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) Кромѣ двухъ-трехъ статей, знакомящихъ насъ съ событіями отъ смерти Петра II до воцаренія Екатерины II, кромѣ *Обзора* Вейдемейера и его же брошюры подъ заглавіемъ: «Царствованіе Елизаветы Петровны», брошюры, давно уже признанной весьма неудовлетворительною, мы не имѣемъ связнаго разсказа объ этомъ любопытномъ времени. Думаемъ, что нашъ разсказъ будетъ поэтому не лишнимъ. Мы взяли себѣ задачею описать жизнь царевны Лизаветы до восшествія ея на престоль, т. е. тотъ періодъ въ ея жизни, который не обратилъ на себя до сихъ поръ *ниче* вниманіе. Сгруппировать въ одинъ связный, хотя и краткій разсказъ, важнѣйшіе факты ея жизни въ это время, очертить общество, въ которомъ развился характеръ Лизаветы; ближе познакомить съ этимъ характеромъ, съ недостатками образованія Лизаветы, съ ея занятіями, ея наружностью — вотъ что было задачею сего очерка. По прочтеніи его, всякій можетъ вывести заключеніе: на сколько приготовлена была Лизавета къ наслѣдованію престола, на сколько способна она была управлять столь обширною монархіею, какова Россія; чего ждали, чего надѣялись современники съ ея воцареніемъ, и чего вправѣ они были ждать. Удалось ли намъ выполнить нашу задачу — пусть судить читатели.

(2) *Голицыновъ*, изд. 1842 г., т. IV, стр. 104—105; т. II, стр. 356—359. «Журналъ великославныхъ дѣлъ Петра II и проч.» т. XXVIII, содержащій въ себѣ лѣто 1709 г., собранный *П. И. Крекшинымъ* въ СПб. въ 1756 году. Рукопись въ листъ, страница 679. Странна судьба рукописей Новгородскаго дворянина Крекшина, знаменитаго *биснословца* въ исторіи Петра. Его громадныя томы собственноручныхъ его работъ, никогда не бывши напечатанными, разошлись по Толкучему рынку, погибли въ печаль, въ подвалахъ. Томъ XXVIII, вмѣщающій въ себѣ 700 страницъ убогостаго письма, найденъ нами у г-жи Ш—мъ, которая готовилась уже употребить трудъ Крекшина, вмѣстѣ съ другими рукописями, на обложку стѣны.

(3) Дворецъ этотъ — ветхое деревянное зданіе, вмѣщая въ себѣ 270 комнатъ съ 3000 оконъ.

(4) А. П. Сумароковъ, въ царствованіе Лизаветы, высокопарными стихами такъ воспѣлъ ея мѣстороженіе:

Россійскій Визедемъ, Коломенско село,
Которое на свѣтъ Петра произвело!
Ты счастья нашего источникъ и начало,
Въ тебѣ величіе Россійско возсіало!... и т. д.

«Трудол. Пчела», 1759 г., Апрель.

(5) «Любопытныя и достопамятныя сказанія о Петрѣ I,» собранныя Я. Штелиннымъ, СПб., 1787 г., стр. 49. *Голиковъ*, т. X, стр. 33. Царствованіе Петра II. *Арсеньева*, 1839 г. стр. 69.

(6) Старшая была Анна, младшая Наталья Петровны.

(7) Донесеніе франц. посла. «Акты историческіе, относящіеся къ Россіи,» извлеченныя А. П. Тургеневымъ изъ разныхъ актовъ и донесеній французскихъ посланниковъ и агентовъ при Русскомъ дворѣ. *Голиковъ*, т. VI, стр. 632. «Житіе Петра I,» 1788 г., СПб.

(8) Извѣстія собр. *Тургеневымъ*.

(9) Вообще любовь къ драгоценнымъ камнямъ, сильная между дамами Петровскаго времени, увеличилась необыкновенно при его преемникахъ. *Русская Старина*, изд. 1824 г., стр. 56—111.

(10) Собр. Тургенева, донесеніе Ла-Ви. *Беркгольцъ*, стр. 207, 208, 116, 86; ч. II, стр. 102.

(11) Извѣст. Тургенева. Въ 1721 г. прибылъ въ Россію Герцогъ Голштинскій Карлъ-Фридрихъ. Дневникъ, оставленный его камеръ-юнкеромъ Беркгольцомъ — блестящая картина семейнаго и общественнаго быта русскихъ того времени. Драгоценный памятникъ этотъ напечатанъ Бюшингомъ въ его. «Magazin für die neue Historie und Geographie,» томы XIX, XX, XXI и XXII Прекрасный русскій переводъ г. Аммона, изданъ пока въ двухъ частяхъ въ Москвѣ.

(12) *Беркгольцъ*, ч. I, стр. 193, 207, 116, 208, 86, 123—125, 196, 209, 210, 115. Русск. Старина *Корниловича*, стр. 56—90. Донесеніе Кампредона, 1721, сент., стр. 56—60. «Voyage philosophique, politique etc. en Russie, pendant les années 1788—1789, par Chantreau. Hambourg, 1794, t. II, p. 56—62. *Голиковъ*, т. X. *Нащокинъ*, стр. 16—48. Онытъ историч. родословія Апракениныхъ, 1841 г. СПб. *Memoires sur la Russie, Вильбоа*, 1855 г., глава IV, стр. 67—101.

(13) *Голиковъ*, ч. VII, стр. 378; ч. II, стр. 7. *Корниловичъ*, стр. 97—111. Исторія Петра I, *Бермана*, 1837 г. *Беркгольцъ*, ч. II, стр. 301. Записки о Петрѣ I, *Вильямса*, СПб., 1835 г., стр. 44—60. *Memoires pour servir à l'histoire de l'Empire Russe, sous le règne de Pierre I par un ministre étranger. 1725.*

(14) Сколько намъ извѣстно, одинъ изъ первыхъ портретовъ Лизаветы сдѣланъ былъ придворнымъ живописцемъ Давиенгауеромъ, урожденнымъ Саксонцемъ. Портретъ былъ нарисованъ въ 1722 г., и, по словамъ очевидца, отличался необыкновеннымъ сходствомъ. *Беркгольцъ*, ч. II, стр. 167, 304, 62, 281.

(15) Извѣстія собр. Тургеневымъ. Довес. 25 іюля 1719 г. *Голиковъ*, т. VIII стр. 196—197. Царствованіе Петра II, *Арсеньева*, стр. 144—145.

(16) Извѣстія собр. Тургеневымъ, стр. 167, 174, 175, 99.

(17) Извѣстія собр. Тургеневымъ, стр. 100, 94, 117, 124, 131. *Голиковъ*, т. VIII, стр. 254. *Memoires historiques etc.*, t. II, p. 197—198. éd. 1771. Сѣверный Архивъ, 1822 г., X 3. «О свойствахъ генераловъ», донесеніе Миниха, 1837 г. 29 декабря. *Голиковъ*, т. X, стр. 157.

(18) Извѣстія собр. Тургеневымъ, стр. 23—25, мартъ 1725 г. *Memoires du règne de Catherine I*, 1728 г.

(19) Извѣстія собр. Тургеневымъ, стр. 100—102. Царствованіе Екатерины I, 1856 г., *Арсеньева*, стр. 19.

(20) Царств. Екатерины I, *Арсеньева*, стр. 73—74. Словарь *Б. Каменскаго*, т. IV, 1836 г., стр. 68—69. Дѣлнія полководцевъ и министровъ Петра I, Москва, 1821 г., стр. 8, *Manstein*, стр. 74, ч. I. Собр. Тургенева, стр. 27—30.

(21) *Тургеневъ*, стр. 19, 94, 102. «Описаніе бракосочетанія Анны Петровны съ герцогомъ Голштинскимъ», изд. 1798 г., Москва, сочин. игумена *Воейкова*. Старина, *Корниловича*, стр. 115. *La Cour de la Russie il y a cent ans*. Berlin, 1858, p. 3; донесеніе саксонскаго министра Лефорта, 27 сент. 1727 г.

(22) Въ слѣдствіе сего негодованія, сынъ Анны, Петръ III, не былъ приглашенъ на царство въ 1730 году, когда ему было еще только 3 года. *La Russie*, 1858, p. 9. Собр. Тургенева, стр. 30—36. *Арсеньевъ*, стр. 58, 59, 39. *Memoires du duc de Lihria*. 1788, Paris, p. 2—3.

(23) Забѣчанія на «Записки Манштейна». Отеч. Записки, 1825 г., ч. XXI, стр. 101. *Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français*. Berlin, 1858, p. 3.

(24) Языковъ ошибается, утверждая въ одномъ изъ примѣчаній къ запискамъ Лирійскаго, что епископъ Любекій умеръ 12 мая. Еще неправильное извѣстіе Вейдемейера. Онъ увѣряетъ, что смерть Карла-Августа послѣдовала 7 мая. Умершій принцъ былъ родной дядя Екатерины II. Царств. Екатерины I, *Арсеньева*, стр. 64—66. *Memoires de Lihria*, стр. 3—5, 137—138. Обзоръ *Вейдемейера*, стр. 50—57. *Manstein*, I, стр. 40—42, 81.

(25) *Арсеньевъ*, царствованіе Петра II, стр. 4—18. *Вейдемейеръ*, стр. 40—41. *Manstein*, стр. 75. *Duc de Lihria*, стр. 11—15. Записки *Миниха-сына*, 1817 г., стр. 29. *La Russie il y a cent ans*. p. 22—23. *Le caprice de la Fortune ou Histoire de Menchikoff*, par *L. H. Marchand*, 1772. Paris.

(26) Словарь *Каменскаго*, ч. III, изд. 1836 г., стр. 148. *Memoires du duc de Lihria*, стр. 32—41, 80—85.

(27) *Extraits des dépêches des ambassadeurs*. Berlin, 1858, p. 5. *Арсеньевъ*, стр. 78—80. Александръ Борисовичъ Бутурлинъ, въ послѣдніе годы царствованія Петра I, состоялъ при немъ въ деньщикахъ съ двумя Татищевыми, Ив. Мих. Орловымъ и друг. Большая часть деньщиковъ Петра въ послѣдствіи достигли первѣйшихъ мѣстъ въ управленіи Россіи. Особенными милостями осыпаны они были съ 1742 года. *Корниловичъ*, стр. 29.

(28) *Memoires du duc de Lihria*, p. 42. *Manstein*, ч. I, стр. 82. Жизнь принцессы Анны, правительницы Россіи. Москва, 1814 г., соч. *П. Яковлева*, стр. 5. *Арсеньевъ*, стр. 105—108. Отеч. Записки, 1825 г., ч. XXI, стр. 107.

(29) Русская старина въ памятникѣхъ церковнаго и гражданскаго зодчества, сост. *Мартыновъ*, изд. 1848 г., ч. I, стр. 119—127. Въ своемъ намѣреніи Долгорукій самъ создала предъ лютою казнію, совершенною надъ нимъ въ 1739 году. *Арсеньевъ*, стр. 130—145. Примѣчанія *Болтина*, 1788 г., т. II, стр. 516.

(30) «О восшествіи на престолъ Анны Ивановны,» соч. *Феофана Прокоповича*, Московскій Вѣстникъ 1830 г., ч. I, стр. 42. *Вейдемейеръ*, стр. 126—129. Отеч. Записки 1825 г., стр. 224. *Extraits des dépêches*, 1858, p. 8—12. *Арсеневъ*, стр. 150, «Реляція о высокому его импер. велич. обрученіи, какъ оно счастливо совершилось.» Москва, 1729 года.

(31) *Лефорть* писалъ 10 окт. 1729 г.: «*Cette princesse vit dans une obscurité incroyable, et peu considérée*» *Memoires duc de Lhiria*, p. 157. Исторія Екатерины II, *Лефорта*, СПб. 1837 г., ч. I, стр. 107. *Вейдемейеръ*, стр. 123.

(32) *La Cour de la Russie*, p. 14, 36—40. Записки о родѣ Князей Голицыныхъ, 1853 г., СПб.

(33) *Extraits des dépêches*. *Мауляна*, отъ 20 января 1730 г. *Буене*, отъ 24 февраля. *Мауляна*, 2 марта. *Rondo*, отъ 23 февраля и 20 апрѣля, стр. 14, 16, 36, 37, 39, 46, 47, 48. *Schmid's Materiabtien etc.* Th. II, S. 391. *Hermann's Geschichte des Russischen Staates*. B. IV.

(34) *La Cour de la Russie*, стр. 48—49. Словарь *Каменскаго*, 1836 г., ч. III, стр. 548—550. *Manstein*, ч. II, стр. 201—205.

(35) *Memoires sur la Russie par Manstein*, Leipzig, 1771, p. 450. *Каменскій*, 1847 г., ч. III, стр. 350. Русская Старина въ памятникахъ, и проч. Текстъ *И. Снегирева*, Отеч. Записки, 1825 г., ч. LVIII, стр. 68—70.

(36) *Memoires duc de Lhiria*, стр. 115. *Manstein*, ч. I, стр. 132—134. Сказанія о родѣ князей Долгоруковыхъ, СПб. 1840 г. Графъ Остенъ, посланникъ Вѣнскаго двора, пишетъ, что «когда Биронъ говоритъ о скотахъ или со скотами, то говоритъ какъ человѣкъ, но лишь только начнетъ говорить съ людьми или о людяхъ, то говоритъ какъ скотина.» стр. 257.

(37) *La Cour de la Russie*, стр. 50. Отеч. Записки 1826 г., ч. XXV, стр. 246; 1825 г., ч. XXII, стр. 246. Подробное описаніе коронаціи Анны I, изд. въ СПб. 1732 г. Отеч. Записки 1823 г. *Вейдемейеръ*, стр. 167. Описаніе С.-Петербурга съ 1701 по 1751 годъ, изд. *Рубана*, 1779 г. Дворъ Екатерины II, соч. *Вейдемейера*, 1846 г., ч. I, стр. 6. *Lettres d'une dame anglaise*, Rotterdam, 1796, p. 45—47. Кромѣ перевода этихъ писемъ, изданнаго въ 1836 г. *М. Касторскимъ*, въ Публичной Библиотекѣ хранится своеручный переводъ Осипова, сочинителя Енеиды, вывороченной на изнанку.

(38) *Lettres d'une dame anglaise*, стр. 95, 46—57. *Корниловичъ*, стр. 111—115. *Минихъ-сынъ*, стр. 59, 128—132. *Вейдемейеръ*, стр. 25—30. Одинъ изъ лучшихъ портретовъ цесаревны Елизаветы, относящійся къ этому времени, сдѣланъ былъ Челидовымъ, простымъ гвардейскимъ солдатомъ. Этотъ человѣкъ имѣлъ необыкновенный даръ рисовать перомъ. Талантъ его былъ чрезвычайный. Изображеніе Елизаветы было такъ искусно сдѣлано перомъ, какъ никакой бы граверъ не сдѣлалъ бы его рѣзцомъ. Портретъ изъ галереи Ив. Ив. Шувалова перешелъ къ священнику Семенову. Челидовъ умеръ академикомъ въ 1765 г. *L'academie des beaux-arts*. Petersburg. 1807 г. стр. 11—12.

(39) *Manstein*, стр. 57. *Rondo*, стр. 86, 117—118.

(40) *Lettres d'une dame anglaise*, стр. 118—128. Записки *Миниха-сына*, стр. 138—142. Чрезвычайно любопытна статья: «О портретахъ и изображеніяхъ Анны Леопольдовны.» г. *К.* въ Ученыхъ Запискахъ Академіи Наукъ по I и III Отдѣлен., СПб. 1853 г., т. I, стр. 554—579. Также любопытно: «Слово въ день бракосочетанія принцессы Анны съ герцогомъ Брауншвейгскимъ, говоренное *Амеросіемъ*, епископомъ Вологодскимъ. Въ листъ, СПб., 1739 г.

Примѣчанія къ СПб. Вѣдомостямъ, 1739 г., стр. 241—248. Дамскіе наряды этого времени, при всей своей пышности, не могли похвалиться удобствомъ и красотой. Его обыкновенно составляли: узкой, костяной кирасъ, исчезавшій въ огромномъ фишбейнѣ; башмаки съ каблуками въ два вершка высоты, большія робы съ корсетомъ и длиннымъ шлейфомъ, обыкновенно парчевыя или штофовыя, шитыя золотомъ и серебромъ, унизанныя жемчугомъ, но обложенныя богатыми кружевами. *Корниловичъ*, стр. 124—125.

(41) *Manstein*, t. II, p. 154, 85. *Минихъ-сынъ*, стр. 159. Отеч. Записки, 1826 г. замѣчанія на записки Манштейна, ч. XXV, стр. 229—236. *La Cour de la Russie*, стр. 56.

(42) *La Cour de la Russie il y a cent ans*, p. 50—60. Любопытныя подробности о Вольнскомъ можно найти въ письмахъ Петцольца, изданныхъ *Германномъ* въ «*Gesch. des Russischen Staates.*» B. IV, S. 607—625.

(43) Стр. 4. *Supplément au corps universel diplomatique du droit des gens, contenant un recueil des Traitez.* Amsterdam. 1740, t. II, ч. II. *Histoire de la guerre, 1736—1739, Keralio*, Paris, 1786. Свадьба эта была подробно описана мною въ статьѣ: «Ледяной домъ, шуты и забавы при дворѣ Анны Ивановны.» Общез. Вѣстникъ. 1857 г., N 16, стр. 1—50.

Кстати скажемъ, что когда статья наша о Ледяномъ домѣ была уже въ наборѣ, въ Московскихъ вѣдомостяхъ 1857 г. N 123, 128 и 130, между почтенными нашими библиографами, М. Н. Лонгиновымъ и княземъ Н. Голицынымъ возникъ интересный споръ о томъ, кто изъ Голицыныхъ былъ героемъ шутовской свадьбы. Г. Голицынъ утверждалъ титулъ шута за княземъ Василиемъ Петровичемъ, г. Лонгиновъ удачно отстоялъ его за княземъ Михаиломъ Алексѣвичемъ. Первый, между прочимъ, въ подтвержденіе своего невѣрнаго мнѣнія, ссылается на «Подробное и обстоятельное описаніе Ледянаго дома,» соч. *Крафта*, 1741, СПб. «Книга эта такъ рѣдка,» отвѣчалъ на эту ссылку г. Лонгиновъ, «что мнѣ остается только позавидовать тому, кто ее видѣлъ.» Мы имѣемъ удовольствіе не только видѣть, но и владѣть экземпляромъ, который полнѣе даже экземпляра Публичной Библиотеки, и смѣемъ завѣрить г. Н. Голицына, что Вольгангъ Крафтъ въ своемъ описаніи не только ничего не говоритъ о лицахъ, принимавшихъ участіе въ свадьбѣ, но даже и о самой свадьбѣ ни слова не упоминаетъ. Это молчаніе разъяснено въ нашей статьѣ.

(44) О началѣ русскаго театра, о духовныхъ мистеріяхъ, помѣщено въ Современникѣ 1857 года превосходное изслѣдованіе г. *Пекарскаго*. О театрѣ при дворѣ герцогини Мекленбургской, въ селѣ Измайловѣ, въ 1720 годахъ, разсѣяно много любопытныхъ замѣтокъ въ дневникѣ Беркгольца. О театрѣ же смотри Отеч. Записки 1820 г., ч. XII, стр. 290—295. С.-Петербургскій Вѣстникъ 1779 г., августъ. О театрѣ до 1768 г., соч. *Штелина*, стр. 80—85. Также въ Сѣверномъ Архивѣ 1822 г. N 21. Историческое извѣстіе о Русскомъ театрѣ.

(45) *Manstein*, p. 50—67. *Минихъ-сынъ*, стр. 180—181. *Lettres d'une dame anglaise*, p. 106—110. Примѣчанія Языкова къ запискамъ Желажужскаго, изд. въ СПб. 1840 г., стр. 273—274. *Вейдемейеръ*, ч. II, стр. 127—140. Русская Бесѣда, 1857 г., т. I, стр. 6; біографія И. И. Шувалова, сост. *Барменевъ*.

(46) *Manstein*, t. II, p. 80—85. Примѣчанія *Болтина* на исторію Леккерка, 1788 г., ч. II, стр. 514—515, 519—520. Обзорѣніе царствованія Екатерины II, соч. *Сумарокова*, 1835 г., ч. I, стр. 4. *Минихъ-сынъ*, стр. 173—175, 190. *Вейдемейеръ*, ч. II, стр. 135—145. *La Cour de la Russie*, p. 66.

(47) Въ Отеч. Запискахъ 1858 г., N 5, помѣщена статья г. *Шишкина*, подъ заглавіемъ: «Событія въ С.-Петербургѣ въ 1740 и 1741 годахъ.» Она написана бойкимъ языкомъ, отличается рѣзкостью сужденій, живымъ описаніемъ и вообще написана очень остроумно. Статья составлена, по поводу новой книги: «La Cour de la Russie il y a cent ans.» 1858 г. Жаль только, что талантливый авторъ при составленіи своего мастерскаго очерка упустилъ изъ виду многіе источники: любопытныя Записки Миниха-сына, Примѣчанія на Записки Манштейна *И. А. Остермана*, (Отеч. Зап. 1820—1829 г.); Voyage en Sibérie, аббата *Шанна* въ 1796 г., гдѣ есть интересныя подробности о Лестокѣ и событіяхъ 1741 г., статья г. *К.* въ Ученыхъ Запискахъ Академіи Наукъ по I и III Отдѣленіямъ, т. I и III, примѣчанія къ Петербургскимъ Вѣдомостямъ 1741 г. (примѣчанія, сохранившіяся только въ одномъ экземплярѣ въ Академической Библіотекѣ, остальные не полны; изъ нихъ, по приказу Елизаветы, вырѣзано все, что относилось къ правленію Анны) проповѣди Амвросія 1740—1741 г. и другихъ проповѣдниковъ того времени, оды Штеллина, Юнкера и Ломоносова, описаніе Фейверковъ и празднествъ 1740—1741 г., съ весьма любопытными, характеристическими предисловіями и отступленіями, записки Шаховскаго и многія другія сочиненія, на которыя мы дѣлаемъ ссылки — все это не было просмотрѣно, г. Шишкинымъ? Высказываемъ наше сомнѣніе тѣмъ съ большею смѣлостью, что онъ вслѣдъ за Манштейномъ и Вейдемейеромъ повторилъ басни о Менгденѣ, о мнимомъ принужденіи Елизаветы выйти за принца Людовика, о какомъ-то измѣненіи ея характера — въ чемъ? когда? и проч. Мы готовы указать г. Шишкину его промахи въ статьѣ, тѣмъ не менѣе имѣющей неоспоримаго достоинства. Еще одно слово: о какихъ это источникахъ, *недоступныхъ* для русской публики, говоритъ г. Шишкинъ? Мы не нашли ихъ въ числѣ *семи* сочиненій, на которыя ссылается авторъ? Ужъ не Биографіи ли Россійскихъ генералиссимусовъ, соч. *Баттышъ-Каленскаго*, считаете вы недоступнымъ источникомъ?

(48) *Вейдемейеръ*, стр. 11. *Минихъ-сынъ*, стр. 192. *Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'Empire de Russie par le comte de Münich* (отецъ) стр. 111—125. Жизнь графа Миниха, соч. *Галена*, ч. I, стр. 180—190. *La Cour de la Russie*, стр. 72. *Histotre de la Russie*, *Leclerk*, Paris, 1783, t. VI.

(49) *Motifs de la disgrâce d'Ernest Jean Biren*. *Büsching's Magazin*, B. IX. S. 380—388. *Яковлевъ*, 1814 г., стр. 16—20. Истор. XVIII вѣка, ч. IV, стр. 181. *Manstein*, t. II, p. 87—88, 93.

(50) *Voyage en Siberie fait par ordre du roi en 1761 par M. l'abbé Chappe d'Auderoche*. Amsterdam. 1769, t. I, p. 181. Отеч. Записки 1825 г., ч. XXI, стр. 225—226.

(51) *Минихъ-сынъ*, стр. 213. *La Cour de la Russie il y a cent ans*. p. 74—75.

(52) Въ 92-мъ номерѣ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей, 1749 года, 14 ноября, въ слѣдующихъ словахъ объявлено было о изложеніи Бирона: «Герцоть за многія свои, какъ государственнымъ правамъ, такъ и учиненному отъ его императорскаго величества, блаженной памяти, уставу противныя поступки и объявленныя при томъ дальновидныя и тайныя намѣренія, отъ регесства отрѣшить, а правленіе имперіей, во время малолѣтства его величества, къ нескazanной радости и удовольствію всѣхъ вѣрноподанныхъ — ея имп. высоч. государниѣ принцесѣ Аннѣ, съ принятіемъ титула великой княгини всероссійской, поручено и отдано.... Въ 105 части Вѣдомостей того же года,

30 декабря напечатано *Радостное Поздравленіе*, отъ академика Юнкера. Это интересный, историческій документъ: сочинитель выражаетъ радость о низложеніи Бирона. Называетъ правительницу основательницею общаго спокойствія, олицетвореніемъ доброты, правосудія, великодушія и проч.

(53) Еще въ 1732 г., іюля 19, при посѣщеніи принцессою Академіи Наукъ, Юнкеръ привѣтствовалъ слѣдующими словами: «Принцесса, славная добротой, украшенная умомъ и любознательностію!» и т. д. Пет. Вѣд. 1732 г.

(54) СПб. Вѣд. 1741 г. N 1. La Cour de la Russie. p. 73. СПб. Вѣд. 1741 г. N 15, N 29, апрѣля 15. Крафъ славился въ свое время астрологическими предсказаніями. Къ нему, какъ къ чародѣю, обращались за предсказаніями Анна Ивановна и ея дворъ. Штелинъ сохранилъ нѣсколько интересныхъ анекдотовъ по сему случаю. Объемъ нашего очерка не позволяетъ привести здѣсь эти характеристическіе рассказы. Въ Москвитинѣхъ 1842 г. т. I, стр. 50—60 помѣщены нѣкоторые изъ нихъ.

(55) Одинъ изъ подарковъ, поясъ супруги Великаго Могола, украшенный жемчугомъ и брилліантами. Правительница препроводила на храненіе въ музей Академіи Наукъ 13 октября, во время своего посѣщенія Академіи. Вѣдом. 1741 г. N 82. Въ С. Петербургѣ, съ 1736 по 1740 годъ, постоянно жилъ персидскій посолъ, имѣвшій прощальную аудіенцію у Анны Ивановны въ іюнь 1740 года. Новый посланникъ прибылъ 29 сентября 1741 года. *Manstein*, t. II, p. 118. *Каменскаго* словарь, 1847 г., ч. I, стр. 30, Военно-Энцикл. Лексиконъ 1841 г., ч. V, стр. 414. Отеч. Записки 1829 г. ч. XXXVIII, стр. 11. Вѣдом. 1741 г., N 39, 52, 58, 59. О бібліотекѣ и кабинетѣ Академіи, соч. *Бокмейстера*, 1779 г., СПб.

(56) Отеч. Записки 1829 г., ч. XXXVIII, стр. 16—17. С.-Пет. Вѣдом. 1741 г., N 65. Здѣсь помѣщено весьма любопытное описаніе фейерверка, сожженного 12 августа. Смотри части 66—69, стр. 261—266. Въ наибольшей части примѣчаній, описаніи это вырѣзано.

Ломоносовъ прибылъ изъ Голландіи 8 іюня 1741 года. Академія была въ это время безъ президента. Дѣлами распоряжался совѣтникъ канцеляріи Шумахеръ. Въ первое время онъ сильно покровительствовалъ Ломоносову и далъ ему работу для Примѣчаній къ Вѣдомостямъ. Въ нѣмецкихъ примѣчаніяхъ по случаю торжества 12 августа, была отпечатана ода Штелина, въ русскихъ Ломоносова, стр. 267—272.

(57) *Chanteracq* увѣряетъ, что Минихъ имѣлъ сильное вліяніе на правленіе Анны Леопольдовны. Несправедливо. Фельдмаршалъ былъ въ большой немилости, и только, благодаря своему сыну, оберъ-гоф-мейстеру двора великой княгини, пользовался пустымъ виѣшнимъ почетомъ. *Voyage en Russie*, Nambourg. 1794, t. II, p. 175. Біографіи Россійск. Фельдмаршаловъ, *Каменскаго*, СПб., 1840 г., ч. I, стр. 220—225.

(58) Отеч. Записки 1829 г., ч. XXXVIII, стр. 202—216. *Manstein*, p. 190—198, t. II, p. 120—125. Вѣдом. 1741 г., N 66. *Rélation exacte de la guerre entre la Moscovie et la Suède*. 1740—1742. Utrecht. 1742 г., 2 части. Объ описаніяхъ русско-шведской войны 1741—1742 г. См. Учен. Записки Акад. Наукъ по I и III Отдѣленіямъ. Выпускъ I, СПб., т. II, 1853 г., стр. 144—155.

(59) Ода на 23 августа на побѣду при Вильманстрандѣ, Ломоносова. Примѣч. къ Вѣдом. стр. 289—296. Уничтожена во всѣхъ экземплярахъ, кромѣ Академическаго. Ода вмѣщаетъ въ себѣ 230 самыхъ напыщенныхъ «стиховъ, изо-

браженныхъ всеподданѣйшимъ рабомъ Михайломъ Ломоносовымъ.» Она несравненно слабѣ оды на взятіе Хотина 1739 г. Вѣдом. N 83. Отеч. Записки 1828 г., ч. XXXVI, стр. 49—51. 1829 г., т. XXXVIII, стр. 13—20. Отеч. Записки ч. XII, стр. 366.

(60) *Levesque*, t. V, p. 220—222. *Manstein*, t. II, p. 133. Лестоку родился въ 1692 году. Въ 1713 году онъ поступилъ въ русскую службу. Петръ отличилъ его за познанія въ хирургіи. По клеветамъ завистниковъ, онъ былъ сосланъ въ Казань. Екатерина I опредѣлила его хирургомъ при Елизаветѣ; полную довѣренность ея онъ скоро приобрѣлъ. *Voyage en Siberie, Chappe*, 1769 г., t. I, p. 126.

(61) *Минихъ-сынъ*, стр. 214—215. Отеч. Записки 1829 г., ч. XXXVIII, стр. 210.

(62) *Manstein*, t. II, p. 75, 157—166. *Вейдемейеръ*, стр. 69—89. *Levesque*, t. V, p. 222—230. Исторія Екатерины II, соч. *Лефорта*, 1837 г., ч. I, стр. 86. *Минихъ-сынъ*, стр. 214. *Болтинъ*, 1788 г., ч. II, стр. 324. *La Cour de la Russie*, p. 85—95. *Histoire de Pierre III, par Montmorin*, Paris, 1767, t. I, p. 1—32.

(63) С.-Петербург. Календарь, изд. Академіей Наукъ на 1741 годъ. Даже экземпляръ, находящійся въ Академической Библіотекѣ, не полонъ. Изъ него вырѣзаны, по приказу имп. Елизаветы, всѣ дни, противъ которыхъ были напечатаны имена семейства правительницы. Вообще календари сего времени весьма интересны по астрологическимъ предсказаніямъ и живописнымъ *протостикамъ*, помѣщавшимся въ нихъ. Это дань современному невѣжеству и грубому суевѣрію.

(64) Аббатъ *Шанъ* всѣ эти подробности слышалъ отъ самаго Лестока и напечаталъ ихъ въ своемъ *Voyage en Siberie*. 1769, t. I, p. 182—184. *Яковлевъ*, стр. 30—31. Отеч. Записки 1829 г., ч. XXXVIII, стр. 19.

(65) Образъ этотъ, если не ошибаюсь, нынѣ находится въ одной изъ часовень въ парекѣ Селѣ. Риза и украшенія его чрезвычайно драгоценны. Вейдемейеръ, ссылаясь на указъ 26 іюня 1746 года, указъ, которымъ запрещалось *чинить* смертныя казни внутри города обѣихъ столицъ, утверждаетъ, что обѣщаніе Елизаветы не было исполнено. Стр. 9. Царствованіе Елизаветы Петровны, изд. 1834 г.

(66) Казармы Преображенскія, деревянные, отдѣльные домики, стали строиться по указу Екатерины I 1726 г. ноября 16-го, «для лучшаго плезира въ прешективѣ Литейной и для всякаго случая въ нуждѣ въ солдатахъ.» Изд. 1743 г., стр. 245. По указу 1739 г., казармы эти отведены были для жилья гвардейцевъ, а офицеры продолжали жить внѣ полка, на обывательскихъ квартирахъ.

Изображеніе любопытной медали, выбитой въ послѣдствіи по сему случаю, можно видѣть въ изд. 1772-года. «*Medailles sur le principaux événements de Russie, par P. Ricaud de Firegale*. Potsdame, p. 76—79. Собраніе русскихъ медалей. СПб., изд. 1840 г., N 123, 124, 125.

(67) Лучшая статья на русскомъ языкѣ о дальнѣйшей судьбѣ Брауншвейгской фамиліи принадлежитъ *Полъноу*: «Отправленіе Брауншвейгской фамиліи изъ Холмогоръ въ Датскія владѣнія.» Труды Россійской Академіи. 1840 г., СПб., ч. I, стр. 108—120.

(68) *Voyage fait en Russie, par Chanterau*, Hambourg, 1794, t. II, p. 75—76. Отеч. Записки 1825 г., ч. XXII, стр. 48; 1829 г., ч. XXXVIII, стр. 202. Петръ Петровичъ Ласси держался и былъ въ милости при всѣхъ правительствахъ,

ибо не вмѣшивался въ дворцовыя интриги, былъ человѣкъ самый кроткій обходительный, хладнокровный, повиновался всѣмъ, кому прикажутъ и былъ человѣкъ самый необидчивый. Стр. 48.

(69) Записки Якова Петровича Шаховскаго. 1821 г., СПб., ч. I, стр. 48—54. См. объявленіе о восшествіи на престолъ Елизаветы въ N 95 Вѣдом. 27-го ноября 1741 г.

(70) Вѣдомости N 96, 1741 года декабря 2-го. Мы имѣемъ экземпляръ манифеста, отпечатаннаго въ этотъ день. Типографскихъ и грамматическихъ ошибокъ бездна. Въ Полномъ Собран. Закон., т. XI, стр. 537, онъ отпечатанъ съ поправками.

(71) Записки артиллеріи майора *М. В. Данилова*, Москва, 1842 г., стр. 57. Вѣдомости 1742 г., часть XLIX, Пригъчанія, стр. 193—196.

(72) Когда статья наша была уже въ наборѣ, въ I номерѣ «Русскаго Вѣстника» явилось сочиненіе *П. К. Щебальскаго*: «Вступленіе на престолъ Анны Ивановны». стр. 5—67. Новое и прекрасное сочиненіе достопочтеннаго нашего ученаго проливаетъ весьма яркій свѣтъ на столь интересныя событія 1730 года. Съ живымъ любопытствомъ прочитали мы это замѣчательное изслѣдованіе: если не такъ много собрано въ немъ фактовъ, какъ бы этого мы желали, то за то приведенные сгруппированы и прономерованы съ тѣмъ искусствомъ, съ которымъ уже давно знакомы читатели: «Правленія Софьи Алексѣевны» и друг. сочиненій *П. К. Щебальскаго*.

Въ названной нами статьѣ, о цесаревнѣ Елизаветѣ, какъ и надо было ожидать, по самой задачѣ сочиненія, почти ничего не говорится. *Г. Щебальской* привелъ однако одну замѣтку, относящуюся къ *А. Б. Бутурлину*. Замѣтку эту мы какъ то просмотрѣли и не привели въ III главѣ нашего разсказа, почему и помѣщаемъ ее здѣсь: «Бутурлинъ имѣлъ въ послѣдствіи случай выказать на обширномъ поприщѣ свою незначительность; онъ командовалъ нашею арміею противъ Фридриха II. Лефорть, посолъ Саксонскій, еще въ 1729 году, писалъ о Бутурлинѣ:» ein Mensch, der das Pulver nicht erfunden, den aber Gott im Zorn zum General-Major gemacht hatte. (Gesch. d. Russ. st. 531).

Михаилъ Семеновскій.

Ноября 26-го 1853 года.

С. Петербургъ.

ПЕРВЫЙ ГОДЪ ЦАРСТВОВАНІЯ

ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

1741 — 1742.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

(Посвящается Александру Ивановичу Семевскому.)

«Царствованіе Елизаветы не прославилось никакими блестящими дѣяніями ума государственнаго. Нѣсколько побѣдъ, одержанныхъ болѣе стойкостію воиновъ, нежели дарованіемъ военачальниковъ, московскій университетъ и оды Ломоносова остаются красивѣйшими памятниками сего времени.»

Карамзинъ (Записки о древ. и нов. Россіи).

VII.

Манифесты. — Празднества. — Характеристика приверженцевъ императрицы, возвышенныхъ и награжденныхъ ею: Лестоку, Разумовскій, Шуваловы, Воронцовъ, Шварцъ, Шетарди, Скавронскіе, Ефимовскіе, Гендриковы, Черкасской, Шереметьевъ, Салтыковы, Людвигъ Гессенъ-Гомбургскій, Трубецкіе, Чернышевы, Румянцовъ, Ушаковъ, Куракинъ, Головинъ, Бутурлинъ, Панинъ, Ласси. — Прощеніе и награжденіе лицъ, опальныхъ въ прежнія царствованія: Долгорукіе, Черкасовъ, Бѣлосельскій, Шубинъ, Ганнибаль, Ванатовичъ, Юрловъ, Скорняковъ-Писаревъ, Девіеръ, Сиверсъ, Финкъ, Соймоновъ, Мусинъ-Пушкинъ, Бироны, Безстужева-Рюминъ.

25-го Ноября 1741-го года, въ четвертомъ часу по полуночи, императрица Елизавета въ открытой, большой линейкѣ, окруженная благонадежнѣйшими (1) гренадерами отправилась изъ своего дворца въ зимній императорскій домъ. Улицы были наполнены народомъ. Съ изумленіемъ глядѣлъ онъ на вельможъ и архіереевъ, въ парадныхъ костюмахъ тѣснившихся пѣшкомъ за царскою линейкою, съ недоумѣніемъ прислушивался къ громкимъ крикамъ ликующихъ солдатъ; сплошными шеренгами, аллею, стояли гвардейцы до императорскаго дворца (2).

Изъ прежней нашей статьи мы уже знакомы съ подробностями ночной экспедиціи 25-го ноября. Страхъ и трепеть, какой-то паническій страхъ овладѣлъ сановниками при видѣ новой государыни, новыхъ временщиковъ, звонко смѣявшихся надъ оторопѣвшими сенаторами, весело болтающихъ и гордо расхаживающихъ по дворцовымъ заламъ. А подъ окнами кричали солдаты, тѣснился народъ, дымились костры. Приверженцы прежнихъ правительствъ не ладили съ временщиками новаго, многіе, если не всѣ, страшились ссылки, казни. Князь Щербатовъ въ своихъ интересныхъ запискахъ сохранилъ слѣдующій фактъ, дающій намъ понятіе о неестественномъ, странномъ отношеніи прежнихъ и новыхъ царедворцовъ какъ другъ къ другу, такъ и къ самой государынѣ въ первые дни по ея водареніи.

«Въ ночь на 25 ноября, говоритъ Щербатовъ, дежурнымъ генераль-адъютантомъ былъ графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ, человекъ злой и глупый, знавшій о замыслахъ Елизаветы. Арестованный и приведенный предъ императрицу, онъ палъ на колѣни.»

«Что братъ,» заговорилъ родственникъ его, Василій Ѳеодоровичъ Салтыковъ, «вотъ ты теперь стоишь на колѣняхъ передъ нею, а вчера и глядѣть-бы не хотѣлъ, и готовъ-бы всякое зло ей сдѣлать!» Пораженный этими словами, и безъ того уже обомлѣвшій отъ страха, генераль-адъютантъ стоялъ на колѣняхъ, ожидая своего приговора. Но снисхожденіе самой государыни, запретившей вратъ Василю Ѳеодоровичу, ободрило Петра Семеновича. Въ такомъ страхѣ, добавляетъ Щербатовъ, находился весь дворъ, а гдѣ есть страхъ, тутъ нѣтъ твердости.»

Въ придворной церкви отслужили молебень, тутъ-же именитыми сановниками произнесена была присяга.

Въ слѣдъ за тѣмъ вышелъ манифестъ.

«Объявляемъ во всенародное извѣстіе. Какъ то всѣмъ уже чрезъ выданный въ прошломъ 1740 году, въ октябрѣ мѣсяцѣ 5-го числа, манифестъ извѣстно есть, что блаженные памяти отъ великія государыни императрицы Анны Ивановны, при кончинѣ ея, наслѣдникомъ всероссійскаго престола учиненъ внукъ ея величества, которому тогда еще отъ

рожденія нѣсколько мѣсяцевъ только было, и для такого его младенчества правленіе государственное чрезъ разныя персоны и разными образы происходило, отъ чего уже какъ внѣшніе, такъ и внутри государства безпокойства и непорядки, и слѣдовательно не малое-же раззореніе всему государству послѣдовало-бъ; того ради всѣ наши, какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго чиновъ вѣрныя подданные, а особливо лейбъ-гвардіи наши полки всеподданнѣйше и единогласно насъ просили, дабы мы, для пресѣченія всѣхъ тѣхъ прошедшихъ и впредь онасаемыхъ безпокойствъ и непорядковъ, яко по крови ближняя, отеческій нашъ престолъ всемилостивѣйше воспріять соизволили, и потому нашему законошному праву, по близости крови къ самодержавнымъ нашимъ вседражайшимъ родителямъ, государю императору Петру Великому и государынѣ императрицѣ Екатерицѣ Алексѣевнѣ, и по ихъ всеподданнѣйшему нашихъ вѣрныхъ *единогласному* прошенію, тотъ нашъ отеческій всероссійскій престолъ всемилостивѣйше воспріять соизволили; о чемъ всѣмъ впредь со обстоятельствомъ и съ довольнымъ изъясненіемъ манифестъ выданъ будетъ. Нынѣ-же, по всеусердному всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ желанію, всемилостивѣйше соизволяемъ въ томъ учинить намъ торжественную присягу» (3).

Сенать въ тотъ-же день послѣшилъ сдѣлать распоряженіе о приведеніи къ присягѣ всякаго чина людей, и о передѣлкѣ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ печатей.

Сенать приказалъ всѣхъ жителей, во всѣхъ городахъ, съ утра до вечера, во всѣхъ церквахъ, приводить къ присягѣ, кромѣ однако *нашихъ крестьянъ*, всѣхъ-же остальныхъ людей заставлятъ присягать и подписываться на присяжномъ листѣ всѣмъ до двѣнадцати-лѣтняго возраста. слѣдить за совершеніемъ присягъ поручалось особо-командированнымъ штабъ и оберъ-офицерамъ гвардіи; они должны были немедленно донести о неприсягнувшихъ. Въ особенности-же поручалось строго слѣдить, чтобы всѣ священники и церковнослужителя непременно приведены были къ присягѣ (4).

Три дня спустя, 28 ноября въ субботу, вышелъ манифестъ «съ обстоятельнымъ изъясненіемъ ближайшаго и пре-

имущественнаго права ея величества на императорскую корону».

Документъ этотъ весьма важенъ по отношенію къ Елизаветѣ, вотъ почему мы считаемъ нужнымъ остановиться на немъ: подробно изложить его содержаніе и буквально привести важнѣйшія мѣста.

Манифестъ напоминалъ, что въ духовной императрицы Екатерины I-й, объявленной 7-го мая 1727 года, въ первомъ пунктѣ назначенъ былъ наслѣдникомъ Петръ II-й, «а о сукцессорахъ по его кончинѣ» сказано было въ 8-мъ пунктѣ. На основаніи его, послѣ бездѣтнаго императора Петра II-го, должны были вступить на престолъ: царевна Анна съ своими десцендентами, «за ней царевна Елизавета и ея десценденты,» а потомъ великая княжна Наталья Алексѣевна.

«Слѣдовательно, по тому testamentу матери нашей государыни, мы еще тогда-же, по смерти императора Петра II-го, законною наслѣдницею нашего отеческаго престола были; но недоброжелательными къ намъ, и коварными просками, бывшаго тогда при его величествѣ, оберъ-гофмейстера, графа Андрея Остермана та духовная, по кончинѣ его величества (ибо при императорѣ Петрѣ II-мъ всѣ государственныя такой важности подлежащія дѣла были въ его Остермана рукахъ), скрыта; и его-жь Остермана проскомъ, дабы мы, яко довольно зная уже его коварные и государству нашему вредительные многіе поступки, всероссійскій престолъ не наслѣдовали, избрана на престолъ мимо насъ (какъ всему умному свѣту извѣстно есть, законной наслѣдницы) императрица Анна Иваницна».

«Въ октябрѣ 1740-го года, когда государыня уже «къ смерти разболѣлась», онъ-же графъ Остерманъ сочинилъ опредѣленіе, опубликованное 6 октября, на основаніи котораго наслѣдникомъ престола объявлялся двухмѣсячный младенецъ Іоаннъ (никакой уже ко всероссійскому престолу принадлежащей претензіи, линіи и права не имѣвшій). — Не удовольствуясь этимъ, графъ Остерманъ, къ вящему намъ оскорбленію и явному насъ лишенію престола, въ тоже опредѣленіе не устыдился внести, что, по смерти принца Іоанна, наслѣдуетъ престолъ его братъ, а по смерти того, другой

братъ и другіе прищцы, рождаемые отъ принца Брауншвейгъ-Люнебургскаго и принцессы Мекленбургской (кои и сами ни мало на російской престолъ права не имѣютъ).

«Это опредѣленіе государыня, будучи уже въ крайней слабости, 6-го октября подписала. 17-го же октября, по кончинѣ ея величества, принцъ Іоаннъ, чрезъ Остермана съ бывшимъ фельдмаршаломъ Минихомъ по общему старанію, императоромъ утверждень. — А такъ-какъ въ то время, какъ наша гвардія, такъ и полевые полки были у графа Миниха и у принца Антона Ульриха Брауншвейгъ-Люнебургскаго подъ командою, и тако, какъ уже здраво всякому разсудить можно, тогда и вся сила состояла въ ихъ рукахъ, слѣдовательно всѣ, доброжелательные намъ, наши вѣрноподанные, будучи въ крайней отъ него опасности и утѣсеніи, должны были присягнуть, какъ принцу Іоанну, такъ и правительству надъ нимъ учрежденному, (опредѣленіе о немъ графъ Остерманъ, нося во дворецъ неоднократно, склонилъ ея величество подписать 6-го октября).

«Да они сами, принцъ Антонъ Ульрихъ съ супругою его принцессою Анною, лстясь всеросійскій престолъ удержать, сыну своему съ подпискою ихъ рукъ присягали-же. Но потомъ съ помощію графовъ Остермана, Миниха и Михайла Головкина, презря присягу о правительствѣ, нарушили её, а управление нашей имперіи въ свои руки насильствомъ взяли; причемъ принцесса Анна самовольно титулъ великой княгини всеросійской (ни мало ей не принадлежацій) взять не устыдилася. Отъ чего, какъ то всѣмъ довольно есть извѣстно, немалые въ нашей имперіи неурядки, и вѣрнымъ нашимъ поданнымъ крайнія утѣсенія и обиды уже явно начались.

«Кромѣ того, къ вящему нашей собственной персонѣ утѣсенію и опасности, Остерманъ и Головкинъ, съ согласія принца Антона Ульриха и его супруги, сочинили новое опредѣленіе о наследствѣ нашей имперіи, въ силу котораго, еще при жизни принца Іоанна, самую принцессу Анну императрицею всеросійскою утвердить отважились. Такимъ образомъ, видя утѣсенія нашихъ подданныхъ, во время младенчества принца Іоанна (которому и теперь только четырнадцать мѣсяцевъ отъ рожденія), также и чаемые, какъ внут-

реніе имперіи нашей, такъ и вѣшніе неурядки и безпокойства, и впредь худыя слѣдствія; будучи уже и сами мы, нашу императорскою персоною, въ крайнемъ опасеніи, для пресѣченія всего этого, по всенодданнѣйшему къ намъ всѣхъ нашихъ вѣрноподанныхъ прошенію, а болѣе всего по прошенію полковъ нашей лейбъ-гвардіи, мы всемилостивѣйше воспріять соизволили нашъ родительскій престоль 25-го числа, сего истекающаго мѣсяца (о чемъ тогда-же изданнымъ манифестомъ объявлено). И хотя принцесса Анна, и сынъ ея принцъ Іоаннъ, и ихъ дочь принцесса Екатерина, какъ уже довольно объяснено выше, ни малѣйшей претензіи и права къ наслѣдію всероссійскаго престола, ни почему не имѣютъ; но въ уваженія свойства, которое имѣютъ по матерямъ своимъ, принцесса и принцъ Ульрихъ Брауншвейгскій, къ императору Петру второму; а болѣе того по нашей врожденной къ нимъ императорской милости, всѣхъ ихъ въ ихъ отечество отправить повелѣли, съ надлежащую имъ честію и съ достойнымъ удовольствіемъ, не желая имъ причинять никакихъ огорченій и предавая всѣ ихъ предосудительные поступки крайнему забвенію» (5).

Если царица Елизавета Петровна была права, оправдывая свое восшествіе на престоль духовнымъ завѣщаніемъ матери, то съ другой стороны были правы и сановники, передавшіе власть герцогинѣ курляндской: они дѣйствовали такъ, по указу императора Петра I-го (5-го февраля 1722 года), въ силу котораго всякій государь могъ нарушить право первородства и выбирать самопроизвольно наслѣдника престола.

Оефанъ Прокоповичъ въ 1722-мъ году, «простосердечныхъ ради, но мало свѣдущихъ людей», напечаталъ «Правду воли монаршей, въ опредѣленіи наслѣдника своей державы.» Этотъ актъ, полный схоластической учености и ссылокъ на законопискиниковъ древнихъ и новыхъ, духовныхъ и свѣтскихъ, содержалъ въ себѣ такую основную мысль: самодержецъ долженъ избирать наслѣдника державы *не по естественному первенству въ рожденіи, но по усмотрѣнію добродѣтельнаго превосходства* (6).

Указъ государя вмѣстѣ съ сочиненіемъ архивастыря были

сожжены по волѣ императора Петра II-го вмѣстѣ съ другими, обнародованными документами, имѣвшими отношеніе къ процессу Алексѣя Петровича (7). Но Анна Ивановна, вскорѣ по возшествіи своемъ на престолъ, приказала вновь издать и манифестъ 5-го февраля 1722 года, и «Правду воли монаршей», почему и то, и другое получило свою силу. На основаніи этихъ актовъ императрица Екатерина, руководимая Меньшиковымъ, завѣщала Россію, по мимо своихъ дѣтей, Петру II-му. Этотъ государь имѣлъ также право, вопреки духовной императрицы, слѣдуя указу Петра I-го, передать Россію имъ самимъ назначенному наслѣднику; но онъ умеръ скоро и неожиданно. Верховники, передавая власть герцогинѣ курляндской, имѣли долю законности на своей сторонѣ, имъ ввѣрено было опекунство надъ государемъ, имъ перешло право произвольно выбрать *достойнѣйшаго государя (не по естественному первенству въ рожденіи, но по усмотрѣнію добродѣтельнаго превосходства)*. Причины-же, почему верховники нашли *добродѣтельное превосходство* въ герцогинѣ курляндской, и предпочли ее, Екатеринѣ Ивановнѣ Мекленбургской, сестрѣ ея Прасковѣ Ивановнѣ, теткѣ Авдотѣ Федоровнѣ Лопухиной, двоюродной сестрѣ Елизаветѣ Петровнѣ, и Екатеринѣ Алексѣевнѣ Долгорукой, невѣстѣ покойнаго государя, все это достаточно разъяснено въ четвертой главѣ нашей статьи: «Елизавета Петровна до восшествия своего на престолъ» и въ прекрасномъ сочиненіи П. К. Щербальскаго: «Восшествіе на престолъ Анны Ивановны» (8).

Анна Ивановна имѣла наслѣдницею престола родную племянницу свою, Анну Леопольдовну, но опять таки, пользуясь манифестомъ Великаго Петра, нашла *добродѣтельное превосходство* во внукѣ своемъ Іоаннѣ. Такимъ образомъ, великій младенецъ внесенъ былъ на престолъ не какъ похититель, а какъ государь законный, права котораго признала вся чиновная Россія, всѣ чины государственныя.

Цесаревна Елизавета ссылалась на духовное завѣщаніе Екатерины, но въ томъ-же 8-мъ пунктѣ, прямо было сказано: «ежели великій князь (Петръ II) безъ наслѣдниковъ преставится, то имѣеть по немъ наслѣдствовать царица Анна съ своими *десцендентами*, а уже потомъ царица Ели-

завета и ея дещенденты» (9). Четырнадцати-лѣтній Петръ Ульрихъ, сынъ Анны, внукъ Петра I-го, былъ живъ, и по духовной своей бабки имѣлъ болѣе правъ на корону, нежели его тетка.

Въ этомъ случаѣ, всходя на престолъ, помимо племянника, Елизавета Петровна дѣлалась столь-же виновною, сколь, по словамъ ея манифеста, была виновна «принцесса Анна, еще при жизни своего сына, отважившаяся самовольно утверждать себя императрицею всероссійскою» (10).

Перечитывая манифестъ 28-го ноября, нельзя не вспомнить замѣчательныя слова Н. М. Карамзина. Двѣ причины, говоритъ авторъ «Записки о древней и новой Россіи», способствуютъ заговорамъ: «общая ненависть или общее неуваженіе къ властителю. Минихъ, Лестоку и другіе не дерзнули бы на дѣло, противное совѣсти, чести и веъмъ уставамъ государственнымъ, если-бы сверженные ими властители пользовались уваженіемъ и полною любовью Россіянъ.»

Первые дни царствованія Елизаветы ознаменовались многочисленными собраніями во дворцѣ: какъ выражается современникъ «для разныхъ по тогдашнимъ надобностямъ дѣлъ производителей и зрителей тѣхъ новизнъ» (11).

Посланники иноземныхъ дворовъ спѣшили извѣстить свои кабинеты о совершившейся перемѣнѣ правленія. «Вчера, въ часъ утра, доносилъ 26 ноября англійскій резидентъ Финчъ, принцесса Елизавета отправилась въ казармы Преображенскаго полка, сопровождаемая Воронцовымъ, Лестокомъ, Шварцомъ, какъ кажется ея секретаремъ. Въ главѣ трехъ-сотъ гренадеровъ, которые выступили съ примкнутыми штыками, съ начиненными, ручными гранатами въ сумкахъ, она прямо отправилась въ Зимній-дворецъ... Всѣ приказанія ея были слѣпо выполнены и она въ 3-мъ часу возвратилась въ свой дворецъ. Предъ нимъ стояли полкъ конной гвардіи, да три полка гвардейской пѣхоты. Въ семь часовъ утра Елизавета самодержавной императрицей вступила въ Зимній императорскій домъ.»

«Этотъ переворотъ, добавляетъ Финчъ, сопровождалась награжденіями и арестами, освобожденіями, ссылками и конфискаціями имуществъ осужденныхъ. Нѣтъ возможности опи-

сать неистовства гвардейцевъ, главныхъ виновниковъ сего событія. Дворъ угождаетъ имъ, ласкаетъ ихъ такъ, какъ будто-бы эти солдаты были полные властелины» (12).

Щедрыя награды посыпались на лица, почему-бы то ни было списавшія милость новой государыни: 25 ноября княгиня Гессенъ-Гомбургская получила орденъ св. Екатерины (13).

Въ понедѣльникъ, 30-го числа, въ день кавалерскаго праздника св. апостола Андрея, послѣ торжественнаго выхода и обѣдни, государыня пожаловала орденъ Андрея Первозваннаго Александру Ивановичу Румянцову, Григорію Петровичу Чернышеву, Василью Яковлевичу Левашову; кавалерамъ сего ордена Андрею Ивановичу Ушакову, Николаю Ѳедоровичу Головину и Александру Борисовичу Куракину — золотыя цѣпи сего ордена. «Кавалеры» ея прежняго двора П. И. и А. И. Шуваловы, М. Л. Воронцовъ и А. Г. Разумовскій пожалованы дѣйствительными камергерами; адъютантъ конной гвардіи И. И. Чеглоковъ камер-юнкеромъ; бывшій при Петрѣ I-мъ тайнымъ кабинетъ-секретаремъ И. Черкасовъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, ему поручены «комнатныя, письменныя дѣла государыни.» Въ тотъ-же день представлялись государынѣ и благодарили ее за милость князя Василій Владимировичъ и Михайло Владимировичъ Долгоруковы; съ 1739-го года съ лишеніемъ чиновъ заточенные въ шлюссельбургскомъ и ивань-городскомъ казаматахъ. По приказу Елизаветы, они были освобождены и получили обратно чины и ордена (14).

Въ этотъ день, ознаменованный столькими наградами, въ дворцѣ былъ торжественный столъ (въ 12 ч.), въ продолженіи обѣда играла итальянская музыка, во время заздравныхъ тостовъ гремѣли выстрѣлы изъ полковыхъ пушекъ, поставленныхъ предъ дворцомъ. День кончился великолѣпнымъ баломъ, но безъ фейерверка. Ни поэты, ни академики не успѣли заготовить ни панегириковъ, ни высокаторжественныхъ одъ, ни громкихъ надписей къ аллегорическимъ картинамъ.....

Прежде чѣмъ займемся описаніемъ этого непрерывнаго ряда баловъ, торжествъ, прежде чѣмъ станемъ перечитывать указы государыни, оды и проповѣди хвалебныя, перечислимъ

лица, которыя вслѣдъ за преображенскими гренадерами сдѣлались главными дѣйствующими лицами новаго царствованія.

Германъ *Лестокъ*, родомъ французъ, род. въ 1692 году, былъ не болѣе какъ сынъ простаго лѣкаря въ Ганноверѣ. На двадцать второмъ году явился въ Россію, опредѣлился лѣкаремъ къ высочайшему двору и сопутствовалъ Екатеринѣ I-й въ Голландію въ 1717-мъ году. Къ этому времени относится весьма характеристическій анекдотъ, въ послѣдствіи сообщенный Лестокомъ Штелину: «Петръ I-й, рассказываетъ профессоръ аллегоріи, любилъ скорую расправу; зачастую соизволялъ изъ собственныхъ рукъ наказывать дубиною, ленькомъ, при томъ такъ, «что наказанный долго помнилъ и чувствовалъ дѣйствіе столь сильнаго правосудія». Однажды, во время переѣзда по морю, государь спалъ въ каютѣ; капитанъ баронъ Любрасъ и лейбъ-хирургъ Лестокъ громко спорили на палубѣ; царь проснулся; спорившіе услышали его походку и, боясь за шумъ наказанья, попрятались по угламъ: государь съ ленькомъ въ рукѣ нашелъ на палубѣ только одного араба, подкрался къ нему, схватилъ за волосы и побилъ *изрядно*, приговаривая: «когда я силю, такъ вы не шумите и не мѣшайте» — оказалось, что арабченокъ ни въ чемъ не виноватъ. «Ладно, сказалъ Петръ, побилъ я тебя напрасно, слѣдовало-бы попотчивать ленькомъ лейбъ-хирурга и капитана, но успокойся, зачти сегодняшніе побои за будущіе проступки.» Въ 1718 году Петръ, по словамъ Штелина, сослалъ Лестока въ Казань за распутное поведеніе. Въ 1725 году возвращенный изъ ссылки, онъ получилъ приказанье находится при цесаревнѣ Елизаветѣ. Намъ уже извѣстно изъ предшествовавшей статьи, какъ дѣятельно и вмѣстѣ съ тѣмъ бесплодно убѣждалъ Лестокъ цесаревну, въ 1730 году, заявить свое право на родительскій престолъ. Въ десятилѣтнее царствованіе Анны Ивановны лейбъ-хирургъ не имѣлъ никакого значенія. Безпечность Анны Леопольдовны дала ему возможность осуществить прежнюю мысль (15).

Щедро одаренный деньгами, Лестокъ желалъ удалиться за границу. Государыня не хотѣла и слышать объ этомъ; «хотя твои заслуги превышаютъ всякую награду, сказала Елизавета, но я хочу имѣть удовольствіе наградить тебя

истинно по-царски» (16). «Этого-то я и боюсь, государыня, отвѣчать докторъ, мое возвышеніе породитъ множество завистниковъ и враговъ. Они очернятъ меня въ глазахъ вашего величества и доведутъ до тюрьмы и ссылки.» — Императрица возразила, что это дѣло невозможное, что онъ можетъ быть вполне увѣреннымъ въ ея расположеніи къ нему, что она слишкомъ хорошо знаетъ его преданность къ ней и его заслуги, чтобъ хоть на минуту усумниться въ немъ. Лестоку успокоился. Пользуясь расположеніемъ императрицы, онъ просилъ ее сдѣлать А. П. Безстужева-Рюмина вице-канцлеромъ. Государыня исполнила просьбу, но сказала при этомъ: «Лестоку, я боюсь, что ты связываешь для себя самого пукъ розогъ» (17).

Алексѣй Григорьевичъ *Разумовскій*, сынъ малороссійскаго казака, род. въ 1709 году въ селѣ Лемешахъ, Черниговской губерніи, Козелецкаго повѣта. Онъ отличался въ церквахъ пріятнымъ голосомъ, посредствомъ котораго, равно и пріятной наружностью, обратилъ на себя вниманіе полковника Вишневскаго. Послѣдній опредѣлилъ его въ придворные пѣвчіе. Цесаревна Елизавета отличила скоро отъ своихъ приближенныхъ красиваго, статнаго, рослаго Малороссійнина. Ему оказывала она въ послѣдніе годы царствованія Анны и Иоанна Антоновича полнѣйшее расположеніе, ему поручала управлять своими помѣстьями. Въ первые-же дни по воцареніи Елизаветы, Разумовскій произведенъ въ дѣйствительные камергеры, а 5-го февраля 1742 года получилъ орденъ св. Анны, сдѣлавъ оберъ-егермейстеромъ: это было только начало тѣхъ наградъ и повышеній, которыя ждали его впереди.

Надо сказать къ чести Разумовскаго, сего первѣйшаго вельможи временъ Елизаветы, первое время безраздѣльно пользовавшагося ея расположеніемъ, что онъ чуждался гордости, ненавидѣлъ коварство. Не имѣя ни малѣйшаго образованія, просто сказать не зная грамоты, онъ былъ ласковъ, снисходителенъ и привѣтливъ въ обращеніи съ младшими. «Внутренно человѣкъ добрый, говоритъ о немъ Щербатовъ, но недалеаго разсудку, Разумовскій, какъ и всѣ казаки, черкасы, склопенъ былъ къ крѣпкимъ напиткамъ. Степанъ

Федоровичъ Апраксинъ человекъ также благодѣтельный и добраго расположенія сердца, но мало знающъ въ вещахъ, пронырливъ, роскошенъ, честолюбивъ, и потому хотя и не былъ пьяница, но (въ угодность Разумовскому) не отрекался иногда въ излишность сію впадать».

По словамъ Порошина, Алексѣй Григорьевичъ, до страсти любилъ карты, любилъ вино «и во хмѣлю былъ очень неспокоенъ» (18).

Государыня приказала въ 1741-мъ году выстроить для Разумовскаго богатый дворецъ *Аничковскій*, названный такъ по слободѣ, бывшей на этой сторонѣ Фонтанки, въ которой расположены были морскіе батальоны подъ начальствомъ подполковника Аничкова (19). Какъ Алексѣй Григорьевичъ такъ и всѣ приверженцы новой императрицы получали въ даръ большія земли, со многими сотнями даже тысячами крестьянъ. Замѣчательно, говоритъ И. А. Остерманъ, что и Петръ I-й, и его пріемники, до конца 18 вѣка, охотѣе жаловали свихъ вельможъ 1000 крестьянами, нежели 10,000 рублями (20). Мать Алексѣя Григорьевича, простая крестьянка Наталья Демьяновна, была сдѣлана штатсъ-дамою. Женщина отъ природы неглупая, она, по словамъ Каменскаго, придерживалась старыхъ обычаевъ (21).

Шуваловы Александръ и Петръ Ивановичи, родились въ царствованіе Петра I-го и были сыновья бѣднаго дворянина, который не далъ, да и не могъ дать имъ порядочнаго образованія; тѣмъ не менѣе умѣлъ ихъ помѣстить пажами къ высочайшему двору, гдѣ они красотою своею и ловкостью обратили на себя вниманіе Елизаветы, при которой служили камеръ-юнкерами. Вообще, замѣчаетъ современникъ, въ царствованіе Анны Ивановны дворъ цесаревны старались наполнять такими людьми, которые не были замѣчательны ни знатностью, ни богатствомъ, ни умомъ, ни дарованіями. Особенною любовью Елизаветы пользовался Петръ Ивановичъ, жена котораго Мавра Егоровна пользовалась большимъ значеніемъ при дворѣ, хотя, по словамъ современника, была женщина, исполненная многихъ пороковъ.

Оба Шуваловы въ награду за содѣйствіе, оказанное ими цесаревичу во время переворота, были щедро награждены; въ

тотъ-же годъ Александръ Ивановичъ и Петръ Ивановичъ сдѣланы дѣйствительными камергерами и получили чины генераль-маіоровъ.

Михайло Ларионовичъ *Воронцовъ*, сынъ тайнаго совѣтника *А. Г. Воронцова*, род. въ 1714 году; прежде нежели воспитываться гдѣ-нибудь, на 15-мъ году отъ роду, опредѣленъ нажемъ къ цесаревнѣ Елизаветѣ. Участіе его въ ночной экспедиціи, 25-го ноября 1741 года, намъ уже извѣстно. За это онъ былъ награжденъ званіемъ дѣйствительнаго камергера. Государыня выдала за него свою двоюродную сестру графиню Анну Карловну Скавронскую. «Брачное торжество М. Л. Воронцова съ штатсъ-фрейлиною Анною Карловною Скавронскою совершено было, по словамъ Вѣдомостей, 1742 года января 31-го дня, въ воскресенье, въ придворной церкви, въ присутствіи государыни и всего ея штата. Послѣ окончанія службы ея величество со свитою, предшествоваема трубачами, литаврицами и рейтарами конной гвардіи, присутствовала на обѣдѣ и на балѣ въ домѣ новобрачныхъ. Празднества по сему случаю въ домѣ Воронцова и въ покояхъ государыни продолжались три дня со всѣми церемоніями, которыя употреблялись при этихъ случаяхъ въ царствованіе Петра I-го» (22).

Манштейнъ, лично знавшій Воронцова, отзывается о немъ какъ о человѣкѣ честномъ, но лишенномъ образованія, что впрочемъ не помѣшало ему, по смерти князя Черкаскаго, сдѣлаться вице-канцлеромъ (23).

«Тихой обычаи его», говоритъ Щербатовъ, «не позволяя Воронцову оказывать свой разумъ; но, можетъ быть, онъ его имѣлъ, а паче духъ твердости и честности въ душѣ его обиталъ.»

Шварцъ, по происхожденію нѣмецъ, музыкантъ, искатель приключеній, какъ любитель ихъ; принялъ участіе въ заговорѣ. Кромѣ головы ему нечего было терять. Заговоръ удался, и Шварцъ получилъ, съ чиномъ гвардіи полковника, большое денежное награжденіе, и нѣсколько помѣстьевъ (24). Также щедро были награждены служители цесаревны: *Скворцовъ*, *Ляпинъ*, *Вожжисскій* и *Чулковъ*, люди самаго низкаго происхожденія, они пожалованы дворянствомъ, помѣстьями,

чинами и орденами. *Фуксъ*, поваръ государыни, служившій еще до ея восшествія на престоль, теперь получаетъ весьма большое, по тому времени, жалованье, и за ревностную службу отечеству всемилоствѣйше пожалованъ чинномъ бригадира.

Маркизь *Штарди* въ первое время послѣ революціи пользовался большимъ значеніемъ при дворѣ. Англійскій резидентъ, отчасти подъ вліяніемъ зависти, писалъ 3-го декабря: «Посланникъ Франціи — первый министръ при русскомъ дворѣ. Правительство осыпаетъ его милостями» (24). (25)

Съ восшествіемъ на престоль Елизаветы возвысились и родственники ея матери *Скавронскіе*, *Ефимовскіе* и *Гендриковы*.

Г. Арсеньевъ въ брошюрѣ «царствованіе Екатерины I-й» обнаружилъ документы, изъ которыхъ видно, что всѣ эти фамиліи были самаго низкаго происхожденія. Забытыя императрицей Анной, онѣ быстро поднялись въ царствованіе Елизаветы, и, не смотря на отсутствіе даже первоначальнаго образованія, заняли высшія мѣста, среди сановниковъ и вельможъ новаго правительства.

У Карла Самуиловича *Скавронскаго*, роднаго брата императрицы Екатерины (26), было два сына, изъ которыхъ Мартынь Карловичъ, въ царствованіе Анны Ивановны, былъ не болѣе какъ майоръ Азовскаго пѣхотнаго полка; а въ первые-же дни (5 декабря 1741 г.) царствованія своей двоюродной сестры (такъ доводилась ему Елизавета Петровна) сдѣланъ камергеромъ высочайшаго двора. Рожденный еще въ крѣпостномъ состояніи, онъ не умѣлъ воспитать свой умъ, но, по словамъ Каменскаго, «наслѣдовалъ отъ родителя душевную доблесть.» (?)

Сестры его, въ царствованіе Анны, незамѣтныя въ штатѣ цесаревны Елизаветы, составили съ ея воцареніемъ блестящія партіи. Софья Карловна выдана за графа Савѣгу, Екатерина Карловна за генераль-аншефа барона Николая Андреевича Корфа, сдѣлана статсъ-дамою, а Анна Карловна, вышедшая за М. Л. Воронцова, пожалована званіемъ оберъ-гофмейстерши.

У Екатерины I-й были еще двѣ сестры. Одна называ-

лась Анна, была въ замужествѣ за Михайломъ Ефимовскимъ, другая Христина за Семеномъ Гендриковымъ.

Ефимовскіе получили отъ Елизаветы графское достоинство. Въ одномъ изъ имянныхъ указовъ Сенату (26), по поводу просьбы лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка капитанъ-поручика графа Ивана Михайловича Ефимовскаго и тяжбъ его съ Балкомъ сказано было, что дѣло это рѣшено, въ 1737-мъ году, въ пользу Балка потому, что «въ тогдашнее время отъ немилости сестры нашей, императрицы Анны Ивановны не токмо къ опытамъ Ефимовскимъ, но и ко всѣмъ *сроднымъ* фамиліямъ нашей любезнѣйшей матери Екатерины Алексѣевны, яко Скавронскимъ и Гендриковымъ, и ко утѣсенію ихъ учинено, ибо и запрещеніе въ продажѣ деревень всѣмъ учинено безъ всякой причины». Иванъ Михайловичъ Ефимовскій, вскорѣ по вступленіи Елизаветы, получилъ чинъ генераль-маіора, поступилъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ. Братъ его Андрей сдѣланъ камергеромъ; Андрей Симоновичъ Гендриковъ, сдѣланный графомъ, вмѣстѣ съ братомъ Ивановъ, явились при новомъ дворѣ камергерами. Сестра Марія Симоновна была въ замужествѣ за камергеромъ И. И. Чеглоковымъ, чѣмъ и доставила послѣднему возможность получать чины и ордена. Какъ Ефимовскіе, такъ и Гендриковы, кромѣ близкаго родства своего съ царствующей императрицей, не отличили себя никакими другими достоинствами. По словамъ Каменскаго и другихъ, они были люди менѣе, нежели посредственнаго ума, чуждые малѣйшаго образованія; кромѣ того, поведеніе ихъ было далеко не безукоризненно. Умиѣе, или лучше сказать, поживѣе изъ нихъ былъ, по свидѣтельству Щербатова, Николай Наумовичъ *Чеглоковъ*, но и тотъ былъ недалекъ.

Чрезвычайно важное вліяніе имѣлъ на Елизавету, въ первый годъ ея царствованія, Алексѣй Михайловичъ *Черкаской*. Государыня утвердила за нимъ званіе канцлера, и постоянно величала его *великимъ* канцлеромъ. Жена его, княгиня Марія Юрьевна была назначена штатсъ-дамою, дочь ихъ Варвара Алексѣевна — камеръ-фрейлиною. Хотя Черкаской управлялъ при ней иностранными дѣлами не болѣе года (6 ноября 1742 г. онъ скончался), но, приспособляясь къ ея характеру

и ея слабостямъ, успѣлъ снискать довѣренность не ограниченную. Тучность, неговорливость, важное молчаніе, помогавшее ему прослыть весьма умнымъ человѣкомъ, угодливость, доведенная до послѣдней степени, и рабское исполненіе дворцовыхъ этикетовъ были отличительными чертами Черкасаго (27).

До какой степени *великій* канцлеръ всероссійской имперіи былъ робокъ, мнителецъ и занимался мелочами, можно видѣть изъ слѣдующаго достовѣрнаго анекдота: однажды онъ велѣлъ ночью разбудить тайнаго совѣтника Бреверна, служившаго въ иностранной коллегіи, для того только, чтобы узнать отъ него: какія заглавныя литеры должно ему выставить въ отвѣтномъ письмѣ къ герцогу мекленбургскому, при подписи имени: большія или малыя?

Вотъ, что писала о немъ въ 1737 г. лэди Роудо: «князь Черкаской, первый вельможа по богатству, у него свыше 70-т. душъ крестьянъ, народъ считаетъ его лучшимъ сановникомъ (?). Что касается до его наружности, то онъ гораздо больше въ ширину, нежели въ длину; большая голова его лежитъ на лѣвомъ плечѣ, громадное-же брюхо перегибается къ правой сторонѣ. Глаза большіе безъ всякаго выраженія. Ноги весьма короткія, всегда въ ботфортахъ; наконецъ онъ такъ молчаливъ, что въ трезвомъ видѣ, кажется, ни съ кѣмъ и никогда не говорилъ. Вообще, какъ кажется, онъ многого не придумаетъ, и никому не помѣшаетъ своимъ краснорѣчіемъ».

«Князь Алексѣй Михайловичъ, говоритъ Щербатовъ, лично его знавшій, человѣкъ съ громаднымъ богатствомъ соединялъ умъ весьма посредственный. Былъ лѣнивъ, въ дѣлахъ мало знающъ, и однимъ словомъ таскалъ, а не носилъ свое имя. Гордился непоимѣрнымъ богатствомъ и, въ угодность государынѣ, жилъ со всевозможнымъ великолѣніемъ. Одежды его были отягощены золотомъ и серебромъ, блескъ ихъ ослѣплялъ глаза. Экипажи, къ которымъ онъ и охоты не имѣлъ, были самыя модныя, и въ то же время самыя дорогіе. Столъ великолѣпный, прислуга многочисленная, и вообще жизнь такова, что неразъ ему случалось государыню, нечаянно къ нему захавшую, со всѣмъ своимъ штатомъ, угощать такъ,

какъ-будто зналъ о ея прїѣздѣ, хотя никакихъ приготовленій для встрѣчи и не дѣлалось. А все это ставилось Черкасскому въ большую заслугу и достоинство. И онъ во всѣхъ случаяхъ у двора, не смотря на разныя переменны, всегда пользовался почетомъ и уваженіемъ» (28).

Вслѣдъ за Алексѣемъ Михайловичемъ Черкасскимъ, быстро возвысился, въ годъ восшествія на престолъ Елизаветы, зять его графъ Петръ *Шереметьевъ*, сынъ фельдмаршала, человекъ очень богатый, но ума недалняго, въ царствованіе Анны Ивановны дослужившійся только до капитанскаго чина. Новая императрица вознаградила его неудачи и терпѣніе. Пожалованный дѣйствительнымъ камергеромъ, онъ вскорѣ послѣ того сдѣланъ кавалеромъ ордена св. Анны (29).

Василій Ѳеодоровичъ *Салтыковъ*, меньшій братъ супруги царя Ивана Алексѣевича, былъ стольникъ въ царствованіе Петра и въ 1730-мъ году удалился въ свою подмосковную. Племянница его Анна Ивановна, взойдя на престолъ, отправила къ нему гвардіи подполковника съ приглашеніемъ въ столицу, объявивъ посланному, что за неудачу онъ будетъ отвѣчать головой. Это убѣдило Василя Ѳеодоровича исполнить волю племянницы; за послушаніе Салтыковъ былъ щедро награжденъ. Въ девятилѣтнюю службу онъ дослужился до генераль-аншефа. Не смотря на то, что Іоаннъ Антоновичъ былъ правнукъ родной сестры его, вопреки собственнымъ выгодамъ, Василій Ѳеодоровичъ дѣятельно помогалъ Елизаветѣ. Поведеніе его въ ночь на 25 ноября 1741 года намъ уже извѣстно. Впрочемъ Салтыковъ, равно какъ и жена его Марія Алексѣевна штатсъ-дама при Елизаветѣ и дочь ихъ Анна Васильевна фрейлина, не долго пользовались при дворѣ новой государыни милостями, новые царедворцы замѣнили старыхъ. Шаховской въ своихъ запискахъ прямо говоритъ, что Василій Ѳеодоровичъ былъ ума крайне ограниченнаго, впрочемъ.... сердце имѣлъ доброе. Извѣстный уже намъ генераль-поручикъ П. С. Салтыковъ, родственникъ Василя Ѳеодоровича, былъ извѣстенъ при дворѣ особымъ талантомъ — онъ умѣлъ дѣлать разныя фигуры изъ пальцевъ, по словамъ Порошина, умѣлъ въ одно и тоже время вертѣть въ одну сторону правою рукою, а въ другую правою по-

гою: подобныя способности выдвигали его изъ толпы менѣе способныхъ царедворцевъ.

Особенными милостями и расположеніемъ государыни пользовался въ первое время ея царствованія *принцъ Людовикъ Гессенъ-Гомбургскій*. Въ царствованіе Анны Ивановны въ званіи генераль-фельдцейхмейстера, управляя всею артиллерією, и будучи директоромъ военной коллегіи, онъ то и другое вѣдомство довелъ до совершеннаго разстройства. Съ характеромъ слабымъ, сварливымъ, принцъ Гомбургскій перессорился со всѣмъ Петербургомъ. Лишенный образованія, хорошихъ манеръ, злой, завистливый, онъ, по словамъ Маиштейна, былъ шлетникъ, интриганъ и способенъ на все низости. Какъ онъ, такъ и жена его Анастасія Ивановна, урожденная Трубецкая (Щербатовъ ошибочно называетъ ее Катериной Ивановной), знали о замыслахъ Елизаветы, частью помогали имъ, почему и были осыпаны наградами. Въ первые мѣсяцы, Елизавета была къ нимъ особенно благосклонна. Въ Вѣдомостяхъ 1741-го года между прочимъ объявлено (30):

«Въ понедѣльникъ 7 декабря, послѣ полудня, изволили ея величество при тогдашней изрядной погодѣ (31) санною ѣздой забавляться, а притомъ заѣзжать къ господину генералу-фельдцейхмейстеру князю Гессенъ-Гомбургскому и у него нѣсколько времени пробыть».

Впрочемъ, если вѣрить Маиштейну, принцъ Гессенъ-Гомбургскій пользовался благосклонностью императрицы только въ первые мѣсяцы ея царствованія: скоро узнали (?), что онъ за человѣкъ. Онъ потерялъ даже и тотъ почетъ, которымъ пользовался въ предшествовавшія царствованія. Презираемый въ арміи за свою трусость, при дворѣ за шутство (?), онъ носилъ прозваніе маршала скomorоховъ.

Вмѣстѣ съ княземъ А. М. Черкасскимъ сильное, и очень часто весьма вредное, вліяніе на новое правительство имѣлъ князь Никита Юрьевичъ *Трубецкой*. Въ годъ нинштадтскаго мира онъ былъ не болѣе какъ деньщикъ Петра I-го. «Этотъ молодой человѣкъ, писалъ о немъ Берхгольцъ, пользуется расположеніемъ царя. Онъ говоритъ по-нѣмецки и вообще довольно хорошо образованъ» (32).

Въ званіи генераль - кригсъ - комиссара, Трубецкой, по словамъ современниковъ, во время славной Турецкой войны 1736—1739, успѣлъ показать всю свою неспособность военнаго администратора. Нерасположеніе добродушной Анны Леопольдовны къ умному, честолюбивому, пронырливому, злему и мстительному Трубецкому, такъ отзываются о немъ всѣ современники, послужило ему въ пользу: при дворѣ Елизаветы онъ вошелъ въ силу; пожалованъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и генераль - поручикомъ. Тѣсная дружба соединяла его съ княземъ А. Д. Кантемиромъ, который посвятилъ ему седьмую свою сатиру. Нашъ Ювеналь (поведеніе котораго, какъ политическаго дѣятеля, въ 1730-мъ году далеко не безукоризненно) описываетъ друга своего: «что онъ съ правомъ честнымъ, тихимъ, соединялъ совѣсть чистую.» Когда дошла до Кантемира вѣсть въ Парижъ (гдѣ онъ былъ чрезвычайнымъ посломъ), что князь Никита Юрьевичъ пожалованъ генераль - прокуроромъ, онъ изъяснилъ ему чувства свои въ особомъ посланіи, описалъ въ стихахъ обязанность на него возложенную, «въ *общей пользѣ*» совѣтовалъ находить собственную; надѣялся, что Трубецкой, оставивъ богиню войны, украсившую чело его лаврами, прерветъ долговременное молчаніе:

«И такъ довольно терпѣлъ я урону,

«Косно безъ писемъ мнѣ скучны дни течь мнятся,

«Какъ понамъ праздникъ безъ ширю, безъ звоу» (33) и т. д.

Нечего и говорить, что мнѣніе Кантемира о свсемъ другѣ весьма пристрастно. Трубецкой не могъ украсить себя лаврами на бранномъ полѣ, никогда не предводительствуя войсками.... Мы его еще увидимъ въ званіи генераль - прокурора; совѣты Кантемира остались безъ примѣненія. Щербатовъ свидѣтельствуетъ, что князь Никита Юрьевичъ умѣлъ необыкновенно искусно лестью обманывать государыню, лестью привлекать на свою сторону и ея любимца, Разумовскаго; братъ его, князь Иванъ Юрьевичъ, бывший генераль - губернаторомъ московскимъ въ 1739 году, и во время революціи жившій въ отставку, былъ вновь призванъ на службу и нареченъ сенаторомъ (34).

Дюкъ де-Лирія еще въ 1729 году писалъ, что фельд-маршалъ князь *Иванъ Трубецкой* былъ до крайности простъ, въ высшей степени гордъ, тщеславенъ, сильно занкался, въ военномъ искусствѣ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія; его во все не уважали (35).

Графъ Григорій Петровичъ *Чернышевъ*, генераль-аншефъ въ 1730 году, въ первые-же дни по вступленіи на престолъ Елизаветы Петровны получилъ орденъ Андрея Первозваннаго. Жена его, княгиня Авдотья Ивановна, была сдѣлана штатсъ-дамою. Бергманъ, въ исторіи Петра I-го, говоритъ, что необыкновенное величіе души и обширный умъ человѣка государственнаго графъ Григорій Петровичъ показалъ въ слѣдующемъ поступкѣ. Въ первые годы царствованія Елизаветы онъ проѣзжалъ чрезъ городъ Калугу; *граждане* вышли къ нему на встрѣчу съ хлѣбомъ и солью. Подходя къ сановнику, они раздѣлились на двѣ части. По спросу вельможи оказалось, что двѣ толпы, двѣ враждебныя другъ другу партіи. Это сильно огорчило администратора, оскорбленнаго уже тѣмъ, что предъ его свѣтлыя очи *граждане* дерзнули предетать, не оставя свои ссоры и распри. «Плетей!» закричалъ онъ гренадерамъ. За ними дѣло не стало. Тщетны были просьбы, моленія, вопли и слезы. Нещадная *сѣкуція* уничтожила мятежъ калужскихъ *гражданъ*. Они, по словамъ Бергмана, долго помнили *горячій Чернышевскій миръ*. Последнее извѣстіе безъ сомнѣнія справедливо (36).

Сынъ сего достославнаго администратора, графъ Иванъ Григорьевичъ *Чернышевъ* пожалованъ былъ камергеромъ высочайшаго двора. «Человѣкъ, по словамъ Щербатова, не столько умный, сколько изворотливый, совмѣщавшій въ себѣ всѣ необходимыя свойства истиннаго придворнаго, онъ былъ чрезвычайно сластолюбивъ. Къ несчастію Россіи, Чернышевъ много путешествовалъ за границею; гдѣ замѣчалъ только то, что сластолюбіе и роскошь породили. Онъ все перенялъ, все привезъ въ Россію и добромъ этимъ всячески старался снабдить свою отчизну. Онъ одѣвался съ необыкновенною роскошью и по первой модѣ. Платьевъ у него было множество; онъ однажды выписалъ заразъ 12 кафтановъ. Столъ отличался роскошнѣйшими яствами. Экипажи блестяли золотомъ,

ливрен пажей его были шиты серебромъ. Вина славились по Петербургу, они были самыя драгоцѣнныя.

Все это упрочило за Чернышевымъ извѣстность человѣка съ большимъ вкусомъ. Онъ пользовался почетомъ и уваженіемъ при дворѣ, и женился на Ефимовской, двоюродной сестрѣ государыни.

Преданнѣйшіе слуги Петра I-го *Александръ Румянцевъ* и *Андрей Ушаковъ*, нѣкогда ознаменовавшіе себя дѣятельнымъ участіемъ въ судѣ и осужденіи царевича Алексѣя и его сторонниковъ, были возвеличены въ числѣ первыхъ сановниковъ.

Сынъ бѣднаго костромскаго помѣщика, по другимъ сказаніямъ сынъ крестьянина, генераль-аншефъ А. И. Румянцевъ возведенъ Елизаветою Петровною въ графское достоинство, сдѣланъ сенаторомъ, получилъ нѣсколько лифляндскихъ деревень.

Вотъ, какъ отзывается о немъ В. А. Нащокинъ, вообще чрезвычайно осторожный въ своихъ приговорахъ: «Румянцевъ былъ болѣе счастливъ, нежели способенъ къ занимаемымъ имъ должностямъ. Былъ храбрый солдатъ, но генераль безъ знаній, безъ искусства и безъ достаточнаго ума. Будучи посломъ, держался только умнымъ и опытнымъ секретаремъ. Сенаторъ — самый обыкновенный. Въ совѣтахъ постоянно приставалъ къ той сторонѣ, гдѣ былъ его начальникъ» (37). Фельдмаршалъ Минихъ писалъ о немъ между прочимъ такъ: «Румянцевъ любострастенъ, занимается карточной игрою, встаетъ поздно, сварливъ и очень непокоенъ, когда выпиваетъ лишнюю рюмку вина, что съ нимъ бываетъ часто».

Андрей Ивановичъ Ушаковъ, сынъ очень бѣднаго новгородскаго дворянина, ходилъ въ лаптяхъ; какъ недоросль дворянскій долженъ былъ поступить въ солдаты; его забрили въ Преображенскій полкъ. Ростъ, сила, проворство, смысленность и расторопность, помогли Ушакову составить самую блестящую карьеру, не смотря на то, что онъ и въ послѣдствіи едва выучился разбирать грамоту и подписывать свое имя.

Въ 1736-мъ году Ушаковъ уже былъ генераль-аншефомъ, а въ 1741-мъ году правительница Анна Леопольдовна сама возложила на него орденъ св. Андрея Первозваннаго.

25-го ноября 1741 года Елизавета не только утвердила за Ушаковымъ ордена и пожалованныя ему чины, но оказывала постоянно благоволеніе и осыпала новыми наградами. Хитрый интриганъ, Ушаковъ, съ неизмѣнными спутниками своими княземъ Куракинскимъ и адмираломъ графомъ Головинскимъ (человѣкомъ боязливымъ, малодушнымъ, но пронырливымъ), съ неподражаемымъ искусствомъ лавировали между тысячами подводныхъ камней придворной жизни. Участвовали во всѣхъ заговорахъ, во время отставали отъ партій слабѣйшихъ и примыкали къ партіи сильнѣйшей.

Управляя тайною канцеляріею, Ушаковъ производилъ жесточайшія истязанія; но въ обществахъ, такъ рассказываетъ Каменскій (38), отличался очаровательнымъ обхожденіемъ и владелъ особеннымъ даромъ вывѣдывать образъ мыслей собесѣдниковъ.

Другъ Ушакова, князь Александръ Борисовичъ *Куракинъ*, оберъ-штабмейстеръ высочайшаго двора съ умомъ крайне ограниченнымъ, умѣлъ угождать Бирону лошадьми, льстилъ ему словами и своими шутками; по словамъ Щербатова, умѣлъ вызвать улыбку на серьезное лицо государыни; шутовство Куракина спасало его отъ многихъ бѣдъ: ради умѣнья смѣшнить, Александру Борисовичу, благополучно сходили съ рукъ всякого рода *продерзости*, сказанны имъ въ *зазорномъ* видѣ. Свойству своему съ Куракинскимъ Никита Ивановичъ *Панинъ*, обязанъ своимъ возвышеніемъ. Въ 1741-мъ году красивый, любезный, уже достаточно образованный, молодой Панинъ сдѣланъ камеръ-юнкеромъ; едвали это былъ единственный человѣкъ, достойный своего званія.

Государыня не забыла особенныхъ заслугъ, оказанныхъ въ отношеніи къ ней *А. Б. Бутурлинымъ*. Статный, красивый камергеръ ея двора, онъ имѣлъ счастье еще въ 1728 году, однимъ изъ первыхъ, пользоваться ея безграничною довѣренностію и самымъ теплымъ расположеніемъ. Генералъ-лейтенантъ въ 1740 году Бутурлинъ былъ произведенъ Елизаветой въ полные генералы, ему поручено управленіе всей Малороссіи. Кромѣ красивой фізіономіи и атлетическаго сложенія Бутурлинъ не имѣлъ другихъ достоинствъ. Какъ

полководецъ, онъ не имѣлъ ни малѣйшихъ познаній въ военномъ искусствѣ.

Для славы царствованія Елизаветы фельдмаршалъ Петръ Ласси не подвергся опалѣ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, а остался въ прежней силѣ и прежней милости. Чуждый всякихъ партій, онъ и не подозрѣвалъ о замыслахъ цесаревны. Въ три часа ночи, на 25 ноября, его разбудилъ посланный отъ новой императрицы съ вопросомъ: «къ какой вы принадлежите партіи?» «Къ царствующей!» отвѣчалъ фельдмаршалъ, боясь ошибиться (39).

Опытный, неустрашимый полководецъ Петръ Петровичъ Ласси съ умомъ, достаточно образованнымъ, соединялъ доброе сердце, возвышенныя чувства, пользовался любовью и уваженьемъ.

Возвышая новыхъ царедворцевъ, щедро награждая за ихъ преданность и услуги, Елизавета не забыла давнишній обычай: каждый изъ государей и государынь, принимая бразды правленія, возвѣщали восшествіе на престолъ освобожденіемъ лицъ подвергшихся ссылкѣ и заточенію.

Анна Леопольдовна, не ссылая никого кромѣ Бирона, возвратила изъ Сибири цѣлыя толпы ссыльныхъ. Одного года было слишкомъ мало, для того, чтобъ вывести оттуда всѣ тысячи сосланныхъ, неизвѣстно за что, неизвѣстно по какому праву и суду.

Князь *Долгорукій* былъ первый, котораго поспѣшила освободить Елизавета. Василій Владиміровичъ былъ крестный отецъ новой императрицы (40).

Генераль-поручикъ и кавалеръ Андрея Первозваннаго еще въ 1711 году, одинъ изъ первѣйшихъ сановниковъ Петра I-го, онъ былъ замѣшанъ въ дѣло царевича Алексѣя въ 1718 году. Лишенный чиновъ, знаковъ отличій, деревень, онъ былъ сосланъ въ Казань. И только въ 1724 году государь возвратилъ ему шпагу и свободу, дозволивъ начать службу съ чиномъ бригадира. Черезъ два года, съ прежними орденами, онъ получилъ чинъ генераль-аншефа. Съ паденіемъ Меншикова, Долгорукіе, завладѣвшіе всѣми его сокровищами, сдѣлались первыми вельможами въ Россіи. Молодой князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій сталъ другомъ и на-

перстникомъ государя, столь любимымъ, что даже спалъ съ нимъ на одной постели. Оберъ-камергеръ, кавалеръ ордена Андрея Первозваннаго, капитанъ гвардіи, онъ вмѣстѣ съ своими родственниками, по произволу, правилъ Россіею. Князь Иванъ Алексѣевичъ былъ молодъ, любилъ распутную жизнь, по словамъ Щербатова, подверженъ былъ всѣмъ страстямъ, не имѣя нужды ихъ обуздывать. Пьянство, роскошь, любодѣяніе и насиліе, смѣнили прежній порядокъ. «Скажу къ стыду этого времени, говоритъ Щербатовъ, что слюбился Иванъ Долгорукій, или лучше сказать, взялъ на блудодѣяніе себѣ, между другими, жену князя Никиты Юрьевича Трубецкаго, урожденную Головкину, и не только съ ней жилъ явно, но въ частыхъ сходкахъ у князя Трубецкаго съ молодыми товарищами пилъ до крайности, ругалъ и билъ хозяина, бывшаго въ то время генераль-маіоромъ и терпѣливо спосившаго побои и позоръ своей жены.

«Мнѣ случалось слышать, продолжаетъ современникъ, что однажды князь Иванъ Алексѣевичъ, будучи въ домѣ князя Трубецкаго, послѣ града ругательствъ, хотѣлъ наконецъ выкинуть генераль-маіора за окошко и, еслибы камеръ-юнкеръ С. А. Лопухинъ не удержалъ Долгорукова, будущій генераль-прокуроръ вылетѣлъ-бы изъ окна». Дѣйствія Долгорукихъ въ 1730 году извѣстны. «Они ревниво оберегали свою власть надъ избранною императрицею, въ слѣдствіе этого, говоритъ тотъ-же современникъ, она великую имѣли осторожность дабы кто какой заниски, подходя къ рукѣ Анны Ивановны, не подалъ бы ей; съ этой цѣлью, каждый изъ Долгорукихъ, дежурившій при государынѣ, приказывалъ всѣмъ, подходящимъ къ рукѣ, имѣть руки назадъ, не принимая монаршей руки на свою, какъ это обыкновенно дѣлается»; осторожиѣ всѣхъ Долгорукихъ велъ себя, въ это время, князь Василій Владиміровичъ (25 февраля 1728 года возведенный въ достоинство генераль-фельдмаршала); первое время онъ и не подвергся вмѣстѣ съ своими родственниками ссылкѣ, напротивъ сохранилъ даже званіе фельдмаршала; но это было очень недолго. Супруга его отзывалась на счетъ императрицы въ неприличныхъ выраженіяхъ, и 23 декабря 1731 года, по доносу Гессенъ-Гомбургскаго принца Людовика (41),

Долгорукій арестовавъ, лишенъ чиновъ, знаковъ отличій, сосланъ въ крѣпость Иванъ-городъ близъ Нарвы, гдѣ содержался подъ стражайшимъ карауломъ. Въ 1739 году, когда въ Новгородѣ казнены его свойственники, Василій Владиміровичъ переведенъ въ вѣчное заключеніе въ Соловецкій монастырь. Онъ признанъ виновнымъ въ томъ, что, *вдавъ коварныя намеренія своимъ родственникамъ, не донесъ государынь*. Единственнымъ развлеченіемъ его въ это время было ходить въ церковь. Нѣтъ кажется сомнѣнья, что Василій Владиміровичъ былъ уже освобожденъ Анною Леопольдовною, потому что въ день восшествія на престолъ своей крестницы онъ уже былъ въ С. Петербургѣ. Семидесяти-лѣтній старецъ былъ принятъ отменно ласково крестницей, которая не иначе его называла какъ *батюшкой*.

Братъ Василья, князь *Михайло Владиміровичъ*, также сосланъ въ Соловецкъ, 12 ноября 1739 года; онъ въ одно время освобожденъ изъ заточенья съ фельдмаршаломъ, 30 ноября ему возвратили чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, ордена и деревни. Сынъ его, Василій Михайловичъ, въ послѣдствіи знаменитый *Долгорукій-Крымскій*, изъ простыхъ армейскихъ офицеровъ, какимъ онъ былъ въ царствованіе Анны, сдѣланъ генераль-адъютантомъ у своего роднаго дяди, генераль-фельдмаршала (42).

Дюкъ-де-Лирія такъ характеризуетъ князей Василья и Михайла Владиміровичей. Фельдмаршалъ Долгоруковъ человекъ умный, храбрый, имѣетъ свѣдѣнія о военномъ искусствѣ. Онъ не умѣлъ притворяться, часто доводилъ искренность до излишества; другъ искренній, врагъ непримиримый, онъ былъ одинъ изъ тѣхъ, весьма немногихъ русскихъ сановниковъ, которые приносятъ честь своей отчизнѣ; тѣмъ неменѣе Долгорукій былъ въ высшей степени гордъ и тщеславенъ. Въ этомъ-же упрекаетъ его И. А. Остерманъ. Чтожь касается до брата Михаила, то онъ, по словамъ того-же современника, былъ самый надменный и тщеславный человекъ. Для него все было бездѣлица; онъ готовъ былъ сдѣлать все, чтобы только достигъ своей цѣли. Ума у него было немного; глалъ безъ стыда, безъ совѣсти, былъ лукавъ, кромѣ себя, не любилъ никого, скупъ до чрезвычайности;

словомъ, заключаетъ де-Лирія, въ немъ ничего не было путнаго.

Вмѣстѣ съ старѣйшими въ родѣ Долгорукихъ прощены и пожалованы разными милостями князь *Николай Алексѣевичъ*, 2-й братъ колесованнаго Ивана Долгорукова. Сосланный въ Березовъ, онъ въ 1739 лишенъ части языка. Возвращены 3-й и 4-й братья *Алексѣй* и *Александръ*, тогда-же отправленные въ Камчатку и въ Березовъ матросами.

Княжна *Екатерина Алексѣевна Долгорукова*, невѣста Петра II-го, послѣ 10-ти лѣтняго заточенія въ монастырѣ, была освобождена Елизаветой и выдана замужъ за генераль-лейтенанта графа Брюса.

Наталя Борисовна, дочь славнаго фельдмаршала Шереметьева, жена злополучнаго Ивана Долгорукаго, удалилась въ слѣдъ за нимъ въ Сибирь, въ изгнанье. Въ 1739 году мужа ея колесовали. Наталя брошена въ темницу; она три года не знала объ участи своего мужа; Елизавета возвратила ей свободу, прежнее званье, но не могла возвратитъ счастья: милого ей супруга. Тщетно государыня приглашала ее ко двору, старалась разсѣять ея скорбь неутѣшную, принуждала раздѣлять свои увеселенія. Долгорукова поспѣшила въ монастырь (42).

Иванъ Антоновичъ *Черкасовъ*, сосланный по дѣлу Долгорукихъ въ Астрахань, также былъ возвращенъ Елизаветой Петровной, которая сдѣлала его своимъ кабинетъ-секретаремъ, въ чинѣ тайнаго совѣтника. Князь Михайло Андреевичъ *Блосельскій*, начавшій службу при Петрѣ I-мъ во флотѣ, на семнадцатомъ году отъ рожденія исполнявшій его порученія за-границей, при Биронѣ былъ сосланъ въ Оренбургъ. Возвращенный послѣ паденія Бирона, онъ былъ назначенъ волею Елизаветы экипажъ-мейстеромъ (43).

Гашибаль, Авраамъ Петровичъ, арапъ купленный русскимъ посломъ въ Константинополь, въ послѣдствіи поручикъ гвардіи, сосланный императрицей Анной (по дѣлу своихъ свойственниковъ Долгорукихъ), бѣжалъ изъ Томска, мѣста ссылки, и, по совѣту Миниха, скрылся въ ревелъской деревнѣ отъ преслѣдованія Бирона. Десять лѣтъ провелъ Гашибаль въ своемъ убѣжищѣ. Лишь только вѣсть о востествіи на

престоль Елизаветы дошла до него, онъ написалъ ей: «помяни мя, егда придеши во царствіе твое». Императрица немедленно призвала Ганнибала къ себѣ, произвела въ бригадиръ и пожаловала пѣскольскими деревнями въ Псковской и Петербургской губерніяхъ (44, 45).

Архіепископъ Варлаамъ *Ванатовичъ*, преданный въ 1730 году суду тайной канцеляріи, за то, что въ одинъ высокотожественный день не служилъ молебна, по приговору сената и конфирмаціи государыни, разжалованный въ званіе простаго монаха былъ сосланъ въ Бѣлозерскій Кириловъ монастырь. Елизавета освободила его въ 1741 году изъ жестокаго и тѣснаго заточенія и возвратила санъ архіерейскій (46).

Юрловъ, избѣгая наказанія за учиненное имъ воровство, о чемъ повѣствуетъ Голиковъ въ анекдотахъ о Петрѣ I-мъ, постригся подъ именемъ Льва въ Вологодскомъ монастырѣ. Въ 1727 году Юрловъ былъ Воронежскимъ архіепископомъ, въ 1730 г. декабря 3-го за то, что, выжидая синодальнаго указа, не поспѣшилъ приводомъ прихожанъ къ присягѣ, былъ разстриженъ, нещадно выпоротъ кнутомъ и сосланъ въ Архангельскій монастырь. Елизавета Петровна освободила его изъ ссылки и возвратила санъ архіерейскій (47).

Преданные слуги Петра I-го *Скорняковъ-Писаревъ*, оберъ-прокуроръ Правительствующаго Сената, и Антонъ *Девьеръ*, оберъ-полицеймейстеръ петербургскій, по волѣ Меньшикова, лишенные въ 1727 году чиновъ, имѣній, выпороты кнутомъ, были отправлены въ Камчатку. Декабря 1-го, 1741 года, Елизавета Петровна приказала возвратитъ ихъ изъ Охотска (48). Девьеръ обратно получилъ графское достоинство, прежній чинъ генералъ-лейтенанта, имѣнье и орденъ св. Александра Невскаго; Елизавета снова опредѣлила его оберъ-полицеймейстеромъ (онъ ум. 1745 г.).

Также возвращены были изъ ссылки *Сиверсъ* и *Финкъ*. Виновникомъ ихъ заточенія въ 1730 году, по словамъ Манштейна, былъ графъ Мишихъ. Но И. А. Остерманъ, въ своихъ запискахъ, оправдываетъ фельдмаршала: «Петръ II-й, говоритъ Остерманъ, отправляясь на коронацію въ Москву, поручилъ графу Мишиху управление новой столицы. Императрица Анна, утвердивъ его въ званіи губернатора петер-

бургскаго, приказала тщательно наблюдать за поступками недовольныхъ. Когда Минихъ приводилъ къ присягѣ войска и жителей Петербурга, Сиверсъ медлилъ приводить къ присягѣ подчиненныхъ ему морскихъ служителей.

«Въ то же время Сиверсъ и Финкъ публично осуждали сдѣланное правосудіе въ исключеніи отъ наслѣдства престола цесаревны Елизаветы. На торжественномъ обѣдѣ, даномъ по случаю вступленія на престолъ герцогини курляндской, графъ, подавая бокаль шампанскаго, предложилъ выпить за здоровье императрицы. Сиверсъ отказался, сказавъ: «тогда выпью, когда получу изъ Москвы достовѣрныя извѣстія о ея воцареніи. Этотъ случай, добавляетъ И. А. Остерманъ, рассказывалъ мнѣ самъ фельдмаршалъ; выполняя свою должность, онъ долженъ былъ о случившемся донести государынѣ» (49).

Лица, замѣшанныя въ процессъ А. П. Вольнскаго, заточенные и сосланные, были освобождены Елизаветой; въ числѣ ихъ былъ *Θ. И. Соймоновъ*, оберъ-прокуроръ Правительствующаго Сената, генераль-кригсъ-коммисаръ и вице-адмиралъ; какъ другъ Вольнскаго, онъ былъ подвергнутъ въ 1740 году (50) строгому слѣдствію, пыткамъ, суду, лишенію чиновъ, дворянства, нещадно выпоротъ кнутомъ, сосланъ въ Охотскъ, гдѣ причисленъ къ работникамъ тамошняго соловареннаго завода. Елизавета Петровна *позволила Соймонову жить, гдѣ пожелаетъ*, возвратила шпагу и велѣла «прикрыть его знаменемъ, дабы никто не порицалъ наказаніемъ». Но онъ долго оставался безъ всякаго званья, не имѣя покровителей и ходатаевъ у двора. Облегчена была участь Платона *Мусина-Пушкина*, по этому же дѣлу, заточеннаго въ Соловецкъ. Но онъ не получилъ обратно своего имущества, что видно изъ слѣдующаго объявленія конторы конфискаціи П. Вѣдомостей (1742 г. февраль с. 101); «отписныя Платона Мусина-Пушкина алмазныя и другія вещи продаваться будутъ въ конторѣ съ аукціона» далѣе слѣдуетъ росписаніе дней. Судьба остальныхъ страдальцевъ по дѣлу Вольнскаго была облегчена еще прежде добродушной правительницей. Тѣмъ не менѣе, Елизавета сдѣлала еще нѣкоторыя распоряженія по сему случаю: такъ указомъ отъ 15

іюня 1742 г. жену казеннаго *Хрущова*, Анну Александровну, равно сыновей и дочерей ея, приказано «сею казнію не порицать, понеже онѣ винамъ *Хрущова* непричастны». Секретарю *Судь*, пытанному огнемъ, выпоротому плетми, сосланному въ Камчатку, дозволено жить въ Петербургѣ.

Елизавета не забыла и то, что *Биронъ* въ послѣднее время своего владычества былъ особенно къ ней внимателенъ, предупредителенъ, платилъ за нея долги, увеличилъ содержаніе, наконецъ помышлялъ о возведеніи ея на престолъ, впрочемъ, не иначе, какъ обручивъ съ своимъ сыномъ *Петромъ*; тѣмъ не менѣе все это было очень важно въ глазахъ новой императрицы, и она поспѣшила облегчить участь герцога курляндскаго. Приговоренный къ смертной казни за разныя государственныя преступленія, но, по милости добродушной правительницы, лишенный только чиновъ, знаковъ отличія, всего имущества, *Биронъ* съ семействомъ былъ сосланъ въ Сибирь въ вѣчное заточеніе. 5-го ноября 1741 года, онъ прибылъ въ Пелымъ, гдѣ и поселился въ домѣ, выстроенномъ для него по плану *Миниха*. 20 декабря того же года, временщикъ прежняго царствованія получилъ указъ новой императрицы, она позволила ему жить въ Ярославлѣ; онъ могъ всѣхъ принимать, охотится и получать 8000 ежегоднаго содержанія. Братъ *Бирона Густавъ* вновь былъ принятъ на службу, но онъ вскорѣ умеръ въ С. Петербургѣ; старшій братъ *Карлъ Биронъ*, генераль-аншефъ, также сосланный въ Сибирь, получилъ отпускъ въ Курляндію, гдѣ и жилъ въ своихъ имѣніяхъ. Генераль-Бисмаркъ, свойственникъ *Бирона*, сосланный въ одно время съ нимъ, получилъ обратно чинъ и ордена; ему ввѣрили войска расположенныя въ Малороссіи (51).

Указъ объ освобожденіи *Бирона* и его семейства былъ опубликованъ 17 января 1742 года, наканунѣ осужденія *Остермана*, *Миниха* и другихъ. Въ силу сего указа, *Бирону* возвращено было Штанцгершафтъ-Вортенбергъ (въ Шлезіи) отнятые у него и подаренные Анной Леопольдовной фельд-маршалу *Миниху*.

Бирону дозволено было писать письма, чѣмъ онъ и неприминулъ воспользоваться: въ первые же дни, по приѣздѣ

въ новое мѣсто своей ссылки, онъ написалъ весьма интересную записку государынѣ Елизаветѣ, оправдывая свое участіе въ назначеніи Іоанна Антоновича преемникомъ императрицы, слагалъ всю вину на Остермана, Миниха, Левенвольда и другихъ. Записка эта, вмѣстѣ съ отвѣтомъ на нее Миниха сына, напечатана въ магазинѣ Бюшинга (51). «Въ Шлисельбургѣ до 12 іюня 1741 года допрашивали меня три раза, писалъ между прочимъ Виронъ къ Елизаветѣ Петровнѣ; во 2 и 3-мъ вопросахъ болѣе всего настаивали на томъ, чтобы объявилъ въ какихъ отношеніяхъ былъ я къ царствующей государынѣ, и какимъ образомъ хотѣлъ свергнуть тогдашняго императора, призвать сюда нынѣшняго наслѣдника и выдать за него свою дочь. Я отвѣчалъ, что ничего не знаю, ничего не вѣдаю. Поступали со мною самымъ безчеловѣчнымъ образомъ (?) противъ существующаго обыкновенія изобличать обвиняемаго въ преступленіи поступками его, бумагами или свидѣтелями.

«Въ апрѣлѣ, подъ стражайшимъ карауломъ, привезли меня въ Сиб.; здѣсь были назначены кабинетъ-секретарь Яковлевъ, гвардіи маіоръ Загоскинъ и капитанъ Гамалѣя, чтобъ допрашивать меня въ 3-й разъ. Обѣщано было прощенье, даже награда и свобода, если я безъ утайки отвѣчу: на слѣдующіе пункты :

2 п.) Великая княжна Елизавета объявила, будто я хотѣлъ свергнуть императора и возвести на престолъ принца Голштинскаго; для чего и какимъ образомъ намѣревался я произвести сіе въ дѣйствіе, и кто были особы къ тому мною употребленныя.

3 п.) для чего я упорствовалъ въ своемъ намѣреніи, когда нынѣ царствующая императрица убѣждала оставить мой планъ?

4) Что означали ночные переговоры мои съ нынѣшней государыней.

5) Зачѣмъ ея высочество столь часто пріѣзжала ко мнѣ и мы запирались для тайныхъ разговоровъ?

«Все сіе объявлено уже было нынѣшней императрицею, по имъ хотѣлось отъ меня узнать подробнѣе всѣ обстоятельства сего дѣла. Я коротко отвѣчалъ, что все сказанное мнѣ неизвѣстно, что объ этомъ я никогда и не думалъ;

ночью не бывалъ у нынѣшней императрицы, но одинъ разъ, и то среди бѣлаго дня, былъ у нея съ поклономъ; а причина ея посѣщеній была особенная милость ко мнѣ и моему дому. Впрочемъ увѣренъ, что ея высочество ничего обо мнѣ не говорила. Вслѣдъ за симъ кабинетъ-секретарь Яковлевъ, выславъ двухъ помощниковъ, продолжалъ наединѣ уговаривать, чтобы я все чистосердечно объявилъ, то-де будетъ единственное средство мнѣ помочь. Я отвѣчалъ, что не требую никакой помощи, на тѣхъ условіяхъ, которыя мнѣ предлагаютъ. Увидавъ, что нѣтъ надежды что-нибудь вывѣдать, отправили меня 13 іюня изъ Шлиссельбурга подъ сильнымъ прикрытіемъ.

«15 ноября прибылъ въ Пелымъ, гдѣ долженъ былъ кончить жизнь, и еслибъ Всемогущій не измѣялъ милости Своей на ея императорское высочество, то конечно скоро наступилъ-бы нашъ конецъ, ибо мы томились въ нестерпимой неволѣ. 20 декабря привезъ курьеръ радостное извѣстіе, что мы освобождены изъ-подъ ареста. 28 декабря сгорѣлъ нашъ домъ, и насъ перевезли къ воеводѣ, гдѣ и пробыли до 27-го февраля, а въ концѣ марта были уже здѣсь въ Ярославлѣ. Теперь мы всѣ ждемъ милости отъ Бога и ея императорскаго величества».

Но если Бирону не довелось дождаться новыхъ милостей отъ царствующей государыни, которой онъ безстыдно льстилъ, въ ущербъ ея предшественницѣ, за то гораздо счастливѣе былъ его клеветъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Алексѣй Петровичъ *Безстужевъ-Рюминъ*. По дѣлу Бирона, онъ нѣкоторое время сидѣлъ въ Шлиссельбургѣ, за тѣмъ, получивъ свободу, не получилъ прежнихъ должностей. Пронрливый, честолюбивый, хитрый до чрезвычайности, Безстужевъ успѣшилъ сойтись съ Лестокомъ и черезъ него вкрался въ довѣренность императрицы, искусно драпируясь немилостью бывшей правительницы Россіи. Получивъ орденъ Андрея Первозваннаго, званія сенатора, главнаго директора почтъ, Безстужевъ сдѣланъ былъ вице-канцлеромъ и такимъ образомъ съ первыхъ-же дней новаго царствованія быстро пошелъ въ гору, забывая, какъ настоящій придворный, прежнихъ друзей-благодѣтелей, заискивая въ новыхъ

временщикахъ.... Съ обширнымъ умомъ и порядочнымъ образованіемъ, Алексѣй Петровичъ, по свидѣтельству современниковъ, соединялъ гордость, хитрость, пронырливость, злость, мстительность, неблагодарность, сластолюбіе и былъ жизни крайне невоздержанной. По словамъ Щербатова, онъ «собственно имѣлъ страсть къ пьянству». Независимо отъ того, что пилъ, угождая А. Г. Разумовскому.

Все это не мѣшало Безстужеву считаться въ первое время новаго царствованія умнѣйшимъ государственнымъ чело­вѣкомъ, великимъ политикомъ, тонкимъ дипломатомъ и искуснымъ администраторомъ. Въ придворныхъ интригахъ онъ являлъ дѣйствительно умъ необыкновенный (52).

Мы достаточно познакомили читателей нашего очерка съ характерами тѣхъ вельможъ, которые окружали престолъ новой императрицы, пользовались ея довѣренностію, расположеніемъ, ея милостями и заняли важнѣйшія мѣста въ государственномъ управленіи Россіи. Судьба Россіи была въ рукахъ сихъ сановниковъ. Отъ нихъ очень и очень много зависѣло: они были виновниками почти всѣхъ распоряженій и указовъ правительства, наконецъ они сами составляли это правительство.... вотъ причина, почему мы нашли нужнымъ, прежде чѣмъ излагать событія новаго царствованія, прежде чѣмъ описывать *дѣйствія*, ближе познакомиться съ *дѣйствующими лицами*.

VIII.

Возстановленіе власти Правительствующаго Сената. — Милостивый мани­фестъ російскому народу. — День рожденія императрицы: проповѣди, стихи, медали, фейерверки и иллюминаціи. — Награжденіе гренадеровъ преоб­раженскихъ.

Однимъ изъ первыхъ, важнѣйшихъ распоряженій новаго правительства былъ имянной указъ, данный Сенату, отъ 12-го декабря 1741 года; имъ возстановился Сенатъ съ тою властью, которую имѣлъ въ царствованіе Петра I-го. Со втораго года царствованія Екатерины I-ой до восшествія на престолъ Елизаветы, дѣятельность Сената была совершенно парализована первоначально Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ, а потомъ Кабинетомъ-Министровъ. «Во все царствованіе Анны Иванов-

ны, рассказываетъ фельдмаршалъ Минихъ, въ Сенатъ только изрѣдка заходили извѣстный Новосильцевъ, бывшій комиссаръ въ арміи, и Сукинъ, обвиненный во взяточничествѣ и въ покражѣ 10,000 рублей казенныхъ денегъ. Если Трубецкой, время отъ времени, заходилъ въ это правительственное учрежденіе, лишенное всякаго значенія, то только для того, чтобы быть нулемъ между незначущими цифрами. Другіе сенаторы, негодуя на Кабинетъ, не перуступали за порогъ Сената. Биронъ и Остерманъ очень хорошо знали, что всѣ сенаторы были люди волюй ничтожныя, рабски преданные ихъ волѣ. Легко судить, заключаетъ Минихъ, какъ мало пользы, и въ то-же время какъ много вреда приносила государству подобная форма правленія (53).

Какъ третировалъ Биронъ сенаторовъ, можно видѣть изъ слѣдующаго случая, переданнаго современникомъ: герцогъ ѣздилъ въ Курляндію, при чемъ нашелъ, что по дорогѣ мосты весьма худы, отъ чего его карета испортилась. Призвавъ сенаторовъ, временщикъ съ свойственною ему занальчивостію разбранилъ сановниковъ, объявилъ, что для исправленія мостовъ онъ ихъ разложить по дорогѣ вмѣсто мостовинъ. И эти сенаторы, къ которымъ Петръ нѣкогда относился съ такимъ уваженіемъ, съ покорностію, безмолвно выслушали угрозу изъ устъ чужеземца. «Только уже упала твердость въ сердцахъ Россіянь!» добавляетъ Щербатовъ (53).

При такомъ униженіи власти и значенія Сената, какъ сказано въ указѣ 12-го декабря: «произошло многое упущеніе въ дѣлахъ внутреннихъ всякаго рода, а правосудіе уже и весьма въ слабость пришло, а потому въ отвращеніе бывшихъ до сего времени непорядковъ,» повелѣно было Сенату быть «въ прежде бывшей силѣ, а въ отношеніи управленія внутренними дѣлами государства» пользоваться властью, дарованною ему указами Петра I-го. Первымъ дѣломъ поручалось Сенату составить реэстръ всѣхъ указовъ, доселѣ вышедшихъ въ предшествовавшія царствованія, а тѣ указы, «которые съ состояніемъ сего настоящаго времени несходны и пользѣ государственной противны, уничтожить.» Сенаторами были назначены: 1) Генераль-фельдмаршалъ, князь Иванъ Трубецкой, 2) великій канцлеръ, князь Алексѣй Чер-

каской, 3) генераль и оберъ-гофмейстеръ, графъ Семень Салтыковъ, 4) генераль Григорій Чернышевъ, 5) генераль Андрей Ушаковъ, 6) адмираль, графъ Николай Головинъ, 7) оберъ-штаммейстеръ, князь Александръ Куракинъ, 8) Тайный дѣйствительный совѣтникъ Алексѣй Безстужевъ-Рюминъ 9) Александръ Нарышкинъ. Генераль-лейтенанты: 10) князь Михаилъ Голицынъ, 11) князь Григорій Урусовъ, 12) Иванъ Бахметевъ. 13) Тайный совѣтникъ Василий Новосильцевъ, 14) Дѣйствительный статскій совѣтникъ, князь Александръ Голицынъ (53).

«Каждый изъ сенаторовъ, по очереди, долженъ былъ непременно быть въ сенатской Конторѣ.

Генераль-прокурору, дѣйствительному тайному совѣтнику князю Никитѣ Трубецкому, и оберъ-прокурору, дѣйствительному камергеру Ивану Брылкину, быть въ своихъ должностяхъ, отъ Петра I-го установленныхъ (54). Въ столицахъ и губерніяхъ повелѣно было назначить прокуроровъ «съ ихъ прежними должностями». Управление иностранными дѣлами поручалось: канцлеру князю А. Черкасскому, А. Безстужеву-Рюмину, назначенному вице-канцлеромъ, да тайному совѣтнику фонъ-Бреверну. Въ конференціяхъ по важнымъ иностраннымъ дѣламъ присутствовать еще графу Головину и князю А. Куракину. Свои опредѣленія они должны были представлять на апробацію государынѣ. Кабинетъ, бывший до сего времени, приказано уничтожить, а возстановить его въ томъ видѣ, какъ былъ при Петрѣ I-мъ, причемъ завѣдывать дѣлами дѣйствительному статскому совѣтнику Ивану Черкасову. Какъ сенаторамъ, такъ и министрамъ иностранныхъ дѣлъ имѣть *сессіи* во дворцѣ, въ особыхъ покояхъ, «гдѣ и мы, сказано было въ указѣ, по временамъ и потребѣ дѣлъ сами присутствовать будемъ».

Дѣйствительно, замѣчаетъ Манштейнъ (54), первое время государыня присутствовала въ засѣданіяхъ Сената, впрочемъ она скоро ей надоѣли и она въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ не переступала порога сенатскихъ апартаментовъ, во всемъ полагаясь на распоряженія министровъ.

Какъ-бы то ни было, но одно изъ первыхъ своихъ засѣданій въ Сенатѣ, 15-го декабря, во *вторникъ*, Елизавета

ознаменовала изданіемъ «милосердаго указа къ облегченію своихъ подданныхъ». Вотъ, что объ этомъ было напечатано въ Вѣдомостяхъ:

«Имѣя неусынное попеченіе о благополучіи вѣрныхъ своихъ подданныхъ и о возстановленіи добраго порядка въ отравленіи государственныхъ дѣлъ, государыня изволила сего дня нѣсколько часовъ въ Правительствующемъ Сенатѣ присутствовать и сперва господамъ сенаторамъ весьма важную рѣчь говорила (?), указала князю В. В. Долгорукову быть президентомъ Военной Коллегіи и присутствовать въ Сенатѣ, а потомъ подписала указъ къ показанію подданнымъ наикрѣпчайшихъ знаковъ своею высочайшею милости.»

Вотъ, въ чемъ состояли «знаки наикрѣпчайшей милости» оказанныя: «для многолѣтняго здравія и благополучнаго государствованія» Елизаветы (55):

1) Всѣхъ лицъ, разныхъ чиновъ и сословіи, «явившихся въ неисправленіи должностей своихъ и въ непорядочныхъ поступкахъ» (кромѣ воровъ, разбойниковъ, смертоубійцъ, похитителей *многой* казны государственной, и виновныхъ по первымъ двумъ пунктамъ) отъ взысканій штрафовъ; наказаній, слѣдствій и суда освободить. 2) Посланныхъ за эти вины въ каторжную работу изъ ссылки освободить. Годныхъ и указамъ непротивныхъ вновь опредѣлить на службу; а старыхъ больныхъ, либо *наказанныхъ* (каковыхъ въ службу не опредѣлять) отпустить въ мѣста жительства. 3) Людей, укравшихъ, или утаившихъ «на службѣ казенный интересъ», хотя они за это и подлежали жесточайшему истязанію, которые несвыше 500 рублей убытку причинили, освободить безъ наказанія, въ противномъ случаѣ сослать въ Сибирь съ семьями на поселеніе, предоставя имъ на волю: жить и пропитываться—гдѣ хотять и чѣмъ хотять. 4) Всѣ казенныя недоимки съ кучества съ 1719 по 1730 г. безъ изъятія сложить. О начетахъ-же и недоимкахъ съ 1730 по 1741 г. представить намъ свѣдѣнія. 5) Имѣя матерное попеченіе о всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ, не хотимъ оставить, чтобъ и крестьянство, и прочіе посаженные въ подушной окладъ, такой-же милости нашей и порадованья лишены были», того ради, изъ подушныхъ 70 гривенъ со всѣхъ, *кромѣ иновѣр-*

цесъ, по 10 копѣекъ въ 1742 и 1743 годахъ не брать. 6) По указу 1733 года января 30-го велѣно всѣхъ сборщиковъ съ 1719 по 1732 года счесть Камеръ-Коллеги и въ особо учрежденной Комисси и тѣ счеты и повѣрки до-сихъ-поръ производятся съ превеликимъ государству убыткомъ и то все нынѣ оставить, и всѣ документы и счетныя книги этихъ годовъ сдать въ архивъ, кромѣ недонмокъ съ 1730 по 1732 года, которыя немедленно доправить. 7) Со всѣхъ тѣхъ, которые должны въ казну деньги, фуражъ, провіантъ, разныхъ сортовъ матеріалы или припасы, слѣдуетъ выправить вдвое и сверхъ-того наизящнейшему истязанію предать, но мы все то имъ отнушаемъ и повелѣваемъ только одну истину, что изъ казны нашей взяли, возвратитъ и то съ такихъ, которые оное учинили послѣ 1730-го года. 8) За разныя неисправленія дѣлъ и за нѣкоторыя вины, какъ-то держаніе бѣглыхъ солдатъ, порубку заповѣдныхъ лѣсовъ и проч. всѣхъ виновныхъ отъ наказанія освободитъ, а впредь съ таковыми преслушниками поступать по прежнимъ указамъ безъ уиущенія. 9) По указу, 21-го марта 1733 года, нѣкоторые президенты, члены, секретари, губернаторы, вице-губернаторы и воеводы, которые съ 1719 по 1732 годъ, будучи у дѣлъ, многую недонмку допустили и не взыскивали, подвержены наказанію: отнятію имѣній, а нынѣ отъ тѣхъ наказаній освободитъ.»

Рада своихъ подданныхъ *столь щедрыми* милостями, государыня, по врожденной любви ко всякаго рода увеселеніямъ, спѣшила великолѣпнымъ образомъ отпраздновать день своего рожденія.

Въ пятницу, 18-го декабря, рано утромъ, явились въ дворецъ съ поздравленіями (56) русскіе и иностранныя министры, генералитетъ и разныя знатныя особы обоого пола. Былъ торжественный выходъ въ придворную церковь. Литургію служилъ архіепископъ новгородскій Амвросій (57). Имъ было сказано въ тотъ день слово, важное не столько потому, что это самый первый высокопарный панегирикъ Елизаветѣ, произнесенной съ церковной каедры, но какъ интересный матеріалъ, бросающій яркій свѣтъ на тѣ ожиданія, надежды, съ которыми смотрѣло духовенство на новую

государыню, и въ какихъ отношеніяхъ становилось оно къ предшествовавшимъ царствованіямъ, къ прежнимъ государственнымъ дѣлателямъ; важно это слово еще и потому, что вмѣстѣ съ другими оно имѣло немаловажное вліяніе на строгое осужденіе Миниха и Остермана (58) Амвросій говорилъ на текстъ: «вѣсть отецъ вашъ, ихъ же требуетъ» (59).

«О наше неблагополучіе, восклицаетъ ораторъ, на наши грѣхи и беззаконія послалъ Богъ недобросовѣстныхъ чело-вѣковъ, которые для своей Богоненавистной корысти сдѣлали препятствіе къ законному воспріятію престола тебѣ, всеми-лостивѣйшая государыня! О коль усердно не только вся Россія, но и иностранныя государства (?) еще въ то время (1730 г.) на главѣ твоей корону видѣть желали и нетерпѣливо дожидались вашего восшествія на родительскій престолъ... Но нынѣ: слава Богу Всемогущему за его неизглаголанныя щедроты, услышалъ Богъ милосердную молитву нашу, не презрѣлъ слезъ и воздыханій нашихъ, еще Россію помиловалъ, еще не вовсе оставилъ насъ, когда древнее наше усердіе благополучнымъ увѣнчалъ событіемъ: возвелъ на престолъ родительскій законную наслѣдницу, даровалъ мать благоутробнѣйшую; пожаловалъ намъ чрезъ многія лѣта желаемую императрицу... Наказанье наше столько лѣтъ продолжалось! Восшествіе на престолъ (Елизаветы) многими было заграждено противностями и неудобствами человѣческими; однако, что Богъ вѣчный опредѣлилъ непремѣнными своими судьбами, того никто, ни самый адъ, со всѣми крайними силами не могъ и не можетъ премѣнить и тому воспрепятствовать.

«Говорите-жъ теперь, безбожники, несповѣдующіе Бога и Его Промысла, что государыня наша возведена на престолъ фортуною, слѣпымъ случаемъ, а не Богомъ всѣми владычествующимъ; блядословите! Сколько васъ начальникъ вашъ діаволь къ тому не поучаетъ; однако сего превратить никогда не можете, что Богъ утвердить изволилъ: безъ Мене, рече, не можете творити на чесоже. Если ни чесоже, то кольми паче такова преважнаго дѣла безъ его помощи сдѣлать отнюдь не возможно было; говорите сколько хотите!...

«Но я вамъ дивныхъ судебъ Божіихъ покажу свидѣтель-

ство, которое о истинномъ наслѣдіи престола ея величеству, еще въ рожденіи ея, Богъ опредѣлилъ... Въ день ея рожденія празднуется память святаго мученика Севастіана. Севастіанъ имя есть греческое, толкуется на нашемъ языкѣ *достоинъ чести*, но чести не простой, чести такія, которая самому токмо Богу достойтъ, и по немъ лице Его на земли посящимъ намѣстникомъ его, помазаннымъ государемъ...

«Жалостно то вспомнать, но нельзя правды утаить, какъ Богъ, отъ кончины твоихъ родителей (60), водилъ тебя, государыня, во всю твою жизнь по острому и извительному тернію. Не терніе-ли то было, плюсь я на разсужденіе всякого: видѣть свой наслѣдственный скипетръ чужими руками обладаемый? Не терніе-ли то было, въ собственномъ добрѣ, собственными родителями приобретѣнномъ, почти пепель за хлѣбъ имѣть, а питье съ плачемъ растворять? Не терніе-ли то наконецъ было, терпѣть отъ своихъ подданныхъ рабовъ крайнее презрѣніе, и сверхъ того, быть еще во всегдашнемъ опасеніи живота и здравія дражайшаго? О терніе! Терніе, во истинну наипронзительнѣйшее! Терніе, не тѣло только, но и душу самую уязвляющее! Но сіе неподвижное твое сердце охотно сносило: всѣ бѣдства, всѣ печали сносило твое великодушіе. Ты какъ-будто ничего не замѣчала всегда радовалась, всегда печаль свою заграждала мужественнымъ веселіемъ; и чѣмъ иные побѣждены бываютъ, ты надъ всѣмъ тѣмъ всегда совершенно царствовала... Господь послалъ тебѣ сердце мужественное, вліялъ духъ Петровъ, даровалъ храбрость Юднѣи. Ты пошла къ надежнымъ своимъ, давно уже того желающимъ, солдатамъ, и объявила имъ свое намѣреніе, и кратко имъ сказала: *«знаете-ли, ребята, кто я? и чья я дочь?»* (61). Родители мои трудились, заводили регулярство, нажили великое сокровище многими трудами, а нынѣ все то растащено, сверхъ-же того еще и моего живота ищутъ. Но не столько мнѣ себя жаль, какъ отечество; управляемое чужими головами, оно напрасно раззоряется, и людей столько не вѣдомо за кого пропадаетъ. Кому-же хотите вѣрно служить? Мнѣ-ли государынѣ природной, или другимъ, незаконно похитившимъ мое наслѣдіе?» И какъ они услышали эти слова, единогласно закричали: «тебѣ, все-

милостивѣйшая государыня, за тебя готовы пролить послѣднюю каплю крови! Мы того давно желаемъ, давно ожидаемся, нынѣ время для того удобное, нынѣ насталъ день россійскаго спасенія.» Сказавши это и приложившись къ кресту, солдаты начали во имя Господне исправлять свое дѣло, и сдѣлали то въ одинъ часъ, что дѣлали иные во многіе лѣта, со многимъ кровопролитіемъ: всѣхъ противныхъ, да еще съ великою милостью взяли и подъ ноги ея величеству покорили! О радость! О торжество несказанное! О дѣйствіе, нигдѣ и въ исторіяхъ не обрѣтаемое, да купно-же и страха превеликаго! Ибо, горя презельною къ своему отечеству любовью, здравіе и животъ свой въ крайнее опасеніе послать она понудилась: не имѣя ни командира надъ солдатами, не офицера, сама была и полковникомъ, сама и командующимъ офицеромъ... (62) О коль чудны и дивны дѣла твои, Господи!...

«Наша героиня избавила Россію отъ враговъ внутреннихъ и сокровенныхъ. А такими врагами были всѣ тѣ, которые подъ видомъ вѣрности, наше отечество разоряли; и смотрите, какую дьяволъ далъ имъ придумать хитрость: во первыхъ, на благочестіе и вѣру нашу наступили подъ претекстомъ, будто непотребное и весьма вредительное христіанству суевѣріе искореняють (63); и какое многое множество подъ этимъ предлогомъ людей духовныхъ, а наипаче ученыхъ истребили; монаховъ поразстригали и перемучили (64), спросишь за что? больше не услышишь, кромѣ сего: суевѣръ, ханжа, лицемѣръ, ни къ чему негодный. А все то дѣлали съ тѣмъ умысломъ, чтобъ во всей Россіи истребить священство православное, и завестъ свою нововымышленную безпоповщину (65). Разговора другого у нихъ не было, какъ только о ученыхъ людяхъ: «о Боже, какъ несчастна Россія, что людей ученыхъ не имѣетъ и ученіе завестъ не можетъ.» А между-тѣмъ, былъ-ли кто изъ Русскихъ искусный художникъ, инженеръ, архитекторъ, солдатъ старый, наипаче же, если онъ былъ ученикъ Петра, тутъ они тысячу спос придумывали, какъ бы его уловить, къ дѣлу какому-привязать, подъ интересъ подвести, и тѣмъ либо голо отсѣчь, либо послать въ такое мѣсто, гдѣ нельзя не у

отъ голода (66). О коль безчисленно множество, сколько тысячъ (67) людей благочестивыхъ, вѣрныхъ, добросовѣстныхъ и невинныхъ въ тайную (канцелярію) похищали, въ смрадныхъ узникахъ и темницахъ заключали, голодомъ морили, пытали, мучили, кровь невинную потоками проливали, короче сказать: всѣхъ людей добрыхъ, простосердечныхъ, государству доброжелательныхъ, отечеству весьма потребныхъ, подъ разными претекстами губили, раззоряли и вовсе искореняли, а равныхъ себѣ безбожниковъ, безсовѣстныхъ грабителей, казны государственныхъ похитителей, весьма любили, ублажали, въ ранги великіе производили, отчинами и деньгами многими тысячами жаловали и награждали.

Было то воистину, что говорить стыдно; однако то сущая правда. Бывало, пріѣдетъ какой-нибудь иностранецъ, не знаемый (не говорю о честныхъ и знатныхъ персонахъ, которые по заслугамъ своимъ въ Россіи всякой чести достойны) (68), и такого новаго гостя, ежели они усмотрятъ, что онъ ихъ совѣсти угоденъ, то хотябъ и не звалъ ничего, хотябъ не умѣлъ трехъ перечесть, но за то одно, что снѣ иноземець, а наипаче, что ихъ совѣсти нравенъ, мнѹя достойныхъ заслуженныхъ русскихъ людей, производятъ его въ президенты (69), въ совѣтники, въ штаты и жалованья опредѣляютъ многія тысячи. И такой-то совѣсти были оныя внутренніе враги наши! Такой-то сатанинской вѣрности... Они привели Россію въ безсиліе, нищету и въ крайнее раззореніе.

«Вспомнимъ только Турецкую войну (70). Сколько они безъ всякой баталіи старыхъ солдатъ уморили голодомъ, въ степяхъ жаждою. Сколько тысячъ *церковниковъ* въ рекруты переребрали! А все это почти напрасно (71), для одной только ихъ добычи и суетной корысти; мнимые доброты Россіи, они только тѣломъ здѣсь, а сердцемъ и душою внѣ Россіи пребывали. Такими показали они себя, когда всѣ сокровища, всѣ богатства, въ Россіи неправдою нажитыя, вонъ изъ Россіи за море высылали (72) и тамъ въ банкѣ нные на проценты многіе миліоны полагали. *Идѣ же сокровище наше, ту есть и сердце наше.*

Ежели кто не вѣрнѣтъ, ступай въ Голландію, въ Англію, тамо лучше увѣдаешь. И отъ таковыхъ-то тайныхъ раззо-

рителей Россіи освободилъ насъ Богъ, чрезъ вторую Юдию, нашу государыню!»

Сильное Слово Амвросія было выслушано государыней со слезами умиленія. Извѣстно, что Елизавета была необыкновенно чувствительна. Съ торжествомъ внимали сему слову сподвижники «второй Юдию» и едва-ли съ пріятнымъ чувствомъ прислушивались къ нему многіе вельможи, облагодѣтельствоваанные Минихомъ, Остерманомъ и другими *раззорителями Россіи*, нынѣ-же, благодаря интригамъ, уцѣлѣвшіе при новомъ правительствѣ.

По окончаніи литургіи съ крѣпости и Адмиралтейства гремѣла пушечная пальба; гвардія и армейскіе полки, выстроенные въ парадѣ на льду Невы, дали нѣсколько ружейныхъ залповъ, громкое ура гремѣло долгое время, сопровождаемое «*метаньемъ шляпъ*» (73). Въ полдень государыня обѣдала въ торжественномъ собраніи «въ большой залѣ», сидя на тронѣ. Столъ на 220 персонъ былъ поставленъ въ видѣ двойной буквы Е. Въ продолженіе обѣда играла итальянская музыка съ «*перемѣною концертовъ и аріѳ*». Къ балу, вмѣстѣ съ другими иностранными министрами, пріѣхалъ и персидскій посоль. Съ наступленіемъ сумерекъ дома въ городѣ были *преизрядно* иллюминированы. А въ началѣ 8-го часа, послѣ сигнала изъ пушки, на обыкновенномъ театрѣ Фейерверковъ, также и у крѣпости сожжена была иллюминація. Она представляла большую садовую аллею. При входѣ великолѣпный порталъ изъ мраморныхъ столбовъ, надъ нимъ буква Е. подъ короною. Всѣ аллеи и проспекты были обнесены превосходною оградой. Впереди предстали съ бранными трофеями, разными воинскими доспѣхами, а напротивъ другой монументъ, составленный изъ книгъ, картъ, глобусовъ, математическихъ инструментовъ и проч. Въ 12 часовъ сожженъ былъ фейерверокъ; аллегорическая картина его имѣла надпись: «Давный долгъ сему дню».

Академія наукъ поднесла торжественную оду, въ 100 стиховъ. Это былъ первый панегирикъ новой императрицѣ, написанный стихами; но ода не имѣетъ никакихъ достоинствъ: это наборъ громкихъ фразъ, выраженныхъ стихами, крайне надутыми, нерѣдко и вовсе нелѣпыми (74):

Надежда, свѣтъ Россіи всей,
 Въ тебѣ щедрота Божья зрится,
 Хоть виѣшней красотѣ твоей
 Довольно всякъ, кто зритъ, дивится,
 Душевныхъ ликъ твоихъ добротъ
 Красиѣ виѣшнихъ всѣхъ красотъ...
 Величество являлось всѣмъ,
 Въ особѣ и во всякомъ дѣлѣ,
 На полномъ благъ лицѣ твоємъ
 И въ *велељьномъ* купно тѣлѣ.
 Желаетъ кто Петра смотреть
 Или Екатерину чтить,
 И ихъ добротъ дивиться цвѣту,
 Возритъ пусь на Елисавету!
 Изволь хоть гдѣ себя прикрыть,
 Пріятство будетъ тамъ съ тобою (75)
 И милость во слѣдъ тебя ходить,
 Откроютъ намъ тебя собою...
 Избавь, избавь россійску кровь
 Отъ злаго скорбныхъ дней начала,
 Достойна на престолъ вступи,
 Къ присягѣ мы готовы вси.
 Отдай красу россійску трону
 По крови, правамъ и закону...
 Прежъ всѣхъ пошла съ крестомъ своимъ,
 Чинилъ, что прежде Константинъ
 Твоимъ всѣхъ духомъ ободрила,
 Лишь чуть пришла, всѣхъ покорила...
 Въ единъ часъ сильныхъ побѣдила,
 Къ себѣ взяла, на тронъ вступила.
 Который такъ веселый часъ
 Пріятенъ людямъ быть казался,
 Сердечъ тебѣ какъ вѣрныхъ гласъ
 И вивать къ верху звѣздъ промчался
 Твоихъ подданныхъ миллионъ —
 Имѣли вдругъ согласный тонъ, и т. д.

Къ этому же дню были выбиты двѣ медали, сдѣланныя
 Георгіемъ Вехтѳоромъ. На лицевой сторонѣ медали, по слу-
 чаю восшествія на престолъ Елисаветы, сдѣлана была над-
 писъ: D. G. Elisabeta. Augusta. omn. ross. (Божію милостію

Елисавета, императрица всероссійская). Поясное изображеніе ея, обращенное вправо, въ малой коронѣ, въ императорской мантіи (внизу: L. Waechter. T.). На оборотѣ медали: Restituit Rem (возстановила государство). Императрица, съ крестомъ въ правой рукѣ, предводительствуетъ войсками, указываетъ имъ лѣвою рукою на зданіе двѣнадцати коллегій. Въ обрѣзѣ: omdic. sol. pater. d. XXV Nov. MDCCXLI (возвратила отеческій престоль 25 ноября 1741 года) (76). Другая медаль была выбита на «освобожденіе заключенныхъ». Лицевая сторона медали: поясное изображеніе императрицы, на оборотѣ медали: Clementia augustae (милосердая монархиня). На площади, передъ тюрьмой, лежатъ въ цѣпяхъ трое узниковъ (не Долгоруковы-ли?). Геній, въ видѣ женщины, съ пальмовою вѣтвью въ рукѣ, снимаетъ съ нихъ цѣпи. Въ обрѣзѣ: Noxiolum vinculis ex soltis. MDCCXLI. XV dec. (сняты съ преступныхъ оковы. 1741 г. 15-го декабря) (77).

Съ немальшимъ торжествомъ праздновали день рожденія государыни въ Москвѣ. Во время торжественной литургіи въ Успенскомъ соборѣ, иконоспасскимъ архимандритомъ Кирилломъ Флоринскимъ сказано было Слово, отпечатанное въ томъ же году въ С. Петербургѣ, при Академіи Наукъ (78). Флоринскій говорилъ на текстъ: *сильно на землю будетъ сѣмя его*. Послѣ длинныхъ разсужденій о томъ, что и какъ должно понимать подъ словомъ *сѣмя*, послѣ доказательствъ, что сѣмя Петрово сильно, хотя-бы мы для разсмотрѣнія его употребили теорическую микроскопю, проповѣдникъ такъ развиваетъ свою мысль: «Сѣявшій въ насъ доброе сѣмя есть Петръ I, село есть Россія, доброе сѣмя, наслѣдница Петра — Елисавета. А плевелы, подъ видомъ токмо сынове отечества, вещь же порожденія Эхиднина, изгрызающіе утробу матери своея Россіи, да чужестранцы, пришлецы, Петромъ насѣянные въ Россіи, расхитители, правовѣрія ругатели, благочестія русскаго растлители и ислители, подъ ухищренною политикою всего счастья нашего губители. А врагъ всѣявый таковыхъ плевелоплодцевъ, той есть діаволь, т. е. Остерманъ, который до дѣшнихъ дней утаевалъ и хитро казенныхъ, скрывалъ тестаментъ императрицы Екатерины... Жатва, кончина и погибель плевель и плевелосѣятелямъ врагамъ; вѣр-

нымъ-же сынамъ отечества честь и благополучіе, паче-же всѣхъ жнецамъ плевела и истребителямъ плевелосѣятелей лейбъ-гвардіи и всему войску.

«Странное чудо, что ты, о Россія, не вѣдала возрасть Елисаветы, знать по сторонамъ негдѣ ты бродила, или, безъ сомнѣнья, спала ты, Россія, да еще спала летаргомъ! Да, что я виню одну Россію? Яснѣе сказать, всѣ мы въ десять лѣтъ и болѣе нечувствениѣе деревъ были, не примѣчали, какъ созрѣло сильное сѣмя Петрово: государыня Елисавета!

«Россія, древо сіе не всяко плотоядные, но человѣкояды птицы, Остерманъ и Минихъ, съ своимъ стадищемъ, начали было чрезъ двѣнадцать лѣтъ беспокоивавше, сѣщи и терзати; обаче мы дремлюще ни видѣхомъ, ниже чувствованомъ, донде же само сіе сильное сѣмя насъ не пригласи спящихъ..... Ты, наслѣдница отеческаго престола, ухищренными совѣты и навѣты Остермана съ его сковники мале не чрезъ двѣнадцать лѣтъ отъ престола удержана, комо же по ихъ злымъ совѣтомъ отъ насъ бѣдствовавшихъ (аще бы не Богъ, съ нами отлучена быть имѣла)....

«Доселѣ дремахомъ, а нынѣ увидѣхомъ, что Остерманъ и Минихъ съ своимъ сонмищемъ влѣзли въ Россію, яко эмиссаріи дьявольскіе, имъ же попустившимъ Богу, богатство, слава и честь желанная приключишася: сія бо имъ обѣтова сатана, да подь видомъ министерства, да и вѣрнаго услуженія государству російскому въ Россіи правовѣріе и благочестіе неточіе превратятъ, но ю изъ кореня истребятъ. Какъ самъ дьяволъ умышляя Христу пресѣчь вольное за насъ страданіе возведъ его на гору високо и, показавъ ему все царствіе міра, сказалъ: «сія вся тебѣ дамъ, аще падь, мнѣ поклонишися». Тако поступили Остерманъ и Минихъ съ своими снудники».

По словамъ оратора они не допускали до престола Елизавету, они искореняли въ конецъ и истребляли православіе. Мало того, говоритъ Флоринскій: «Минихъ въ многобѣдствовавшей отъ него Украйнѣ, ради зловѣрія своего, едва не возстановилъ кирпичи, да и здѣсь въ Москвѣ, въ Китайгородѣ на прельщеніе душъ неповинныхъ, не его ли стараніями воздвигнута Армянская церковь? Воскресни, Златоусте,

и о Армянской церкви въ ушию Елизаветы рцы: мы бо дремлюще и посреди насъ таковаго зла не чувствуемъ. Возгреми на пролившаго коварно многу кровь русскую, Остермана, загради Миниху чести, искавшему своя возставити, гдѣ отъ вѣковъ того зловѣрія не бывало, кирки. Очисти градъ сей отъ безчествующей церкви Армянской!

«Думали Армяне и ласкатели мнози, кои слѣпымъ умомъ Остермана и Миниха обманнымъ расказамъ удвлятися, часто за свое въ вѣрѣ поврежденіе и непостоянство приуждены бывали, будто бы какъ въ первенствующей церкви два свѣтила, и два новые Апостолы возсіяли: одинъ бы отъ нихъ яко Павелъ, будто насаждалъ, а другой яко Аполлосъ пожиналъ: видимъ бо, что сѣмя, еже Остерманъ насаждалъ, Минихъ наполялъ, Богъ того не токмо не возрастилъ, но и ихъ искореняетъ.

«Мнози, думать надобно, о Остерманѣ и Минихѣ глаголаху: бози употребльшися человѣкомъ, снидоша къ намъ и нарицаху Остермана Діа, Миниха же Ерміа. И во правду можно нареци идолами Остермана Діа, Миниха Ерміа, яко же бо Дій и Ерміи во языцѣхъ; тако Остерманъ и Минихъ Россіи были кумпры златые, имъ же сосовѣтній не устыдилися, яко болванамъ, и жрети своя совѣсти воля ихъ, закаляюще въ жертву.

«Совѣта нераскаяннаго на сѣмя Петрово соборище, жертвенники, образы и жрецы Воаловы: Остерманъ, Минихъ и спуздники тѣхъ, ихъ же, и кромѣ насъ, яко скудельны идолы самъ сокрушитъ Господь.

«Не-душепагубные ли беззаконники министры, еретики ещѣе, лишали тебя отеческаго престола, не церковь-ли православная подъ игомъ сихъ еретиковъ стенала, не святіе-ли отъ нихъ поруганны, не Россія-ли преисполнена отъ нихъ протестанской ереси?

«Но нынѣ претендентовъ державы твоей уже нѣсть, и адгеренты разсыпаются!»

Нечего и говорить, какъ важна для насъ проповѣдь Флоринскаго. Полная самыхъ рѣзкихъ, чтобы не сказать бранныхъ, выходокъ противъ славныхъ министровъ Миниха и Остермана, она, безъ сомнѣнія, имѣла немаловажное и

притомъ худое вліяніе на судьбу сихъ несчастливцевъ. Въ рѣчи Флоринскаго мы слышимъ говоръ цѣлой партіи людей, самыхъ закоснѣлыхъ въ религіозномъ фанатизмѣ, для которыхъ дѣянія Миниха и Остермана, основанныя на вѣротерпимости, должны были казаться дьявольскимъ навожденіемъ. Съ какимъ изступленіемъ гремитъ московскій проповѣдникъ противъ протестантизма: противъ кирока и армянскихъ церквей: православіе падаетъ, православіе гибнетъ! Эти изступленные вопли фанатиковъ нашли себѣ, какъ мы ниже увидимъ, отголосокъ въ государственныхъ людяхъ того времени.

Рѣчь Флоринскаго замѣчательна и въ другомъ отношеніи: въ отечественной исторіи не прежде, ни послѣ этого времени, даже до нашихъ дней, мы не видимъ другого подобнаго сему дѣлу: съ церковной кафедрой, среди Москвы, при громадномъ стеченіи народа съ изступленіемъ поносятъ людей государственныхъ, славныя дѣла которыхъ гремѣли доселѣ по всей Европѣ, въ рукахъ которыхъ, въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ, было все управленіе російской монархіи. Даже въ остальныхъ проповѣдяхъ 1742 года нигдѣ не встрѣчаемъ тѣхъ странныхъ выходокъ, которыя дозволилъ себѣ Флоринскій, называя Миниха и Остермана *эmissарами* дьявола, и требуя отъ лица Россіи, чтобы новая государыня *сокрушила челюсти* бывшего фельдмаршала!

Умѣреннѣе и приличнѣе говорилъ проповѣдь на Рождество, 26 Декабря 1741 г., Маркель епископъ корельскій (79) на текстъ: «*во своя пріиде, и свои его не пріяша*». Хотя и у него встрѣчаются слѣдующія выраженія, какъ бы вызванныя сожалѣніемъ о томъ бѣдственномъ состояніи, въ которомъ находилась цесаревна Елизавета въ царствованіе Анны Ивановны и владычество ея временщика. «О плачу, о слезъ неутомимыхъ! о жалю безмѣрнаго! Аще дому владычицу изъ дому изгнаша, и вельзевуломъ посмѣятельнѣ нарѣкоша; то кольми паче домашнія ея ихъ же, овыхъ убо биша и мучиша различными муками, овыхъ убиша лютыми смертми, овыхъ по различнымъ далечайшимъ мѣстамъ заточиша, по мрачнымъ тюрьмамъ, казармамъ затвориша, во смрадѣ, гладѣ, хладѣ, и различными ухищреніями мучиша, то по

десяти, то по пятнадцати лѣтъ (?), въ темницахъ содержаща, честныхъ и достойныхъ людей чиновъ лишша, своихъ же знаемыхъ и сосѣдъ и друзей на мѣста ихъ возведоша, иныхъ же, будто милость являюще, чтобъ своимъ мѣсто уготовати и дати, въ дома отпустиша, заключающе имъ двери къ высокимъ чинамъ. О хитрости дьявольской! О умышленія сатанинскаго! О михіавельства адскаго! Страшно и ужасно сердцу, и весьма болѣзненно созерцати воинство регулами отъ Петра I самыми изряднѣйшими новопросвѣщенное, но команды надъ ними никакой не имѣти. Слушате вопль ихъ и стenanія сордечныя, и тяжкія воздыханія, паче же многихъ къ ней приходящихъ солдатъ, и горько съ плачемъ вопіющихъ и глаголющихъ, но не внимати: мати истинная наша, какъ оставила еси насъ, чадъ твоихъ сущихъ? Како не радиши о овцахъ своихъ, которыхъ волки хищни похищаютъ и сѣдаютъ? Еще же напрасно и хитро-стно на многихъ своихъ интересныхъ затѣвныхъ баталіяхъ подъ Гданскомъ, на множайшихъ во время Турецкой войны взятыхъ грудью городовъ совѣщались на святыхъ своя отеческія давныя, не глаголю слуги, но и други, и посылающія ихъ на самыя труднѣйшіе приступы, и огни, едва уже всѣхъ не перевели и побили. Рѣша въ сердцахъ своихъ лукавыхъ: истребимъ ихъ отъ земли!»

Всѣ эти слова направлены противъ Миниха; проповѣдникъ обвиняетъ его въ томъ, что онъ не берегъ русскихъ солдатъ, объясняя притомъ этотъ фактъ съ своей нелѣпой точки зрѣнія.

Рѣзче выражается онъ объ Остерманѣ, не позволяя впрочемъ себѣ, ни въ томъ ни въ другомъ случаѣ, называть ихъ по именамъ, изъ чувства ли приличія, или вѣрнѣе потому, что, не смотря на опалу, Минихъ и Остерманъ имѣли друзей, которые принявъ на себя новыя личины вторглись въ число приближенныхъ новой государыни. По словамъ Маркелла: «Остерманъ хромъ душею, хромъ совѣстью, хромъ и ногами (онъ былъ болѣеъ подагрою), сова смрадная въ сокола или орла притворявшаяся. Но нынѣ злозлый властолюбецъ погибаетъ: сокрушены нынѣ его голени, честь и мнимая его слава, палъ онъ змій лукавый, пали и

ангелы всё его, надѣявшіеся на него, и не возстанутъ; ибо день настѣтъ праведной гибели его и праведнаго отмщенія Божія».....

Нельзя не упомянуть здѣсь о поступкѣ Шумахера, управлявшаго въ то время дѣлами Академіи. Изъ него, какъ нельзя лучше, можно видѣть въ какомъ странномъ состояніи находились панегиристы, поэты, ораторы, воспѣвавшіе и восхвалявшіе Анну Леопольдовну, разумѣется ради земныхъ благъ, и теперь, при новомъ правительствѣ, ради тѣхъ же благъ, они должны были отступить отъ своихъ прежнихъ произведеній, мало того, тщательно ихъ истребить и тѣми же словами, только перемѣнивъ имена, они стали превозносить Елизавету. Такъ напр. рассказываетъ по этому случаю О. О. Куникъ, въ своей любопытной статьѣ въ Ученыхъ Запискахъ Академіи Наукъ: «не задолго до революціи осенью Шумахеръ издалъ: Палаты Спб. Академіи Наукъ, Библіотеки и Кунскамеры, которыя предоставлены въ планахъ, фасадахъ и профиляхъ». Надъ заглавіемъ былъ отчетливо выгравированъ фронтисписъ, изображавшій фигуру Анны Леопольдовны, въ видѣ Минервы, предъ нею мать (любовь къ отечеству) ведетъ своихъ дѣтей: Академію Наукъ и Кунскамеру; надъ ними летитъ слава, держащая въ рукѣ листъ съ надписью: «Петръ I началъ Анна (Леопольдовна) совершила». Книга была издана на нѣмецкомъ языкѣ съ посвященіемъ правительницѣ. Григорій Тепловъ перевелъ ее на русскій языкъ. Посвященіе было перепечатано въ примѣчаніяхъ къ Вѣдомостямъ (1741 года въ частяхъ 91 по 95, стр. 361—380). Шумахеръ, выставляя на видъ свои заслуги, говоритъ между прочимъ что «исполненіе премудрыхъ и преславныхъ намѣреній Петра (относительно Академіи Наукъ) оставило смотрѣніе Божіе до временъ Анны Великія», «и при вашемъ достохвальномъ правительствѣ въ Россіи всё науки и художества часть отъ часу въ большое приходятъ распространеніе. Отъ просвѣщеннаго разума вашего, отъ милостивѣйшихъ намѣреній, отъ собственныхъ вашихъ глубокихъ познаній въ наукахъ, науки и художества растутъ и процвѣтаютъ. Учрежденія Петра и Екатерины въ добромъ содержаніи хранятся и

умножаются, вся Академія пользуется милостивѣйшимъ защищеніемъ и призрѣніемъ». Далѣе Шумахеръ не скупится на похвалы Аннѣ Леопольдовнѣ: ея прозорливости, штатской мудрости, заботливости о дѣлахъ и наукахъ. Издатель заключаетъ посвященіе наивною просьбою: «На мои по сіе время продолжающіеся труды и старанія милостивое око обратитъ соизволите».

Настаетъ утро 25 Ноября, на престолѣ новая государыня, правительница арестована; имя ея произносится со страхомъ и трепетомъ, и Шумахеръ, не менѣе другихъ перепуганный, спѣшитъ вырвать изъ Вѣдомостей перепечатки его посвѣщенія (уцѣлѣвшаго въ единственномъ экземплярѣ собранномъ П. П. Ламбинымъ въ академической Библіотекѣ), забираетъ назадъ все изданіе *Палатъ*, выбиваетъ новую гравюру: на ней Минерва представляетъ уже Елизавету, слава возглашаетъ, что «Петръ I началъ а Елизавета (не Анна) совершила». Въ посвященіи все, что говорилось о правительницѣ, то отнесено либо къ Елизаветѣ Петровнѣ, либо къ покойной государыцѣ Аннѣ Ивановнѣ; о чемъ и распространяется Шумахеръ въ предисловіи къ *новому* изданію. «Оно вышло въ томъ же году, вопліѣ приаровленное къ новымъ обстоятельствамъ». Этотъ фактъ говоритъ самъ за себя. Онъ нѣкоторымъ образомъ опредѣляетъ съ какой точки зрѣнія надо смотрѣть на панегирики, съ которыми и духовные, и свѣтскіе, и поэты, и проповѣдники спѣшили обратиться къ новой императрицѣ. Много-ли въ нихъ было искренняго показываешь продѣлка Шумахера.

Шумно, весело провела праздники Елизавета, среди ликующаго двора своего, внимая высококомѣрнымъ хваламъ льстецовъ, устраивая торжественные обѣды, маскарады и проч. Жажда удовольствій и развлеченій, государыня не безъ наслажденія любовалась между прочимъ оригинальнымъ зрѣлищемъ: на площади, сзади дворца, былъ устроенъ увеселительный бой между нѣсколькими слонами (80).

Среди этихъ забавъ, 31-го декабря, былъ изданъ указъ. Въ немъ было сказано: государыня нашла, «что въ правленіе герцога курляндскаго и принцессы Анны многіе «не по заслугамъ получили чины, деревни, дворы, казенныя

«деньги, кавалеріи, также многимъ не малый пенсіонъ и «свыше ранговъ ихъ жалованья опредѣлено» и о всѣхъ тѣхъ лицахъ Сенатъ, по силѣ сего указа, долженъ былъ собрать вѣдомость и доложить государынѣ, не медля. А до того разсмотрѣнія строго было приказано повышеннымъ въ чины называться и писаться прежними ихъ чинами; которые получили деревни, дворы, деньги, все то возвратить; ордена же представить въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ (81).

Можно себѣ представить: какую суматоху произвелъ этотъ указъ, Богъ знаетъ какимъ государственнымъ мужемъ сего времени придуманный и представленный на утвержде- ніе. Какъ бы то ни было, но конфискованныхъ имѣній пред- видѣлось такое число, что тогда же состоялся въ Сенатѣ указъ о прибавкѣ при канцеляріи Конфискаціи для приѣма описанныхъ пожитковъ *еще одного* комиссара (81).

Любопытно, что въ этотъ же день обнародованъ указъ о тѣхъ милостяхъ, которыхъ давно ждали Преображенцы. Императрица награждала съ безпримѣрною щедростью (82):

«При вступленіи нашемъ на престолъ, полки лейбъ-гвардіи, въ особенности же гренадерская рота Преображенскаго полка, ревностную свою вѣрность намъ такъ показали, что мы успѣли въ воспріятіи престола безъ всякихъ дальнѣй- шихъ препятствій, и не учиня никакого пролитія получили. Въ слѣдствіе чего вѣрную ихъ службу не можемъ оста- вить, не показавъ особливой нашей милости.

«Штабъ и оберъ-офицеровъ гвардіи, равно Ингемарланд- скаго и Астраханскаго полковъ награждаемъ выдачею трет- наго по ихъ окладамъ не въ зачетъ жалованья. Оныхъ пол- ковъ унтеръ-офицеровъ, капраловъ, рядовыхъ и прочихъ чиновъ:

На Преображенскій полкъ	12,000 руб.
» Семеновскій	9,000 »
» Измайловскій	9,000 »
» Конный	6,000 »
» Ингерманландскій	3,000 »
» Астраханскій	3,000 »
Итого	42,000 руб.

Гренадерская рота Преображенскаго полка переименоывается въ Лейбъ-Компанію. Въ ней капитанское мѣсто мы соизволяемъ сами содержать, и оною командовать. При чемъ ротные чины будутъ въ слѣдующемъ порядкѣ соответствовать армейскимъ :

Капитанъ-поручикъ — генералъ полный	1	(Назнач. генераль-фельдцейхмейстеръ принцъ Гессенъ-Гомбургскій).
Поручиковъ — генераль-лейтенанты	2	(дѣйств. камергеры А. Г. Разумовскій и М. Л. Воронцовъ).
Подпоручиковъ — генераль-маіоры	2	(дѣйств. камергеры П. И. и А. И. Шуваловы).
Адъютантъ — бригадиръ	1	(бывшій рядовой Грюнштейнъ).
Прапорщикъ — полковникъ	1	
Сержантовъ — подполковниковъ	8	
Виц-сержантовъ — преміеръ-маіоровъ	6	
Квартирмейстеръ } — секундъ-маіоры.	1	
Подпрапорщикъ }	1	
Капраловъ — капитаны	12	
Вице-капраловъ — капитаны-поручики	12	
Лѣкаръ — капитанъ	1	
Писарь — поручикъ	1	
Подлѣкаръ — прапорщикъ	1	
Копистъ } — сержанты	1	
Фельдшеровъ }	3	
Барабанниковъ }	4	
Флейщиковъ }	4	
Профосовъ }	1	

 364

Унтеръ-офицеры, капралы и рядовые лейбъ-компаніи, кромѣ заротныхъ чиновъ, пожалованы были потомственными дворянами. Имена ихъ повелѣно внести Герольдіи въ дворянскую книгу; «а для незабвенной памяти будущимъ родамъ о ихъ подвигѣ», приказано сдѣлать гербы, по утвержденному государыней рисунку (83).

IX.

Празднованіе новаго года и дня крещенія. — Уничтоженіе наградъ и повышеній, бывшихъ въ правленіе Бирона и Анны Леопольдовны. — Слѣдствіе, судъ, осужденіе и исполненіе приговора надъ государственными преступниками. — Характеристики: Остермана, Миниха: отца и сына, Головкина, Левенвольда, Менгдена, Неплюева. — Распоряженія относительно брауншвейгской фамилии. — Принцъ Людовигъ брауншвейгскій и графъ Линаръ.

Первый день новаго года былъ отпразднованъ съ приличнымъ торжествомъ: по обыкновенію утромъ сего дня (пятница, января 1-го) у двора былъ большой выходъ и государыня, по словамъ Вѣдомостей, «соизволила подняться въ придворную церковь для слушанія литургіи» (84). Проповѣдь говорилъ Стефанъ, епископъ псковскій и архимандритъ александроневской Лавры (85). Мы не станемъ останавливаться ни на этой, ни на послѣдующихъ рѣчахъ; немногія изъ нихъ могутъ сравняться по рѣзкости съ приведеннымъ словомъ Флоринскаго, либо по богатству фактовъ съ рѣчью Амвросія. Почти все они писаны въ одномъ духѣ; тѣ же повторенія, общія мѣста, звонкія фразы и тотъ же фанатизмъ религіозный. Вотъ образецъ: «Не тое убо, слушатели, что дожили, восклицаетъ Стефанъ, но какъ дожили, вотъ о чемъ разсуждать подобаетъ. Дожили не только мы, но и скоты. Дожили не только Христіане, но и *жиды, и турки, и язычники*, дожили и сіи безбожники. «Дожили и тѣ», которые учили, что Богъ людьми, какъ картами, переворачиваетъ, и кому выигрышь подати хоцетъ, тому и козырей сильныхъ посылаетъ, и тое ученіе не Христовыми учениками, но *Кальвиновыми* произнесено и разсѣяно» и т. д.

Впрочемъ Стефанъ не забылъ представить картину бѣдственной доли Елизаветы до ея восшествія на престоль. Она, по его словамъ: «многовидныя, неказанныя, нестерпимыя отъ недобросовѣстныхъ подданныхъ своихъ пакости мужественно претерпѣла! Ее еще и тогда въ монастырь понуждали; приставленные, неусыпные шпионы наблюдали за Елизаветой, что ѣстъ, что пьетъ, что дѣлаетъ, куда ѣздитъ, съ кѣмъ бесѣдуетъ» и проч.

По окончаніи обѣдни весь день гудѣли колокола, раздавались пушечные и ружейные выстрѣлы; въ полдень былъ торжественный столъ у императрицы, причѣмъ пѣли и играли итальянскіе пѣвцы и музыканты. Тотчасъ послѣ обѣда (таково было тогдашнее обыкновеніе) начался балъ. Съ наступленіемъ вечера городъ иллюминованъ, а на театрѣ фейерверковъ зажжена особо приготовленная иллюминація: она представляла храмъ благополучія въ зеленомъ лѣсу, въ фронтисписѣ храма великолѣпный щитъ съ вензелемъ ея величества, кругомъ эмблемы ея мудрости, милости, храбрости (?) и любви къ отечеству, въ видѣ золотыхъ статуй, на пьедесталахъ. Фейерверкъ изображалъ Россію, въ видѣ женщины; она входитъ въ храмъ (эмблема новаго царствованія). Премудрость Божія отворяетъ дверь, надпись: «сей поспѣдую» (86).

6-го января при освященіи воды государыня отправилась на Неву въ процессіи знатнѣйшихъ дамъ и кавалеровъ. По обѣ стороны шла императорская Лейбъ-компанія, въ новыхъ мундирахъ, безъ ружей. На льду рѣки подъ начальствомъ принца Гессенъ-Гомбургскаго (получившаго въ тотъ день шпагу, брилліантами украшенную) стояло въ парадѣ 12,000 войска: гвардія, армія и гарнизонъ. Вечеромъ при дворѣ былъ великолѣпный балъ.

Безъ сомнѣнія, замѣтивъ ту путаницу въ дѣлахъ, которую произвелъ указъ 31 декабря: объ уничтоженіи наградъ и пожалованій, сдѣланныхъ со смерти Анны Ивановны, правительство поспѣшило (8 января 1742 года) обнародовать другое распоряженіе. «Хотя то и подлинно есть, что немало въ правленіе герцога Курляндскаго и принцессы Анны находятся въ числѣ награжденныхъ между достойными и недостойные, между заслуженными и незаслуженные, однако мы, по природному нашему матернему милосердію, не желая никого изъ нашихъ подданныхъ *опечалить*, утверждаемъ за ними полученные ордена, *деньги*, чины, по пансіоны, также прибавочное сверхъ окладовъ жалованье, отмѣняемъ» (на томъ основаніи, что таковыхъ дачъ не было при Петрѣ I) (87).

Обнародованіе сего указа, недѣлю спустя послѣ указа, прямо ему противорѣчащаго, показываетъ какая безуря-

дица была въ первое время въ тогдашнихъ распоряженіяхъ государственныхъ.

Государыня, возведенная на престоль солдатами, въ это время пользовалась большою популярностію въ нижнихъ слояхъ петербургскихъ жителей; они толпами, вслѣдъ за гвардейцами, кинулись къ своей *матушкѣ* съ челобитными, нерѣдко вовсе ничтожными просьбами. Въ слѣдствіе этого государыня приказала просьбамъ «безвременно ея персону не утруждать», а подавать ихъ только по *сторникамъ* (87).

Просьбы, подаваемые чрезъ генерала рекетмейстера (Дивова) приказано было отнюдь не писать на простой бумагѣ, но непременно на гербовой (87).

Съ другой стороны, желая чѣмъ-нибудь занять солдатъ, бушевавшихъ, *озорничавшихъ* и дѣлавшихъ великія *непотребства* (83), приказала въ полкахъ чинить разнаго рода экзерциціи.

Штабъ и оберъ-офицерамъ на крѣпко подтверждалось имѣть за солдатами «весьма доброе и неоплошное смотрѣніе, держать ихъ въ послушаніи и почтеніи къ себѣ по воинскимъ артикуламъ.» Съ непослушныхъ повелѣно взыскивать безъ всякаго упушенія (87).

Энергическія выходки Кирилла Флоринскаго и другихъ проповѣдниковъ сего времени противъ армянской церкви не остались безплодными: 16-го января указано всѣ армянскія церкви, кромѣ одной каменной въ Астрахани, какъ въ этомъ городѣ, такъ и въ Москвѣ, упразднить и впередъ позволеній на строеніе ихъ не давать (87).

Въ то время, когда Елизавета занята была распоряженіями и разсмотрѣніями дѣлъ государственныхъ, наградами лицъ къ ней приближенныхъ, забавами, всякаго рода увеселеніями, слѣдствіе и судъ надъ людьми ей ненавистными и ею заточенными приходилъ къ концу..... Но прежде нежели представимъ здѣсь ходъ слѣдствія и суда надъ знаменитымъ министромъ, правившимъ Россіей въ теченіи двѣнадцати лѣтъ, укажемъ на нѣкоторыя біографическія черты его жизни.

Генрихъ Юганъ Фридрихъ Остерманъ родился въ 1686 году въ графствѣ Моргскомъ и былъ сынъ пастора бакумска-

го; въ русскую службу принятъ въ 1704; онъ сдѣлался однимъ изъ полезнѣйшимъ слугъ Петра, который скоро отличилъ дѣятельнаго, умнаго, предприимчиваго Остермана. Въ Россіи его стали называть Андреемъ Ивановичемъ послѣ слѣдующаго случая: когда онъ былъ представленъ царицѣ Прасковѣ Ѳедоровнѣ, женѣ Ивана Алексѣевича, вмѣстѣ съ своимъ братомъ, воспитывавшимъ въ то время ея дѣтей, царица спросила, какъ его зовутъ? «Генрихъ, отвѣчалъ Остерманъ, сынъ Ивана». «Слѣдовательно, продолжала Прасковья Ѳедоровна, вы должны назваться Андреемъ Ивановичемъ.»

Извѣстна дѣятельность Андрея Ивановича при заключеніи шпштадтскаго мира, какъ воспитателя императора Петра II-го, наконецъ, какъ перваго министра, если не по званію, такъ по существу власти въ царствованіе Анны Ивановны. Съ 1736-го года онъ не выходилъ изъ своей комнаты отъ сильной подагры. Только важнѣйшіе случаи вынуждали его являться ко двору неразлучно съ кресломъ. Уже въ то время, предвидя важные перевороты, Остерманъ намѣревался отправиться на теплыя воды въ Германію, для исправленія здоровья; по болѣзни императрицы, а потомъ паденіе Бирона удержали его въ С. Петербургѣ. Генераль-адмиралъ и вице-канцлеръ, честолюбивый Остерманъ заставилъ Миниха въ царствованіе Іоанна Антоновича выйти въ отставку. Съ удаленіемъ фельдмаршала Андрей Ивановичъ остался главнымъ лицомъ во всѣхъ частяхъ государственнаго управленія. Самой правительницѣ онъ составилъ планъ: какъ управлять Россіей; этотъ любопытной документъ, по свидѣтельству Ал. Малиновскаго (88), хранится въ архивѣ иностранной коллегіи.

Значеніе графа Остермана особенно основывалось на принцѣ Антонѣ Ульрихѣ, который называлъ его своимъ *наставникомъ*; правительница же показывала гораздо болѣе расположенія и довѣренности вице-канцлеру, графу Головкину. Безъ вѣдома Остермана и не сказавъ даже мужу, она поручила Головкину въ день своего рожденія, 7-го декабря, превозгласить ее императрицей. Слухи о заговорѣ и замыслахъ цесаревны Елизаветы стали ходить въ Петербургѣ въ началѣ ноября. Съ извѣстіемъ о томъ явился

къ правительницѣ Остерманъ. Анна Леопольдовна почла сію вѣсть за хитрую съ его стороны выдумку для помѣшательства въ дѣлѣ, ею порученномъ графу Головкину. Она велѣла сказать Остерману, что ей смѣшны его трусливыя опасенія. Андрей Ивановичъ отъ друга своего англійскаго резидента Финча получилъ подробныя извѣстія о дѣйствіяхъ Лестока и его товарищей. Мѣшкать было нечего. Потерявъ надежду спасти правительницу, Остерманъ спѣшилъ позаботиться о личной безопасности, 12-го ноября графъ созвалъ всѣхъ придворныхъ медиковъ, объявилъ имъ о крайнемъ изнуреніи здоровья, и вытребовалъ письменное свидѣтельство о необходимости немедленно отправиться въ Спа, для излѣченія. Революція захватила Андрея Ивановича среди приготовленій къ отъѣзду.... Ровно за мѣсяць до роковой ночи и именно 25 октября, цесаревна Елизавета приѣзжала къ нему на домъ хотѣла непременно его видѣть, приказывая ему сказать, что имѣетъ крайнюю надобность переговорить съ нимъ о весьма важномъ дѣлѣ. Проницательность осторожнаго Остермана на этотъ разъ ему измѣнила, онъ отказался принять Елизавету. 26-го октября цесаревна съ гнѣвомъ упрекала жену его, графиню Марфу Ивановну (урожд. Стрѣшневу): «скажи своему мужу, говорила Елизавета, чтобъ онъ помнилъ это, скоро потужить, да ужъ поздно будетъ!»

Этотъ знаменательный фактъ сообщаетъ Малиновскій (88) со словъ сына Остермана, Ивана Андреевича.

Въ три часа ночи на 25-е ноября двадцать гренадеровъ преображенскихъ явились въ домъ генераль-адмирала. Домъ этотъ, нѣкогда великолѣпныя палаты А. Д. Меньшикова, находился у Исакиевскаго собора, онѣ достались Миниху, тотъ уступилъ ихъ въ обмѣнъ Остерману. (Палаты Андрея Ивановича были каменные, въ три этажа) (88).

Знаменитый старецъ, измученный подагрой, былъ арестованъ и отправленъ на Садовую улицу, отсюда-же вмѣстѣ съ нимъ отправлены въ 7 часовъ утра въ казематы Петропавловской крѣпости: генераль-фельдмаршалъ графъ Минихъ, кабинетъ-министръ графъ Головкинъ, оберъ-гофмар-

шалъ графъ Левенвольдъ, президентъ коммерцъ-коллегии баронъ Менгденъ; дѣйствительный статскій совѣтникъ коллегии экономіи членъ Темиряевъ, генераль Стрѣшневъ и кабинетъ секретарь Андрей Яковлевъ (88).

Для произведенія суда была назначена коммиссія, подъ предѣдательствомъ генераль-прокурора Н. Ю. Трубецкаго, членами верховнаго судилища были *А. И. Ушаковъ*, генераль *Левашовъ*, оберъ-штабмейстеръ *А. Б. Куракинъ*, прежній министръ Михайло *Голыцынъ*, вызванный изъ ссылки, и тайный совѣтникъ *Нарышкинъ*. Всѣ они, въ особенноти Трубецкой, были смертельные враги Остермана и Миниха.

Скверное помѣщеніе, страхъ осужденія, повергли Остермана въ сильнѣйшую, простудную горячку. Доктора объявили жизнь его въ опасности. Императрица велѣла перевести въ Зимній дворецъ, для поправленія здоровья и приказала обходиться съ нимъ съ уваженіемъ. Отзываясь съ великою похвалою о его заслугахъ, государыня говорила: «мнѣ очень жаль, что съ этимъ знаменитымъ старцемъ я должна поступить строго, но того требуетъ справедливость.» Такъ по-крайней-мѣрѣ повѣствуетъ Терещенко (88); едвали это извѣстіе справедливо, по-крайней-мѣрѣ авторъ даже не указываетъ источника своего разсказа. Въ остальныхъ, болѣе достовѣрныхъ и намъ извѣстныхъ біографіяхъ Андрея Ивановича нѣтъ сего разсказа, недостовѣрнаго уже потому, что онъ противорѣчитъ и характеру Елизаветы, и ея ненависти къ *замечтому старцу*.

Слѣдователи и судьи обвиняли его во многомъ; всѣ обвиненія были прописаны потомъ въ манифестѣ. Ему поднесли обвинительныя статьи для прочтенія. Онъ, не читая ихъ, сказалъ: «въ оправданіе свое ничего не могу представить, но повинуюсь. Еслибы я сталъ требовать измѣненія въ вашей обязанности, былъ бы весьма несправедливъ.» Не оправдываясь, не желая и знать въ чемъ его обвиняютъ, онъ слишкомъ хорошо былъ увѣренъ, что гибель его неизбежна и твердо подписалъ приговоръ на самого себя.

Вотъ, что писалъ о ходѣ процесса другъ Остермана Финчъ, 7-го декабря 1741-го года (89):

«Судъ надъ государственными преступниками продолжаетъ свои засѣданія въ дворцѣ императрицы. Ея величество постоянно присутствуетъ въ особомъ мѣстѣ, откуда все можетъ видѣть и слышать, не будучи сама видима. Она говоритъ, что присутствуетъ въ судѣ для того, чтобы слѣдить за правильнымъ ходомъ дѣла и не допускать пристрастіе несправедливости.....»

«Слѣдствіе продолжается, пишетъ посоль 11 декабря. Трудно представить безчеловѣчность судей. Мелкія придирки и всякого рода несправедливости увеличиваются съ каждымъ днемъ и все, какъ говорятъ, по приказаніямъ лицъ, присутствующихъ въ комиссіи для того, чтобъ не допускать несправедливости.»

«Одинъ изъ солдатъ, произведенный въ поручики, донесъ, что будто-бы Минихъ говорилъ имъ ночью, во время ареста герцога Курляндскаго, что онъ дѣлаетъ это съ цѣлью возвестъ на престолъ цесаревну Елизавету. Обвиненіе было такъ лживо и пошло, что Минихъ не считалъ нужнымъ оправдываться. Всѣ хорошо знали, что фельдмаршалъ, арестуя Бирона, поступалъ такъ по приказу правительницы. Тѣмъ не менѣе доносчикъ, увѣренный не только въ безнаказанности, но и въ полученіи за ложь щедрой награды, предлагалъ высѣчь себя кнутомъ съ тѣмъ однако, что если онъ и послѣ того станетъ подтверждать свое показаніе, то для дознанія истины подвергнуть той-же пыткѣ Миниха. Фельдмаршалъ, не желая удлиннять дѣло, подтвердилъ взведенный на него обвиненія.» Любопытно, что обвинителя не нашли въ ротѣ, которую вель въ ту ночь Минихъ; онъ нашелся въ командѣ, занимавшей караулъ у Бирона.

Все это дѣло, такъ возмущало честнаго Англичанина, что въ депешѣ 24 декабря, у него вырывается крикъ негодованія. «Я не знаю здѣсь никого, кто-бы могъ въ другой странѣ, кромѣ Россіи, назваться честнымъ человѣкомъ.»

Какъ ведены были дѣла слѣдственной комиссіи, можно видѣть изъ слѣдующаго обстоятельства. «Одинъ изъ оберъ-офицеровъ посланъ былъ въ погоню за развѣчаннымъ императоромъ и-его родителями. Исполняя данный ему приказъ

офицеръ, самъ не зная за что, нещадно выпоролъ кнутомъ одну изъ горничныхъ принцессы Анны; затѣмъ офицеръ поспѣшно возвратился для полученія новыхъ приказаній.»

Никита Трубецкой, какъ-бы повторыя слова Маркела изъ его проповѣди, укорялъ Миниха въ большой тратѣ людей при осадѣ Данцига. «Чѣмъ можешь ты въ томъ оправдаться?» спрашивалъ генераль-прокуроръ. «Продолжайте, отвѣчалъ фельдмаршалъ, читайте мнѣ и другіе вопросные пункты, я на все вдругъ отвѣчу.» По прочтеніи ихъ, онъ произнесъ все оправданіе съ убѣдительнымъ и сильнымъ краснорѣчіемъ, ссылаясь на донесенія, хранившіяся въ военной коллегіи. «Во всемъ этомъ, говорилъ покоритель Данцига, буду отвѣчать предъ судомъ Всевышняго. Тамъ, конечно, оправданіе мое будетъ лучше принято. Въ одномъ только долженъ я себя упрекать, что не приказалъ тебя повѣсить, когда въ бытность твою генераль-кригсъ-комиссаромъ, во время Турецкой войны, ты былъ обличенъ въ похищеніи казенныхъ денегъ. Этого я себѣ не прощу, и это моя единственная вина».

Императрица, стоявшая сзади ширмъ, услышавъ смѣлый и рѣзкій отвѣтъ Миниха, приказала прекратить допросы и отвести его въ крѣпость.

Наконецъ дѣло пришло къ развязкѣ. Сенатъ въ полномъ собраніи своихъ членовъ изрекъ смертную казнь. Назначенъ день казни *понедѣльникъ*, 18 января 1742 года.

На Васильевскомъ острову, предъ зданіемъ двѣнадцати коллегій (нынѣшній университетъ), былъ воздвигнуть эшафотъ. На помость вели шесть ступеней (90); площадь заняли 6000 гвардейскихъ солдатъ. Каре Астраханскаго полка съ раняго утра скружало мѣсто казни, удерживая въ почтительномъ разстояніи толпы любопытнаго народа, еще недавно видѣшаго кровавья казни на Ситномъ рынкѣ: Вольнскаго, Хрущова, Еропкина и другихъ. Если вѣрить современному календарю, погода была ясная, утро морозное. Въ десятомъ часу толпа заволновалась: со стороны Петропавловской крѣпости показалась печальная процессія. Впереди всѣхъ, на простыхъ крестьянскихъ дровняхъ, въ шлафрокѣ, и колпакѣ

везли изнуреннаго, больнаго, обросшаго сѣдою бородою, графа Остермана. Сзади его шли остальные узники: графы Минихъ, Левенвольдъ, Головкинъ, баронъ Менгденъ, генералы: Стрѣшневъ и Темирязевъ, Минихъ сынъ, Чечеринъ, Поздняковъ, Яковлевъ и другіе, всего восемнадцать человекъ. Въ десять часовъ сани остановились у эшафота. Нѣсколько солдатъ Астраханскаго полка сняли его съ саней, внесли на помость и посадили на стулъ.

Изъ группы присутствовавшихъ сановниковъ выступилъ секретарь Сената; въ рукахъ у него былъ «Манифестъ о винахъ и казни Остермана, Миниха, Головкина, Левенвольда, Менгдена и Темирязева». Полкъ отдалъ честь манифесту, за тѣмъ, при всеобщемъ молчаніи, началось громогласное чтеніе сего акта, занимавшаго пять листовъ. Въ немъ было сказано:

«Всѣмъ уже извѣстно, изъ манифеста 28 ноября 1741 года, въ слѣдствіе какихъ недоброжелательныхъ и коварныхъ происковъ бывшаго генераль-адмирала и кабинетъ-министра графа Андрея Остермана мы, послѣ смерти императора Петра II-го, были удалены отъ наслѣдія престола. Право на него мы имѣли по завѣщанію Екатерины I-й. Всѣмъ также извѣстно, чрезъ какія вредительныя и Богупротивныя интриги Остермана, Миниха и прочихъ, мы, послѣ смерти Анны Ивановны, снова лишены престола. А потомъ еще къ несносному нашей собственной персонѣ утѣсенію и опасности, онъ же Остерманъ, съ бывшимъ вице-канцлеромъ графомъ Головкинымъ, принцессу Анну Леопольдовну въ императрицы утверждать отважились. И обо всѣхъ тѣхъ безбожныхъ поступкахъ и злыхъ намѣреніяхъ Остермана, Миниха и Головкина было уже объявлено 28 ноября 1741 года. Только въ слѣдствіи такихъ жалостныхъ и весьма опасныхъ обстоятельствъ принуждены мы были, вступивъ на престолъ, немедленно арестовать: Остермана, Головкина и Миниха, какъ государственныхъ и общаго покоя ненавидящихъ злодѣевъ, вмѣстѣ съ ихъ сообщниками: бывшимъ оберъ-гофмаршаломъ Левенвольдомъ, президентовъ: Менгдена, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Темирязева и прочихъ виновныхъ. А дабы извѣстно были всѣ ихъ Богомерзкія злодѣйскія, вредительныя намѣре-

нія и ихъ поступки, а также и для возстановленія внутренняго покоя и благополучія учредили особую слѣдственную комиссію. А по разспросамъ оказалось:

«Андрей Остерманъ, подписавъ завѣщаніе Екатерины I-й, не старался о исполненіи присяги; опредѣленіе о преемствѣ престола Іоанномъ самъ сочинилъ, духовную матери нашей утаилъ, разными умыслами въ дѣйство не привелъ и уничтожить старался. Отъ престола какъ насъ, такъ и нашего племянника отлучалъ, о чемъ между бумагами найдены его же собственноручные проэскты. Въ нихъ онъ писалъ между прочимъ, что ни мы, ни нашъ племянникъ правъ на престолъ не имѣемъ, но въ избѣжаніе съ нашей стороны претензій необходимо выдать насъ за мужъ за отдаленнаго, чужестраннаго, *убогаго* принца. И во всемъ томъ, Остерманъ повинился, что писалъ онъ противъ совѣсти, затѣвалъ ложно, угождая государынѣ, Аннѣ Ивановнѣ; больше же всего, заботился Остерманъ (къ вящему нарушенію государственныхъ правъ и внутренняго покоя) передать престолъ въ семейство принцессы Анны. Въ собственноручномъ проэсктѣ онъ утверждалъ, что по смерти принца Іоанна престолъ долженъ переходить къ его сестрамъ и впредь *рождаемымъ*. И когда на то прочіе министры сказали, что о выборѣ наслѣдниковъ *весьма надо разсуждать*, причемъ требовали время, Остерманъ поспѣшилъ подать принцессѣ мнѣніе, въ которомъ писалъ, что узаконеніе о наслѣдствѣ всегда зависитъ отъ воли самой самодержицы, а оная принцесса, по его безбожному толкованію, имѣетъ власть самодержицы (91).

«И въ разговорахъ своихъ съ Менгденомъ и Левенвольдомъ неоднократно говорилъ Остерманъ такія безсовѣстныя слова, что принцесса и прежде своихъ дочерей имѣетъ право взять сукцессію на престолъ. И во всѣхъ тѣхъ разговорахъ и проэсктахъ они повинились. Да онъ же Остерманъ учинилъ намъ еще *разныя оскорбленія*. Кромѣ того, по должности своей многого не представлялъ, что было необходимо для защищенія государства, въ важныхъ дѣлахъ съ прочими персонами откровенныхъ совѣтовъ не держалъ, большею частью поступалъ по своей волѣ. О вѣрномъ веденіи расходовъ суммъ, ему поручаемыхъ, старанія не прилагалъ. По важ-

нымъ мѣстамъ возводилъ людей чужеземныхъ, недовольно извѣстныхъ и низкаго состоянія (92), ихъ награждалъ, а природныхъ Русскихъ удалялъ. Своихъ *адгерентовъ*, или согласниковъ, къ наградамъ представлялъ, упущеніе ихъ скрывалъ, всегда ихъ защищалъ; немалыя суммы казенныхъ денегъ и другихъ вещей, безъ совѣта прочихъ кабинетъ-министровъ, въ расходъ выдавалъ. Въ мнѣніяхъ о дѣлахъ государственныхъ угождалъ людямъ высшимъ. Излишнимъ сборомъ рекрутовъ и лошадей отяготилъ государство. Имѣя въ своихъ рукахъ правленіе, многія славныя и древнія россійскія фамиліи опровергалъ и искоренялъ, у государей въ озлобленіе приводилъ, отъ двора многихъ отлучалъ, жестокія, неслыханныя мученія и экзекуціи, какъ надъ знатными, незнатными, такъ и надъ духовными персонами, производилъ, между русскими подданными несогласіе вѣвалъ. Многія опредѣленія Петра I-го, какъ напр. о прокурорахъ, уничтожилъ, наконецъ оказался виновнымъ во многихъ другихъ преступленіяхъ и упущеніяхъ, о которыхъ подробно и обстоятельно въ дѣлѣ изложено.

«Бывшій фельдмаршалъ Минихъ духовную Екатерины I-й не защищалъ, о передачѣ власти въ чужія руки, по смерти Анны Ивановны, стараніе и наглавиѣйшую виновность въ томъ имѣлъ; о принятіи Бирономъ регенства первый хлопоталъ, непрестанно просилъ, и его къ тому возбуждалъ. Для партикулярныхъ своихъ видовъ Бирона съ регенства низвергнуть. Зная горячность и особую склонность къ намъ солдатъ, отправляясь арестовать Бирона, увѣрялъ ихъ, что то дѣлаетъ ради спасенія нашего. Зная отъ сына своего оберъ-гофмейстера Миниха о замыслахъ принцессы Анны, и признавая ихъ за непристойныя, тѣмъ неменѣе не только права наши не защищалъ, но еще разныя чинилъ намъ озлобленія. Забывая свой чинъ и достоинство, не только самъ непристойнымъ образомъ провѣдовалъ о нашемъ поведеніи, но еще особаго урядника приставилъ, подъ предлогомъ надзора за нашимъ домомъ. Минихъ нанималъ сему шпиону извозчиковъ: ѣздить за нами и доносить о насъ приказывалъ. Будучи же главнокомандующимъ, онъ не заботился о сбереженіи людей, презиралъ военные артикулы, презиралъ совѣтъ генераловъ,

дѣйствовалъ только для пріобрѣтенія личной славы; не только на оберъ, но и на штабъ-офицеровъ солдатскіе штрафы налагалъ; въ первомъ переконскомъ походѣ многихъ полковниковъ, ругаясь, подь ружье ставилъ, также предъ всей арміею водилъ, ихъ же скованными держалъ; свойственниковъ и согласниковъ своихъ въ чины производилъ. Въ бытность первымъ министромъ, въ правленіе Анны, самовольно перебралъ суммы изъ государственной казны. О прочихъ великихъ его непорядкахъ въ слѣдственномъ дѣлѣ подробно показано, и во всемъ томъ онъ, по изобличенію, признался.

«Бывшій вице-канцлеръ Михайло Головкинъ былъ первымъ зачинщикомъ въ дѣлѣ о передачѣ сукцессіи престола въ фамилію принцессы Анны и въ томъ безбожномъ дѣлѣ Головкинъ призналъ себя виновнымъ. Будучи управительницы въ ближайшей конфиденціи и, видя непомерную растрату казенныхъ денегъ, не представлялъ ей о томъ и не удерживалъ отъ расходовъ.

«Бывшій оберъ-гофмаршалъ Левенвольдъ духовную матери нашей не защищалъ. Будучи въ ближайшихъ совѣтахъ съ Андреемъ Остерманомъ въ вредительныхъ его намѣреніяхъ о нашемъ удаленіи отъ престола, во всемъ потакалъ, злыя его дѣла апробовалъ, и съ нимъ въ разсужденія вступалъ. Изъ соляныхъ суммъ многіе расходы для себя дѣлалъ, и въ томъ отчета никому не давалъ.

«Бывшій коммерцъ-коллегіи президентъ Менгденъ имѣлъ крайнее стараніе о сдѣланіи Бирона регентомъ, утверждая, что въ противномъ случаѣ всѣ они иноземцы падутъ. Его же распоряженіями изъ нашихъ портовъ много отпущено за границу хлѣба, отъ чего нынѣ поднялась на него цѣна вдвое, въ особенности же пострадали лифляндскіе земледѣльцы. А въ тѣхъ торгахъ, вопреки указовъ, самъ Менгденъ участвовалъ, давъ на то дѣло купцу Бардевику 15,000 руб. При осмотрѣ фабрикъ и мануфактуръ бралъ немалыя взятки. Уставъ Петра I-го о векселяхъ, для своего токмо собственнаго соизволенія, перемѣнилъ.

«Дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Темирязевъ, изыскивая себѣ благополучіе, удалялъ насъ отъ престола,

стараясь о утвержденіи его за фамилією принцессы Анны. По его же приказу и съ его же словъ иностранной коллегіи секретарь Андрей Позняковъ сочинилъ два манифеста на весьма худомъ и противномъ основаніи: первѣй о передачѣ престола, послѣ смерти принца Юанна, сестрамъ, а второй о принятіи самой принцессой Анною власти императрицы.

«А по такимъ важнымъ преступленіямъ Остермана, Миниха, Головкина и прочихъ, для дознанія истины, по нѣкоторымъ пунктамъ, слѣдовало бы ихъ разыскивать, пытаться; но по нашему матернему милосердію того розыска мы чинить не повелѣли, а указали Сенату, собравъ весь военный и статскій генералитетъ, сихъ преступниковъ судить. А сентенцією генеральнаго суда положено всѣхъ ихъ казнить смертию, а именно:

1) Остермана	— колесовать.	
2) Миниха	— четвертовать.	
3) Головкину		} отсѣчь головы.
4) Левенвольду		
5) Менгдену		
6) и Темрязеву		

Движимыя и недвижимыя ихъ имѣнія взять на насъ».

Остерманъ, украшенный сѣдинами, съ длинною бородой, непокрытой головою, спокойно безъ малѣйшаго волненія слушалъ чтеніе. Только первое время, по словамъ Галема, Остерманъ дрожалъ отъ стужи. Наконецъ секретарь провозгласилъ приговоръ Сената *колесовать*, но кромѣ двухъ плахъ и топоровъ ничего не было на мѣстѣ казни. Солдаты подняли Остермана со стула, положили голову на плаху: палачъ разстегнулъ воротникъ у рубашки и плафрока, обнажилъ шею и взялся за топоръ. Все это продолжалось нѣсколько минутъ. Когда сѣкиръ надлежало пасть, секретарь громогласно объявилъ прощеніе, онъ прочелъ:

«Хотя всѣ сіи преступники, за богомерзскія и зловымышленныя, государственныя преступления, приговоренной смертной казни надлежатъ; однако мы, по матернему милосердію и великодушію, освобождаемъ ихъ отъ смертной казни: а ссылаемъ въ заточеніе: Андрея Остермана въ Березовъ, Ми-

ниха въ Пелымъ, Головкина въ Германгъ, Менгдена въ Колымскій острогъ, Левенвольда въ Солекамскій, Темиряева въ ссылку въ Сибирь (?). Женъ, буде онѣ пожелаютъ, отпустить съ мужьями, а всѣ ихъ движимыя и недвижимыя имѣнія взять на насъ».

Остерманъ продолжалъ лежать на плахѣ. Не лучше-ли, не человѣколюбивѣе-ли было, восклицаетъ Леклеркъ, въ эту ужасную минуту прекратить мученія несчастнаго? Палачъ съ грубымъ и пошлымъ ругательствомъ, такъ рассказываетъ Малиновскій, толкнулъ его ногой и приподнял на ноги. Онъ не могъ стоять, мучимый недугомъ. Солдаты подхватили его подъ руки, снова посадили на носилки. Осужденный спросилъ, гдѣ парикъ и колпакъ; надѣлъ ихъ, застегнулъ воротникъ у рубашки и шафирока: ни одна черта въ его лицѣ не переѣнилась (90).

Остальныя жертвы не входили на эшафотъ, онѣ выслушали свой приговоръ, стоя внизу, у помоста. Только графъ Минихъ, одѣтый въ сѣрое платье, сверхъ котораго былъ накинутъ красный плащъ, съ твердостью взойшелъ на мѣсто, гдѣ объявляли приговоръ. Съ ласковымъ видомъ кланялся офицерамъ и солдатамъ, иѣкогда слѣдовавшимъ за нимъ къ побѣдамъ. Безстрашно выслушалъ смертный приговоръ и всемилостивѣйшее прошеніе, обрекавшее его въ вѣчное и ужасное заточеніе въ *Пелымъ*. Унтеръ-офицеру, его сопровождавшему, онъ подарилъ кошелекъ съ червонцами. Въ то время, когда вмѣстѣ съ Остерманомъ, остальные осужденные явились на мѣсто казни съ длинными бородами, немые, нечесанные, худо одѣтые, одинъ только Минихъ (пишетъ Финчъ) явился на казнь выбритый, хорошо одѣтый, безстрашный, рѣшительный, какъ-будто въ главѣ арміи или на парадѣ. Во все время перехода изъ крѣпости онъ не переставалъ шутить и балагурить съ солдатами напоминалъ имъ о прежнихъ войнахъ, говорилъ, что какъ тогда, такъ и теперь смѣло, лицомъ къ лицу, встрѣчаетъ смерть.

«Наши государственные благодѣтели, восклицаетъ Карамзинъ, никогда не были такъ велики, какъ стоя на эшафотѣ и желая счастья Россіи и Елизаветѣ. Вся вина ихъ состояла въ усердіи къ императрицѣ Аннѣ и въ мнѣніи, что Елиза-

вета, праздная, жаждущая веселій и наслажденій, не могла хорошо управлять государством» (90). (Записка о древней Россіи И. Карамзина, изд. Эйнерлинга, 1843 г.)

Въ то же утро, въ присутствіи главнѣйшихъ осужденныхъ прочитана выписка изъ сентенціи генеральнаго суда о винахъ и наказаніяхъ остальныхъ государственныхъ преступниковъ.

«Бывшій оберъ-гофмаршалъ Минихъ, сказано было въ манифестѣ, хотя ни въ какія предосудительныя и вредительныя разсужденія ни съ кѣмъ не вступалъ, но изъ разговоровъ съ Левенвольдомъ и Менгденомъ о замыслахъ принцессы зналъ, будучи въ великой милости, и ее отъ нихъ не отвращалъ.

«Тайный Совѣтникъ Василій Стрѣшневъ, по приказу Андрея Остермана, употреблялъ себя въ шпионство и тайныя при дворѣ о насъ развѣдыванья.

«Генераль-лейтенантъ Михайло Хруцовъ, командуя Красногорскимъ военнымъ корпусомъ, изъ угожденія Остерману, мимо надлежавшей команды, со всѣми рапортами и тайными донесеніями прямо относился къ нему.

«Дѣйствительный статскій совѣтникъ Андрей Яковлевъ, бывъ у графа Остермана въ крайней и ближайшей конфиденціи, подавалъ и сочинялъ разныя относительноя государству опредѣленія и проэскты: о рекрутахъ, сборѣ провіанта и проч. Будучи въ кабинетѣ, поступалъ зѣло непорядочно, составлялъ указы зѣло темно и конфузно, при постановленіи регента у Остермана духовную императрицы Анны Ивановны компоновалъ и во всемъ томъ по нашему указу былъ нещадно *разыскиванъ* (т. е. пытанъ).

«Директоръ канцеляріи принца Антопа Брауншвейгскаго подполковникъ Петръ Грамотинъ бралъ взятки за повышеніе въ чины, въ чемъ и повинился.

«Секретарь Сергѣй Семеновъ постоянно состоялъ при графѣ Остерманѣ въ его услугѣ и не по заслугамъ получилъ великія деревни.

«Конной гвардіи подпоручикъ Потгофъ ходилъ съ доносомъ къ бывшему генералисимусу, герцогу Антону Браун-

швейгскому, о томъ, что слышалъ отъ литаврщика Грубера, а тотъ отъ кузнецовой жены Коландорши, и послѣдняя отъ музыкантовой жены Строуши, что яко бы фельдмаршалъ Минихъ прїѣзжалъ къ нынѣ царствующей государынѣ съ предложеніемъ своихъ услугъ. А по допросамъ графа Головкина слова тѣ объявились ложными. Подпоручикъ-же Нотгофтъ въ бытность ея величества въ Смольномъ дворцѣ присматривалъ какъ за ней, такъ и за прїѣзжавшими къ ней и о всемъ рапортовалъ герцогу. Литаврщикъ Груберъ поручилъ кузнецу Коландеру и женѣ его развѣдывать о цесаревнѣ, обѣщая за то изъ пожалованныхъ денегъ отъ генералиссимуса 200 рублей.

«Лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, генераль-маіоръ Василій Чечеринъ, по приказу герцога, командировалъ капрала и нѣсколько гренадеръ, одѣвъ ихъ въ шубы и сѣрые кафтаны, слѣдить по ночамъ за тѣми, кто ѣздитъ къ цесаревнѣ, къ фельдмаршалу Миниху и князю Алексѣю Михайловичу Черкасскому. Такъ-же присмотръ чинили Лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка аудиторъ Барановскій и сержантъ Обручевъ. А всѣмъ вышенисаннымъ государственнымъ преступленіямъ генеральный судъ присудилъ:

7) Оберъ-гофмейстера графа Миниха лишить чиновъ, орденовъ и сослать въ деревню, которую дать ему въ Россіи, а лифляндскія деревни его описать. И жить ему въ ссылкѣ безвыѣздно, въ чемъ взять подписку.

8) Тайнаго совѣтника Василя Стрѣшнева, лиша чиновъ, бить плетью и сослать въ деревню.

9) Генераль-лейтенанта Хруцова лишить кавалеріи и генераль-маіоромъ опредѣлить въ дальнюю команду.

10) Дѣйствительнаго статскаго совѣтника Андрея Яковлева лишить чиновъ, всѣхъ деревень и сослать въ Астраханскій гарнизонъ полковымъ писаремъ.

11) Директора Грамотина лишить всѣхъ чиновъ и отпустить домой, а въ службу не опредѣлять понеже былъ въ *катскихъ* рукахъ.

12) Лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка секундъ-маіора Василя Чечерина опредѣлить въ армію премьеръ-маіоромъ.

13) Конной гвардіи подпоручика Нотгофта отпратить въ Астраханскій гарнизонъ солдатомъ.

14) Литаврщика Грубера отпустить безъ абшида.

15) Аудитора Барановскаго,

16) Сержанта Обручева перевести въ армію: Барановскаго солдатомъ, Обручева сержантомъ.

17) У секретаря Семенова деревни взять на ея величество, а его отъ службы отставить.

18) Секретаря Познякава высѣчь кнутомъ.

По прочтеніи указа и совершеніи экзекуціи арестанты отвезены обратно въ Петропавловскія казаматы.

19 января во вторникъ рано утромъ, рассказываетъ Я. П. Шаховской, генераль-прокуроръ призвалъ меня въ Сенатъ и далъ письменный приказъ, вмѣстѣ съ изустнымъ высочайшимъ повелѣніемъ, чтобы я къ разсвѣту слѣдующаго дня *выправилъ* въ мѣста ссылки Остермана, Миниха, Головкина, Левенвольда, Менгдена, Темпризева и Яковлева. Въ силу того-же приказа я поспѣшилъ женамъ арестантовъ графинямъ Остермановой, Головкиной и Миниховой, равно баронессѣ Менгенъ предложить, буде пожелаютъ, ѣхать съ мужьями. Всѣ онѣ съ радостью приняли предложеніе.

Въ то же утро государыня со всѣмъ штатомъ придворныхъ изволила выѣзжать въ Царское Село, то, чтобы не было никакой остановки въ моемъ порученіи, я получилъ приказъ безпрепятственно брать, какія мнѣ нужны, команды гвардейцевъ, лошадей и дорожныя сани, куда уложить кое-какой багажъ изъ домовъ осужденныхъ. Въ помощь мнѣ отъ Сената былъ отряженъ оберъ-секретарь съ нѣсколькими писцами, офицеръ съ унтеръ-офицерами и курьерами.

Черезъ часъ команда собралась въ Петропавловской крѣпости и заняла одну изъ комнатъ въ караульномъ домѣ. Заѣхавъ домой и наскоро пообѣдавъ, я приѣхалъ туда-же. Съ наступленіемъ сумерекъ явился офицеръ гвардіи, наряженный конвоировать Остермана. Онъ мнѣ отрапортовалъ, что все уже готово къ отъѣзду, лошади запряжены и сани подвезены къ той казармѣ, гдѣ содержится арестантъ.

Вручая офицеру инструкцію, словесно добавивъ нѣсколько пристойныхъ наставленій, какъ вести арестанта, я отправился къ нему вмѣстѣ съ нѣсколькими офицерами изъ моей свиты.

При входѣ въ казарму увидѣлъ я бывшаго кабинетъ-министра, графа Остермана, лежащаго и громко стонущаго: его мучила подагра. Съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ онъ изъявлялъ сожалѣніе о своихъ проступкахъ, о томъ, что прогнѣвилъ государыню (всѣ слова арестантовъ приказано было записывать), просилъ, чтобы государыня не оставляла его дѣтей. Солдаты конвойные подняли бывшаго генераль-адмирала съ постелью, снесли и бережно положили въ сани. Когда графа и графиню усадили, также уложили всѣ ихъ вещи, я приказалъ офицеру въ пристойномъ порядкѣ тронуться въ путь. Не умѣю описать того отчаянія, какому предавалась жена Остермана: она горько плакала и стенала.

Лишь только сани скрылись изъ виду, явился новой гвардейскій офицеръ, наряженный въ конвой къ графу Левенвольду. «Все готово къ отъѣзду». Въ отвѣтъ на его рапортъ, я вручилъ инструкцію съ приличнымъ наставленіемъ и отправился въ слѣдующую казарму. Она была весьма сыра и темна. Я не съ разу узналъ человѣка, лежавшаго на землѣ. Онъ подползъ, обхватилъ мои колѣна, въ весьма робкомъ и смятенномъ духѣ, едва слышно, молилъ о пощадѣ. Волоса его были всклокочены, сѣдая борода, блѣдное лице, ввалившіяся щеки, рубище вмѣсто одежды, все это до такой степени поразило меня, что мнѣ пришло на умъ: не мастеровой-ли это какой, одинъ изъ здѣшнихъ арестантовъ?

«Отведите его, и укажите, гдѣ находится графъ Левенвальдъ», сказалъ я, обращаясь къ караульному офицеру. Тотъ отвѣчалъ, что графъ Левенвальдъ у ногъ моихъ. Невольно представился мнѣ этотъ человѣкъ, нѣкогда столь ласкаемый и почитаемый при дворѣ, украшенный множествомъ орденовъ, въ щегольскомъ нарядѣ, въ отмінномъ почтеніи предъ прочими. Теперь, найдя его въ столь ужасномъ состояніи, я пораженъ былъ неописанною жалостью. «Тоже самое и со мной легко можетъ случиться» подумалъ я, стараясь собраться съ духомъ. Послѣшню остановилъ я

графа отъ дальнѣйшаго униженія, ласково убѣдилъ его выслушать приказъ и отправиться въ путь. Офицеръ съ командою усадили его въ сани и, исполнивъ все по инструкціи, тронулись съ мѣста.

Въ это время уже явился офицеръ, наряженный вести бывшаго фельдмаршала и рапортовалъ, что все готово къ отъѣзду. Снабдилъ я его инструкціей, передалъ нѣсколько наставленій и отправился въ казататъ графа Миниха. Онъ былъ довольно далеко расположенъ отъ Левенвольдовскаго. Видя всѣ злосчастныя происхожденія, я невольно задумался. Вотъ, лучшее доказательство, говорилъ я самъ себѣ, чтобы никогда на фортуна, по своимъ гаданіямъ и предпріятіямъ, не полагаться! Къ кому я иду теперь? Давно ли этотъ человѣкъ, этотъ герой съ полномочною довѣренностію монарховъ предводилъ арміями; водилъ ихъ къ славнымъ побѣдамъ, многократно увѣнчанъ лаврами, воспѣтъ въ одахъ печатныхъ превыше римскаго Сципіона? Давно-ли я имѣлъ честь во всѣ три Турецкія компаніи съ нѣсколькими эскадронами конной гвардіи сопровождать сего военачальника; ему я обязанъ своимъ счастіемъ, лестными обо мнѣ рекомендаціями. Наконецъ годъ тому назадъ, онъ смѣло арестовалъ регента Бирона, правительницею Россіи утвердилъ принцессу Анну, и во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ былъ первымъ министромъ — теперь, теперь я его увижу яко злодѣя, всѣхъ почестей лишеннаго, не далѣе какъ вчера на публичномъ мѣстѣ у эшафота отъ смертной казни освобожденнаго, и въ этотъ часъ я спѣшу отправить его въ ссылку на вѣчное житіе, въ дальнѣйшій уголъ Сибири, въ весьма худое мѣсто!

Съ смущеніемъ и печалью вступилъ я въ казарму героя, нынѣ-же назлосчастнѣйшаго человѣка, увѣренный въ томъ, что увижу его сраженнаго горестію и смятеніемъ.

Быстро распахнулись предо мной двери, фельдмаршалъ стоялъ спиной къ нимъ у окна. При первомъ шорохѣ онъ оборотился съ смѣлымъ и рѣшительнымъ видомъ, съ яснымъ и твердымъ взглядомъ, какимъ я неоднократно привыкъ его видѣть въ опаснѣйшихъ бояхъ съ неприятелемъ,

среди ядръ и пороховаго дыма. Спокойно подошелъ онъ ко мнѣ, и молча ожидалъ приказаній:

Эта геройская твердость въ несчастіи возбудила во мнѣ желаніе тутъ-же показать ему излишнее предъ другими почтеніе, но какъ это неудобно было сдѣлать, да при томъ и для меня крайне бѣдственно, опасно, то я сколько могъ пересилилъ себя и съ тѣмъ видомъ, съ какимъ отправлялъ двухъ первыхъ, пристойно объявилъ ему приказъ о его отъѣздѣ. Легко было замѣтить на лицѣ фельдмаршала, что ни печаль и страхъ, а сильная досада его волнуетъ. Тѣмъ не менѣе по окончаніи моихъ словъ, съ набожнымъ видомъ, онъ поднялъ руки и возвелъ взоръ къ небу: «Боже; громко сказалъ Минихъ, благослови ея величество и государствованіе ея!» Затѣмъ, помолчавъ и потушивъ глаза, продолжалъ: «Такъ-какъ теперь мнѣ ни желать, ни ожидать ничего иного не осталось, то я принимаю на себя смѣлость просить, дабы для сохраненія отъ вѣчной гибели души моей, со мною отпустили пастора». Учтиво поклонясь, фельдмаршалъ смѣло глядѣлъ на меня и ожидалъ дальнѣйшихъ приказаній. Все уже было готово къ отъѣзду. Графиня Минихъ стояла тутъ-же, въ дорожномъ платьѣ, въ капотѣ, съ чайникомъ и чайнымъ приборомъ въ рукахъ; можно было подумать, что она отправляется въ давно-желанный путь. На ея лицѣ нельзя было замѣтить никакого смущенія.

Ударило три часа по полуночи, поѣздъ отправился въ Пельмъ; я уже чувствовалъ усталость отъ переходовъ изъ одной казармы въ другую, и отъ этихъ, душу потрясающихъ, сценъ; но въ ту же минуту, долженъ былъ, выслушавъ рапортъ новаго офицера, поспѣшить отправкой графа Головкина.

Этотъ человѣкъ былъ мой особенный благотворитель, я имѣлъ къ нему искреннее почтеніе и глубокую преданность. Вспомнилъ я 24-е ноября 1741 года, день, когда такъ веселился я у него на банкетѣ. Въ какомъ видѣ увижу я его теперь? Но лишь только вошелъ въ его казарму сердце у меня еще болѣе сжалось отъ тоски и сожалѣнія.

Вотъ, какимъ увидѣлъ я этого сановинна, въ высшей степенн добродѣтельнаго и истиннаго патріота: борода и

голова его были покрыты длинными космами включенныхъ волосъ, съ исхудалымъ лицомъ, впалыми щеками, лишившимся обыкновеннаго румянца; съ истомленнымъ, улылымъ видомъ, онъ неподвижно сидѣлъ, владѣя только лѣвой рукой и горько стона отъ мучащей его въ то время подагры и хирагры.

Я подошелъ ближе и, крѣпясь, чтобъ не токмо въ духѣ вкорененная, но и на лицѣ моемъ написанная о немъ жалость не упустила слезъ изъ глазъ моихъ, что весьма было бы къ моему поврежденію, объявилъ указъ.

Съ печалью и прискорбіемъ, жалостно взглянувъ на меня, Головкинъ сказалъ: «Тѣмъ болѣе нынѣ несчастнымъ себя считаю, что воспитанъ въ изобиліи, благополучіи, стоялъ на высокой степени, донинѣ не вкушалъ я прямой тягости бѣдъ, коихъ теперь сносить силъ не имѣю».

Слова любезнаго благодѣтеля еще болѣе меня опечалили; я уже не могъ держаться отъ слезъ, тѣснившихъ мою грудь, но въ ту же минуту, какъ бы для приданія бодрости, явился гвардіи офицеръ. Одинъ изъ первѣйшихъ членовъ судной комиссіи (Н. Трубецкой?), ложась спать, послалъ сего офицера въ благовѣсть заутренній навѣдаться о порученномъ мнѣ дѣлѣ, и рано по утру, какъ онъ проснется, увѣдомить его, скоро-ль кончится отправка? Этотъ запросъ вынудилъ скрыть слезы, и я съ твердостью отвѣчалъ: «скажите его сіятельству, что кромѣ сего, осталось только три арестанта, и тѣхъ надѣюсь, къ разсвѣту отправить». Затѣмъ, по моему приказу, солдаты бережно подняли съ постелью злосчастнаго арестанта и отнесли его въ сани. Жена его, графиня гораздо тверже перенесла несчастіе и мужественно послѣдовала за мужемъ. Оставшіеся арестанты, сидѣвшіе въ разныхъ казматахъ, баронъ Менгенъ, Темирязевъ и секретарь Андрей Яковлевъ, были готовы. Ихъ отправили безъ замедленія, причемъ ничего не было замѣчательнаго.

Едва началъ брежить свѣтъ, когда я легъ спать. Въ тотъ же день чрезъ генераль-прокурора князя Н. Ю. Трубецкаго я препроводилъ ей величеству рапортъ о исполне-

ніи возложеннаго на меня порученія и записки о рѣчахъ, говоренныхъ арестантами при отъѣздѣ» (93).

Намъ не для чего подлинныхъ бумагъ слѣдетвія и суда надъ Остерманомъ, Минихомъ съ товарищами, чтобы видѣть, что ихъ проступки были слишкомъ неважны, и уже во всякомъ случаѣ не заслуживали столь ужасной опалы. По-крайней-мѣрѣ, все, что ни собрано въ манифестѣ 22-го января, а въ немъ, безъ сомнѣнія, все собрано, что только могло, по мнѣнію судей, очернить и унижить нашихъ государственныхъ дѣятелей, ничто не выставляетъ обвиненныхъ *государственными преступниками*.

Остермана обвиняли въ подлогѣ и скрытіи завѣщанія Екатерины I, а оно было обнародовано своевременно и отпечатано въ Вѣдомостяхъ. Въ это время, т. е. въ 1730 году, онъ не принималъ ни малѣйшаго участія въ дѣлѣ избранія Анны Ивановны, сказывался больнымъ и не стоялъ ни за, ни противъ правъ на престолъ Елизаветы Петровны. А мы видѣли изъ предыдущей статьи нашей, что одна изъ весьма обыкновенныхъ, временныхъ болѣзней удержала цесаревну въ комнатахъ и не дозволила ей самой предъявить свои права.

Такимъ образомъ, и Манштейнъ, и всѣ послѣдующіе писатели, вмѣстѣ съ Карамзинымъ, совершенно правы, говоря, что вся вина этихъ лицъ единственно состояла въ томъ, что они слишкомъ хорошо служили двумъ Аннамъ, исполняя присягу подданныхъ, и вовсе не служили Елизаветѣ, которой не присягнули. Притомъ же цесаревна, всходя на престолъ, обѣщала освободить солдатъ и своихъ сторонниковъ отъ власти иноземцевъ и обогатить приверженцевъ ихъ достояніемъ: надо было исполнить обѣщаніе, заточить именитѣйшихъ иноземцевъ, а главное конфисковать ихъ громадныя имуществва....

Скучно и однообразно проводилъ дни свои въ Березовѣ знаменитый Остерманъ. Вотъ, что мы читаемъ о мѣстѣ его ссылки въ сочиненіяхъ Герарда-Фридриха Миллера и Щекатова (94)-

Березовъ уѣздный городъ съ 1772-го года лежитъ подъ 63° 36' 14" широты и подъ 82° 55' долготы, на лѣвомъ

крутомъ берегу Сосвы, въ 27 верстахъ отъ впаденія ея въ Обь, отъ Петербурга въ 3,814, отъ Москвы — 3,084, отъ Тобольска — 929 верстахъ. Во время ссылки Остермана въ немъ было не болѣе 60 дворовъ и двухъ церквей, жители болшею частію казаки, «народъ благопріятный, тихой, ласковый, занимавшійся рыбною ловлею и звѣриною охотою. «Граждане, при всѣхъ неудобствахъ жизни и безмѣрнаго шьянства, были довольно кротки. Земля къ хлѣбопашеству «неспособная, городокъ окруженъ болотами, поросшими мелкимъ березнякомъ, тальникомъ и кедровникомъ. Рѣдка, рѣпа и капуста — единственные овощи.» «Собаки здѣшнія, пишетъ Миллеръ, съ утра до вечера бродятъ голодными стаями межъ домовъ обывателей, подымая такой вой, какъ пѣтушій крикъ (?); и только надобно, чтобъ одна стая завывала, то другая завывъ не упустить».

Въ этомъ-то городѣ знаменитый министръ, стоявшій на ряду съ первыми дипломатами XVIII вѣка, прожилъ 5 лѣтъ, если только можно назвать жизнью тягостную борьбу съ смертию. Въ единственной, имѣвшейся у него книгѣ, пѣмечкой библии, онъ нашель листикъ чистой бумаги, на которой дрожащею рукою написалъ коротенькую записочку о своемъ семействѣ (95).

Страдальческая жизнь изгнанника пресѣклась 20-го мая 1747 года, на 62-мъ году отъ рожденія; тѣло его зарыто въ Березовѣ, близъ церкви Рождества Богородицы. «Остерманъ, писалъ о немъ дукъ Лирійскій въ 1729 году, имѣеть всѣ нужныя способности, чтобъ быть хорошимъ министромъ; желаетъ истиннаго блага Россіи, но коваренъ въ высшей степени; религій не имѣеть, ни во что не вѣруеть, скупъ, но не любитъ взятокъ».

«Остерманъ, писала въ 1737 году лэди Ровдо, справедливо считается въ Европѣ величайшимъ министромъ. Онъ образованъ, красивъ и когда перестаетъ быть министромъ, то всегда занимательный собесѣдникъ. По желанію Петра I, онъ вступилъ въ супружество съ природною, русскою дѣвицею, отличной красоты, знатною по происхожденію и богатству; самъ Остерманъ остается лотераниномъ (95).

«Семейный его бытъ, по словамъ Манштейна, былъ весьма страненъ. Мароа Ивановна, доставившая ему большое приданое, была дурная хозяйка и очень злая женщина. Комнаты въ ихъ домѣ скверно были убраны, нечисты; служителя были одѣты, какъ нищіе; серебрянная посуда, которая служила для ежедневнаго употребленія, походила на оловянную. Одежда Андрея Ивановича такъ была замарана, что поселяла во всѣхъ отвращеніе».

«Впрочемъ, по словамъ Малиновскаго, скупость и неопрятность Остермана избавляли его отъ ненадобныхъ посѣтителей, которыхъ одно лакомство и суетливая только пышность приманивають въ дома знатныхъ. Не стараясь угождать туеядцамъ, онъ являлъ щедрость наукамъ: петербургская академія, дерптское училище и многіе ученые одолжены ему покровительствомъ и вспоможеніемъ (95).

«Остерманъ, пишетъ Фридрихъ II, подобно искусному кормчему управлялъ кормиломъ имперіи во время самыхъ бурныхъ переменъ. Онъ знаетъ Россію, какъ Верней — человѣческое тѣло».

Единственная дочь Остермана вышла за мужъ за подполковника артиллеріи Толстова. Два сына Иванъ и Ѳедоръ, гвардіи подполковники, кавалеры Александра Невскаго, переведены капитанами въ армію.

Ноябрскій переворотъ 1741 года не обошелся и безъ кровавыхъ жертвъ: *Гроссъ*, уроженецъ австрійскій, человѣкъ просвѣщенный, воспитатель дѣтей Остермана, былъ арестованъ вмѣстѣ съ ними: Гросса допрашивали въ Тайной Канцеляріи съ угрозами, и онъ наложилъ на себя руки. Нѣкоторые повѣствуютъ, что несчастный застрѣлился изъ пистолета въ минуту ареста (96).

Не лучше Березова была слободка Пельимъ, мѣсто ссылки Мишиха. Домовъ здѣсь было не болѣе 40, съ одною церковью; не было ни торгу, ни купечества; жители занимались звѣринными промыслами. Въ Пельимъ, лѣтомъ за грязью и болотами, зимой за глубокими снѣгами, было невозможно проѣхать. 3,702 версты отдѣляютъ его отъ С. Петербурга, 2,974 — отъ Москвы, 669 — отъ Тобольска, 229 — отъ уезднаго города Туринска (97).

Елизавета выполнила просьбу фельдмаршала: она съ нимъ отпустила пастора Мартенса.

Въ Казани Минихъ встрѣтился съ Бирономъ, котораго вели въ Ярославль, ихъ сани должны были остановиться у моста; они узнали другъ друга и молча поклонились. Въ Пельмѣ фельдмаршалъ поселился въ томъ же домѣ, который былъ выстроенъ по его чертежу для герцога Бирона.

Въ своемъ печальномъ уединеніи, Минихъ завелъ подлѣ домика небольшой огородъ, и самъ его обрабатывалъ; сѣмена присылалъ изъ С. Петербурга одинъ садовникъ въ Ярославль, отсюда пересылали слуги къ фельдмаршалу. Сѣмена были насыпаны въ мѣшки изъ газетной бумаги: такимъ образомъ ссыльный узнавалъ, что дѣлается въ Европѣ. Религіей и философіей Минихъ поддерживалъ твердость и спокійствіе духа, ободрялъ домашнихъ; два раза въ день собирались они для слушанія молитвы, которую обыкновенно читалъ Мартенсъ. Смерть его въ 1749 году (97) была для Миниха величайшимъ несчастіемъ; долго и безутѣшно оплакивалъ онъ своего единственнаго, неизмѣннаго друга. Самъ заступилъ мѣсто пастора, говорилъ поученія, занималъ маленькій приходъ своей молитвами и пѣніемъ, сочинялъ духовныя пѣсни, писалъ о важнѣйшихъ догматахъ христіанскаго ученія, наконецъ обучалъ жителей Пельма (97).

И. А. Остерманъ опровергаетъ рассказы Манштейна, повторенныя Галемомъ, Каменскимъ и друг. будто-бы фельдмаршалъ посылалъ въ Сенатъ проэктъ, въ страхѣ держалъ сибирскихъ воеводъ и проч. «Минихъ, повѣствуетъ Остерманъ - сынъ, содержался подъ строжайшимъ присмотромъ. Не иначе, какъ съ большимъ трудомъ, доставалъ онъ перья и бумагу; въ слѣдствіе строжайшаго запрещенія не имѣлъ переноски ни съ кѣмъ, ни даже съ своимъ семействомъ. Герой ставучанскій не могъ держать въ страхѣ воеводъ, но дѣйствительно внушалъ всеобщее къ себѣ уваженіе. Даже приставленные къ нему офицеры не смѣли съ нимъ обходиться такъ, какъ съ простымъ ссыльнымъ, не похищали ничего изъ его содержанія. По возвращеніи, Минихъ самъ мнѣ рассказывалъ, продолжаетъ Остерманъ, что онъ тщательно сберегалъ три карандаша. Изъ получаемыхъ кален-

дарей вырывалъ бѣлые листочки и на нихъ писалъ разсужденія о войскѣ, о внутреннемъ управленіи Россіи. Но узнавъ, что одинъ изъ приставовъ, въ злобѣ на него, намѣренъ сдѣлать доносъ, Минихъ бросилъ листы въ огоньъ.

Одинъ изъ солдатъ сдѣлалъ, подъ руководствомъ фельдмаршала, замѣчательные успѣхи въ геометріи и вообще въ математикѣ (97).

Минихъ былъ счастливѣе Остермана: 10-го февраля 1762 года прискакалъ курьеръ съ вѣстью о прощеніи и свободѣ!.... Вотъ какъ отзывался Фридрихъ II (соч. его, ч. I, стр. 66): «Минихъ былъ русскій Евгений (Le prince Eugène des Moscovites), имѣлъ добродѣтели и пороки великихъ полководцевъ: былъ искусенъ, предприимчивъ, счастливъ; но гордъ, высокомеренъ, властолюбивъ, а иногда жестокъ; онъ жертвовалъ жизнью солдатъ для своей славы. Въ его школѣ образовались Ласси, Кейтъ, Левендаль и многіе другіе, искусные генералы». «Остерманъ и Минихъ, по словамъ Карамзина, одушевленные честолюбіемъ заслужить имя великихъ мужей въ ихъ второмъ отечествѣ, дѣйствовали неутомимо и съ успѣхомъ блестящимъ; первый возвратилъ Россіи ея знаменитость въ государственной системѣ европейской, цѣль усилій Петровыхъ; Минихъ исправилъ, оживилъ воинскія учрежденія и давалъ намъ побѣды.»

Графъ Іоаннъ Эрнестъ Минихъ, сынъ фельдмаршала, лишенный ордена св. Александра Невскаго и деревень, отправленъ былъ на житье въ Вологду, гдѣ двадцать лѣтъ провелъ въ кругу семейства; велъ жизнь плачевную, получая отъ двора 1200 рублей. Подобно отцу своему, Минихъ дождался свободы, возвращенія чиновъ, орденовъ и имущества. По свидѣтельству Манштейна, онъ не имѣлъ блестящихъ достоинствъ своего отца, но не имѣлъ и его пороковъ, былъ одаренъ отъ природы хорошими качествами, нравомъ тихимъ, разсудкомъ основательнымъ; отличался примѣрною честностью и прямодушіемъ. Минихъ-сынъ былъ женатъ на баронессѣ Аннѣ Доротей Менгенъ; сестра ея Юліана пользовалась неограниченною любовью правительницы, а другая сестра была женою доктора Лестока.

Вмѣстѣ съ Минихомъ и его семействомъ пострадали лица, къ нимъ приближенные; изъ ихъ числа былъ баронъ Остенъ-Сакенъ. Въ чинѣ капитана гвардіи, состоялъ онъ при фельд-маршалѣ, въ качествѣ адъютанта. Чины и ордена предстояли молодому капитану, но вотъ покровитель его въ казamatѣ, у эшафота, въ ссылкѣ, и Остенъ-Сакенъ, виновный только въ томъ, что имѣлъ честь пользоваться расположеніемъ Миниха, переведенъ въ ревелской гарнизонъ; съ чиномъ капитана сошелъ онъ въ могилу тринадцать лѣтъ спустя послѣ своей опалы.

Графъ Михайло Гавриловичъ Головкинъ, меньшій сынъ великаго канцлера, получилъ прекрасное образованіе за границей; въ 1722-мъ году Петръ сосваталъ ему невѣсту, славную родомъ, богатствомъ и красотою, то была дочь кесаря Ромадановскаго, Екатерина Ивановна. Берхгольцъ оставилъ любопытное описаніе этой свадьбы: «должность фельдмаршала исправлялъ самъ государь, который для дочери князя кесаря, противъ обыкновенія, одѣлся съ великолѣніемъ. За столомъ прислуживали непростые гренадеры, какъ на остальныхъ свадьбахъ, а капитаны гвардіи. Кухмистеръ, выславшій съ блюдами гренадеръ, получилъ за свою разсѣянность добрый ударъ въ спину маршальскимъ жезломъ. Государь, по словамъ очевидца, былъ въ прекрасномъ расположеніи духа, за обѣдомъ шутилъ съ деньщикомъ А. Б. Бутурлинымъ, давалъ ему подымать свой жезлъ отъ земли, вытянутою рукою, чего Бутурлинъ не могъ сдѣлать. За то императрица, по желанью мужа, надъ столомъ нѣсколько разъ приподняла тяжелый жезлъ, съ ловкостью и силою, всѣхъ изумившими. На балѣ танцевалъ государь съ государыней, танцевалъ и весь дворъ. На слѣдующій день Петръ не позволилъ, какъ-то дѣлается обыкновенно: сѣсть жениху съ правой стороны: «садись съ лѣвой, закричалъ царь, дочь князя кесаря должна сидѣть на первомъ мѣстѣ». Вечеромъ, подъ предлогомъ того, что многіе *въхлани*, а не *вошли* пѣшкомъ въ грязный дворъ князя кесаря, государь оппоилъ всѣхъ именитыхъ сановниковъ, безпрестанно приказывая имъ осушать чудовищной величины штрафные кубки и т. д».

Михайло Гавриловичъ быстро возвысился при приемникахъ Петра. Въ годъ своего паденія онъ былъ вице-канцлеромъ, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, кабинетъ-министромъ, кавалеромъ св. Александра Невскаго, св. Андрея Первозваннаго, вѣдалъ внутреннимъ управленіемъ Россіи.

Мы уже читали восторженные отзывы о Головкинѣ *его друга* Шаховскаго, вотъ любопытные отзывы его *противника*, задушевнаго пріятеля А. И. Остермана, резидента Финча: «Головкинъ, писалъ англійскій посолъ къ лорду Карингтону, человекъ безмѣрно честолюбивый, надменный и нелюдимый. Онъ до крайности ненавидитъ иноземцевъ; съ тѣхъ-поръ, какъ сдѣлался кабинетъ-министромъ, Головкинъ радъ рѣзаться съ графомъ Остерманомъ при всякомъ случаѣ. Ему хочется ограничить Остермана работою перваго секретаря. Недавно Головкинъ дотого забылся, что сталъ мѣшаться въ распоряженія принца Антона Ульриха. Но правительница серьезно замѣтила, что не его дѣло опредѣлять мѣру власти генералиссимуса, ея мужа (98).»

24-го ноября 1741-го года, въ день св. Екатерины, Головкинъ праздновалъ именины своей жены. Екатерина Ивановна, свойственница императорской фамиліи, владѣтельница 30,000 душъ, заставляла любить себя ласковымъ, пріятнымъ обхожденіемъ, непринужденною веселостію, не гордилась знатностію, богатствомъ, употребляла его на подвиги благотворенія. Немудрено, что въ этотъ день, къ именинницѣ съѣхались толпы гостей, по словамъ Шаховскаго: «всякаго рода ласкатели, милостей снискатели, а навнече поздравители; но Головкинъ всё пронырства своихъ льстецовъ видѣлъ, какъ нельзя лучше, и въ дружеской со мной бесѣдѣ съ печальнымъ предчувствіемъ говорилъ: что настоящее счастье и почетъ наводитъ его на мысль о близкомъ несчастіи. Его не веселилъ шумъ праздника; мучимый подагрой, хирагрой и головою болью, онъ стоналъ въ отдаленной комнатѣ. А въ остальныхъ покояхъ именитые гости, какъ-бы изъ любви къ страждущему хозяину, остались у него обѣдать. Болѣе ста вельможъ ликовали, угощаемые любезной хозяйкой, пѣли, пили, танцовали, плясали русскую пляску, и только въ часъ по полуночи пьяными разъѣхались по до-

мамъ. Какъ-бы предчувствуя, говорить Шаховской, злую долю моего благодѣтеля, я зашелъ къ нему и съ нѣжностью простился.»

Черезъ два часа отрядъ Преображенцевъ явился въ домъ министра (на Петербургскую сторону, Дворянскую улицу?). А черезъ четыре часа Головкинъ сидѣлъ въ казематѣ. Мы его видѣли тамъ истомленного душевно и тѣлесно, въ тоскѣ и отчаяніи, но чѣмъ болѣе унывала Головкинъ, тѣмъ болѣе твердости и спокойствія являла графиня Екатерина Ивановна. Она утѣшала, ободряла мужа, и на сдѣланное ей предложеніе императрицы: «чтобы она, пользовалась на свободѣ своими правами и имѣніями,» Екатерина Ивановна отвѣчала: «на что мнѣ и почести и богатство, когда не могу раздѣлить ихъ съ моимъ другомъ? Одна только смерть можетъ разлучить насъ».

Д. Н. Каменскій въ двухъ сочиненіяхъ: «Словарь дост. людей» 1836 г. и «Біографіи фельдмаршаловъ» 1840 г. называетъ мѣстомъ ссылки Головкина: Березовъ. Д. Н. Языковъ въ примѣчаніяхъ къ запискамъ «В. А. Нащокина, изд. 1842 года», утверждаетъ тоже и, что всего удивительнѣе, ссылается при этомъ на манифестъ 22-го января 1742 г.? А тамъ именно сказано, что Михайло Гавриловичъ сосланъ въ *Германгъ*.

Я не нашелъ этого мѣста, говорить Терещенко въ своемъ «Опытѣ біографій вице-канцлеровъ и проч. 1837 г.» Не нашли и мы, тщательно просматривая карты, географіи и географическіе словари Россіи. Но въ *Тобольской* губерніи туринскомъ уѣздѣ есть слобода *Горинская*; она лежитъ въ 60 верстахъ отъ *Пельма*, причемъ, благодаря своему возвышенному мѣстоположенію, пользуется лучшимъ климатомъ, нежели мѣсто заточенія Минниха (99).

Положеніе *Горинска* между *Пельмомъ* и *Березовымъ* даетъ мнѣ право думать, что это было мѣстомъ ссылки Головкина. Сочинитель манифеста легко могъ назвать *Горинскъ* — *Германгомъ*, гораздо труднѣе смѣшать *Березовъ* съ *Германгомъ*.

Какъ-бы то ни было: но ободряемый супругою Михайло Гавриловичъ, въ слѣдствіе регулярной жизни, и переменны кли-

мата, совершенно оправился отъ болѣзни. Четырнадцать лѣтъ прожили они въ тѣсной избушкѣ, гдѣ зимою льдины служили вмѣсто стеколъ; прожили, забытые людьми, среди дикаго, непросвѣщеннаго народа; въ краю, подверженномъ большую часть года жестокости зимы, неразлучнымъ съ ней туманамъ, а лѣтомъ чрезвычайному зною, въ странѣ безплодной. Головкинъ скончался въ исходѣ 1755-го года. Въ 1756-мъ году тѣло его было погребено въ Москвѣ, гдѣ на 90-мъ году отъ рожденія скончалась въ 1791 г. и жена Михайла Гавриловича. Екатерина Ивановна пережила лютейшаго гонителя своего мужа, князя Трубецкаго. Рассказываютъ, что Никита Юрьевичъ на смертномъ одрѣ принесъ чисто-сердечное раскаянiе графинѣ Головкиной въ томъ, что постоянно преслѣдовалъ ея невиннаго мужа.

Графъ Рейнгольдъ Левенвольдъ, будучи камеръ-юнкеромъ, пользовался особеннымъ расположенiемъ Екатерины I-й. Хорошiй ростъ, красивая наружность, ловкость, изящныя манеры давали ему большой успѣхъ среди прекраснаго пола. Камергеръ, графъ и кавалеръ св. Александра Невскаго при Екатеринѣ Алексѣевнѣ, онъ при Аннѣ Ивановнѣ сдѣланъ оберъ-гофмаршаломъ, кавалеромъ Андрея Первозваннаго и вѣдалъ соляными доходами. Ленивый, безпечный, онъ не вмѣшивался въ дѣла государственныя, за то героемъ являлся въ карточныхъ играхъ: онъ ихъ любилъ до страсти, до изступленiя, и не имѣлъ соперниковъ въ волокитствѣ. Въ нисѣмахъ Лэди Рондо есть любопытный, по сему случаю, рассказъ.....

За Левенвольдомъ отправилась въ Соликамскъ и жена его. По увѣренiю Манштейна, они перенесли свое несчастiе съ твердостью, Шаховской рассказываетъ противное. Левенвольдъ прожилъ въ Соликамскѣ шестнадцать лѣтъ, и какъ человѣку, привыкшему къ мотовству, роскоши, шумной жизни, ему особенно тяжела была ссылка: жизнь однообразная, подъ строжайшимъ присмотромъ, въ уѣздномъ городѣ Пермской губернiи, въ 2223 вер. отъ Петербурга, 1497 отъ Москвы, и 263 верстахъ отъ губернскаго города. Какъ-бы то ни было, но Соликамскъ столица, относительно *Пельма*, *Горинжа* и *Березова*: въ немъ были монастырь,

семь приходскихъ церквей, богадѣльня, болѣе 700 обывательскихъ домовъ и до 2000 купцовъ и мѣщанъ (100).

Левенвольдъ скончался въ 1758-мъ году. «Человѣкъ этотъ, говоритъ дюкъ-де-Лирія, былъ самага дурнаго характера. Своимъ счастьемъ онъ обязанъ женщинамъ. Ради своихъ видовъ, не щадилъ ни друга, ни благодѣтеля. Тщеславіе и честолюбіе его простирались до высочайшей степени. Религій въ немъ не было, въ бытіе Бога не вѣрилъ, корысть и одна корысть имъ управляла; былъ лживъ, коваренъ, его всѣ ненавидѣли; но онъ давалъ блестящіе праздники, имѣлъ красивую наружность, а этого было достаточно для полученія почестей и повышеній».

Странно, что Манштейнъ совершенно противорѣчитъ дюку. По его словамъ: «Левенвольдъ былъ преисполненъ чести.» Нѣтъ сомнѣнія, тотъ и другой отзывались такъ въ слѣдствіе личныхъ отношеній къ любимцу двухъ государынь.

Баронъ Менгенъ, по словамъ манифеста, сосланъ въ *Колымскій* острогъ, Бюшингъ и Галемъ называютъ мѣсто его ссылки *Атмо*, въ томъ и другомъ случаѣ къ берегамъ Ледовитаго моря. (Колыма довольно большая сибирская рѣка). Менгенъ, жена его и дочь, одинъ за другимъ, скончались послѣ мучительной жизни, въ ужасномъ заточеніи. Сынъ дожилъ до воцаренія Петра III-го, былъ прощень, но явился въ Петербургъ по кончинѣ государя.

Другой Менгенъ, зять фельдмаршала Миниха, бывшій въ Ригѣ въ 1741-мъ году президентомъ надворнаго суда, лишился своего почетнаго мѣста, за родственную связь съ опальными.

Иванъ Ивановичъ Неплюевъ, членъ иностранной коллегіи, бывшій посломъ въ Константинополь, тайный совѣтникъ, кавалеръ ордена св. Александра, будучи слѣдователемъ и судьей надъ Вольнскимъ, спасъ замѣшаннаго въ семь дѣлъ Н. Ю. Трубецкаго. По арестованіи Остермана, Неплюевъ, какъ другъ его, арестованъ и изъ Малороссіи имъ управляемой, послѣшно, подъ конвоемъ привезенъ въ Петербургъ. Двѣ тысячи его крестьянъ и обширныя помѣстья въ Малороссіи описаны на императрицу; съ него

сняли орденскую ленту и до окончанія слѣдствія содержали подъ строгимъ карауломъ. По словамъ Н. И. Панина (101), князь Трубецкой отплатилъ Неплюеву самой черной неблагодарностью; желая выслужиться, онъ хотѣлъ *вытравить* своего благодѣтеля въ Сибирь, говоря, «что въ немъ душа Остермановская». Неизвѣстно, кто спасъ Неплюева: посылкѣ Остермана, онъ былъ призванъ во дворецъ; Елизавета приняла его весьма милостиво и возвратила Александровскій орденъ. «Увидѣвъ дочь Петра, пишетъ Неплюевъ, дочь государя, мною обожаемаго, въ славѣ ей принадлежащей, и въ лицѣ ея черты моего отца и государя, я такъ обрадовался, что забылъ всё приключившія мнѣ огорченія».

Впрочемъ, эта *забывчивость* и вѣрноподданническая любовь Неплюева не помогли дѣлу: помѣстья его остались конфискованными, а вмѣсто Малороссіи ему поручено вѣдать полудикимъ, бесплоднымъ и отдаленнымъ краемъ Оренбургскимъ.

Въ то время, когда грозная немезида карала Остермана, Миниха, Левенвольда и друг., сама правительница Анна первое время была освобождена отъ всякаго рода преслѣдованій; напротивъ, хотя ее держали подъ присмотромъ караула, но съ нею обходились милостиво, съ должнымъ почетомъ и уваженіемъ. Елизавета всенародно объявила 28-го ноября, что отправить брауншвейгскую фамилію за границу. Дѣйствительно, 12-го декабря 1741-го года, прямо изъ дворца цесаревны, снабженные всемъ необходимымъ, принцъ Антонъ-Ульрихъ съ женой, сыномъ Іоанномъ и дочерью Екатериной, подъ большимъ конвоемъ, въ сопровожденіи генералъ-полціймейстера Салтыкова, отправлены изъ Петербурга по дорогѣ въ Ригу. Съ нихъ были взяты слѣдующія обязательства: 1) Никогда не возвращаться въ Россію. 2) Возвратить всё драгоцѣнности, кромѣ принадлежащихъ лично принцессѣ Аннѣ. Наконецъ 3) Принцъ Антонъ-Ульрихъ долженъ сложить съ себя званіе русскаго генералиссимуса и титуло императорскаго высочества. Предполагалось доставить ихъ въ Кенигсбергъ, куда и должны они были прибыть 28-го декабря; на содержаніе въ Кенигсбергѣ, предположено было давать имъ ежегодно по 130,000 руб.; да на

дорогу единовременно выдано на руки гоф-фурьеру Готману 30,000 р. Было приказано вести арестантовъ съ роздыхами, чрезъ каждые два дня, и дѣлать только по семи съ половиною миль, т. е. 32 версты въ день.

Къ несчастью близъ Нарвы малютка Екатерина занемогла; по желанію родителей ѣзда была такъ замедлена, что все семейство прибыло въ Ригу только 9-го января 1742 года. Между тѣмъ, въ Петропавловской крѣпости, производились допросы и розыски. Открылись обстоятельства, привлекавшія къ дѣлу: сначала баронессу Юлію Менгденъ, а потомъ и самую принцессу. Отъ первой потребовали отчетъ въ значительныхъ суммахъ, полученныхъ ею отъ императрицы Анны. Спустя нѣсколько, допрашивали Анну Леопольдовну, о ея намѣреніи заточить Елизавету въ монастырь. Принцесса отвѣчала, что она такихъ намѣреній не имѣла. Тѣмъ не менѣе все семейство велѣно было задержать въ Ригѣ, до окончанія слѣдствія. Они сидѣли въ крѣпости въ концѣ 1742-го года, когда Гемпель, повѣствующій объ этомъ, печаталъ біографію Остермана (95). Въ первое время, по заточеніи, все письма къ правительницѣ и отъ нея тщательно вскрывались; потомъ присмотръ за арестантами немножко ослабили: разрѣшили посѣщать ихъ лицамъ постороннимъ. Это было недолго. Стали *ходить слухи*, что принцесса Анна съ мужемъ пытались два раза бѣжать: разъ пѣшкомъ, въ крестьянскомъ платьѣ, другой разъ на кораблѣ. Все это были пустые толки, а въ слѣдствіе ихъ надзоръ вновь усилили, увеличили караулъ, и далѣе крѣпостнаго сада заключенныхъ никуда не выпускали. Послѣдующія событія злощастной жизни брауншвейгской фамилии не принадлежатъ настоящему очерку.....

Братъ герцога Антона Ульриха, принцъ Людовикъ Брауншвейгскій, нѣкогда мнимый женихъ цесаревны Елизаветы, *принцъ убогой*, такъ называла она его въ манифестѣ 28-го ноября, въ роковую ночь былъ арестованъ: къ его комнатѣ, во дворцѣ, приставили караулъ. Утромъ караулъ сняли, принцу отвели квартиру въ домѣ, принадлежавшемъ Юліанѣ Менгденъ, приставили караулъ, какъ-бы для ночле-

га, въ сущности-же для надзора за поведеніемъ Людовика. Принцъ возвратился въ Германію въ мартѣ 1742-го года.

Все́ были убѣждены, говорить Манштейнъ, что если-бы принцъ Людовикъ, одаренный твердою волею и умомъ предприимчивымъ, былъ на мѣстѣ брата, то дѣла его фамиліи приняли бы другой оборотъ (102).

Графъ Морицъ-Карль-Линаръ, въ августѣ 1741-го года, выѣхалъ въ Польшу для окончательнаго устройства своихъ дѣлъ. Кавалеръ Александра Невскаго, Андрея Первозваннаго, владѣлецъ большихъ помѣстьевъ въ Лифляндіи, прекраснаго дома въ Петербургѣ (конфискованнаго у Густава Бирона), онъ имѣлъ въ виду поступить въ русскую службу..... Если надежда его на полученіе новыхъ титуловъ и наградъ не осуществилась, то во всякомъ случаѣ Линаръ не могъ жаловаться на счастье: перемѣна правленія въ Петербургѣ совершилась во время его отсутствія: въ противномъ случаѣ онъ не избѣгъ бы Сибири. Правительство, не имѣя возможности *выправить* Линара въ Березовъ, Пельымъ или другое мѣсто, дозволило ему носить россійскіе ордена. Онъ скончался въ 1768-мъ году.

Мы сказали о судьбѣ всѣхъ именныхъ лицъ, подвергшихся опалѣ и преслѣдованіямъ новой императрицы. Прослѣдимъ же какъ дѣятельность ея самой, такъ и распоряженія новыхъ военачальниковъ, дипломатовъ и министровъ, смѣнившихъ Остермана, Миниха и Головкина, славныхъ *учениковъ* Петра Великаго.

ПРИМЪЧАНІЯ.

(1) Считаю долгомъ принести глубочайшую благодарность *М. А. Корфу*: ему мы обязаны тѣмъ, что имѣли возможность пользоваться всѣми источниками, находящимися въ Публичной Библиотекѣ. А кто не знаетъ, какъ богата Публичная Библиотека сочиненіями, относящимися къ русской исторіи? Въ превосходно-составленномъ каталогѣ эти сочиненія распределены по годамъ,

къ которымъ они относятся. Такъ въ двухъ тетрадкахъ помѣщены заглавія всѣхъ, не только отдѣльно изданныхъ, книгъ, но не рѣдко указаны и статьи, тамъ-и-сямъ помѣщенныя, которыя описываютъ событія 1741 и 1742 годовъ.

(2) Записки князя Якова Петровича *Шаховскаго*. 2 ч. 8-й д. 1821 г. Спб. Изданіе второе, стр. 53.

(3) Вѣдомости 1741 г., стр. 707. *Полное собраніе Законовъ*, изд. 1830 г., томъ XI (1740—1743), № 8473. Съ манифестомъ раздавалась форма клятвеннаго обѣщанія, въ силу котораго каждый долженъ былъ, между прочимъ, признать законнымъ наследникомъ того, кто волею императрицы будетъ «избранъ и опредѣленъ, и къ воспріятію престола удостоенъ».

(4) П. с. З. № 8474, 27-го ноября, № 8475. Сенатъ тогда-же разослалъ «форму о титулахъ ея величества въ грамотахъ, докладахъ и прочихъ бумагахъ».

Настоящая статья есть продолженіе нашего-же историческаго очерка, напечатаннаго въ «Русскомъ Словѣ» 1859 г., книжка вторая, подъ заглавіемъ: «Елизавета Петровна до восшествія своего на престолъ 1709—1741». Кстаті укажемъ здѣсь на статью: «о пребываніи царевны Елизаветы Петровны въ Александровской слободѣ», напечатанной въ газетѣ 1857-го года, Молвѣ, № 18, стр. 212—213, просмотрѣнною нами при составленіи первой статьи. «Въ тяжкія годы своей жизни», говоритъ неизвѣстный составитель статьи «Молвы», «царевна Елизавета пребывала по нѣсколько мѣсяцевъ въ Александровской слободѣ. (Жаль, что не указано, въ какіе именно годы?) Пребываніе Елизаветы въ Александровѣ оставило слѣды въ воспоминаніяхъ у тамошнихъ гражданъ и въ названіяхъ урочищъ этой древней слободы, поставленной уже въ 1778 году на чреду уѣздныхъ городовъ Владимірскаго губерніи.

«У великой княжны въ Александровѣ были два дворца, лѣтній и зимній. Одинъ находился при нынѣшней Преображенской церкви, вмѣстѣ съ садомъ, который теперь застроенъ обывательскими домами, но воспоминаніе объ немъ сохранилось въ названіи улицы *Садовію*. Зимній дворецъ, подобно лѣтнему, деревянный, одноэтажный, на каменномъ фундаментѣ, занималъ мѣсто подлѣ нынѣшняго собора, на горѣ, которая и донинѣ сливетъ *Царвою*.

«Въ Александровѣ царевна, вдали отъ двора и столицы, проводила время въ духѣ и вкусѣ того вѣка. Она почти ежедневно слушала заутреню, обѣдню и вечерню въ монастырѣ;

дома занималась чтеніемъ духовныхъ книгъ, иногда выѣзжала въ поле забавляться соколиною охотою. Самое мѣсто этой охоты, на южной сторонѣ города, носитъ названіе *охотнаго луга*. На немъ, говорятъ, находился и сокольничій дворъ, гдѣ содержались соколы и кречеты. Верстахъ въ шести отъ города есть село Курганиха; туда-то царевна ѣзжала смотрѣть травлю волковъ, отъ чего и самая роща при сельцѣ, нынѣ срубленная, слыла *волчьейю*. Объ масляницѣ у дворца собирались слободскія дѣвушки кататься съ горы на салазкахъ, связанныхъ вмѣстѣ ремнями. Какъ любительница пѣнія и сама прекрасная пѣвица (?), цесаревна заставляла дѣвушекъ, какъ говорится въ просторѣчьи, *ирать* простонародныя пѣсни, и за то награждала ихъ разными лакомствами, пряниками, царградскими стручками, орѣхами, маковою избойной и т. п. Иногда она каталась въ лодкѣ по прудамъ, въ которыхъ нѣкогда Иванъ Грозный топилъ опальныхъ; теперь на мѣстѣ этихъ прудовъ луговина. Такъ коротала время въ своемъ изгнаніи Елизавета Петровна, какъ рассказывала монахиня Александровскаго монастыря Апполинарія, умершая назадъ тому 30 лѣтъ, на 110-мъ году отъ рожденія. Соборный діаконъ Александръ, дѣдъ нынѣшняго Христорождественскаго діакона Ѳедора Петрова, имѣющаго 80 лѣтъ, передавалъ внуку своему, что онъ самъ не рѣдко видалъ великую княжну, молившуюся передъ образомъ знаменія пресвятыя Богородицы.

«Возлѣ лѣтняго своего дворца цесаревна построила церковь во имя св. Захарія и Елизаветы, что нынѣ предѣлъ у Преображенской церкви. Причетъ этого храма, съ воцаренія Елизаветы до 1818 г., получалъ жалованье изъ конюшеннаго вѣдомства. За *оказанныя услуги* (??) она переимѣнила фамиліи Александровскихъ купцовъ Жихаревой на *Первушиныхъ*, Курениныхъ на *Любимовскихъ*. У нѣкоторыхъ изъ тамошнихъ обывателей она крестила дѣтей. Во время своего царствованія Елизавета Петровна оказала много милостей alexandrovskimъ обывателямъ, которые въ нуждахъ своихъ относились прямо къ ней». (Собщено изъ Александрова.)

Въ «Исторіи села Царскаго», изданной въ 1829-мъ году въ Спб. *Н. Яковлинымъ* (отрывки изъ нея печатались въ «Отечественныхъ Запискахъ» *Свинина*), разсѣяно нѣсколько, впрочемъ, неважныхъ подробностей о жизни Елизаветы въ этомъ селѣ. Живя иногда въ Царскомъ, въ царствованіи уже Анны Ивановны, царевна заботилась о разведеніи фруктовыхъ деревьевъ въ своихъ садахъ, сажала въ пруды разную рыбу, «много и настоя-

тельно помышляла о приведеніи въ Царское село проточную и обильную воду». Въ пяти верстахъ отъ села былъ устроенъ звѣринецъ для *забылыхъ оленей*. Въ самыхъ окрестностяхъ Царскаго Елизавета съ своими немногими придворными *ловила живыхъ и била лосей, оленей*, или забавлялась тетеревиною на чучела охотою: на двухъ брусьяхъ, едѣланныхъ въ родѣ полозьевъ, ставили бутки, снаружи убрали ихъ ельникомъ, внутри ставили печку; потолокъ, стѣны и полъ обивали войлокомъ и выбѣленною холостиною. Бутки перевозились съ мѣста на мѣсто, и ставились тамъ, гдѣ было болѣе тетеревовъ. При счастливой охотѣ царевна всегда награждала охотниковъ или деньгами, или винною порціею. (Стр. 142, 146 и 148.)

(5) П. С. З., т. XI, N° 8476. Подлинный манифестъ, изданіе того времени (имѣющійся у насъ), отпечатанъ въ листъ, на трехъ страницахъ. Спб., 28-го ноября, а въ Москвѣ, 2-го декабря, напечатанъ на толстой, сѣрой бумагѣ, съ множествомъ грамматическихъ ошибокъ. Въ Публичной Библиотекѣ и Румянцовскомъ Музеумѣ находятся изданія сего манифеста на шведскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, 8-й д., 8 стр. Въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, въ N° 95, вышедшимъ въ пятницу, 27-го ноября, наскоро было припечатано: «Въ прошедшую среду соизволила Елизавета Петровна, по всеусердному и единогласному прошенію вѣрныхъ своихъ подданныхъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ чиновъ, воспріять родительскій престолъ». Тогда-же успѣлиши вырѣзать изъ прежнихъ нумеровъ вѣдомостей всѣ листы, гдѣ что-нибудь говорилось о правительницѣ Аннѣ. Шумахеръ, завѣдывавшій въ то время Академіей, показалъ при этомъ такое усердіе, что до сихъ-поръ нигдѣ не имѣется полного экземпляра вѣдомостей 1741 года. Публичная Библиотека и Румянцовскій Музеумъ ихъ вовсе не имѣютъ, въ академическомъ экземплярѣ не достаетъ N° 89, 90, 91, 93 и 94.

(6) «Правда воли монаршей» перепечатана въ изданіи *Туманскаго*, нынѣ рѣдкомъ: «Собраніе записокъ и сочиненій къ исторіи Петра I-го», 1787 г. Москва, 10 частей.

(7) П. с. З., т. V, примѣчаніе въ выноскѣ подъ манифестомъ 3-го февраля 1718 г.

(8) «Русскій Вѣстникъ» 1859 г., N° 1, стр. 1—59.

(9) П. с. З., т. XI, стр. 542. Духовная Екатерины I-й въ подлинникѣ напечатана *Арсеньевымъ*: «Царствованіе Екатерины I-й», Спб., 1856 г.

(10) П. с. З., т. XI, стр. 543. *Manstein* въ сочиненіи: «*Mémoires historiques, politiques et militaires sur la Russie, 1727—1744*», изд. *M. Huber*, Leipzig, 1771, въ кратцѣ разбираетъ манифестъ 28-го ноября, относительно указа 5-го февраля 1722 года, стр. 423. *Нацокинъ*, изд. 1842 г. Спб., стр. 68.

(11) *Шаховской*, стр. 54.

(12) *Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français*. Berlin, 1858, стр. 88—89. *Леклеркъ* баснословитъ, рассказывая слѣдующій случай: «Утромъ, 26-го ноября, Елизавета между прочимъ разговаривала съ Кейтомъ (его не было въ это время въ Петербургѣ, онъ былъ при арміи, въ Финляндіи). «Удивляюсь», говорилъ генераль, «отчего ваше величество не представили своихъ правъ на корону въ 1730-мъ году?» — «Это было-бы легко», отвѣчала та, «но я еще была слишкомъ-молода.» Странно, почему Леклеркъ (стр. 150), строгій къ самому Петру, превозноситъ его дочь. «Нельзя видѣть и не полюбить Елизавету», восклицаетъ французскій историкъ. «Она вся грація и доброта. Съ ея устъ слетаетъ счастье, ея взглядъ высушиваетъ слезы, поддерживаетъ въ отчаяніи. Никто лучше ее не зналъ прелести благотворительности. Кто не узнаетъ ее въ слѣдующихъ стихахъ нашего лирическаго поэта:

Dans la fleur de la jeunesse,
 Dans l'âge heureux de la tendresse,
 Elle unissait à la beauté,
 A la grace, à la noblesse,
 La bienfaisance et la bonté.»

(*M. de Rosay: drame lyrique des deux amis.*)

(13) *Вѣдомости*, N° 96.

(14) *Вѣд.*, N° 97, 98, 99, 1741 г. и въ N° 3-мъ 1742 г.; описанія празднованія 18-го декабря въ Ревелѣ, Выборгѣ и Бѣлгородѣ. Всѣ они однообразны: тѣ-же молебны, поздравленіе властей отъ лица народа, обѣды, балы, иллюминаціи и все «съ несказанною радостью».

(15) Мы видѣли чрезвычайно-интересную картинку: Лестокъ убѣждаетъ Елизавету взойти на престолъ. Картинка помѣщена въ пятомъ томѣ *Della Storia dell' Imperio Russo compilata Dal. Cav. Contragnoni* (извлеченіе изъ исторіи Россіи графа *Сенора*). Сочиненіе составляетъ часть *Compendio della Storia universale antica e moderna*. Томо ХСVII. Milano. 1824 г., 8-ю д. л. Тутъ-же помѣщено плохое изображеніе Елизаветы, съ весьма-развитымъ бюстомъ. На упомянутой-же литографіи изображена комната съ

высокимъ отъ полу карнизомъ; окно съ драпри, окаймленными бахрамой; у стѣны стулъ съ высокою спинкою; у другой, бокомъ къ окну, простой, чуть-чуть не кухонный столъ. На немъ большое, круглое зеркало, подлѣ брошена гребенка и полуоткрытая коробка: такъ представленъ будуаръ цесаревны. Сама она сидитъ въ креслѣ, бокомъ къ столу, въ утреннемъ, слишкомъ-неизысканномъ костюмѣ; одна рука лежитъ на груди, другая приподнята, на лицѣ выражается изумленіе. Босыя ноги въ туфляхъ стоятъ на скамейкѣ. Служанка взбиваетъ волосы госпожѣ. На переднемъ планѣ Лестокъ: онъ вбѣгаетъ въ комнату. Хирургъ съ выстриженной головой, длинными усами, въ длиннополомъ фракѣ, съ густыми эполетами (?), на ногахъ ботфорты, въ правой рукѣ известная намъ картинка, лѣвая у длиннаго палаша. Подпись: «Lestocqui fa risolvere Elisabeta a farsi proclamare imperatrice.» Нечего говорить, что здѣсь: что не черта, то анахронизмъ. Изображеніе Елизаветы не имѣетъ и тѣни сходства. Лице Лестока также ни мало не похоже съ современнымъ его портретомъ, въ магазинѣ Бюшинга. (Здѣсь онъ представленъ очень-пожилымъ толстякомъ, въ пудреномъ парикѣ и французскомъ кафтанѣ, на груди виситъ портретъ Елизаветы. *Magazin. A. F. Büsching. Hambourg. 1769. T. II, стр. 415.*) Между другими картинками соч. *Compagnoni* одна изображаетъ *Biren arrestato*: стоитъ двуспальная кровать, подъ балдахиномъ, въ круглой комнатѣ. Манштейнъ въ кафтанѣ, ботфортахъ, съ косматой головой и усами, съ голою саблею въ одной рукѣ, другою вытаскиваетъ изъ-подъ кровати за швороть какое-то чучело: художникъ подразумѣвалъ Бирона. На кровати, полузакрытая одѣяломъ, лежитъ герцогиня. Въ ногахъ стоитъ гренадеръ. О сочиненіи *Compagnoni* см. также «Всеобщая Библіотека Россіи», *Черткова. М. 1838 г.*

(16, 17) Царствованіе Елизаветы. *А. Вейдемейера. Спб. 1834, стр. 9.* Словарь достопамятныхъ людей русскихъ, *Дм. Каменскаго. 1836 г. М. ч. 3, стр. 175.* Анекдоты о Петрѣ I, *Штелина. Manstein, 438—445.* Записки Манштейна на долго останутся однимъ изъ важнѣйшихъ матеріаловъ для исторіи Россіи во вторую четверть 18-го вѣка. Еще въ царствованіе Екатерины, вскорѣ послѣ перваго изданія мемуаровъ Манштейна на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ (1771 г.), они были довольно хорошо переведены на русскій языкъ. Мы имѣли эту рукопись отъ графа *Г. А. Кушелева-Безбородко*; странно, почему она тогда-же не была напечатана. Манштейнъ изданъ на русскомъ языкѣ въ 1810 г. *Н. Глинкою* въ Дерптѣ, и *Мальшинымъ. 1823.* Москва. Послѣдній пере-

водъ особенно плохъ и съ большими пропусками. Пора-бы издать Манштейна въ хорошемъ переводѣ, съ подробными, обстоятельно составленными примѣчаніями.

(18) *Камен.*, ч. 4, стр. 264. *Manst.* 440. Записки *С. Порошина*. Спб. 1844.

(19) Ангичковскій дворецъ въ послѣдствіи купленъ Екатериной II и ею подаренъ Г. А. Потемкину, см. *Пушкарева*: «Описание Санктпетербурга», 1839 г., ч. 1, стр. 99, 326.

(20) Отечеств. Записки *И. Свиньина*. 1825 г., ч. 25, стр. 236, «Примѣчанія на записки Манштейна».

(21) Биографіи генералъ-фельдмаршаловъ, ч. I. Спб. 1840 г., стр. 271.

(22) Опытъ біографій сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи. *А. Терещенко*. Спб. 1837. ч. 2. стр. 101—108. *Merkwürdiges Geschichte Elisabeth's*. 1759, in-4, стр. 47. *Вѣдомости* 1742 г., № 11. Мы имѣемъ нѣсколько писемъ изъ архива Грибоѣдовыхъ, относящихся къ 1742-му году. (О этомъ архивѣ смотр. статью мою въ Москвитянинѣ, 1855 г., № 12.) Какой-то Федоръ *Бехтѣевъ* укоряетъ *А. Т. Грибоѣдова*, богатаго помѣщика Вяземскаго уѣзда, за озорство, что тотъ съ дубьемъ и рогатинами, въ главѣ шайки дворовыхъ челядинцевъ, ночью налетѣлъ на село сестры Бехтѣева; *изобидивъ*, выгналъ ее, а самъ поселился въ завоеванномъ помѣстьи, взятомъ съ *смертною бою*. Тщетно Бехтѣевъ просилъ Грибоѣдова оставить свои незаконныя трофеи заплатитъ за измятыя поля, сожженные амбары. Побѣдитель былъ непреклоненъ. Бехтѣевъ жаловался, дѣло пошло въ Санктпетербургъ. Безъ сомнѣнія, богатый Грибоѣдовъ выигралъ-бы тяжбу, но изъ письма къ нему его повѣреннаго Лосева, изъ Санктпетербурга, видно, что противникъ нашелъ себѣ милостивца въ М. Л. Воронцовѣ. «И ежели, государь мой», писалъ Лосевъ къ Грибоѣдову, «супоаете, что оное дѣло съ Бехтѣевымъ не весьма-право, такъ-бы, не лучше-ли вамъ съ нимъ *пока* помириться, какъ ни на есть; ибо Михайло Ларионовичъ, какъ великомочный человекъ, не сдѣлалъ-бы вамъ какой чрезъ то обиды; сильную руку Богъ судить.» Къ этимъ письмамъ нечего добавлять: изъ нихъ мы видимъ и вліяніе на дѣла *милостивцевъ*, временщиковъ, и безобразный бытъ нашихъ предковъ-помѣщиковъ.

(23) *Extraits*, 1858, стр. 89.

(24) . . . Покойный генералъ-маіоръ фонъ-*Визингъ* написалъ на это сочиненіе примѣчанія въ 1840-мъ году. Примѣчанія эти

цѣлое сочиненіе, въ которомъ авторъ излагаетъ событія съ царствованія Михаила до 1827 года, останавливаясь на любопытнѣйшихъ событіяхъ. Авторъ много сообщаетъ неизвѣстныхъ и самыхъ интересныхъ подробностей о ближайшемъ къ намъ времени. Желательно-бы было, чтобы записки эти, трудъ племянника Дениса Ивановича, явились бы гдѣ-нибудь въ печати.

(25) *Büsching*, t. 2, p. 190.

(26) П. С. З. 1743, авг. 17. «Родословіе граф. Ефимовскихъ», Спб. 1841. «Родословіе граф. Скавронскихъ», Спб. 1841, соч. *Бороздина*. О Скавронскомъ помѣщены разныя басни въ *Dictionnaire historique ou recherches sur la vie de plusieurs hommes célèbres*. 1771. 4 vol. 8 д. (О Петрѣ I-мъ, Екатеринѣ I-й, царевичѣ Алексѣѣ, Скавронскомъ и Паткулѣ.)

(27) «Біографическія свѣдѣнія о управлявшихъ въ Россіи иностранными дѣлами министровъ». А. *Малиновскаю*. Посвящено императору Александру I-му. 1816, стр. 121—130. Это рукопись въ листъ, съ прекрасно-выполненными портретами. Она хранится въ Румянцовскомъ Музеумѣ. Странно, что она не была издана, и только отдѣльныя главы, какъ напр. біографія Ордынъ-Нащокина, В. В. Голицына были напечатаны въ «Трудахъ общества исторіи», кн. 7. 1838 и др. Не смотря на то, что и *Каменскій* и *Терещенко* въ изданныхъ ими словаряхъ много заимствовали у Малиновскаго, тѣмъ не менѣе многіе еще факты, доселѣ нигдѣ не напечатанные, дѣлаютъ трудъ Малиновскаго весьма-интереснымъ.

(28) Великолѣнныя палаты А. М. *Черкаскаю*, достроенныя въ 1742-мъ году, стояли на Фонтанкѣ, на мѣстѣ нынѣшняго Шереметевскаго дворца. Рубанъ, стр. 176.

(29) Описаніе происхожденія Шереметевыхъ, въ изданіи, нынѣ рѣдкомъ. 1774 г.

(30) *Вѣдомости*. 1741. N° 99.

(31) 7-го декабря «становится къ холоду, склоняется къ вѣтру и жесткой погодѣ», такъ записано въ календарѣ, изданномъ при Академіи Наукъ на 1741 г. Въ единственномъ экземплярѣ сего года календарей петербургскихъ (Акад. Библ.), въ томъ-же году вырѣзаны всѣ числа, противъ которыхъ записаны табельные дни членовъ семейства правительницы. Любопытно, что Академики, занимавшіеся изданіемъ календаря, до такой степени были смущены и озабочены ноябрьскими событіями, что забыли записать день, въ который стала Нева въ 1741-мъ году, (что, безъ сомнѣнія, было въ 20-хъ числахъ сего мѣсяца). Въ росписи дней,

когда сталь и прошелъ ледъ на Невѣ съ 1718 г. по 1742-й акуратно записаны всѣ эти дни, но за 1741-й годъ не записано. Вообще календарь, первой половины XVIII вѣка, явленіе довольно-любопытное: они даютъ понятіе о современномъ развитіи общества; вотъ, напр. какого рода *проностики* напечатаны въ календарѣ 1722 г. 1) О войнѣ и мирскихъ дѣлахъ. 2) О болѣзняхъ сего года и т. п. Все это самыя любопытныя предсказанія, выведенныя изъ *астрологическихъ наблюдений*. Въ Сѣв. Архивѣ, ч. 36, № 11—12, помѣщены замѣчанія о календаряхъ Петровскаго времени.

(32) *Порошинъ*, 75. *Magazin für die neue Historie*, t. 19—20.

(33) Сочиненія А. *Кантемира*, изд. А. *Смирдина*, Спб. 1847 г.

(34) Extraits de la correspondance de divers résidents étrangers accrédités auprès de la cour de Russie, au commencement de XVIII siècle, въ 3-й части извѣстнаго сочиненія *Н. П. Туренева*: «La Russie et les russes», Bruxelles, 1847, стр. 258—290.

(35) Mémoires du duc de Lihria. Paris. 1788, p. 44. Не всѣмъ, можетъ-быть, извѣстно, что знаменитый И. И. Бецкій былъ побочный сынъ И. Ю. Трубецкаго.

(36) «Исторія Петра I-го», В. *Бермана*. 1833 г., т. 6, стр. 60—80.

(37) Въ третьей залѣ Румянцовскаго Музеума виситъ превосходно-выполненный портретъ Александра Ивановича, во весь ростъ. Впечатлѣніе, производимое выраженіемъ его лица, не опровергаетъ рѣзкаго отзыва Нащокина.

(38) Словарь достоп. русск. люд. *Каменскаго*, изд. 1847 г. Спб., ч. 3, стр. 444. *Сказанія* о родѣ Долгоруковыхъ. Спб. 1840, стр. 259. Рѣзкая и справедливая характеристика Ушакова сдѣлана *П. К. Щербальскимъ* въ № 5-мъ Русской Газеты 1859 года.

(39) Oeuvres militaires du prince de Ligne. VI, стр. 20—84. *Hupel's Nord. Miss.* XV—XVII, стр. 629.

(40) *Щербатовъ*, стр. 36—44. *Туманскій*, ч. I, стр. 304—307. Родословная книга княжескихъ фамилій, *рукопись* Акад. Библ., № 30—31, въ листъ. Собр. списк. кавал. четыр. русск. орденовъ, *Каменскаго*. — *Кропоткинъ*: Военн. Энцикл. Лексик., 1841 г., ч. 5-я, стр. 415. Фельдмаршалы, *Каменскаго*, ч. I, стр. 159. П. С. Зак. 1739 г., ноябр. 12. *Сказанія*. 89—97. Въ 1853-мъ году были изданы замѣчанія на эту книгу, подъ заглавіемъ: «Фамилічныя замѣтки князя Алексѣя Долгорукаго». Книжка не велика по объему, но богата тщеславными выходками. Между прочими любопытна слѣдующая: авторъ-князь сильно оскорбляется тѣмъ, что люди

не свѣдующіе смѣшиваютъ ливреи Долгоруковыхъ съ ливреями Аргутинскихъ-Долгоруковыхъ; разъ навсегда онъ разрѣшаетъ недоумѣнье: «ливрея наша красная, чернѣй воротникъ, обшлага и карманы (?), золотой жилетъ или камзолъ, голубые (а не красные) панталоны; Аргутинскихъ красныя безъ чернаго (?), золотой жилетъ и голубыя панталоны». Авторъ сердится за то, что многіе думаютъ, что вся клязья имѣютъ право носить красную ливрею, напротивъ, право это далеко не всѣмъ предоставлено и т. п. (стр. 30).

(41) *И. А. Остерманъ* опровергаетъ слова Манштейна, повторенныя въ сочиненіяхъ *Каменскаго*, *П. Долгорукаго* и *Терещико*. «Напрасно Манштейнъ», замѣчаетъ Остерманъ, «обвиняетъ принца Гомбургскаго въ доносѣ на В. В. Долгорукаго. Послѣдній, единственно по невоздержанности своего языка, дважды былъ сосланъ въ заточеніе». От. Зап. 1825 г., ч. 21, стр. 232.

(42) *Моск. Вѣд.* 1782 г. Записки *Н. Б. Долгорукой*. Родосл. Сборн. *П. Долгорукаго*. 1841. Сиб., ч. 1, стр. 108, ч. 3, стр. 21.

(43) *Минихъ-отецъ*: «Ebanche pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'empire de Russie. Copenhague». 1774.

(44, 45) «Записки *А. С. Пушкина*», Собр. его сочин., т. 11-й, изд. 1841 г., стр. 197. Въ уединеніи Ганнибалъ на французскомъ языкѣ описывалъ исторію своей жизни; но, однажды (въ царствованіе Анны), услышавъ звонъ колокольчика близъ своей деревни, вообразилъ, что за нимъ ѣхалъ нарочный изъ Санктпетербурга. Въ припадкѣ паническаго страха онъ сжегъ интересную рукопись. По свидѣтельству *А. С. Пушкина*, его прадѣдъ всегда дрожалъ при звукѣ колокольчика.

(46) Описаніе Кіевской іерархіи, митроп. *Евгенія*. *Ростисъ митропол. кіевскихъ*. 1776 г., стр. 100.

(47) *Истор. Росс. іерархіи*, ч. I, стр. 198.

(48) Жизнеописан. русск. адмираловъ, *Берга*, ч. 1, изд. 1834 г.

(49) Отеч. Зап. 1825 г., ч. 21, стр. 238.

(50) Записка изъ дѣла *А. П. Волинскаго*, см. въ «Чтеніяхъ» *Бодлискаго*. Москва, 1858 г. О Волинскомъ-же смотр. извѣстную статью *А. А. Красвскаго*, Энци. Лек. 1838, т. 11. *Порошинъ*, стр. 74—75.

(51) *Устряловъ*: Энци. Лек. 1836, т. 6. *Manstein*, стр. 451. *Сергеевскаго*: Записки о родѣ Голицыныхъ. Сиб. 1853, стр. 81—87. Ярославскій воевода Бобринцевъ-Пушкинъ принялъ Бирона чрезвычайно ласково. Герцогъ сталъ жить роскошно и весело. Его обыкновенно видѣли въ короткомъ бархатномъ полукафтаниѣ,

опушенномъ соболемъ, въ родѣ венгерки, съ золотыми выкладками, а на ней шитая орденская звѣзда, украшенная драгоцѣнною осыпью. За персидскимъ кушакомъ заткнутъ былъ турецкій ятаганъ; волосы покрыты пудрою; польская, бархатная шапка съ золотыми шнурками, перчатки съ крагенами, огромныя сапоги съ ужасными шпорами составляли его убранство. Съ хлыстомъ въ рукахъ посѣщаль онъ именитыхъ жителей Ярославля, ѣздивъ съ ними на охоту и жилъ спокойно. По словамъ *Н. А. Остермана*, Биронъ получалъ въ это время только 6000 р. содержанія. От. Зап. 1825 г., ч. 21. *Magazin, D. A. F. Büsching.* 1788, t. IX. Довольно плохой переводъ записки Бирона отпечатанъ въ Сынѣ Отеч. на 1829 г., ч. 129, стр. 151—158. Въ Академ. Библиот. находится посланіе Бирона въ стихахъ къ Аннѣ Ивановнѣ. Оно отпечатано на большомъ листѣ, въ красиво-гравированной рамкѣ, въ верху напечатаны ноты, на нихъ переложены стихи, послѣдніе напечатаны въ низу, въ два столбца: текстъ нѣмецкій, съ права переводъ русскій. И оригиналъ и переводъ равныхъ достоинствъ. Доселѣ нигдѣ не упоминалось о этой интересной библиографической рѣдкости. Приводимъ буквально русскія вирши Бирона:

«Когда ты чтутъ многія народы,
 Монархія Самодержавна!
 Гласитъ въ свои и младость годы,
 Ея жь на мнѣ одежда явна.
 Покорна ея вся ти рѣзвость,
 И такъ чиста, и непорочна,
 Въ подданныхъ какъ всей любви трезвость,
 Или какъ порфира ти точна.

* * *

Не гнѣвайся, что объявляю:
 Очей ти мнѣ свѣтъ токмо нравень;
 Въ высокости цѣны не знаю,
 Въ вѣнцахъ силу-жъ знать неисправень!
 Мнѣ только слава объявила,
 То теперь лишь въ память приходитъ,
 Что многа глава ихъ носила,
 Но твоя вся тѣ превосходитъ.

* * *

Буде монархія мнѣ вольно,
 Похъститъ въ прозвѣбъ себя душою,
 Прошу покрывать мя довольно,
 Раба, милостію твоею:

Карль-бо твой, живеть что тобою,
И будеть твой собственный въ вѣки,
Отдасть ти всю жизнь собою,
За милости твоя рѣки.

* * *

О Боже, ту благослови самъ!
По многой твоей благостынѣ!
Когда ея жизнь толь нужна намъ,
Продай счастье дни ей нынѣ!
Возьми младости моей лѣта
Въ жертву, закрывъ мои зѣнцы,
Къ лѣтамъ приложи оны свѣта
Великія императрицы.»

«Тако засвидѣтельствовавъ августѣйшей императрицѣ всероссійской въ торжественнѣйшій ея праздникъ коронаціи, апрѣля 28-го 1734 года, всеподданинѣйшія своя желанія Карль Эрнестъ, графъ фонъ-Биронъ.»

Карль-фонъ-Биронъ, по словамъ современниковъ, лично его знавшихъ, былъ человекъ самый необразованный, грубый, необходимый и притомъ страшнымъ образомъ изувѣченный отъ побоевъ, бывшихъ послѣдствіями его страсти къ вину и распутству.

(52) Диплом. снош. русск. Двора съ европ., IV части. Отецъ Безстужева-Рюмина, Петръ Михайловичъ, вмѣстѣ съ сыновьями, былъ возведенъ въ графское достоинство. Вѣрнѣйшій портретъ Алексѣя Петровича Безстужева помѣщенъ въ магазинѣ Бюшннга.

(53) *Ebanche*, стр. 121. Очеркъ управленія въ Россіи отъ Петра I го до учрежденія министерствъ. Казань, 1855. Фамилія Голицыныхъ, забытая въ царствованіе Анны, поднялась при Елизаветѣ. Между другими, оберъ-гофмейстериною Двора была пожалована жена покойнаго фельдмаршала, князя М. М. Голицына, Татьяна Борисовна.

(54) П. с. З., т. XI, № 8480. *Manstein*, стр. 484. «Изъ числа прежнихъ сенаторовъ, при новомъ назначеніи», по словамъ Шаховскаго, «исключены П. Салтыковъ, П. Шиповъ, А. Пушкинъ, В. Стрѣшневъ и я, любимецъ опальнаго, графа Головкина.» Шаховской прекрасно характеризуетъ вновь возвеличенныхъ сановниковъ. «Отъ меня, опальнаго, отворотились люди, мною облагодѣтельственные; со мной перестали говорить.... Наконецъ получаю приказъ явиться въ Сенатъ. Являюсь во дворецъ; офицеръ, нѣкогда встрѣчавшій меня съ глубочайшими поклонами,

нынѣ не тронулся съ мѣста. Экзекуторъ, не позволявшій себѣ сѣсть въ моемъ присутствіи, нынѣ, преспокойно занимаясь своимъ дѣломъ, не скоро отправился съ докладомъ обо мнѣ. Сухо и холодно обошелся со мной оберъ-прокуроръ Брылкинъ, мой бывшій хорошій пріятель, также любимецъ Головкина, при паденіи котораго не только не пострадалъ, но удержался на прежнемъ мѣстѣ, и Богъ знаетъ какъ, вкрался въ довѣренность Никиты Трубецкаго.... Между-тѣмъ, въ продолженіи нашего разговора, всѣ двери распахнулись настежь. Офицеръ и экзекуторъ бѣжали впереди, расчищая сквозь тысячу просителей, нашей братьи площадныхъ дворянъ, дорогу для господъ сенаторовъ. И я, недавно господинъ сенаторъ, въ такихъ-же блестящихъ почестяхъ бывшій, нынѣ, вмѣстѣ съ другими, сталъ къ сторонѣ, съ почтеніемъ уступая дорогу многочисленнымъ господамъ.... Изъ нихъ, нѣсколько дней назадъ бывшихъ моими пріятелями, только одинъ, князь А. Д. Голицынъ, оказалъ прямо образъ человѣка: онъ подошелъ ко мнѣ, говорилъ съ прежнею ласкою и дружескимъ.... Но, вотъ, опала прошла, я оберъ-прокуроръ Синода, въ одномъ рангѣ съ оберъ-прокуроромъ Сената, и предо мною распахиваются на стежь двери; экзекуторъ и офицеры встрѣчаютъ на лѣстницѣ, расчищаютъ суетливо дорогу, члены Синода, именитые архипастыри, говорятъ льстивыя привѣтствія.» Ч. I, стр. 54—62. Жизнь Я. П. Шаховскаго, соч. А. Н. Радищева, стр. 58—64. *Manstein*, стр. 454. Опредѣленіе Шаховскаго оберъ-прокуроромъ, см. № 5 *Вѣдомостей* 1742 г. Прокурорами въ остальные коллегии и тому подобныя учрежденія, были назначены Константинъ *Баклановскій*, Михайло *Бодановъ*, Иванъ *Яковлевъ*, *Лопухинъ* — всѣ они выпороты плетью и кнутами въ мартѣ 1718 года, по дѣлу царевича Алексѣя. Изъ Сибири возвращены въ 1728-мъ году, по указу Петра II-го.

(55) П. с. З. № 8481. *Вѣдом.* 1741 № 101.

(56) *Вѣдом.* № 102.

(57) Амвросій Юшкевичъ, епископъ Новгородскій, одинъ изъ первыхъ проповѣдниковъ своего времени. Каменскій находитъ лучшимъ словомъ Амвросія, сказанное 18-го декабря 1841 г. Странно, однако, что никто не обратилъ вниманія на проповѣди и предики сего времени, столь важныя историческіе матеріалы. Замѣчательно, что этотъ же Амвросій въ 1739 году, въ словѣ по поводу бракосочетанія принцессы Анны, превозносилъ какъ ее, такъ добродѣтели и милосердіе Анны Ивановны. Но вотъ наступило утро 25-го ноября и поэты, проповѣдники, ораторы стали уничтожать

свои хвалебныя произведенія, посвященныя двумъ Аннамъ, надо было заготовлять новыя Елизаветѣ. Усердіе ихъ при уничтоженіи было такъ велико, что до-сихъ-поръ, при всѣхъ усиліяхъ, я не нашелъ проповѣди Амвросія (1739 г.) ни въ общественныхъ, ни во многихъ частныхъ библіотекахъ. Нечего и говорить, что архипастырь не хотѣлъ и видѣть Рѣчи своей 1739 года, и чѣмъ сильнѣе было воспоминаніе о семь *грѣховномъ* Словѣ, тѣмъ энергичнѣе гремѣлъ онъ проклятіемъ надъ правленіемъ Анны Леопольдовны. Оп. слов. рос. писат. *Н. Н. Новикова* 1771. Моск. Вѣд. 1831.

(58) *О. О. Куникъ* доставилъ намъ какъ Вѣдомости 1741—1742 г. съ ихъ примѣчаніями, такъ и проповѣди 1741—1742 г. Въ первый годъ царствованія Елизаветы проповѣди говорились почти каждое воскресенье, чего желала сама императрица. Всѣ они напечатаны въ томъ же году церковною или гражданскою печатью. Намъ извѣстно 44 проповѣди сего времени. По каталогамъ *Сопикова* (1815), *Ширлева* (1830), *Павильщикова*, *Смирдина*, *Занкина*, *Ольхина*, и друг. не видно, чтобы было напечатано болѣе; въ нѣкоторыхъ изъ этихъ каталоговъ вовсе не упоминается о проповѣдяхъ 1741—1742 г. Печатавшіяся вкратцѣ, въ незначительномъ числѣ экземпляровъ, они сохранились въ одномъ только экземплярѣ въ Академической Библіотекѣ, куда поступили отъ извѣстнаго Крекшина. Долгомъ считаемъ здѣсь принести полнѣйшую благодарность Оресту Орестовичу Кунику за то живое участіе, которое онъ принялъ въ нашемъ трудѣ, и тѣ совѣты, которыми мы, по мѣрѣ силъ, старались воспользоваться. *А. Д. Галахову*, *Н. В. Калачову*, *П. П. Ламбину* и *Н. Г. Устрялову* обязаны мы указаніями на нѣкоторые источники.

(59) Тексты, выбираемые для проповѣдей сего времени, обыкновенно прямо или косвенно относились либо къ Елизаветѣ, либо къ лицамъ и обстоятельствамъ, способствовавшимъ ея воцаренію. Любопытно, что до декабря 1742 года въ продолженіи *одного* года отпечатано 44 проповѣди, а въ двадцать лѣтъ до 1742 г. вышло изъ печати 16 Словъ! Неизвѣстно, что было причиною сего обстоятельства: устала-ли Елизаветѣ читать, утомились-ли проповѣдники ихъ говорить?

(60) Начиная съ Амвросія всѣ проповѣдники превозносили Петра I и Екатерину I, прямо и рѣзко осуждали десятилѣтнее владычество Бирона, но никогда ни у кого не нашли мы выходки противъ личности принцессы Анны. Можетъ быть, имъ совѣстно

было гремѣть противъ женщины, умъ и добродушіе которой они такъ недавно превозносили?

(61) Если Амвросій немного и украсилъ свою рѣчь риторическими фигурами, тѣмъ не менѣе подробности, сообщаемыя имъ о экспедиціи 25-го ноября, не могутъ быть не достовѣрными; трудно допустить, чтобы архіепископъ рѣшился сочинять и лгать о событіяхъ, дѣйствующія лица которыхъ стояли въ толпѣ его слушателей.

(62) Мы уже говорили въ предшествовавшей статьѣ, Елизавета вывела изъ сѣвѣжей Преображенскаго гренадерскую роту въ составѣ 360 человекъ безъ офицеровъ, но при унтеръ-офицерахъ.

(63) Еще Петръ I, какъ извѣстно, сильно желалъ искоренить суевѣріе, ханжество, пустосвятство и невѣжество нашего духовенства. Преемники государя въ этомъ случаѣ только слѣдовали его примѣру; но самымъ рьянымъ гонителемъ фанатизма былъ не Биронъ, не Анна Ивановна, а архіепископъ псковскій честолюбивый, проницательный, тѣмъ не менѣе вполне образованный, Теофанъ Прокоповичъ.

(64) Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь витія подразумѣваль Теофилакта *Лопатинскаго*, архіепископовъ Θεодосія, Ванатовича, Юрлова и друг. пострадавшихъ не столько отъ Бирона, сколько отъ Теофана Прокоповича.

(65) Прокоповичъ былъ сильно склоненъ къ лютеранству. Вообще, говорить Каменскій, лютеранская и кальвиническая секты въ Петровскій періодъ имѣли много тайныхъ и явныхъ доброжелателей между православными, въ высшемъ слоѣ общества.

(66) Архіепископъ Θεодосій, заточенный въ 1726 году въ Архангельскомъ монастырѣ подъ присмотромъ гвардейскихъ солдатъ, скончался отъ сквернаго помѣщенія и еще сквернѣйшей пищи.

(67) Манштейнъ, П. А. Остерманъ и друг. также считаютъ тысячами ссыльныхъ съ 1727—1740.

(68) Амвросій хорошо зналъ, что въ числѣ слушателей были иностранцы: Лестокъ, Шетарди, Шварцъ и другіе.

(69) Напр. Менгденъ, президентъ комерцъ-коллегіи; въ это время онъ сидѣлъ въ крѣпостномъ казематѣ.

(70) Амвросій былъ отчасти правъ, упрекая Миниха. «Фельд-маршалъ, по словамъ *Лэди Рондо*, никогда не размышляетъ, сколько онъ людей приноситъ въ жертву своего честолюбія.» «Минихъ, говоритъ графъ *Альароти*, кунается въ крови; солдаты больше

боятся, нежели любить его.» (Lettres d'une dame anglaise. 1788. Letter IV, to Lord Hervey.)

(71) Въ 1739 году Амвросіи превосносилъ Миниха, какъ побѣдителя Турокъ.

(72) Остерманъ и Минихъ, видя, что правительница не внимаетъ ихъ совѣтамъ, спѣшили отъѣздомъ за границу и перевели туда свои капиталы. Въ Кенигсбергѣ, по приказу короля прусскаго, все уже было готово для принятія Миниха.

(73) Описаніе празднествъ въ Выборгѣ, Ревелѣ, Ригѣ, Глуховѣ и Архангельскѣ: *въ Вѣд.* 1741, N° 104. 1742, N° 2, 5, 7. Описаніе рижской иллюминаціи напечатано тогда же отдѣльно, въ листъ экз. Публ. Библ.

(74) *Прим.* *Вѣд.* 1741 г, 98—102. Изъясненіе фейерверка 18-го декабря, оно было издано отдѣльно на русск. и нѣмец. язык.

(75) Тѣми же словами *Юнкеръ* хвалилъ принцессу Анну въ 1732 году. *Вѣд.* *Петерб.*

(76) «Собраніе русскихъ медалей» Спб. 1740 г. N° 123. Медали время Елизаветы принадлежатъ *Вехтеру* изъ Золингена. *Вехтеръ* также оставилъ нѣсколько хорошихъ медалей. Снимки съ нѣкоторыхъ изъ нихъ дѣланы *Т. Ивановымъ* и друг.

(77) Медаль работы *Вехтера*, копія *Иванова*. N 124.

(78) Печат. при Акад. 4 д. граждан. печатью стр. 1—24.

(79) Тоже при Ак. 4 д. стр. 1—12.

(80) Слоны были присланы Шахомъ-Надпромъ въ началѣ 1741 г. *Вѣдом.* N° 102.

(81) П. с. З. N° 8490, 8493. Въ этотъ же день состоялся указъ о дѣланіи новыхъ монетъ, и о сдачѣ прежнихъ съ портретомъ принца Іоанна. Давался годъ сроку, послѣ котораго деньги эти не должны были быть въ употребленіи. N° 8494. «Обозр. русскихъ денегъ.» *Шодуара*. Спб. 1837 г.

(82) П. с. З. N° 8491. Изъ описанія одеждъ русскаго войска *А. Висковатова*. Спб. 1842 г. т. 2, видно, что тогдашняя форма Преображенцевъ была довольно проста, красива и удобна. Ее составляли: кафтанъ, камзолъ, поясная португеза съ сумкой, шарфъ черезъ плечо, откладной воротникъ, треугольная шляпа, штіблеты и башмаки.

(83) Много интересныхъ и характеристическихъ подробностей о состояніи гвардіи того времени разсѣяно въ полковыхъ архивахъ. Благодаря *М. Д. Хмырову*, мы имѣли возможность поль-

зоваться рукописями архива Измайловскаго полка. Канцелярїи полковья въ то время были завалены громадною перепискою. Бумаги полка за одинъ 1742-й годъ составляютъ 35 толстѣйшихъ книгъ. Заглавія входящихъ бумагъ въ это время составляютъ толстую книгу въ 4000 нумеровъ. Перечень исходящихъ бумагъ состоитъ изъ 8000 нум. Вѣдомости о раздачѣ отъ государыни *имянинныхъ* и *крестинныхъ* денегъ занимаютъ три книги. Особенно интересны *Приказныя* книги: нѣкоторыя изъ приказовъ чрезвычайно характеристичны: «26-го ноября 1741 г. господамъ офицерамъ подтвердить солдатамъ, чтобъ отъ пьянства и ссоръ воздерживались. Унтеръ-офицерамъ ходить дозоромъ почаще и смотрѣть накрѣпко, чтобъ въ кабакахъ и иныхъ непотребныхъ мѣстахъ солдатъ бы не было, а буде таковыя будутъ, тѣхъ брать подъ караулъ и нещадно наказывать.» (л. 290.) Нѣтъ сомнѣнїя, что въ ночь на 25-ое ноября солдаты вели себя не совѣмъ скромно. А вотъ чѣмъ Елизавета поддерживала свою популярность. Въ приказѣ того же дня: «О солдатахъ гренадерахъ, которые случатся *имянинниками*, и у кого будутъ крестины, и пожелаютъ чтобъ крестила ея величество, и о тѣхъ подавать особыя вѣдомости ко двору.» Нѣкоторые офицеры и солдаты Измайловскаго и другихъ полковъ были награждены въ первые же дни по воцаренїи Елизаветы. Такъ напр. капитанъ П. Гурьевъ, приказомъ отъ 1-го декабря, былъ произведенъ въ Секундъ-маіоры «за особую, извѣстную ея величеству, службу.» (л. 295.)

Командиромъ полка былъ принцъ Гомбургскій. Предписанїя отъ его имени составляютъ два тома. Неизвѣстно, умѣлъ-ли онъ читать по-русски, но писать не умѣлъ; онъ подписывался такъ: Пуртх. П. Г. Г. (Принцъ Гессенъ-Гомбургскій.)

Нельзя пропустить безъ вниманїя того обстоятельства, что первые дни, по восшествїи Елизаветы, въ полковыхъ приказахъ постоянно встрѣчаются вызовы: не нашель-ли кто шапку, сумку, аммуницїю, даже ружье, потерянные ночью 25-го ноября у дворца, (л. 298, 301, 304, 319 и др.). Первое время солдаты, ласкаемые государыней, гордые своими подвигами, ежедневно обращались къ ней съ самыми мелочными просьбами. Въ слѣдствїе чего, 15-го декабря во всѣхъ полкахъ воспрещалось впредь «челобитень о партикулярныхъ своихъ дѣлахъ не подавать лично самой государынѣ, а дѣлать то по командѣ.» (л. 307.) 30-го декабря также запрещено солдатамъ прямо ходить во дворецъ и беспокоить Елизавету просьбами крестить ихъ дѣтей (л. 320). Для

ношенья кушаній на торжественныхъ царскихъ обѣдахъ наряжались гвардейскіе солдаты, причемъ выбирали обыкновенно: «изъ передней шеренги молодыхъ, рослыхъ и здоровыхъ» (л. 321.)

Подтвержденія о воздержаніи отъ пьянства и продержостей были напрасны. Почти въ каждомъ дневномъ приказѣ мы встрѣчаемъ такого рода распоряженія: «капитану Данебергу рядоваго Садовникова за пьянство и проч. продержости нещадно выпоротъ батогами предъ ротою, причемъ подтвердить» и проч. (л. 296.) Не смотря на наказанія, безпорядки въ полкахъ были довольно важные: отлучки изъ караула, даже изъ дворца, буйства въ кабакахъ, напрасныя оговариванья *словомъ и дѣломъ*, продержости начальникамъ, кровавыя драки другъ съ другомъ, безпрестанныя побѣги изъ полка, все это было дѣлами довольно частыми и обыкновенными (л. 299, 300, 303, 305, 308, 311, 313, 314. Прик. 1742 л. 4, 16, 17, и друг.) Наказывали арестами, переводомъ въ армію, батогами. Болѣе строгія мѣры употреблялись въ первые мѣсяцы довольно рѣдко. Такъ напр. «рядовому Семенову за то, что онъ, «отлучась изъ дворцоваго караула, сталъ въ пьяномъ видѣ сеосриться, матерно ругать лавочника Митрефанова, затѣмъ подстрѣшилъ его изъ ружья» присуждено было отсѣчь правую руку. Государыня въ неизрѣченной своей милости смягчила приговоръ: Семеновъ пропущенъ сквозь строй семи тысячъ рядовыхъ, вооруженныхъ шпидрутенами. Изъ приказовъ видно, что иногда гоняли сквозь полкъ пять разъ. (Полкъ состоялъ изъ 2100 рядовыхъ.)

(84) *Пет. Вѣд.* 1742 г. № 2. стр. 14.

(85) Печ. гражд. печ. Спб. Ак. Наук. 4 д. стр. 1—15.

(86) Въ 1 и 2 ч. Примѣч. къ Вѣд. 1742 г. помѣщено описаніе иллюминаціи 1 янв. стр. 1—8. Оно было тогда же издано отдѣльно въ листъ. Кстати замѣтимъ, что объявленія Вѣдомостей того времени даютъ намъ довольно хорошее понятіе о расходахъ двора разныхъ припасовъ. Такъ напр. на 1742-й годъ требовалось «на обиходъ двора ея величества» поставки: «весьма знатнаго числа корицы, мушкатныхъ орѣховъ, сахару, кофе ливанскаго, кофе ординарнаго, смоквы, вишенъ сухихъ, оливокъ, капорсу, пшена сорочинскаго, крахмалу бѣлаго и синяго, тартуфелю, оленьяго рогу тертаго, коринки, конфетовъ французскихъ, сыру и друг. Винъ бургонскаго, шампанскаго, рейнвейна, бѣлаго, краснаго и др. весьма изрядное количество. Меду 500 пудъ, хмѣлю 400 пудъ и проч. (№ 5, 7, 30, 34, и друг.) Припасы собирались въ такомъ громадномъ числѣ, что въ апрѣлѣ 1742 г. дворцовыя

коиюшни продали 18000 пудовъ лишняго сѣна. Дровъ ставилось въ годъ 9300 саж. Кромѣ поставокъ на дворъ, газеты требовали поставщиковъ на каторжныхъ невольниковъ: холста 20,000 арш. сукна сермяжнаго 7,800 ар. и проч.»

(87) П. с. З. № 8496, 8497, 8498, 8500, 8502, и 8505.

(88) «Біографическія свѣдѣнія о управлявшихъ въ Россіи иностранными дѣлами министровъ» А. Малиновскаго. Рукон. Румянцовскаго Музеума. № 266 въ листъ стр. 112—115. Терещенко ч. 3. стр. 124—216. Каменекій 1836 г. ч. 4, стр. 78—88. Еюжже. Дѣян. Полковод. Петра 1-го, 1813 г. ч. 2.

(89) *Manstein.* 426.

(90) *Берманъ* ч. 6. стр. 263. *Терещенко* ч. 3. стр. 126. *Нащокинъ* 68. *Manstein.* 428. *Малиновскій* 117—124. *Карамзинъ* (Зап. о древн. Рос.), стр. 55. *Büsching.* 1769. т. 410—414. О Минныхъ тамъ же т. III. стр. 383—526.

(91) Не имѣя возможности, прочитавъ подлинное дѣло суда надъ Остерманомъ и его товарищами по заключенію, мы должны довольствоваться манифестомъ 22 января. П. с. З. № 8506 стр. 567—577. Домъ Остермана подаренъ А. П. Безстужеву-Рюмину. См. «Описаніе Спб.» *Богданова* 1751 г. изд. *Рубана.* 1779 г. стр. 162, рисун. 47. *Берггольцъ* такъ писалъ въ 1722-мъ году о Петропавловской крѣпости; (ч. 2 стр. 140.) «Она имѣетъ нѣсколько толстыхъ, каменныхъ бастіоновъ, уставленныхъ большимъ числомъ пушекъ. Сооруженіе ея стоило множества народа; по недостатку хлѣба и одежды люди умирали какъ мухи, и тамъ же хоронились. Петропавловская крѣпость родъ Парижской бастилии; въ ней содержатся всѣ государственные преступники, въ ней производятся нещадныя, тайныя пытки; подъ валами сдѣланы казармы и казаматы.»

(92) Всѣ эти обвиненія еще прежде, съ церковныхъ кафедръ, высказаны велерѣчивыми ораторами.

(93) *Шаховской.* Спб. 1821. Ч. I, стр. 69—81. *Радлицевъ*, въ біографіи князя Шаховскаго (Москва. 1810 г.), взявъ слѣдующій эниграфъ изъ Державина, вполне характеризующій Шаховскаго:

Закону Божію послушень,
 Чувствителенъ, великодушень,
 Не гордь, не подлъ и не трусливъ,
 Къ себѣ стражаѣ, чѣмъ къ другому,
 Къ поступкамъ хитрымъ не ревнивъ,
 Идетъ, лишь по пути прямому.

(94) «Географической словарь Россіи, въ настоящемъ ея видѣ». Москва. 1801—1806. 4 д. 6 томовъ. *Максимовича* и *Щекатова*. Ч. I, стр. 387. Это капитальное въ своемъ родѣ изданіе нынѣ рѣдко. Также смотр. Географическій лексиконъ Россіи *Миллера*. 1773. Москва. Стр. 28.

(95) Ѳедоръ Андреевичъ Остерманъ подарилъ эту біблію А. Малиновскому. При рукописи послѣдняго приложенъ лучший портретъ А. И. Остермана. Жена его скончалась въ собственномъ имѣніи, 24 февраля 1781 года, на 83-мъ году отъ рожденія. *Малиновскій*, стр. 119. *Manstein*, стр. 426—439. *Rondo*, стр. 85. *An. de la cour de Russie*, т. V, стр. 255. *De Lihria*, т. III. Schreiben eines Freundes wegen der Execution so an denen gewesenenen Staats-Ministern zu St. Petersburg den 22. Jan. 1742 ist vollzogen worden. 4 д., 8 стр. Манифестъ 22 января 1742 г. былъ напечатанъ на шведскомъ, нѣмецкомъ и другихъ языкахъ.

Въ октябрѣ 1742 года, въ Лейпцигѣ и Франкфуртѣ изданы на нѣмецкомъ языкѣ жизнеописанія А. И. Остермана, соч. *Гемпеля* (12 д., 304 стр.). Въ слѣдующемъ году было напечатано такое-же сочиненіе въ Бременѣ (8 д., 664 стр.). Экземпляры всѣхъ этихъ изданій, найденные въ Петербургѣ, по приказу Елизаветы, были преданы сожженію. Нѣкоторыя подробности о сыновьяхъ Остермана можно, между прочимъ, найти въ притересныхъ, весьма важныхъ для русской исторіи, запискахъ *Л. И. Эшльгардта*, напеч. въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1859 г., кн. 2, 4 и друг.

(96) О продажѣ пожитковъ совѣтника посольства, Гросса, было неоднократно объявлено въ Вѣдомостяхъ профессоромъ Вейтбрехтомъ (1742 г., стр. 200, 474 и друг.). Тамъ-же о продажѣ конфискованныхъ вещей Миниха, Остермана, Менгдена и друг. (стр. 255, 459 и друг.).

(97) *Максимовичъ*, ч. 4, стр. 1027—1029. *Миллеръ*, стр. 241. Жизнь графа Миниха, соч. *Галлема*, 1806 г., стр. 212. «Отеч. Записки», 1829 г., ч. 38, стр. 211—228. *Manstein*, стр. 426—439. *Histoire de Russie M. Levesque*, т. V, стр. 234. 1783. *Lihria*, стр. 125. *Минихъ-сынъ*. Спб. 1817. *Рубанъ*, стр. 64. Все имѣніе Миниха было описано: прекрасный домъ его въ Гостилицахъ, въ 54 верстахъ отъ Спб., подаренъ А. Г. Разумовскому. *Сольмесъ*, адъютантъ Миниха, повѣствуетъ, что фельдмаршалу было назначено на содержаніе 6000 руб., но онъ не получалъ и половины этой суммы. И. А. Остерманъ противорѣчитъ *Сольмесу*. Мартенсъ пріѣхалъ изъ Галле въ 1741-мъ году на мѣсто магистра Рихтера,

который былъ вызванъ для петербургскаго нѣмецкаго евангелическаго прихода. У Бюшинга напечатаны молитвы Миниха.

(98) *Берхгольцъ*, ч. 2, стр. 174—184. *Малиновскій*, стр. 126. *Шаховской*, стр. 46—49. *Нащокинъ*, стр. 221. Мыза Ропша принадлежала М. Г. Головкину. Елизавета взяла ее на себя. Здѣсь кончилъ жизнь племянникъ ея, Петръ III, послѣ чего Екатерина II подарила Ропшу, свидѣтелю его кончины, Г. Г. Орлову.

(99) *Максимовичъ*, т. 2, стр. 14. *Миллеръ*, стр. 67. Германова слободка есть въ Ярославской губерніи, Пошехонскаго уѣзда? Вейдемейеръ, въ брошюрѣ: «Царствованіе Елисаветы Петровны», дѣлаетъ пренашвыя ошибки; такъ, наприм., на 24 стр. *третью* изданія онъ пишетъ: «Не смотря на болѣзненное состояніе графа «М. Г. Головкина, онъ пробылъ въ ссылкѣ до 1767 года (!), въ который и скончался. Удивительно, восклицаетъ авторъ, что Головкинъ «не былъ возвращенъ ни при Петрѣ III, ни при Екатеринѣ II.» Стоило-бы только г. Вейдемейеру заглянуть — ну, хоть въ записки Шаховскаго (изд. 1810 и 1821 г.), и онъ узналъ-бы, что *въ 1767 г. трудъ* Головкина, возвращенный на родину, уже *двѣнадцать* лѣтъ покоился въ Москвѣ. Жена сего министра не была забыта Екатериной II. Графиня получила нѣсколько тысячъ крестьянъ, столь щедро раздаваемыхъ государыней, и званіе штатсъ-дамы, потерянное ею въ 1741 году.

(100) *Максимовичъ*, ч. 5, стр. 1077. *Миллеръ*, стр. 365.

(101) *Порошинъ*, стр. 75.

(102) Подлинныя бумаги и письма, относящіяся къ судьбѣ правительницы, хранились въ Публичной Библиотекѣ. Въ 1851 году они поступили въ Государственный Архивъ. На основаніи этихъ бумагъ М. А. Корфъ составилъ въ высшей степени любопытную записку: «Отправленіе брауншвейгской фамиліи *въ Холмогоры*». Жаль, если этотъ трудъ, наполненный до селѣ неизвѣстными подробностями, не явится въ печати. Статья *Полънова*: «Отправленіе брауншвейгской фамиліи *изъ Холмогоръ* за границу», отпеч. въ Труд. Акад. 1840, ч. 1. См. также *Яковлева*: жизнь Анны Леопольдовны. 1814 г. Магазины *Бюшинна*. 1779 г., ч. 6. 1788, ч. 22. О Холмогорахъ см. «Начертаніе исторіи сего города» В. Крестинина. Спб. 1790. Прекрасный очеркъ состоянія сего города помѣщенъ въ «Путешествіи» С. В. Максимова. Спб. 1858 г. Морск. Сборн. О принцѣ Іоаннѣ смотр. «Recueil de piéces, conservant la mort du Prince Iwan, fils ainé du duc Antoine Ulric de Brunswic-Lunebourg, second frère du duc regnant de ce nom et de la princesse Anne de Mecklenbourg-Schwerin, petite fille de Pierre I,

Londre. 1765. 8 д. Книжка не такъ важна по содержанию, какъ рѣдка въ библиографическомъ отношеніи. Лучшій портретъ Анны Леопольдовны выгравированъ въ 1739 году *Вортманомъ*. Въ *Штелиновомъ* реэстрѣ официальныхъ бумагъ, относящихся къ исторіи Академіи съ 1725 по 1749 г., записано: «12-го марта 1742 г., мастеръ Вортманъ *уволенъ*». Нѣтъ сомнѣнія, что уволенъ мастеръ за его гравюры правительницы, ея мужа и Бирона. Портреты эти были тогда-же уничтожены, паче они рѣдки. Впрочемъ, отставка Вортмана не была продолжительна: «31-го іюля 1742 года онъ снова принятъ *фридоровальщикомъ*». Подробности о Вортманѣ смотр. въ статьѣ нашей: «Царевичъ Алексѣй Петровичъ». *Иллюстрація*. 1859 г. N° 64, стр. 211.

Михаилъ Семеновъ.

Спб. 17-го апрѣля 1859 года.

ПЕРВЫЙ ГОДЪ ЦАРСТВОВАНІЯ

ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

1741 — 1742.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

(Посвящается Александру Ивановичу Семевскому.)

Статья вторая и послѣдняя.

X.

Пріѣздъ въ Петербургъ герцога голштинскаго, Карла Петра Ульриха. — День его рожденія: празднество по сему случаю. — Отъѣздъ на коронацію въ Москву. — Мѣры къ образованію наследника престола. — Дѣло Святѣйшаго Синода. — Проповѣди. — Волненія гвардейцевъ. — Коронація: празднества, милости и награды по сему случаю. — Празднованіе дня коронаціи въ С. Петербургѣ.

«Прошло уже тое желѣзное время, въ немъ же неправда царствовала, а правда за карауломъ сидѣла!»

Свѣченое (слово 1742 г., іюля 8-го, стр. 12).

Однимъ изъ первыхъ дѣлъ Елизаветы было утвержденіе порядка въ наследованіи престола; еще въ декабрѣ 1741 г., императрица поручила генералъ-маіору барону Н. А. Корфу отправиться въ Голштинію за роднымъ ея племянникомъ, герцогомъ голштейнъ-готторнскимъ, Карломъ Петромъ Ульрихомъ (род. февраля 10-го 1728 г.).

1-го февраля 1742 года будущій наследникъ престола пріѣхалъ въ Либау. Онъ остановился, по словамъ вѣдомостей, въ домѣ придворнаго фактора Фойхста. Во вторникъ Петръ принималъ поздравленія городскихъ чиновъ; а когда на другой день выѣзжалъ изъ города, его провожали «шюлки мѣщанъ съ своими знаменами и молодые солдаты на лошадяхъ съ ихъ штандартномъ.»

Въ Ригѣ герцога встрѣтили съ почетомъ: отъ Двины до квартиры его высочества въ парадѣ, стояли армейскіе и гарнизонные полки, также *Брауншвейгскій* кирасирскій полкъ и два городскихъ эскадрона. Съ крѣпости стрѣляли изъ пушекъ. Тѣ же встрѣчи и проводы были въ Нарвѣ, 4-го февраля. Наконецъ, на другой день, въ пятницу, герцогъ «къ великому удовольствію ея величества» прибылъ въ С.-Петербургъ. Онъ «принятъ былъ Елизаветой съ матернею любовью. Въ тотъ же день получилъ звѣзду Андрея Первозваннаго съ брилліантами.»

Вечеромъ императрица вмѣстѣ съ своимъ племянникомъ открыла балъ. М. Л. Воронцовъ и А. Г. Разумовскій получили изъ рукъ великаго князя ордена св. Анны. Баронъ фонъ-Корфъ назначенъ дѣйствительнымъ камергеромъ (103).

Особый придворный штатъ, дворцы, богатые помѣстья, и между прочимъ Ораніенбаумъ, великолѣпный загородный дворецъ на берегу Финскаго залива, назначены принцу. Архіепископъ Симеонъ Тодорскій приставленъ къ нему для наставленія въ православномъ законѣ (103). Преподавателемъ русскаго языка былъ назначенъ Иванъ Павловичъ Веселовскій, исполнявшій въ царствованіе Петра I-го разныя секретныя порученія, а при Елизаветѣ дослужившійся до тайнаго совѣтника. Профессору Штелину поручено преподавать исторію и математику.

Педагогическая дѣятельность наставниковъ не начиналась, а уже 10-го февраля, въ первыя, съ полнѣйшимъ торжествомъ праздновали день рожденія герцога. Во дворцѣ послѣ пріятія поздравленій, обѣдни и молебна, герцогъ былъ возведенъ въ званіе подполковника Преображенскаго полка, въ полдень былъ торжественный обѣдъ; государыня съ племянникомъ обѣдали, сяди на тронѣ, при звукахъ италіанской

музыки, пушечной пальбы и криковъ гвардейцевъ, выстроенныхъ у дворца. Въ 7 часовъ начался балъ, въ 8 зажжена преизрядная иллюминація (104), она изображала: увеселительный садъ съ цвѣтниками, посреди которыхъ находились бассейнъ, вокругъ 14 горшковъ съ молодыми цвѣтущими деревьями. По сторонамъ пальмовыя аллеи, надъ сводами ихъ герцогскія короны, въ перспективѣ дворецъ, къ дверямъ его ведутъ 14 ступеней; двѣ статуи—*любовь* и *достоинство* видны по бокамъ, на фронтонѣ вензель герцога. Фейерверкъ изображалъ Россію въ видѣ «величественной и бодрой жены,» въ одной рукѣ ея щить съ вензелемъ императрицы, другою—указываетъ на пальмовое дерево съ надписью: «Возрастай.»

Въ этотъ же день Михайло Васильевичъ Ломоносовъ (105), поднесъ оду. Этотъ первый опытъ панигириста новой государыни былъ написанъ по случаю прибытія изъ Голстиніи и дня рожденія Петра Ѳедоровича и состоялъ изъ 140 стиховъ; вотъ нѣкоторые:

Дивится нынѣ вся вселенна
Премудрымъ вышняго судьбамъ,
Что отъ напастей злыхъ спасенна.
Россія зреть конецъ бѣдамъ. —
И что уже Елизавета
Златя въ ону вводитъ лѣта,
Избавивъ отъ насильныхъ рукъ.
Красуются Петровы стѣны,
Что къ нимъ его приходитъ ввукъ,
Прекрасной Анной днесъ рожденный.

Въ сіе благопріятно время,
Когда всецѣдрый нашъ Творецъ
Возставилъ намъ Петрово племя,
И нашей скорби далъ конецъ;
Ужъ съ радостью любовь согласно
Вездѣ ликуютъ безопасно:
Всего народа весель шумъ,
Какъ гласъ водъ многихъ въ верхъ восходитъ,
И мой отрады полный умъ,
Восхитивъ тѣмъ, въ восторгъ приводитъ.....

Петрополь по тебѣ (Петрѣ) терзался,
 Когда съ тобою разлучался,
 Еще въ зачатіи твоёмъ (106) и т. п.

Послѣдующіе дни Петръ знакомился съ достопримѣчательностями Петербурга; его, между прочимъ, возили 15-го февраля въ академію наукъ, гдѣ съ особеннымъ вниманіемъ смотрѣлъ онъ разныя работы художниковъ, также кунсткамеру и медальный кабинетъ.

На слѣдующій день императрица, вмѣстѣ съ герцогомъ, дѣлали смотръ на льду Невы украинской ландмилиціи, состоявшей изъ 6000 *изрядныхъ* людей.

Заботясь о здоровьи племянника, государыня послѣшила указомъ, отъ 11-го февраля, строжайше воспретить всѣмъ, у кого въ домѣ окажется оспа, отнюдь не пріѣзжать ко двору, какъ во время болѣзни, такъ спустя шесть недѣль послѣ ея окончанія; тѣмъ же людямъ, которымъ надо быть при дворѣ, не ѣздить въ дома, гдѣ есть таковыя больные.

Страннымъ покажется, что въ это время, когда столь много людей, самага низкаго происхожденія, или небольшихъ чиновъ, перѣдко за заслуги сомнительныя, или по протекціи временщиковъ, получали весьма важныя чины, почетнѣйшія должности и первѣйшіе ордена, въ сенатѣ состоялся, 15-го февраля, именной указъ о повышеніи *чинами по старшинству и заслугамъ*. «Буде кто того недостойнъ, хотя и имѣетъ старшинство о томъ приказывалось доносить съ объясненіемъ, а не по старшинству никого не производить.» Этотъ указъ остался безъ послѣдствій и примѣненій (107).

Еще въ первый день 1742 года было объявлено о томъ, что коронованіе ея величества имѣетъ быть въ апрѣлѣ мѣсяцѣ (107). При чемъ «требовалось, чтобы подданные молили Бога о здоровьи государыни.» Въ половинѣ февраля Елизавета стала собираться въ дорогу. Въ московскихъ окрестностяхъ все было приготовлено для царской охоты (107); дорога въ Москву исправлена. Сановники, долженствовавшіе принимать участіе въ церемоніалѣ, сдали свои дѣла помощникамъ (107).

Наконецъ во *вторникъ* (107), 23-го февраля, послѣ *короткаго* обѣда, въ исходѣ 2-го часа, государыня, въ сопровож-

деніи громадной свиты, при громѣ пушечной пальбы, отправилась въ Царское село, откуда въ 1-мъ часу ночи выѣхала дальше.

Около этого же времени на горизонтѣ показалась комета. Въ вѣдомостяхъ, по этому случаю, было сказано: «комета въ такое время на небѣ явилась, которое, по справедливости, за достопамятнѣйшее въ нынѣшній вѣкъ должно быть почтено (107).»

Государыня ѣхала довольно скоро. По словамъ тѣхъ же вѣдомостей: начальники городовъ и деревень всячески *содѣйствовали* жителямъ изъявлять свою любовь къ новой государынѣ: «улицы въ городахъ и деревняхъ, чрезъ которыя ѣхала императрица, были уставлены ёлками на подобіе аллей.» У каждой станціи дѣлались эти аллеи, бесѣдки и ворота изъ ёлокъ. По вечерамъ и ночью зажигались иллюминаціи, пылали смоляныя бочки. Градоначальники въ Новгородѣ, Торжкѣ, Валдаѣ, Твери, Клину ставили народъ такимъ образомъ, чтобъ мужской полъ былъ непременно на правой, а женской полъ на лѣвой сторонѣ. Толпы падали ницъ при приближеніи экипажей и провожали ихъ *радостными восклицаніями*. 26-го февраля, сопровождаемая придворнымъ штатомъ, государыня прибыла въ село Всесвятское, отстоящее отъ Москвы въ семи верстахъ; туда пріѣхало множество знатныхъ особъ обоего пола, также и отъ синода духовенство для поздравленія императрицы съ благополучнымъ прибытіемъ. 28-го февраля происходилъ торжественный и весьма пышный въѣздъ въ Москву. Для сего случая было выстроено нѣсколько триумфальныхъ воротъ: первая на Тверской улицѣ у землянаго города отъ Московской губерніи; вторая въ Китай-городѣ у гостиннаго двора отъ синода, третья отъ купечества, на Мясницкой улицѣ, четвертая на Яузѣ, у дворца ея величества.

28-го февраля девятью выстрѣлами изъ пушекъ, поставленныхъ на красной площади, поданъ былъ сигналъ къ началю церемоніи; вслѣдъ за колоколомъ Ивана-великаго загудѣли всѣ московскіе колокола. По всему протяженію пути вытянуты были шпалерами полки Преображенскій, Семеновскій, Измайловскій (они приведены были изъ С.-Петербурга

не въ полномъ составѣ). Также полки ландмилицкіе и армейскіе.

Въ Кремлѣ, по всему протяженію пути, отъ рѣшетки къ соборамъ были устроены помосты съ балюстрадами; все это было покрыто дорогими коврами и сукнами. Кромѣ того, всѣ дома были убраны разными украшеніями, изъ оконъ съ балконовъ вывѣшены персидскіе и турецкіе ковры, и разныя богатыя матеріи.

Отсюда — со стѣнъ, съ заборовъ, съ крышъ, съ балконовъ, съ особо-устроенныхъ помостовъ, видны были несмѣтныя толпы любопытныхъ.

Въ 10 часовъ процессія тронулась: порядкомъ поѣзда распорядился оберъ-прокуроръ сената. Въ современномъ описаніи подробно изложенъ составъ поѣзда, названы всѣ придворныя и знатныя персоны обоего пола; всѣ онѣ ѣхали въ богатѣйшихъ экипажахъ цугомъ, окруженные лакеями, гренадерами, ѣздовыми и скороходами. Государыня сидѣла въ великолѣпной каретѣ, запряженной 8-ю *презрядными* неполитанскими лошадьми; ее непосредственно окружали лейбъ-компанцы, за ними тянулись вереницы камергеровъ, камеръ-юнкеровъ, конюшенныхъ служителей и гайдуковъ. За поѣздомъ государыни ѣхалъ наслѣдникъ, за нимъ вытягивался его придворный штатъ. За экипажами штатсъ-дамъ, фрейлинъ и другихъ дамъ шли почталыоны, за ними везли «почковья, дорожныя сани ея величества и его высочества, и другихъ знатныхъ персонъ.»

Роскошный поѣздъ рѣзко выдѣлялся; тутъ же, подлѣ улицъ, украшенныхъ ради церемоніи, были видны слѣды бѣдственнаго Троицкаго, 1737 года, пожара. Еще много было пепелищъ, пустырей незастроенныхъ; казенныхъ зданій и частныхъ домовъ въ развалинахъ. Многія церкви стояли безъ кровель, главъ, крестовъ, другія извнѣ обгорѣлыя, треснувшія отъ жара... На улицахъ Китай-города между великолѣпными и огромными строеніями лѣпились мазанки съ завалинками, шалаши, покрытыя лубьемъ и рогожами; между каменными рядами кабаки, харчевни и выносные очаги (108).

У первыхъ воротъ процессія была встрѣчена губернаторомъ московскимъ, графомъ Салтыковымъ, также прези-

дентами и вице-президентами всѣхъ московскихъ коллегій, конторъ и канцелярій. У кремлевской рѣшетки государыню встрѣтили архіереи и архимандриты съ крестами. «Воспойте людие болѣнно въ Сионѣ и молитву воздадите Христу во Иерусалимѣ,» гласилъ хоръ пѣвчихъ, «самъ грядеть во славѣ со областію... осанна благословенъ еси грядый.» Звонкіе голоса замрали въ оглушительномъ колокольномъ звонѣ, пушечной пальбѣ изъ 85 орудій и ружейныхъ залповъ. Приложась къ иконамъ и мощамъ государыня стала на парадное мѣсто.

Хоръ умолкъ, среди всеобщаго безмолвія, раздалось слово Амвросія.

«Приде о Россія, говорилъ архіепископъ, твердое, непоколебимое основаніе твоего благополучія: приде крайнее частыхъ и весьма вредительныхъ переменъ твоихъ окончаніе и разореніе; приде тишина твоя; благосостоянія и прочихъ желаній твоихъ неизмѣнная надежда, приде единая твоя радость, здравіе, цѣлость, долгоденствіе и отъ всѣхъ противностей оборона и спасеніе, приде злымъ и безсовѣстнымъ страхъ и побѣжденіе, приде сущая мать отечества, которая не столько дней и мѣсяцевъ на престолѣ посидѣла, сколько добра, радости, пользы, счастья и безопасности Россіи сотворила.... Всѣ отъ мала до велика духомъ внутри движимы желаютъ аки елень на источники водные лице государыни своей видѣти: духовенство торжествуетъ, яко своего благополучія крѣпкую получило защиту. Горитъ пламенемъ любви все воинство, яко праведную обидъ своихъ въ произведеніи ранговъ отметительницу и въ освобожденіи Россіи отъ внутреннихъ разореній героиню приобрѣсти сподобилось. Радуются и гражданскіе статы, что уже отнынѣ не по страстямъ и посуламъ, но по достоинству и заслугамъ въ чины своя чають произведенія... Наказалъ тебя о Россія — Богъ за грѣхи и беззаконія твоя самымъ большимъ наказаніемъ: коль много, по кончшѣ Петра втораго, ты претерпѣла бѣдъ, переменъ, страховъ, пожаровъ, ужасныхъ войнъ, тяжкихъ и многотрудныхъ гладовъ, напрасныхъ смертей и прочихъ безчисленныхъ бѣдствій! Будь же впредь осторожна, храни, аки зеницу своего ока, здоровье ея величества и его высочества; трепещи о Россія крѣпкихъ и неиз-

бѣжныхъ рукъ Божиихъ; перестань беззаконствовать, обманывать, насильствовать, пьцствовать, блудствовать, похищать, обижать, прелюбодѣйствовать...

«Православную вѣру и благочестіе поддержала и возстановила ты государыня: лишь вступила на престоль, не медля объявила Синоду свое намѣреніе: надобно намъ начинать съ Богомъ и отъ Бога, и какъ мы утаеніемъ сего отъ премудрыхъ и разумныхъ, и откровеніемъ младенцемъ честь и власть императорскую отъ него получили, такъ во первыхъ его-жъ божественную честь и славу хранить, защищать и распространять одолаемся.»

«Такимъ образомъ, книгу камень вѣры, въ тьмѣ невѣденія заключенную, на свѣтъ произвестъ и освободить повелѣла, а эта книга, какъ всякому искусному майстеру инструментъ, такъ и она намъ потребна. Враги наши домашніе, внутренніе какую стратагему сочинили, чтобъ вѣру православную поколебать: готовыя книги духовныя въ тьмѣ заключили, а другія сочинять подь смертною казнію запретили. Не токмо учителей, но и ученія, и книги ихъ вязали, ковали и въ темницы затворяли, и уже къ тому приходило, что въ своемъ православномъ государствѣ о вѣрѣ своей уста отворить было опасно: тотчасъ бѣды и гоненія надѣйся.»

«Нынѣ же радуется Христось, возрадовались ангелы, небеса восторжествовали, всѣ святые радостную пѣснь поють, россияне восклицаютъ: нынѣ бысть спасеніе и сила, и царство Бога, и облагодь Христа, яко низложенъ бысть сатана (не Остерманъ ли?), и вси ангелы его съ нимъ. Самъ Христось ударилъ въ нихъ камнемъ вѣры, въ прахъ разсыпалъ, зубы ихъ сокрушилъ, и яко дымъ съ вѣтромъ разсѣялъ. И все сіе сдѣлалъ Господь чрезъ одушевленный инструментъ свой — Елизавету Петровну (108).»

Послѣ проповѣди, молебна, хожденій по церквамъ кремлевскимъ, церемоніальное шествіе въ дворецъ продолжалось прежнимъ порядкомъ. У синодальныхъ воротъ Елизавета была встрѣчена хоромъ студентовъ Славяно-греко-латинской академіи: одѣтыя въ бѣлыя платья въ вѣнцахъ, съ лавровыми вѣтвями въ рукахъ, они проѣли сложенную для этого случая пѣсню :

Приспѣ день красный
Милость Россіи
Давно желанну.

Возсіяло ведро,
Небеса прещедро,
Зрѣти показали,
Прочь всѣ печали! —

Не одно, ни два
Все дождь проливалъ,
Такажъ пучина.

Но многая лѣта
И не было свѣта,
И слезъ бѣ безмѣстна,
Богу извѣстна. и т. д.

Московское кунечество у своихъ воротъ встрѣтило государыню и герцога знатными *презентами*, которые и были приняты.

Во дворцѣ съ хлѣбомъ и солью встрѣтилъ ихъ оберъ-гофмейстеръ, графъ Салтыковъ, при громѣ выстрѣловъ изъ 101 пушки, поставленныхъ у Кремля, и 90 — предъ императорскимъ домомъ.

День заключился баломъ. Три дня сряду не умолкалъ колокольный звонъ во всѣхъ церквахъ (до 500), и каждый вечеръ въ эти дни, Москва освѣщалась иллюминаціями. Елизавета съ герцогомъ ежедневно катались въ саняхъ (морозы стояли большіе) и любовались потѣшными огнями (108).

Но съ самаго начала великаго поста всѣ празднества, весь шумъ торжествъ утихъ. «Ея величество, какъ было сказано въ вѣдомостяхъ, «по своему обыкновенію съ самаго начала поста ежедневно въ молитвѣ упражняться изволила».

Государыней приняты были нѣкоторыя мѣры, указывающія на заботы ея о городѣ и его жителяхъ: такъ запрещено было на улицахъ, близъ строеній разводить огни, раскладывать костры (109). Запрещено было въ городѣ ѣздить на рѣзвыхъ лошадяхъ, мчаться сломя голову: давить и побивать такимъ образомъ проходящихъ. «Буде же у кого такія рѣзвыя лошади сыщутся, тѣ отводить въ конюшни ея величества (109).»

Если вѣрить Штелину, въ это время государыня обратила большое вниманіе «на нужное обученіе герцога-наслѣдника, воспитаніе котораго до селѣ было совершенно забыто въ его прежнее отечествѣ. Я, пишетъ Штелинъ, предложилъ прежде всего обучать его русской исторіи, географіи, статистики и точному познанію земли, какъ русской, такъ и

сосѣдственныхъ государствъ. Государыня приняла мой совѣтъ и два дня спустя представила меня герцогу въ присутствіи Безстужева, Воронцова, Брюмера и Беркгольца. «Я замѣтила, что тебѣ часто бываетъ скучно, сказала императрица, обращаясь къ племяннику, то чтобъ сократить время, провести его и полезно, и пріятно, рекомендую тебѣ Штелина, онъ разсѣетъ твою скуку.»

Первое время Елизавета довольно часто приходила къ герцогу въ учебные часы, предъ полуднемъ, оставалась у него иногда по полчаса, по увѣренію Штелина, препроводила время въ разговорахъ, исполненныхъ прекраснаго нравоченія. «Съ удовольствіемъ слушала наши бесѣды о дѣяніяхъ Петра, съ удовольствіемъ сама вспоминала о немъ. Разсказывала государыня между прочимъ о томъ, какъ ея отецъ за частую приходилъ то по утрамъ, то послѣ обѣда къ своимъ дочерямъ Аннѣ и Елизаветѣ, чтобы видѣть, какъ онѣ препровождали время. За частую спрашивалъ у нихъ чему они выучились, что читали, буде въ чемъ успѣвали хвалить, цѣловалъ ихъ, а не рѣдко за прилежаніе присылалъ подарки.

Однажды къ вечеру, когда при дворѣ нечего было дѣлать, разсказываетъ Штелишъ, и герцогъ съ учителемъ одни были въ учебной комнатѣ, нечаянно вошла Елизавета. Великій князь, подъ руководствомъ наставника, снималъ планъ кегорновой крѣпости. Ея величество просила продолжать занятія, любовалась почти съ часъ, приказала объяснить ей всѣ части крѣпости и разные образцы (?) фортификаціи, которую очень полюбилъ великій князь, и потомъ ему сказала: «Видишь, какъ пріятно проводить время, когда чему-нибудь выучишься. Я очень хорошо помню, какъ отецъ мой частенько выказывалъ сожалѣніе о томъ, что его въ молодости не побуждали учиться; всякій день видѣлъ онъ, чего ему не доставало, и чему необходимо было выучиться (109)».

Въ постѣ, молитвахъ, въ исполненіи церковныхъ обрядовъ проводила это время Елизавета: оно разнообразилось аудіенціями — такъ, напр. пріемомъ персидскаго посла (109), — смотрами войскъ, что вообще было довольно-рѣдко, надзоромъ за приготовленіями къ предстоящей коронаціи. Въ

вѣдомостяхъ было сказано: «Здѣсь, въ Москвѣ, со всякимъ прилежаніемъ строить великолѣпный, оперный домъ — онъ будетъ готовъ въ апрѣлѣ. Въ зимнемъ домѣ императрицы строить большую маскарадную залу; вообще идутъ большія приготовления къ цѣлому ряду торжествъ».

Дѣлами государыня занималась мало, для нихъ не любила отвлекаться отъ церковныхъ службъ.

Елизавета продолжала съ большимъ усердіемъ посѣщать храмы Господни, гдѣ святѣйшія архипастыри не переставали гремѣть обличительными словами. Особенно замѣчательно было слово, сказанное въ это время въ придворной церкви архимандритомъ Свіяжскаго Богородицкаго монастыря Дмитріемъ Сѣченовымъ. «Будемъ благодарны, говорить между прочимъ ораторъ, благодарны Богу за восшествіе на престолъ Елизаветы, нынѣ день спасенія, отложимъ убо дѣла темныя, облечемся въ оружіе свѣта! Не стыдно ли коликое попеченіе о тѣлеси нашемъ имѣемъ, которое нынѣ красно, а утро гной, смрадъ, черви будетъ; тѣло и брашными тучными и винами веселимъ, лѣкарствами подкрѣпляемъ, всѣ труды наша, все житіе въ единомъ тѣлоугодіи, а о душѣ несть ни единого попеченія, вся скверна, окаянна, болѣзненна, и не думаемъ, поносимъ праотца нашего, что за яблоко душу продалъ, а мы за чарку вина, за ласкательство, за честишку (?), за малую славицу, въ судѣ за гостинецъ, въ торгу за копѣйку, въ постъ святой за курочку душу нашу кромѣниваемъ. Поднеси чарку вина, поласкай, пошепчи на ухо: я тебя не оставляю, возьми и душу, готовъ и правду потерять, готовъ и вѣры отступить, готовъ и благочестіе отвергнуть..... Нѣтъ у насъ ни любви, ни богомыслии, ни правды, ни милости, да о нихъ и не заботимся!.....» (110).

Не такъ рѣзко слово Маркелла епископа корельскаго и ладожскаго, сказанное имъ три дня спустя послѣ Сѣченова. Превознося Елизавету превыше облакъ ходячихъ, архипастырь много говоритъ самыхъ высренныхъ похвалъ императрицѣ по поводу слѣдующаго событія. «Въ день своего рожденія, 18 декабря, лишь только Елизавета подъ балдахномъ готовилась сѣсть на тронъ обѣдать, какъ увидѣла Бо-
годуховеннымъ (111), православнымъ, внутреннимъ и виѣш-

нимъ окомъ, что нѣтъ надъ трономъ иконы. Удержась на время отъ *сѣднїя*, приказала принести и поставить подлѣ икону Богоматери съ младенцемъ на рукахъ и, не смотря на иностраннныя обыкновенїя, призвала архїереевъ, приказала благословить трапезу, осѣнила себя крестнымъ знаменїемъ и нача постныя вкушати снѣди! И се православное дѣло, восклицаетъ Маркелль, се чудо во днѣхъ нашихъ бывшее и т. п.» Проповѣдникъ много говоритъ о необходимости стражайшаго соблюденїя постовъ и образцомъ истиннаго благочестїя приводитъ императрицу.

Высчитывая великія дѣянїя новой государыни, архипастырь указывалъ на образованїе лейбъ-компанской роты, на щедрыя награжденїя преображенцевъ и вообще гвардейскихъ солдатъ. Но именно въ это время поведение героевъ 25-го ноября было далеко не безукоризненно.

Лишь только дворъ оставилъ Петербургъ, гвардейцы воспользовались слабымъ за ними надзоромъ и уже ободренные примѣрами лейбъ-компанцевъ позволяли себѣ всевозможныя безпорядки. Пьянство, разгуль, развратъ, драки, ссоры не прекращались, батожье, сѣченье не останавливало, напротивъ возбуждало негодованїе солдатъ противъ иноземныхъ офицеровъ. Солдаты толпами врывались въ дома именитѣйшихъ сановниковъ, съ угрозами требовали у нихъ денегъ, безъ церемонїй брали все, что имъ казалось лучшаго. Всегда прїученные къ палкѣ и кнуту, говоритъ Манштейнъ, ни вновь произведенные офицеры, ни солдаты освобожденные на время отъ палокъ, не могли привыкнуть къ жизни тихой, трезвой, хорошей. — Безобразїе жизни лейбъ-компанцевъ дошло до того, что Елизавета принуждена была многихъ выключить изъ этой роты и опредѣлить офицерами въ другїе полки, на вакантныя мѣста: «это лучшее средство, замѣчаетъ Манштейнъ, *имѣть хорошихъ офицеровъ въ арміи.*»

Гвардейцы, и въ особенности лейбъ-компанцы, пишетъ современникъ Бибиковъ, пьянствуютъ, развратничаютъ, таскаются по трактирамъ, составляютъ картежныя общества, увлекаютъ въ свою среду молодежь, нещадно колотятъ тѣхъ, кто имъ противится (112).

Безъ дѣятельныхъ мѣръ, принятыхъ фельдмаршаломъ Лас-

си, буйства гвардейцевъ имѣли бы пагубныя слѣдствія для жителей столицы. Къ концу великаго поста безпорядки эти приняли большіе размѣры: въ день Свѣтлаго праздника одинъ гвардейскій солдатъ поссорился на улицѣ съ армейскимъ гренадеромъ, отъ спора произошла у нихъ драка; во время оной одинъ офицеръ, изъ пѣмцевъ, того полка, въ которомъ служилъ гренадеръ, проходя мимо, почелъ обязанностію ихъ развести, и оттолкнулъ гвардейскаго солдата; сей послѣдній началъ кричать и звать на помощь товарищей, находившихся въ сосѣдствѣ. Въ ту же минуту явилась толпа буйныхъ солдатъ, офицеръ не могъ одинъ противостоять имъ и ушелъ въ сосѣдній домъ, въ которомъ находились другіе офицеры изъ иностранцевъ. Толпа мятежниковъ пошла за нимъ и разломала двери, которые успѣли на скоро заложить; мятежники напали на офицеровъ; эти, будучи въ меньшемъ числѣ, отступали изъ комнаты въ комнату, до чердака; но солдаты и туда дошли. Нѣкоторые офицеры спаслись по кровлямъ, другіе были схвачены и почти до смерти избиты: Сотронъ, адъютантъ фельдмаршала Ласси, и капитанъ Броунъ были изувечены до полусмерти. Мятежь укрощенъ посланными пикетами, зачинщики взяты подъ стражу. Ласси сдѣлалъ донесеніе ко двору и мятежники были наказаны, но слишкомъ легко, отъ чего своеволіе гвардейцевъ увеличилось. Ласси приказалъ по всѣмъ улицамъ поставить пикеты армейскихъ солдатъ, которые ходили по городу днемъ и ночью. Не смотря на это, жители Петербурга были въ большомъ страхѣ: многіе оставили свои дома, всѣ ворота были заперты (112).

Между тѣмъ, какъ въ Петербургѣ буйствовали солдаты, — въ Москвѣ было тихо и спокойно: Свѣтло Христова Воскресенья государыня съ придворнымъ штатомъ встрѣтила въ любимомъ своемъ селѣ Покровскомъ, въ церкви, выстроенной, по ея указу, въ шесть педѣль. По случаю наступившихъ празднествъ всѣ дѣла государственныя были отложены: съ 17-го апрѣля по 3-е мая не вышло ни одного указа, между тѣмъ какъ въ остальное время они выходили почти ежедневно.

Распорядителями торжествъ были назначены: верховнымъ маршаломъ князь Н. Ю. Трубецкой, верховнымъ церемоніймейстеромъ баронъ Люберасъ, оберъ-церемоніймейстерами

князь Черкасской и Лопухинъ (президентъ канцелярiи конфискацiи).

23-го апрѣля съ надлежащею церемонiею было объявлено о времени коронаванiя герцогу, иностраннымъ министрамъ; герольды *со всею полною*, возвѣстили жителей столицы. Въ тотъ же день, государыня съ придворнымъ штатомъ изъ зимняго дома, переѣхала въ кремлевскiй императорскiй домъ, и *резидовала* въ покояхъ потѣшнаго дома, который по сему случаю, былъ пребогато убранъ.

Еще съ большею роскошью, приготовлены были въ Успенскомъ соборѣ мѣста для императрицы, герцога, министровъ, именитаго духовенства и галлерей — для высоко-чиновныхъ особъ обоего пола.

Въ 5-ть часовъ утра, 25-го числа, данъ сигналъ изъ двадцати одной пушки, для сбора войскъ и участвовавшихъ въ процессiи: лейбъ-компанцы вытянулись шеренгами отъ внутреннихъ покоевъ государыни, по красному крыльцу, до церковныхъ дверей. Въ 6-ть часовъ стали съѣзжаться саванники, посланники, дамы и дѣвицы *знатнѣйшаго шляхетства*, убранныя въ пребогатыхъ *робахъ*, всѣ они становились въ дворцовыхъ покояхъ, снiяхъ, на лѣстницѣ, на помостѣ, въ церкви, противъ нумеровъ, наканунѣ назначенныхъ имъ отъ комиссiи. Въ церковь впускались не иначе какъ по билетамъ. Въ 8-мъ часу императорскiя *регалии* церемониально перенесены изъ мастерской палаты въ аудiенцъ-камеру. Въ то же время заблаговѣстили, и по первому удару колокола, въ соборъ съѣхалось знатное духовенство; отслуживъ заздравный молебенъ и часы, оно ожидало императрицу. Вслѣдъ за ея высочествомъ, и ея придворнымъ штатомъ, явилась государыня: надъ нею несли великолѣпнѣйшiй балдахинъ, шлейфъ несли двѣнадцать человекъ по парно на довольномъ разстоянiи другъ отъ друга, впереди по бокамъ и сзади, въ строгомъ порядкѣ шли придворные, денутаты и представители разныхъ областей, городовъ, сословiй и правительственныхъ учрежденiй. Любопытно, что тутъ были тридцать шесть представителей русскихъ, древнѣйшихъ фамилiй. Лишь только началась процессiя, усилились колокольный звонъ, пушечная пальба, войско взяло на караулъ, зна-

мена преклонились, архієпископъ Амвросій и епископъ псковской Стефанъ — кадили фиміамъ, кропили священною водою.

Обрядъ коронаванія производился по общепринятому порядку (*), тѣмъ не менѣе въ современномъ описаніи помѣщены всѣ подробности сего обряда, приведены псалмы, молитвы, мѣста изъ священнаго писанія, символъ вѣры... Амвросіемъ сказано было высипренное поздравленіе.

«Кое жъ большое можетъ быть великодушіе, восклицаетъ между прочимъ витія, какъ сіе: забыть деликатность своего пола, пойти въ малой компаніи на очевидное здравіе своего спасенія, не жалѣть за цѣлость вѣры и отечества послѣдней капли крови, быть вождемъ воинства, собирать вѣрное солдатство, заводить шеренги, идти грудью противъ непріятелей, и сѣдящихъ въ гнѣздѣ орла Россійскаго, почныхъ совѣ и нетопырей, мыслящихъ злое государству, прочь вынуждать, коварныхъ разорителей отечества связать, побѣдить, и на слѣдіе Петра I изъ рукъ чужихъ вырвать, и сыновъ русскихъ изъ неволи высвободить... За это освобожденіе, уже не одну, но тысячу коронъ на тебя возложить долженствуетъ, Ты попрала смерть, разорила адъ, связала дьявола, и веѣмъ узникамъ, сѣдящимъ въ тѣмъ и сѣни смертной, вѣчное даровала освобожденіе» и т. д.

По окончаніи обряда коронаванія, при шествіи въ разныя кремлевскіе соборы, — въ народъ кидали золотыя и серебряныя жетоны. По возвращеніи во дворецъ, въ ожиданіи обѣда, ея величество наградила слѣдующихъ лицъ:

Принцъ *Гессенъ-голбургскій* генераль-фельдцейхмейстеръ произведенъ въ генераль-фельдмаршалы.

Орденъ св. Андрея получили: В. *Долгоруковъ*, В. *Салтыковъ*, А. *Разумовскій*, М. *Безстужевъ-Рюминъ*, Н. *Трубецкой*, А. *Нарышкинъ* и *Бриммеръ*.

Въ полные генералы произведены: А. *Бутурлинъ*, *фонъ-Люберасъ*, Д. *Шепелевъ*. — М. *Хрущовъ* получилъ прежній чинъ генераль-лейтенанта. (?)

Въ генераль-лейтенанты: — А. *Еламинъ*.

*) См. «Чинъ дѣйствій, какимъ образомъ совершилось коронаваніе Елизаветы», 1742 г., въ листѣ, славянскими буквами.

Въ тайные совѣтники: — баронъ А. *Строгоновъ*.

Орденъ св. Александра Невскаго получили: *Берггольцъ*, М. *Воронцовъ*, А. и П. *Шуваловы*, А. *Татищевъ* и Е. *Рагузинскій*.

Въ генераль-маіоры — В. *Салтыковъ*, всего пять человекъ.

Дѣйствительными камергерами въ отставку: князя А. *Вяземскій*, В. *Хаванскій*, М. *Голыцынъ*, гофъ-юнкеръ В. *Мошковъ*.

Дѣйств. стат. совѣтникомъ Н. *Строгоновъ*.

Графскимъ титуломъ пожалованы: А. и И. *Гендриковы*, также сестры ихъ фрейлины *Марья* и *Марѳа Гендриковы*, И. и А. *Ефимовскіе*, также Г. *Чернышевъ*, П. *Безстужевъ-Рюминъ*.

Баронскій титулъ получилъ И. *Черкасовъ*.

Въ дворяне пожалованъ лейбъ-кучеръ *Гаврила Скорняковъ*.

Въ статсъ-дамы фрейлина Мавра *Шувалова*, графиня *Марья Гендрикова*, Анна *Воронцова*.

Въ бригадыры, между другими произведенъ полковникъ О. *Вишневскій*, виновникъ счастья кавалера Андрея Первозваннаго А. Г. *Разумовскаго*.

Въ полковники произведены двое.

Въ подполковники — одинъ.

Въ капитаны — одинъ.

Въ Преображенскомъ полку въ капитаны, произведено восемь человекъ, между ними князь *Константинъ Кантеміръ*.

Затѣмъ въ остальные чины въ томъ же полку произведено 70 человекъ.

Въ Семёновскомъ полку, въ подполковники произведенъ С. *Апраксинъ*; въ остальные чины 43 человека.

Въ поручики, между другими, изъ камеръ-пажей произведенъ Иванъ *Шубинъ*, вѣроятно родственникъ А. Я. *Шубина*.

Въ Измайловскомъ полку, производство было столь же велико: пожаловано разными чинами, отъ капитанскаго до прапорщичьяго 68 человекъ.

Въ лейбъ-гвардіи конномъ полку — 56 человекъ.

Деревьями пожалованы: *Ласси* четырьмя мызами въ Лифляндіи.

Кейтъ — тамъ же 23 гаками.

Левендаль — тремя мызами.

Вслѣдъ за объявленіями о тѣхъ наградахъ и производ-
ствахъ Василиі Тредіаковскій *рабошино* поднесъ государынѣ
усерднѣйшею привѣтственную оду (117), изъ 120 стиховъ.

Народъ, восклицаетъ между прочимъ поэтъ, вспоминая
прежнее время :

Народъ тогда колко бѣдный
Дилъ теплыхъ къ вышнему молитвъ,
Да взыдетъ та на тронъ наслѣдный,
Хоть былъ ему страхъ отъ ловитвъ!
О! Вы толь храбрые солдаты,
Монархини ея коль краты
Сердце жслали въ глубинѣ?
Вы, о! стѣна Россіи тверда,
Ужь видите, что милосерда
Верховнѣйшея въ сей странѣ!
Поставлены ужъ сѣти были;
Ямъ оказалась глубина;
Бѣды и скорби насъ губили;
И ненависть вооружена:
Блевала злость змѣннымъ ядомъ,
Со дна всѣмъ подымалась Адомъ.
Россіи горькій токмо стонъ.
Всѣ безъ защиты отъ навѣта!
Но ты зря, о! Елизавета,
Какъ будто сихъ не зрила спонъ.
Особа жъ ли твоя дражайша
Тогда пребыть могла безъ бѣдъ?
Вездѣ обиды, всюду страхи;
Уже и самые всѣ прахи
Любезну гнали небесамъ. —
Нынѣ же:
Нѣтъ мѣста у Роса фортуны съ коломъ
Вѣнецъ твой щитъ намъ отъ всего и. т. д.

Прочтя произведеніе придворнаго поэта, государыня въ
процессіи придворныхъ отправилась обѣдать въ грановитую
палату. Лейбъ-компанцы окружали Елизавету. «Потомъ, когда
ея величество, сидя на тронѣ, изволила спросить кушать,
вышла и прикушала, тогда всѣ особы знатныя, отдавъ по-
клонъ, сѣли за столы, были трактованы пребогатымъ обѣ-

домъ.... «Кушанье приносили знатнѣйшіе сановники и подавали императрицѣ съ колѣноприклоненіемъ.»

Во время стола играли *преизрядные* концерты два хора итальянской музыки. По окончаніи обѣда, изъ окна грановитой палаты Елизавета Петровна бросала жетоны: народъ съ воплями, съ шумомъ и ссорами подхватывалъ золотые и серебряные кружки (113).

«Торжество коронаціи, по словамъ описанія, продолжалось съ радостными забавами цѣлую недѣлю: во всѣ дни звонъ колоколовъ не умолкалъ, а по вечерамъ зажигались въ Москвѣ преизрядныя и весьма великія иллюминаціи (114).»

26-го Апрѣля въ аудіенцъ-камерѣ, что на потѣшномъ дворѣ *), государыня, сидя на тронѣ *со всею полнотою* принимала поздравленія особъ первыхъ четырехъ классовъ, они опускались на колѣни и цѣловали ей руку. Въ 4 часа, послѣ обѣда, принимала поздравленія отъ всего духовенства иностранныхъ министровъ, женъ и дочерей особъ пятого и шестаго классовъ, лицъ гражданскаго и военнаго вѣдомства отъ бригадировъ до майоровъ включительно, наконецъ депутатовъ Эстляндіи и Лифляндіи; послѣдніе говорили поздравительныя рѣчи.

Между тѣмъ предъ грановитой палатой на двухъ высокихъ *рундукахъ* поставлены были жареные быки, начиненные разнаго рода жареными птицами, тутъ же устроены были фонтаны краснаго и бѣлаго вина. По данному знаку императрицей народъ стремглавъ разхваталъ яства, ловя при этомъ жетоны, бросаемые изъ оконъ дворца.

27-го Апрѣля въ собраніи всѣхъ чиновъ, представлялся съ поздравленіемъ персидскій полномочный посоль Магометъ-Гусейнъ-Ханъ съ своею свитою (116).

На послѣ-обѣденной аудіенціи представлялись между другими члены академіи наукъ и медицинскаго факультета. Привѣтственную рѣчь говорилъ профессоръ аллегорій Штелинь.

28-го числа были допущены на аудіенцію придворные чины и лейбъ-компанцы, съ ихъ офицерами. Въ этотъ же

*) Бывшій домъ *И. Д. Милославскаго*. Онъ удержалъ за собой названіе дворца потѣшнаго съ-тѣхъ-поръ, какъ въ царствованіе Алексѣя представляли здѣсь комедіи и духовныя мистеріи. *Спе. Арх.* 1822. N° 21.

день народу вновь были выставлены жареные быки, птицы, и фонтаны вины. День кончился баломъ въ грановитой палатѣ.

29-го Апрѣля, въ 10 часовъ утра, государыня и герцогъ церемоніально - предшествуемые и послѣдуемые всѣмъ своимъ штатомъ, въ дорогихъ экипажахъ отправились въ лужкій дворецъ, провожаемые колокольнымъ звономъ, пушечной и ружейной пальбой, криками солдатъ, музыкой своихъ всѣхъ полковыхъ хоровъ. Улицы были обставлены частымъ ельникомъ. Послѣ торжественнаго обѣда, вечеръ заключился баломъ.

Публичныя обѣды и балы для особъ первыхъ пяти классовъ были 3-го, 4-го и 7-го мая. Съ этого же времени во дворецъ допускались всѣ желающіе видѣть императорскіе регалии: корону, скипетръ, державу, мантию, ордена и проч. Но «подлыхъ людей» приказано было не пускать (115).

Съ 8-го мая начались при дворѣ маскарады. Въ продолженіи ихъ государыня и герцогъ были въ маскарадномъ платьѣ; всѣ присутствующіе угощаемы были пребогатыми обѣдами, при чемъ кушали безъ масокъ. Купечество угощали въ особомъ залѣ, за особыми столами. Билетовъ для входа въ маскарадъ было выдано не болѣе 900.

29-го мая при дворѣ шла итальянская опера, зрители были въ маскарадныхъ платьяхъ.

Поставили на сцену: «Милосердіе Тита» слова *Метастазія*, музыка славнаго *Гассе*, съ музыкальнымъ прологомъ сочиненнымъ *Доменико-Даллоио*, подъ названіемъ: «Россія, опечаленная и утѣшенная» текстъ пролога былъ написанъ Штелинымъ. Въ этомъ прологѣ, такъ рассказываетъ современникъ, была одна арія, которую пѣла олицетворенная Россія: «*Ato miei figli*» и которую Елизавета Петровна выслушала со слезами.

Для представленія оперы построили въ Москвѣ, противъ императорскаго дворца, на обширной площади, театральную залу въ новѣйшемъ вкусѣ, въ которой помѣщалось до 5000 зрителей. Главныя роли были играны г-сю Жюрги и ея мужемъ, двумя пѣвицами: Розиною Бонъ и Екатериною Массони и теноромъ Кричи. Хоры исполнялись огромною массою

голосовъ, при чемъ впервые были употреблены пѣвчіе императорской капеллы.

Если вѣрить Штелину, то желаніе московской публики видѣть эту первую оперу было столь сильно, что множество зрителей обоего пола собралось въ залу за шесть часовъ до пачала представленія, для того чтобы занять мѣста (118).

31-го мая балъ и маскарадъ повторенъ, а 3-го іюня во время великолѣннаго бала, маскарада и ужина сожгли громадный фейерверкъ.

6-го числа снова былъ балъ, маскарадъ, и шла опера италіанская.

Празднества заключены были 7-го іюня великолѣпнѣйшей иллюминаціей во всей Москвѣ (115).

День коронованія Елизаветы Петровны былъ отпразднованъ въ С.-Петербургѣ съ большимъ торжествомъ: обѣдами, балами, фейерверками и иллюминаціями. (119) Утромъ сего дня въ собраніи членовъ академіи, многихъ генераловъ и постороннихъ особъ, Крафтъ, профессоръ физики, читалъ рѣчь о изобрѣтенныхъ недавно во Франціи клавинодахъ глаза веселящихъ, «и при томъ старался, по словамъ вѣдомостей, по физическимъ основаніямъ разрѣшить сей вопросъ: *могутъ ли цвѣты, при известномъ расположеніи, въ глазахъ глухого челоуька такое-жъ увеселеніе произвести, какое мы чувствуемъ ушами отъ музыкальныхъ звуковъ?*» На это отвѣчалъ отъ лица академіи докторъ Вейтбрехтъ, профессоръ физиологій. Проповѣдь, сказанная въ этотъ день протопопомъ Петропавловскаго собора Петромъ Гребневскимъ (120) есть повтореніе сказаннаго Амвросіемъ, Маркелломъ и друг.» О несмысленныя галоти, — говоритъ ораторъ крѣпостнаго собора, выступая съ новыми проклятіями надъ изгнанниками Березовскимъ и Пелымскимъ, — кто васъ прельстилъ не покаяться истиннѣ? О гробы новапленные, како отъ виѣ являлся красны, внутрь же исполнены были зміевъ ядовитыхъ! О яблоки содомскія; како добры вѣдѣнію челоуьческому являлися, внутрь же сокрывали пепель, червіе и жупель? О лисы прехитрыя; взоромъ смиреніе показывающіи, внутрь же ухищренни и козней діавольскихъ исполнены были! О

ковчегн позлащенныя, не манну, но обману и квась фарпсейскій въ себѣ содержащія!»

XI.

Перемиріе. — Приготовленія къ возобновленію кампаніи. — Состояніе шведской арміи. — Манифестъ 18-го марта. — Бунтъ гвардейцевъ. — Занятіе Мендолакского дефиле и Фридрихсгама. — Бѣгство Левенгаупта. — Дѣйствія на морѣ. — Письмо офицера въ Стокгольмъ. — Занятіе Нейшлота, Тавагуста и Кексгольма. — Присоединеніе уѣздовъ борговского, шоланского и тавагустского. — Обходное движеніе русской арміи. — Арестъ шведскихъ военачальниковъ. — Капитуляція 24-го августа. — Покореніе Финляндіи (121).

«Милосердый Господи! Истреби шведовъ бурею твоею, смути ихъ гнѣвомъ твоимъ, исполни лица ихъ безчестія, да постыдятся и смятутся въ вѣкъ вѣка, да посрамятся и исчезнутъ, и да погибнуть нечестивіи: имя же твое, премилосердый Боже, да прославится въ насъ, прилѣжно молимся, услыши и помилуй!»

(О побѣдѣ на суностаты. М. 1742, стр. 16).

Начиная кампанію 1741 года, шведы объявили, что они хотятъ возвести на престолъ дочь Петра I и освободить Россію отъ иноземнаго ига. Но Елизавета взошла на престолъ безъ помощи шведскихъ пушекъ; главнѣйшій поводъ къ войнѣ самъ собою уничтожился, война по видимому должна была прекратится, но не такъ вышло. Шведамъ въ сущности все было равно: Анна или Елизавета занимаютъ русскій престолъ, Остерманъ или Бестужевъ править Россіей: имъ нужны были области, отнятыя у нихъ Петромъ.

Какъ бы то ни было, но 25-го ноября новая государыня освободила плѣннаго капитана Дидрона и отправила его къ военачальнику шведской арміи съ извѣстіемъ о переворотѣ и письмомъ Шетарди. Послѣдній именемъ Елизаветы предлагалъ заключить перемиріе. 27-го числа Левенгауптъ принялъ предложеніе, послѣ чего до марта мѣсяца уполномоченные обѣихъ сторонъ вели безплодные переговоры о мирѣ. — Шведы, разбитые на всѣхъ пунктахъ, тѣмъ не менѣе, съ странною самоувѣренностью и настойчивостью требовали всей Финляндіи съ городомъ Выборгомъ. Петербургское правительство рѣшительно объявило, что оно не намѣрено дѣлать

уступки петровскихъ завоеваній, но готово деньгами вознаграждать военные издержки. Стокгольмскій кабинетъ отказался.

Тогда начались съ нашей стороны приготовленія къ войнѣ, собирались войска, свозили хлѣбъ, овесъ, ячмень, *тиво* и прочіе запасы (122). Въ концѣ марта большую часть войска переправили черезъ Неву и стали стягивать къ Выборгу. Туда двинулись полки конной и пѣшей гвардіи (не въ полномъ составѣ), 15 драгунскихъ и пѣхотныхъ полковъ. Въ самомъ скорѣйшемъ времени, объявляли вѣдомости, близъ Выборга, подъ начальствомъ «фельдмаршала Ласси соберется армія изъ 70,000 регулярнаго; 12,000 иррегулярнаго войска, (не считая гарнизоновъ); да въ Лифляндіи и Эстляндіи 15000. Бронштадтскій флотъ, по тѣмъ же официальнымъ извѣстіямъ, состоялъ изъ великаго числа военныхъ и транспортныхъ судовъ; на нихъ кромѣ матросовъ, было помѣщено 5000 пѣхоты, вооружалось 70 галеръ, для 15-ти тысячнаго отряда.— Генераль-инспекторы доносили, что полки обмундированы, вооружены и снабжены запасами; конница *удозольствована* весьма добрыми лошадьми и т. д. (122).»

Но газеты увеличивали число нашего войска. Достоверно извѣстно, что вся наша дѣйствующая армія въ Финляндіи состояла изъ 35,000 человекъ, въ томъ числѣ 10,000 на судахъ. Флотъ, ввѣренный вице-адмиралу Мишукову, не превышалъ 12-ти линейныхъ кораблей, нѣсколькихъ фрегативъ и мелкихъ судовъ.

Среди приготовленій къ войнѣ, государыня, по словамъ иностранцевъ, созвала на совѣтъ отрядныхъ начальниковъ; между прочимъ явился и донской атаманъ, маститый старецъ (123), закаленный въ бояхъ. «Государыня,— началъ онъ, обращаясь къ Елизаветѣ,— еслибы вашъ государь батюшка послушался меня, такъ шведы бы теперь не посмѣли и пикнуть. Забравшись къ нимъ, въ ихнюю сторонку, стоило только перерѣзать побольше этихъ бусурмановъ и дѣло было бы кончено!»

Но непріятельская армія и безъ пособія ножей и пикъ казачьихъ приведена была въ самое жалкое состояніе. Въ лагерѣ ихъ у Фридрихсгама отъ дурной пищи, тѣснаго по-

мѣщенія, скверной погоды распространились заразительныя болѣзни. Солдаты укрывались отъ дождя, снѣга и слякоти въ землянкахъ: но въ нихъ было такъ сыро, что платье плеснѣвело на платѣ. Въ день умирало по нѣскольку сотенъ людей; землянки стали замѣнять могилы, ихъ наполняли трупами, сбрасывали крышу и засыпали землей. Трупы хоронились безъ церковныхъ обрядовъ, нагіе, нерѣдко истерзанные голодными собаками.

Въ Швеціи, между тѣмъ, не довѣряли искренности Россіи относительно мира, и король еще 7-го декабря 1741 года писалъ Левенгауту: «Елизавета успокоиваетъ насъ обѣщаніями: правительство ея утвердится, мы упустимъ благоприятное время, не мѣшкайте, идите къ Петербургу». — Но до 19-го марта шведскій военачальникъ не трогался съ мѣста, доносилъ что непріятеля не видать, и, обманутой письмами Шетарди, вполне вѣровалъ въ успѣшное окончаніе мирныхъ переговоровъ. Вдругъ 25-го февраля прискакалъ курьеръ изъ Петербурга съ извѣстіемъ, что перемиріе прекращено. Въ арміи разнесся слухъ, что 50-ти тысячный отрядъ двигается къ Фридрихсгаму; поднялась страшная суматоха, полки форсированными маршами шли къ этому городу, валы и бастионы его были укрѣплены и вооружены, наконецъ, по порученію главнокомандующаго, полковникъ Лагеркранцъ отправленъ въ Москву съ предложеніемъ перемирія и даже мира. Старанія полковника не увѣнчались успѣхомъ; 18-го марта русское правительство обнародовало манифестъ (124): «Мы употребляли всезависящія отъ насъ средства, — объявляла Елизавета, — чтобы прекратить богопротивныя распри: остановили военныя дѣйствія, въ минуту самыхъ блестящихъ успѣховъ нашего оружія; въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ ждали мы мирныхъ предложеній со стороны Швеціи (?), оказывали ея поданнымъ всевозможныя услуги; но мы узнали только одно, что настоящая война начата не съ общаго согласія государственныхъ чиновъ Швеціи; напротивъ немощіе, ради себялюбивыхъ замысловъ, пожертвовали общимъ счастіемъ отчизны: вотъ почему жители Финляндіи желаютъ мира: ихъ страна и имущества подвержены бѣдствіямъ войны. Не желая дѣлать новыя завоеванія, мы принимаемъ въ финлянд-

пахъ самое живѣйшее участіе и общаемъ имъ твердо, нерушимо: если они не примутъ ни малѣйшаго участія въ настоящей войнѣ, то никому изъ нихъ не будетъ причинено ни малѣйшаго вреда; каждый финляндецъ будетъ пользоваться нашимъ покровительствомъ и защитой, наконецъ мы поможемъ княжеству Финляндскому освободиться отъ владычества шведовъ, сдѣлаться государствомъ независимымъ, съ собственнымъ правленіемъ, съ своими законами, правами и привилегіями. Финляндія сдѣлается такимъ образомъ посредницею между Швеціей и Россіей, чрезъ что и уничтожатся всѣ безпокойства и распри между двумя государствами. Мы готовы завѣрить финляндцевъ, что наше обѣщаніе будетъ свято исполнено. Буде же, вопреки ожиданіямъ, наше благое предложеніе не будетъ принято и финляндцы, изъ неумѣстнаго упрямства, примутъ участіе въ войнѣ противъ насъ, то мы повелимъ раззорить всю страну огнемъ и мечемъ.

Финляндія, занятая шведскими войсками, выжженная и разоренная, не имѣющая поводовъ довѣряться призывамъ русской самодержицы къ *свободѣ*, не отвѣчала на эти призывы. Что же касается до шведскаго короля, то онъ не замедлилъ обнародовать декларацію, выставляя въ ней Россію единственною виновницею войны. Между тѣмъ въ Фридрихсгамѣ умирало такъ много, что гарнизонъ смѣнялся каждыя двѣ недѣли. Неудовольствія въ арміи возрастали; уваженіе къ начальству исчезло; офицеры веселились въ трактирѣ и подгулявъ, позволяли самыя дерзкіе поступки. Однажды отправили они депутацію къ главнокомандующему съ извѣстіемъ, что пьютъ за здоровье короля Карла XIII-го, такъ называли они племянника Елизаветы, внука Карла XII-го.

Въ концѣ апрѣля русская армія собралась у Выборга. Ласси, по словамъ Манштейна, хотѣлъ воспользоваться жестокостью зимы, чтобы овладѣть Фридрихсгамомъ. Часть войска должна была, перейдя по льду Финскій заливъ, атаковать крѣпость со стороны моря, чего непріятель не могъ предвидѣть, остальное же войско должно было идти по Выборгской дорогѣ. Наступившая оттепель разрушила планъ. Ласси ограничился мелкими стычками; въ этой *партизанской*

войнѣ казаки выжигали деревни, топтали поля, уничтожали сады, угоняли скотъ, грабили бѣдныхъ поселянъ, дѣлали всякаго рода нестовства, но попятіямъ того времени, считавшіеся важными подвигами (125). Эти подвиги не прекращались до мая мѣсяца. Отрядные начальники въ донесеніяхъ къ Ласси безстыдно лгали: увеличивали непріятельскія потери, уменьшали свои, увеличивали число сожженныхъ деревень и т. д. Петербургскія Вѣдомости спѣшили опубликовать эти извѣстія, не обращая вниманія на то, что если бы онѣ были справедливы, то въ Финляндіи не осталось бы ни одной избушки, ни одной коровы.

Въ то время, когда отдѣльныя команды отличались въ грабежахъ и убійствахъ, въ самой средѣ русской арміи буйствовали герои 25-го ноября, гвардейскіе солдаты. Слѣдующее обстоятельство послужило поводомъ къ рѣшительному бунту. Изъ непріятельскаго стана прибылъ унтеръ-офицеръ съ барабанщикомъ для врученія писемъ къ фельдмаршалу Ласси. Дежурный генералъ-маіоръ Ливенъ встрѣтилъ посланныхъ на аванпостахъ, привелъ ихъ въ свою палатку, а письма повезъ къ главнокомандующему въ Выборгъ. Нѣсколько гвардейцевъ видѣли Ливена, проходящаго съ шведами, сказали товарищамъ, и въ полкахъ быстро пронеслась молва, что иноземцы умышляютъ заговоръ противъ государства, что они принимаютъ гонцевъ и письма непріятельскія, что пора перебить измѣнниковъ генераловъ. Сбѣжалось около 400 солдатъ, преимущественно преображенцевъ и семеновцевъ: они устремились къ палаткѣ Ливена. Не найдя его тамъ гвардейцы бросились въ канцелярію: избili до полусмерти шведовъ, ливенова адъютанта, слугъ, караульныхъ солдатъ... Тщетно старались остановить мятежъ—сбѣжавшіеся офицеры. «Смерть измѣнамъ! ревелъ толпа, не хотимъ иныхъ начальниковъ, кромѣ русскихъ!» Неизвѣстно, къ какимъ послѣдствіямъ привелъ бы мятежъ, къ счастью на мѣсто драки явился генералъ Кейтъ. Смѣло бросился онъ въ толпу, схватилъ одного изъ зачинщиковъ и велѣлъ священнику приготовить его къ смерти. Адъютанты и ординарцы схватили еще нѣсколько мятежниковъ. Громкій спокойный голосъ генерала, его энергическія распоряженія навели на толпу панической

страхъ: солдаты бросились въ разныя стороны. Конная гвардія и армейскіе полки не принимали участія въ безпорядкахъ: имъ было приказано охранять лагерь. Зачинщики были арестованы и преданы суду; главнѣйшему изъ нихъ, унтеръ-офицеру Преображенскаго полка, по приговору комиссіи и ея предсѣдателя А. И. Румянцова, отсѣчена правая рука. Остальныхъ нещадно вышорали кнутомъ и сослали въ Сибирь (126).

«Замѣтно, что не Минихъ предводительствуетъ войсками, сказалъ нѣсколько дней спустя Кейтъ въ обществѣ офицеровъ; явился славный фельдмаршалъ хоть на нѣсколько дней и все бы приняло другой видъ» (127). Если посвидѣтельству генерала состояніе русской арміи было далеко неудовлетворительно, за то съ наступленіемъ весны положеніе шведовъ значительно улучшилось. Каждый день приходили суда съ провіантомъ и войскомъ, и къ концу мая, Левенгауптъ снова имѣлъ 15,000 свѣжаго войска, сосредоточеннаго въ Фридрихсгамѣ. Близъ этого города, сильно укрѣпленнаго, находилось Мендылакское дефиле. Въ слѣдствіе своего выгоднаго положенія и небольшихъ укрѣпленій, оно было несравненно сильнѣе Фридрихсгама, такъ что 2,000 отрядъ могъ легко отразить 10,000 войска. Защита столь важнаго поста была поручена полковнику Фребергу, человѣку трусливому и бездарному. Этотъ витязь до того растерялся, при одной вѣсти о движеніи русскихъ войскъ, что вопреки всѣмъ приказаніямъ, бѣжалъ съ своимъ отрядомъ, наставляя на необходимости заклепать и бросить пушки, чего впрочемъ не сдѣлалъ начальникъ артиллеріи.

Нельзя сказать, чтобы движенія русскаго войска были быстры и рѣшительны: только 16-го іюня передовой отрядъ козаковъ въ раслохѣ наналъ на мѣстечко, сосѣднее Фридрихсгаму, изрубилъ фуражировъ, и захватилъ генераль-квартирмейстера Норденкрейца. Козаки предали его ужаснымъ пыткамъ, требовали выдачи казенныхъ денегъ, на конецъ ничего не добившись, безжалостно его умертвили. При вѣсти о нападеніи козаковъ въ непріятельскомъ лагерѣ, поднялась суматоха. Въ два часа ночи козаки съ гикомъ устремились къ лагерю, и если бы маіоры Крабе и Дельвицъ

не успѣли отразить атакующихъ, то казаки ворвались бы въ лагерь.

Рѣшительныя схватки русскаго авангарда, занятіе недоступнаго доселѣ Мендолакса—все это поразило шведовъ. «Гдѣ же наконецъ и защищаться, если Мендолакесъ оставленъ?» говорилъ смущенный непріятель. Трусость Фреберга была рѣшительно непостижима. Позиція была столь сильна, что при малѣйшемъ отпорѣ русскіе потеряли бы значительную часть своей пѣхоты. Изъ любопытства, говоритъ Манштейнъ, мы послали нѣсколько гренадеровъ: прошло болѣе часа, прежде нежели они могли взойти на рентраншементы съ фронта. Легко себѣ представить каинихъ бы успій стоило взойти этимъ же путемъ при пушечной и ружейной пальбѣ?» (128)

Шведы могли поправить дѣло обороною Фридрихсгама; это тѣмъ легко было сдѣлать, что обширныя его укрѣпленія примыкали къ морю и озеру, въ тылу стояла вся армія, а впереди была каменистая почва, весьма неудобная для веденія траншей. Но страхъ уже сталъ мутить головы шведскихъ военачальниковъ и въ тотъ же день, когда пришла вѣсть о бѣгствѣ Фреберга, на военномъ совѣтѣ почти единогласно рѣшено оставить Фридрихсгамъ, укрѣпленія котораго стояли много времени, людей и средствъ. 26-го іюня подошли русскіе; Ласси готовился приступить къ продолжительнымъ осаднымъ работамъ, а 28-го числа непріятель тянулся къ рѣкѣ Кюмени. Съ наступленіемъ сумерекъ предъ изумленными русскими запылали дома, хлѣбныя магазины; пороховые погреба одинъ за другимъ взлетѣли на воздухъ, наконецъ весь городъ исчезъ въ облакахъ дыма и столбахъ пламени: бомбы и гранаты съ трескомъ лопались въ цейхгаузахъ, на валахъ разрывало пушки, все падало и рушилось. Русскіе сначала думали, что непріятель уничтожаетъ предместья, никому и въ голову не приходило, что крѣпость брошена безъ боя: 1,000 пудовъ пороха, множество снарядовъ, 10 мѣдныхъ и 120 чугунныхъ пушекъ достались въ добычу русской арміи. Шведы не отступали, а бѣжали: бросали многихъ больныхъ, забыли полковое знамя; въ почтамтѣ русскіе захватили кучу не отравленныхъ писемъ, изъ нихъ Ласси получилъ много свѣдѣній о непріятельской арміи (129).

Оставивъ Фридрихсгамъ Левенгауптъ сдѣлалъ большую ошибку; главный магазинъ находился въ этомъ городѣ, отступающая армія имѣла продовольствія только на десять дней, распоряженія о доставкѣ провіанта не были сдѣланы, весь край до Гельсингфорса переходилъ къ русской арміи. Странно, что самъ Левенгауптъ за десять дней до ретирады говорилъ, что съ оставленіемъ Фридрихсгама, пропадетъ всякая надежда на заключеніе славнаго и выгоднаго мира! Что было причиною подобнаго противурѣчія? Неизвѣстно (130).

Въ постижимомъ припадкѣ паническаго страха генералы шведскіе истребляли на пути своего бѣгства обывательскіе дома, амбары, всякаго рода запасы, все это безъ жалости и безъ надобности предавалось пламени: потери простирались на нѣсколько милліоновъ рублей. Армія останавливалась, но не для отпора, а для новыхъ совѣщаній трусливыхъ генераловъ, они продолжали почти единогласно говорить: «что вступать въ бой съ русскими, дѣло слишкомъ рискованное, а ради безопасности отчины необходимо сохранить армію и флотъ». Напрасно посылали изъ Стокгольма строжайшія повелѣнія Левенгаупту: защищать Финляндію, отступая каждый шагъ у непріятеля; главнокомандующій продолжать отступать, окруженный генералами трусливыми и неспособными. Остановись они хоть разъ и сдѣлай видъ, что готовы дать отпоръ, дѣло приняло бы другой оборотъ. Въ самомъ дѣлѣ, 2-го іюля Ласенъ получилъ приказъ непременно окончить военныя дѣйствія, лишь только Шведы будутъ отброшены за рѣку Кюмень; въ день полученія приказа русскіе сами стояли по той сторонѣ рѣки. На военномъ совѣтѣ *русскіе* генералы предложили буквально выполнить приказъ; генералы *изъ иностранцевъ* настаивали на необходимости продолжать преслѣдованіе и только взятіемъ Гельсингфорса заключить кампанію. Последнее мнѣніе восторжествовало.

«Странная война: начальники обѣихъ армій поступали вопреки приказаніямъ своихъ правительствъ. Одному приказывали сражаться, и онъ не сражался; другому прекратить военныя дѣйствія, а онъ продолжалъ сражаться. Одинъ хотѣлъ противъ приказанія *сохранить* армію и съ нею собственную жизнь: погубилъ армію и заплатился за то жизнью;

другой — рисковалъ арміею и собственною головою: сберегъ то и другое, и завоевалъ цѣлую страну!»

У малаго Абборфорса непріятель остановился: спокойно простоялъ онъ здѣсь цѣлую недѣлю; Ласен, связанный повелѣніемъ двора своего, боялся тратить людей и не тревожилъ непріятели (131).

Во всю кампанію этого года дѣйствія на морѣ были весьма не важны: на обонхъ флотахъ свирѣпствовали повальныя болѣзни; шведскіе корабли стѣснены были тѣмъ, что служили прикрытіемъ сухопутному войску, хотя при рѣшительномъ движеніи на Кронштадтъ или Ригу, они дали бы другой ходъ своей кампаніи. Что касается до нашего флота, то начальникъ — Мишуковъ больше былъ занятъ своей распрей съ графомъ Головинымъ, президентомъ адмиральтейской коллегіи, нежели непріятельскими кораблями. *Всѣ подвиги вице-адмирала ограничились взятіемъ нѣсколькихъ торговыхъ судовъ. Темныя ночи и сильныя вѣтры мѣшали ему сняться съ якоря и вступить въ бой, такъ доносилъ Мишуковъ ко двору.

Между тѣмъ 12-го іюля непріятель снова началъ ретираду: всѣ дѣла ограничивались небольшими стычками, съ переменнымъ успѣхомъ.

Въ рядахъ отступающей арміи съ каждымъ днемъ усиливался ропоть, негодованіе; наконецъ презрѣніе къ Левенгаупту. Солдаты толпами оставляли знамена. Армія упала духомъ; храбрость, бодрость, увѣренность въ свои силы — все это печезло.

«Я увѣренъ, — писалъ одинъ офицеръ въ Стокгольмъ, — что слухъ о нашихъ славныхъ подвигахъ не только достигъ Швеціи, но облетѣлъ и весь свѣтъ. Мы въ виду непріятели сожгли Фридрихсгамъ, и не потеряли при этомъ подвигѣ ни одного человѣка. Можно себѣ представить, какъ поражены были русскіе, когда увидѣли, съ какою смѣлостью сожгли мы нѣсколько тысячъ пудовъ пороха, прекрасный цейхгаузъ, провіантскій магазинъ и т. п. Что за великолѣпная была иллюминація, когда между двумя арміями лопались тысячи бомбъ и гранатъ, разрывало пушки, рушились укрѣпленія. По окончаніи иллюминаціи, мы въ порядкѣ пробѣжали до Кю-

мени. Было свѣтло; мы неутомимо жгли мельницы, амбары, мосты, все — до собачьей будки. Бѣдные русскіе съ трудомъ успѣвали насъ преслѣдовать. Не нахвалился нашими генералами: всѣ свои подвиги они совершили безъ малѣйшей капли крови, а неблагодарные солдаты были взбѣшены, проклинали трусовъ командировъ, плакали съ отчаянья, что имъ не позволяли драться. Если наше бѣгство продолжится съ прежнимъ успѣхомъ, то я надѣюсь такъ скоро увидѣться съ стокгольмскими друзьями, что они врядъ ли успѣютъ окончить триумфальныя ворота къ нашему прибытію.»

Авторъ письма имѣлъ полное право, съ такимъ злымъ сарказмомъ, отзываться о своихъ начальникахъ: въ бѣдственномъ исходѣ кампаніи нельзя уже было сомнѣваться. Ласси уже доносилъ Елизаветѣ, что толпы жителей спѣшатъ къ нему съ изъявленіемъ покорности, что Нейшлотъ, Тавагустъ и Кексгольмъ безъ труда заняты нашими отрядами, что наконецъ депутаты отъ уѣздовъ борговскаго, нюлацкаго и др. явились къ нему съ униженными просьбами принять ихъ въ русское подданство (132).

29-го іюля, уничтоживъ мостъ у Борго, шведы ретировались на новую позицію къ Гельсингмальму, по прежнему выгодную, крѣпкую, но для нихъ бесполезную. Левенгауптъ не думалъ сражаться: опасеніе проиграть сраженіе заставляло забывать, что его собственная честь и честь шведскаго оружія страдаютъ отъ его постыднаго бѣгства.

Вечеромъ 9-го числа, пишетъ современникъ Тибурціусъ, Левенгауптъ предпринялъ самое странное, болѣе того, безумное передвиженіе: мы занимали весьма выгодную позицію; но кто-то увѣрилъ главнокомандующаго, что гораздо удобнѣе для отпора низменные дуга у Домарбю. Армія въ потѣмахъ, въ страшномъ безпорядкѣ перешла рѣку по плывучему мосту. Солдаты не знали куда идти, гдѣ остановиться, каждый легъ на землю тамъ, гдѣ стоялъ и ждалъ разсвѣта. Съ солнечнымъ восходомъ всѣ увидѣли, что стоятъ въ ямѣ, со всѣхъ сторонъ открытой для нападенія. Гибель арміи была бы неизбѣжна, если бы русскіе не сдѣлали оплошность и не дали бы времени непріятелю перейти на прежнюю позицію. Когда я вечеромъ въ тотъ день, — продолжаетъ насторъ

Гибурциусъ, — читалъ молитву для гвардейцевъ, то замѣтилъ, что офицеры, стоявшіе на колѣняхъ у своихъ барабановъ, постоянно поглядываютъ на гору, находившуюся по ту сторону рѣки въ трехъ-стахъ верстахъ отъ насъ. Лишь только солдаты, по окончаніи молитвы, заплѣли псаломъ, я оглянулся и увидѣлъ на горѣ весь русскій генералитетъ, стоявшій съ обнаженными головами и молившійся вмѣстѣ съ нами; воздухъ былъ тихъ и каждое слово молитвы долетало къ русскимъ.»

На другой день, при дальнѣйшемъ отступленіи къ Гельсингфорсу, завязалась самая жаркая перестрѣлка. Левенгауптъ, въ бѣломъ плащѣ, на конѣ, являлся въ опаснѣйшихъ мѣстахъ. Убитый неудачами, онъ видимо искалъ смерти въ бою, но ни пуля, ни ядро не коснулись злополучнаго фельд-маршала.

11-го августа армія добралась до Гельсингфорса, прошла его, сожгла за собой мостъ и расположилась укрѣпленнымъ лагеремъ на мѣстѣ нынѣшняго кладбища. Русскіе не замедлили явиться. Финскій мужикъ донесъ Ласси о намѣреніи непріятеля отступить къ Або, о возможности обойти его дорогой, проложенной еще во время петровскихъ войнъ. Къ разсвѣту дорога была осмотрѣна, очищена и въ шесть часовъ утра русская армія отрѣзала шведамъ сообщеніе съ Або сухимъ путемъ; сообщенія моремъ уже не было: шведскій флотъ, потерявъ отъ болѣзней большую часть матросовъ, ушелъ въ Карлскрону.

Среди переговоровъ, начавшихся между двумя арміями, 19-го августа королевскіе посланцы арестовали графа Левенгаупта и помощника его, генераль-лейтенанта Буденброка. Тотъ и другой были потребованы въ Стокгольмъ съ отчетами о ихъ дѣйствіяхъ (133). Начальство надъ арміей принялъ генераль-маіоръ Бускетъ. Послѣ неудачной попытки затѣять бой, онъ заключилъ 24-го августа капитуляцію на слѣдующихъ условіяхъ:

«Вся шведская пѣхота, офицеры и солдаты, также находящіеся при арміи гражданскіе чиновники, со всѣмъ оружіемъ, аммуниціей, багажемъ, знаменами, штандартами и проч. будутъ посажены на суда въ Гельсингфорскъ и от-

правлены въ Швецію. Кавалерія пойдетъ въ Торнео, чтобъ возвратиться сухимъ путемъ, или къ Або, чтобъ сѣсть тамъ на суда. Имущество и личная безопасность каждаго будутъ ограждены.

«Провіантъ и припасы, находящіеся на судахъ при заключеніи капитуляціи, будутъ оставлены шведамъ. Вся-же полевая артиллерія и артиллерійскіе снаряды, также крѣпостныя пушки и городскіе запасы должны быть сданы русскимъ. На проѣздъ шведы могутъ взять изъ магазиновъ необходимое число запасовъ.

Финскимъ полкамъ (всѣхъ десять) предоставляется на произволь: сдать обозъ, лошадей и знамена, идти-ли въ Швецію, либо разойтись по домамъ»

Финны предпочли послѣднее и сдать оружіе, печально разошлись по домамъ. Всѣ условія капитуляціи были строго исполнены. Но бѣдствія шведовъ не кончились; во время переѣзда ихъ въ отчизну буря потопила множество судовъ; между солдатами, отъ тѣсноты помѣщенія, скверной пищи и сырости начались болѣзни: отъ нихъ пало множество жертвъ. Незначительные остатки, и въ самомъ жалкомъ видѣ, высадились на берега Швеціи. Кавалерія понесла не меньшія потери: отъ безкормицы, дальности пути и болѣзней. Русскіе были крайне изумлены удачнымъ заключеніемъ капитуляціи. Шведская армія состояла въ это время изъ 17,000 человекъ; русская, ослабленная отдѣленіемъ гарнизоновъ для занятія крѣпостей, превышала ее не болѣе, какъ пятью сотнями. «Можно было держать пари два на одного, — говоритъ Манштейнъ, — что если-бы шведы не согласились на эту постыдную капитуляцію, а атаковали-бы русскихъ, то одержали-бы верхъ: позиція ихъ была чрезвычайно выгодная и хорошо укрѣплена. Но дѣйствія непріятели были такъ странны, до того противорѣчили здравому смыслу, что потомство не повѣритъ имъ.»

А между тѣмъ, прямымъ слѣдствіемъ этого — было покореніе всей Финляндіи (134)! По удаленіи шведской арміи, генералъ Кейтъ назначенъ главнымъ начальникомъ войскъ, расположенныхъ въ побѣжденной странѣ. Онъ занялъ Або, тогдашнюю столицу Финляндіи. Для охраненія береговъ остав-

лено въ Гельсингфорсѣ 16 галеръ и двѣ прамы, да пять галеръ въ Фридрихсгамѣ. Войска отвезены на зимнія квартиры; Ласси уѣхалъ въ Петербургъ.

«Величайшимъ счастіемъ для Финляндіи, — пишетъ Топе-люсъ, — было то, что начальство надъ оставшимся войскомъ ввѣрено было Кейту, человѣку въ высшей степени достойному и великодушному. Жители, трепетавшіе отъ ужасовъ войны, нашли въ немъ отца и покровителя; онъ держалъ войско въ строжайшемъ порядкѣ: ни одна жалоба не была имъ оставлена безъ вниманія, ни одинъ нуждающійся въ помощи и защитѣ не былъ имъ отвергнутъ. Съ другой стороны недовольные его строгостью, были, однако, вполне преданы своему начальнику; онъ заботился о ихъ нуждахъ и строго наказывалъ офицеровъ за злоупотребленія ихъ власти».

ХП.

Жизнь Елизаветы въ Москвѣ. — Предики. — Троицкой походъ. — Трофеи взятыя у непріятеля. — Герцогъ голштинскій принимаетъ православье, объявленіе его наследникомъ русскаго престола. — Разсказъ Екатерины II о малолѣтствѣ и воспитаніи Петра III. — Годовщина 25 ноября 1741 года; раздача 14,000 душъ крестьянъ преображенскимъ гренадерамъ. — Возвращеніе Елизаветы въ С. Петербургъ; ода Ломоносова въ 440 стиховъ. — Характеристика государыни, сдѣланная дякономъ крѣпостнаго собора.

Въ то время, когда на берегахъ Финнскаго залива Левенгауптъ и Ласси не воевали, а вѣрнѣе сказать, играли въ кошки и мышки, государыня, съ своимъ дворомъ, проводила время по-прежнему — въ потѣшныхъ зрѣлищахъ, молитвахъ, въ постройкѣ церквей, хожденіяхъ по монастырямъ и проч. Во всѣхъ храмахъ возсылались усердныя моленія «о низносланіи побѣды на супостаты христоименитому воиству (135).»

«О еже студа и безчестія лица противящихся намъ исполнити, сердце-же ихъ страха и ужаса, и ангель Господень да будетъ погоняй и поражаяй ихъ, Господу помолимся!

«Оружіе супостатъ нашихъ и казни, и сокруши, и мечь ихъ скоро сотвори внести въ сердца ихъ, и послѣ стрѣлы твои, Господи, блести молніи, соразженни, и смяти враговъ нашихъ и истреби ихъ отъ земли, и изши насъ, и избави имени твоего ради: Господи, помолимся!» и т. д.

Отъ этого-же времени сохранилось нѣсколько проповѣдей (136), говоренныхъ въ разные дни, на разные случаи, въ присутствіи любительницы ихъ Елизаветы. Таковы слова: архим. *Малиновскаго* (20-го іюня), іеремон. *Кословича* (26-го ч.), митр. *Арсенія* (29-го ч.), свящ. *Мотлянскаго* (11-го іюля), арх. *Флоринскаго* (15-го ч.), свящ. *Комаровскаго* (18-го ч.), *Красильникова* (25-го ч.), арх. *Петрункевича* (6-го авг.), іерея *Мартиміанова* (16-го ч.) и многіе другіе; всѣ они наполнены длинными, скучными, схоластическими разсужденіями на разные тексты, но въ нихъ ничего нѣтъ по поводу современной войны (137). Это обстоятельство дѣлается понятнымъ, если мы вспомнимъ, что тѣ же проповѣдники такъ недавно восхваляли миролюбіе императрицы: война возобновлена по ея желанію и ораторы до времени не задѣвали этого щекотливаго предмета. За то нѣкоторые изъ нихъ (вирочемъ, весьма-немногіе), довольно-смѣло и рѣзко говорили о порокахъ и общественныхъ недостаткахъ.

«Многіе-ли, — вопрошаетъ (4-го іюля) придворный проповѣдникъ *Савицкій*, — многіе-ли хоть копѣйку потратили на обученію православію? Весьма немногіе. А многія тысячи брошены на обученіе отъ пеленъ танцамъ, верховой ѣздѣ, играмъ, разнымъ языкамъ, да на странствія по чужимъ землямъ. А чтобъ *научиться* Бога знать, о томъ не подумали, въ томъ у нихъ нѣтъ манеру! Не такъ поступаетъ наша государыня: она не только о временномъ, но и о вѣчномъ добрѣ неуслышно промышляетъ; по ея волѣ, *ни одного воскресенья безъ того не пройдетъ, чтобы не было сказано проповѣди.... Мы же сколько скусаемъ, ронцемъ, что проповѣдь долга, сказать трудно; одинъ часикъ послушать о своемъ спасеніи тягостно*, а сколько часовъ проводимъ безъ скуки, въ разговорахъ о деньгахъ, о высокихъ рангахъ, о годовыхъ доходахъ.... О тьма со вѣстину страшная, тьма мукъ достойная! А отъ нея происходитъ то, что подымаемъ-ли мы, какъ паръ водяной, въ верхъ: получимъ-ли чинъ, богатство или щую милость, дѣлаемъ столь страшными и неприступными, что кажемся не отъ земли, а отъ небесъ рожденными; не людьми, но великолѣпными и неприкосновенными божками себя почитаемъ; немилосерды къ ближнему, лучше собаку,

лучше скота великаго любимъ и милуемъ, нежели брата своего бѣднаго!»

Еще любопытнѣе по бойкости и рѣзкости выраженій слово архимандрита *Съченова*, сказанное 8-го іюля (1839). Съченовъ сдѣлался въ послѣдствіи весьма извѣстнымъ проповѣдникомъ, и уже это слово заявило его, какъ человѣка, далеко выдвигающагося впередъ изъ толпы. «Какъ мы любимъ Христа?—спрашиваетъ Съченовъ, послѣ разсужденія о достоинствахъ православія относительно другихъ вѣрованій. — Люблю Христа словомъ: у меня въ различныхъ селахъ каменные палаты, прекрасныя покои, бани, поварни, а церкви въ тѣхъ же селахъ безъ крышъ погнили. У меня запонки, иряжки, табакерки золотыя, чайники и рукомойники серебряныя, а въ церкви свинцовыя сосуды. У меня златотканныя одѣялы, завѣсы, а гайны Христовы крашеиною покрыты. Вмѣсто кваса пью шампанское и венгерское, а въ церковь волоскаго галенка не посылаю. Искать чиновъ, богатства, путешествовать, суетловить, хвастать, веселиться, забавляться день и ночь легко, не скучно, а въ церкви постоять иѣкогда. Другу, патрону или сроднику за его просьбу или дары говорю: надѣйся, дѣло твоѣ готово, сегодня приговоръ закрѣпимъ, а завтра указъ получишь. А бѣдный копилецъ напрасно просить: «сотвори Бога ради милость!» Смотрѣть не хочу, и съ гнѣвомъ отвѣчаю: не шуми, теперь не до тебя, много дѣлъ государственныхъ. Свои именины какъ безъ торжества пропустить: три дня и три noci веселюсь, цыяствую, а придетъ праздникъ Рождества или Христова Воскресенья: за уборами, развозами по домамъ ласкательныхъ поклоновъ, поздравленій и въ церкви не быть: рано заблаговѣстили! На словахъ: да будетъ воля твоя Господи, а на дѣлѣ всего желасмаго достигаемъ чрезъ патроновъ, стряпчихъ, ябедниковъ, чрезъ деньги, ласкательства и другіе коварныя способы. Противникамъ нашимъ грозимъ не Божьимъ именемъ, а именемъ своего благодѣтеля кокого-нибудь президента, губернатора, воеводы, секретаря. А того не знаемъ, что утромъ патрона чести лишать! Мы православныя христіане, а за кабаками, торгомъ, обѣдами, работою, не причинаемся, Отче нашъ прочитатъ не умѣемъ, другаго писанія и не спрашивай! У всякаго вмѣсто

писанія хула, клеветное сквернословіе, на языкѣ обманъ, въ очахъ зависть, руки связаны грабежомъ, ноги заняты скоромороществомъ! Вся любовь наша къ ближнему въ коварной политикѣ: какъ ласково встрѣтить, проводить, пріятныя письма, сладкія словца, низкіе поклоны, частое блаженство. «Здравствуй, здравствуй!» а сердцемъ хотя бы и на свѣтѣ не было!... Правосудіе-ль тамъ вижу? Въ передней избѣ часовъ пять постой, да завтра приди, больше не жди. Милости-ли сыскать хочешь? Съ ногъ до головы обдерутъ: не срачицу, но и кожу снять готовы, а когда станешь правду искать, то и въ Сибири мѣста не сыщешь! Мы православные христіяне, а сколько межъ насъ лихоимцевъ, ябедниковъ, словолюбцевъ, ласкателей, *раскольниковъ*, прелюбодѣевъ, волшебниковъ, *костоводовъ*, гордыхъ, немилостивыхъ, еретиковъ таковыхъ довольно будетъ въ геенской безднѣ, въ тартарскихъ мѣстахъ! Но я все расточаю слова. Если Христу, и апостоламъ его не вѣрятъ, то мнѣ послѣдней спицы въ колесницѣ, а не проповѣднику, кто повѣритъ? Лучше молчать: кто меньше правды говоритъ, милѣе живетъ (139).»

Подъ вліяніемъ духовныхъ ораторовъ и по влеченію религіознаго настроенія — Елизавета отправилась пѣшкомъ на богомолье въ Троицко-Сергіевскую лавру. Отправившись изъ анненгофскаго дворца 31-го іюля въ 12 часовъ, государыня, какъ видно изъ камерфурьерскаго журнала (140), не утруждала себя большими переходами; чрезъ каждыя два часа отдыхала въ роскошныхъ ставкахъ, «вкусала обѣденныя кушанья», затѣмъ продолжала шествіе въ сопровожденіи племянника, двора и лейбъ-компанской роты. 4-го августа государыня слушала въ монастырѣ обѣдню. Нарожницкій, намѣстникъ лавры, не преминулъ сказать проповѣдь, въ которой называлъ государыню *умудренною Юдифью*, Остермана гордымъ, окояннымъ *Олоферномъ*; находилъ *добродѣтель, благочестивое житіе и хриstopодрожательное смиреніе въ странническомъ пшешхожденіи* Елизаветы; увѣрялъ, что пѣтъ въ свѣтѣ ей подобной *за превосходство мнoгихъ ея добродѣтелей и прерогативъ* (141).

5-го Августа императрица возвратилась въ Москву.

Каждое благопріятное извѣстіе, приходившее съ театра войны, сопровождалось молебнами и щедрыми награжденіями

вѣстниковъ. Вѣстниками обыкновенно являлись сродники именитыхъ вельможъ: флигель-адъютантъ *Лестокъ*, генераль-адъютантъ *Безстужеваъ*; съ реляціей о взятіи Фридрихсгама прискакалъ родственикъ Куракина, П. И. Панинъ, молодой человекъ, едва начавшій служебную карьеру, онъ былъ пожалованъ капитаномъ гвардіи (142).

Редакція вѣдомостей, выполняя желанія своихъ читателей, заинтересованныхъ военными событіями, спѣшила объявить, что она не станетъ стѣсняться издаіемъ двухъ листовъ въ недѣлю, какъ то было прежде, но будетъ печатать немедленно все донесенія, получаемыя съ театра войны (134). Такъ, по словамъ вѣдомостей, 19-го сентября въ Москвѣ происходило особое торжество (144), чрезъ весь городъ церемоніально пронесли во дворецъ финляндскіе трофеи (145), процессія шла въ слѣдующемъ порядкѣ (146): маіоръ на лошади, 50 гренадеровъ, рота мушкатеровъ, послѣдній изъ *радостныхъ* вѣстниковъ, молодой Безстужевъ, шведскія литавры на лошади, которую вели два солдата; пятьдесятъ шесть рядовыхъ: они волокли по землѣ непріятельскія знамена и штандарты; процессія замыкалась мушкатерскою ротою.

Занятая подобными церемоніями, богослуженіями, увеселеніями, охотою, — императрица съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе удалялась отъ дѣлъ, и съ каждымъ днемъ увеличивалась власть А. П. Безстужева-Рюмина: онъ дѣлался полнымъ властелиномъ Россіи. «Императрица чрезвычайно пристрастилась къ охотѣ, — писалъ англійскій резидентъ Wich, въ депешѣ 9-го октября; — министры рѣдко находятъ случай представлять ей какія-нибудь серьезныя дѣла (147).»

Важнѣйшимъ событіемъ сего времени было принятіе герцогомъ голштинскимъ православной вѣры. 7-го ноября 1742 года, въ девять часовъ утра, все именитое духовенство съ архіепископомъ новгородскимъ Амвросіемъ, сенатъ, генералитетъ и придворные чины — собрались въ дворцовой церкви на торжественный обрядъ (148). Въ десять часовъ вошла императрица, въ сопровожденіи своего племянника. Сенатскій секретарь прочелъ манифестъ, объявлявшій *Петра Оедоровича* наследникомъ всероссійскаго престола. Послѣ чего великій князь, ставъ на колѣна «россійскимъ языкомъ учинилъ съ ве-

ликимъ усердіемъ и желаніемъ обыкновенное отъ противныхъ православной церкви и отверженныхъ отъ нея всѣхъ еретичныхъ мудрованій отрицаніе.» Послѣ чего наслѣдникъ прочелъ символъ вѣры: всѣ догматы новой вѣры, по словамъ современника, принялъ, а противныя и несогласныя нашей церкви отметнуть и анаемъ предать соизволилъ.

Послѣ прочтенія молитвъ Амвросій помазалъ его высокочество муромъ, а епископъ Стефанъ вымазанныя мѣста отеръ губкой. Во время обѣдни Петръ Федоровичъ прикладывался къ иконамъ, причастился святыхъ тайнъ и принялъ послѣ литургіи тоекратное поздравленіе сената, синода и всего генералитета. Высоко торжеественный день отпразднованъ былъ пышнымъ обѣдомъ, вечеромъ иллюминаціей, фейервергомъ, а во дворцѣ — концертомъ итальянскихъ артистовъ.

Празднества не прекращались въ теченіи трехъ дней. Москва оглашалась колокольнымъ звономъ, въ церквахъ служили молебны, приводили всѣ чины къ присягѣ наслѣднику престола, во дворцѣ подходили къ его рукѣ и приносили поздравленія. На лицевой сторонѣ медали, выбитой по сему случаю Vestner-омъ, была изображена Elisabetha, d. g. imperatrix rvssovum. На оборотѣ бюстъ Петра III-го на пьедесталѣ съ подписью: Petro Fedorowiz natal. dvce Nolsat. (Петръ Федор. урожд. герц. Голштин.) По сторонамъ два другихъ пьедестала: на одномъ крестъ и евангеліе: religio. На другомъ: корона, скипетръ и мечъ: Potentia (могущество). Вверху лента: firmamenta imperii russici (твердь росс. импер.). Въ обрѣзѣ: magno principe russ. et futuro successore declarato, 1742 an, 18 Nov (149).

Такимъ образомъ Елизавета, въ цвѣтѣ красоты и здоровья обезпечила наслѣдіе престола назначеніемъ преемникомъ своимъ тринадцатилѣтняго племянника. Она не хотѣла вступать въ бракъ, предпочитая, по словамъ Фридриха II, свободу супружескимъ законамъ, по ея мнѣнію, слишкомъ неспособнымъ и тягостнымъ.

Между тѣмъ, въ ноябрѣ 1742 года, въ Москву прибыли депутаты отъ стокгольмскаго сейма съ предложеніемъ великому князю шведской короны. Петръ благодарилъ ихъ на

аудиенціи, но какъ наслѣдникъ русскаго престола, не принялъ шведскаго.

25-го ноября 1742-го года прошелъ годъ со времени восшествія на престолъ Елизаветы: этотъ день былъ отпразднованъ въ обѣихъ столицахъ съ особымъ торжествомъ, т. е. обѣдами, балами, фейерверками, иллюминаціями, проповѣдями... Дьяконъ Перуновичъ толковалъ о могуществѣ сѣмянъ Петра и Елизаветы, въ Петропавловскомъ соборѣ, епископъ Стефанъ въ высшей рѣчи увѣрялъ: «что до Петра мы и ѣсть, и пить не умѣли», а въ его *великой дочери* находилъ: *природное остроуміе*, въ слѣдствіе котораго она умѣетъ отличить бѣлое отъ чернаго, кривое отъ прямого. *Безприкладную милость*, равняющую ее съ солнцемъ. *Любомудріе*, подобное любомудрію Александра Македонскаго: *правосудіе, благодать, милость, кротость, великодушіе*, наконецъ *благочестіе*, но не то, которое въ тѣмъ состоитъ, чтобъ предъ людьми чаще вздыхать, головою кивать, лбомъ объ полъ стучать, глаза впередъ въ потолокъ, либо въ землю потуплять, руки на воздухъ поднимать, но благочестіе истинное, состоящее въ полнѣйшей вѣрѣ въ Бога и его святое Откровеніе. Въ моей скудоумной бесѣдѣ, сознается ораторъ, я не могу перечислить всѣ добродѣтели Елизаветы.»

Годовщина восшествія на престолъ Елизаветы, была ознаменована пожалованіемъ преображенскихъ гренадеръ людьми и землями, въ вѣчное потомственное владѣніе. Эти подарки дѣлались изъ конфискованныхъ имѣній главныхъ саповниковъ: М. Г. Головкина и друг. Адъютанту *Грюнштейну* подарено 1000 человѣкъ муж. пола; прапорщику *Зотову* — 682 чел.; сержанту *Сурину* 500 душ.; *Журавлеву* 543 души; *Млудкинну* 537 душъ; *Охлестышеву* 469 душъ; *Ипатьеву, Савину, Семенову* подарено каждому по пяти сотъ человѣкъ. Шесть вице-сержантовъ получили по 500 чел., два подпрапорщика 90 душъ, двѣнадцать капраловъ раздѣлили межъ собой 480 мужиковъ; двѣнадцать вице-капраловъ получили на брата по 35 душъ; двѣсти пятьдесятъ восемь рядовыхъ преображенцевъ, герои 25-го ноября, должны были довольствоваться каждый 29-ю душами. Земли отдѣлялось каждому соответственно числу подаренныхъ крестьянъ. Такимъ обра-

зомъ, благодаря щедротамъ любомудрой, великодушной и остроумной монархини, прибавилось 300 новыхъ помѣщиковъ (изъ числа гренадеровъ преображенскихъ, только немногіе были прежде пожалованія помѣщиками), и 14000 крестьянъ, православныхъ русскихъ душъ мужскаго пола съ ихъ семьями, по мелочамъ, по штучно, раздарены въ вѣчное владѣніе новымъ помѣщикамъ, столбовымъ дворянамъ (150). Такъ отпразднована была годовщина 25-го ноября!

Съ начала декабря въ Петербургѣ ждали императрицу. «Молимъ тебя и просимъ, — взывалъ къ отсутствующей государынѣ, дьяконъ Петроавловскаго собора, — молимъ ты мать всесладчайшая, приде во градъ Петровъ, красная въ женахъ, красная тѣломъ, краснѣйшая душою. Приде утѣха Россіянъ! Приде, сего желаетъ духовенство, сего жарко ожидаетъ воинство и все гражданство, которое не такъ огни веселые сожигаютъ, какъ сердца свои, горящія пламенною любовью, вашему величеству приуготовляютъ!»

11-го декабря императрица имѣла торжественный въѣздъ въ С. Петербургъ. Весь Невскій проспектъ былъ разукрашенъ по сему случаю, на немъ возвышались двое триумфальныхъ арокъ: у *Личкова* и *Зеленаго* (съ 1797 года Полицейскаго) мостовъ (151). Ломоносовъ, молчавшій съ 10 февраля, ради настоящаго торжества, снова «ударилъ по струнамъ своей лиры», и привѣтствовалъ Елизавету одой въ 440 стиховъ, между которыми Д. Н. Бантышъ-Каменскій находилъ множество стиховъ, вылившихся прямо изъ души поэта. Вотъ немногія строфы этой оды (изд. 1751 г. с. 49 — 72), неизвѣстно почему не вошедшей въ изданіе Смирдина:

Какой пріятный зефиръ вѣетъ,
И нову силу въ чувства льетъ?
Какая красота яснѣетъ,
Что всѣхъ умы къ себѣ влечетъ?
Мы славу дщери зримъ Петровой
Зарей торжествъ свѣтящу новой.
Чѣмъ ближе та сіяетъ къ намъ,
Мрачнѣе ночь грозитъ врагамъ,
Брега Невы руками плещутъ,
Брега Балтійскихъ водъ трепещутъ.

.....

Холмы и древа скачите,
 Ликуйте множество озеръ,
 Руками рѣки воспещите,
 Петрополь буди вамъ примѣръ:
 Елизавета къ вамъ приходитъ!

.....
 Я слышу стихотворцевъ шумъ,
 Которыхъ жаръ не погасится,
 И будетъ чтущихъ двинетъ умъ;
 Завистно на меня взирая,
 И съ жалостію воздыхая,
 Ко мнѣ возносятъ скорбный гласъ:
 О коль ты счастливѣе насъ!

Нашъ слогъ исполненъ басней лживыхъ,
 Твой сложенъ изъ похвалъ правдивыхъ.
 Но чтобы вымышлять намъ можно
 Безъ вещи имена однѣ,
 Когда бы было намъ возможно,
 Рожденнымъ въ Росской быть странѣ,
 Въ сіе благословенно время,
 Въ которое Петрово сѣмя,
 Всѣхъ женъ хвала Елизаветъ.
 Сладчайшій музамъ вѣкъ дастъ.

.....
 Красуйся духъ мой восхищенный,
 И не завидуи тѣмъ творцамъ,
 Что носятъ лавръ похвалъ зеленый,
 Доволенъ будь собою самъ:
 Твою усердѣйшею ревность,
 Ни гнѣвъ стихій, ни мрачна древность,
 Въ забвеніи не могутъ скрыть,
 Котору будутъ вѣкъ хранить.
 Дѣла Петровой дщери громки.
 Что стануть позны честь потомки.

Съ приѣздомъ Елизаветы петербургскія празднества оживились: именитые сановники едва успѣвали отдыхать между придворными балами, торжественными обѣдами, молебнами, орденскими приздниками и проч.

18-го декабря, всѣ вельможи *возмуществовали великое удовольствие* (152) при слушаніи проповѣди дякона Флорова (152).

Все слово оратора, какъ самъ онъ сознается, направлено на православленіе тѣлесной и душевной красоты, нашей августы Елизаветы. «Одно лицезрѣніе ея красоты, по словамъ дьякона, просвѣтляетъ потемненное сердце! «За краткостью времени», ораторъ не беретъ считать всѣ добродѣтели августы, но указываетъ на *любовь* ея къ Богу, на слезное *моленіе* Господа, на *охоту*... къ слушанію проповѣдей, *ревность* къ православію, *терпѣніе*, крѣпкое на Бога *упованіе*, *смирненіе*, *милость*, *правосудіе*, *любовь къ ближнему*, но легче звѣзды на небѣ считать, заключаетъ восторженный дьяконъ петропавловскаго собора, нежели перечестъ добродѣтели нашей Августы — Елизаветы!»!

ХІІІ.

Общія замѣчанія о первомъ годѣ царствованія Елизаветы. — Занятія академиковъ. — Публичныя лекціи. — Книги и рукописи сего времени. — Музыка, театр, опера, балетъ. — Постройка и возобновленіе дворцовъ и церквей. — Содержаніе и разборъ важнѣйшихъ указовъ, обнародованныхъ съ 25-го ноября 1741 года по 1-е января 1748 года.

Какъ ни часты были празднества, въ первый годъ царствованія Елизаветы, какъ ни завалены были *ученые* сего времени, составленіемъ плановъ и изясненій иллюминацій, сочиненіемъ одъ, пангириковъ, подносовъ, посвященій, изясненій аллегорическихъ картинъ, но они находили время и для чтенія *публичныхъ лекцій*. Объ этомъ любопытномъ фактѣ свидѣтельствуютъ нѣсколько объявленій въ вѣдомостяхъ 1748 года:

Февраля 12-го. Профессоръ Крафтъ, въ залахъ академіи по прежнему будетъ читать публичныя, экспериментальныя лекціи по средамъ и субботамъ отъ 10-ти до 12 ч. утра (153).

Марта 11-го. Профессоръ Гензіусъ, снова начнетъ лекціи изъ геометріи по понедѣльникамъ, вторникамъ, четверкамъ и пятницамъ, отъ 12-ти до 1-го часа.

Юля 8-го. Въ рисовальной палатѣ академіи наукъ, по вторникамъ, средамъ и четверкамъ будутъ учиться рисовать съ живого человѣка. Желающіе могутъ проходить заниматься отъ 4-хъ до 6-ти часовъ вечера» (153).

Кто были посѣтителями этихъ *публичныхъ* лекцій, и въ

какой степени интересовали онъ современную публику? вотъ вопросъ, разрѣшеніе котораго было бы тѣмъ интереснѣе, что, по свидѣтельству конференцъ-секретаря Д. В. Волкова, важнѣйшія лица того времени были лишены самыхъ элементарныхъ познаній. Такъ особы, высоко поставленныя въ порядкѣ государственнаго управленія, не знали, что Великобританія есть островъ....» (154).

Ни число, ни содержаніе книгъ, явившіяся въ это время, отноду не замѣчательно. Волковъ (155) былъ плодовитѣйшій переводчикъ; но и переводить дозволялось не иначе, какъ съ большою осторожностью; басни Эзопа, выдержавшія въ разное время множество русскихъ переводовъ, были предаваемы чуть-чуть не анасемъ, со стороны духовныхъ ораторовъ. Даже *ректоръ* Законосписной академіи назвалъ въ своей проповѣди (156) «Эзопа — кощуномъ, плетущимъ басни и увеселяющимъ нечестивыхъ!»

Интереснѣйшимъ изданіемъ былъ переводъ Волкова: «Граціанъ придворный человекъ» 4 д. 1742 г. Выходъ книги о *придворномъ* человекѣ, въ годъ дворцовыхъ переворотовъ, ознаменованныхъ возвышеніемъ однихъ сановниковъ и паденіемъ другихъ, было дѣломъ случайнымъ, тѣмъ не менѣе, не лишеннымъ интереса. Читая книгу, современники легко могли примѣнять *регулы Граціана* къ тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ, къ тѣмъ или другимъ лицамъ. Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ этой книги: *Регула 3-я*: не открывайся никому. Нѣтъ ни пользы, ни забавы играя, игру свою всѣмъ показывать. (Лестокъ не выполнялъ этого правила.) Тайность приноситъ почитаніе. Что важное кому говоришь, всячески старайся говорить не ясно. (Остерманъ постоянно выполнялъ эту *регулу*.) *Ремарка на 3-ю регулу*: простаку можетъ обмануть лучшаго мудреца своимъ молчаніемъ, покрываясь кожею несмысленнаго вида: молчаливый всегда слыветъ умнымъ человекомъ. (Смотри въ VII-й главѣ характеристику А. М. Черкасскаго.) *Регула 5-я*: взявши власть надъ самодержцемъ, надо быть крайнѣ осторожнымъ, и не давать имъ замѣчать своего вліянія на ихъ умъ и дѣйствія. (Минихъ, не исполнившій сего правила, въ 1741 году, потерялъ при правительницѣ всякое значеніе. А. П. Безстужевъ-Рюминъ поплатился

за это ссылкой при Елизаветѣ.) Вотъ какого рода правила предлагалъ Граціанъ въ переводѣ Волчкова для придворныхъ сановниковъ, и нельзя не согласится, что многіе изъ нихъ поступали по писанному, какъ по сказанному: «Удерживайся отъ свободнаго мнѣнія. Узнавай слабости сильныхъ и пользуйся ими. Счастливымъ льсти, несчастныхъ убѣгай. Имѣй высокія манеры. Примѣняйся къ случаямъ, къ времени, къ друзьямъ. Оставляй дѣла, пусть они идутъ какъ нибудь, въ особенности, когда море волнуется. Если ты фаворитъ, имѣй голову твердую, способную вынести все промахи и ошибки своего властелина, все они падаютъ на фаворита. О павшемъ царедворцѣ отнюдь не сожалѣй. Не будь безобразенъ... Намѣшки сноси, но самъ не смѣйся и проч. въ этомъ родѣ.

Въ примѣчаніяхъ къ вѣдомостямъ сего года между изъясненіями фейерверковъ, реляцій Ласси, журналовъ военныхъ дѣйствій и придворныхъ праздниковъ, помѣщены были довольно разнообразныя ученія статьи (много ли онѣ имѣли читателей?) Таковы: ученіе Пифагора. — О произведеніи огня изъ тѣлъ (ст. Крафта). — О машинахъ (начало этихъ статей въ вѣдомостяхъ 1739 года). — О явившейся кометѣ. — О составленіи ландкартъ и извѣстія о сѣверномъ морскомъ ходѣ россиянь изъ устей рѣкъ, впадающихъ въ Ледовитый океанъ, для провѣдыванія восточныхъ странъ. — Последняя статья особенно интересна и важна, какъ историческій матеріаль.

Календари на 1742-й годъ ни чѣмъ не отличались отъ мѣсяцеслововъ прежнихъ лѣтъ: въ нихъ между прочимъ напечатаны были росписанія дней, *въ которые* весьма благоприятно можно принимать лѣкарства, пускать кровь, пускать кровь рожечную, волосы стричь, дѣтей отъ груди отнимать и проч. (157).

«Чинъ како приняти отъ раскольниковъ и отступниковъ къ православной вѣрѣ приходящихъ. Въ листъ церков. печат. 1742 г.» Москва (158). Книга важна въ томъ отношеніи, что она характеризуетъ религіозное настроеніе, фанатизмъ своего времени. Вотъ образецъ содержанія этой книги: «...Архіерей говоритъ кающемуся, чтобы тотъ проклялъ ереси, отступничества, злохуленія и расколы, начавшіеся въ Россіи отъ Авакума проропа съ братьею». Кающійся прокли-

наетъ и ихъ, и ихъ послѣдователей: проклинаятъ всѣхъ зовущихъ трехперстное знаменіе печатью антихриста, слагающихъ два перста для креста, а не три; порицающихъ троекратное глаголеніе аллилуія, писаніе имя *Иисусъ*; зовущихъ четвероконечный крестъ «идоломъ, кумиромъ, мерзостью запустѣнья на мѣстѣ святомъ». Нарицающихъ молитву: Господи, Иисусе, Христе Боже нашъ помилуй насъ — новою еретическою молитвою. «Какъ сквернѣйшихъ еретиковъ проклинали всѣхъ бласловящихъ, книги церковныя новоисправленными, растлѣнными и весьма еретическими. Не вѣрующихъ въ евхаристію, семь тайнъ и прочія церковныя дѣйствія, совершаемыя въ православной церкви — яко хульниковъ предаю анаемѣ. Равно и тѣхъ, которые увѣряютъ, что съ 7166-го года повредилось православіе, а Никона и прочихъ патріарховъ, архіереевъ еретикама клеветующихъ, и яко антихристъ уже пришелъ, а чувственно не придетъ; и похищающихъ власть духовную и измѣняющихъ православію и совершающихъ разные священнодѣйствія безъ рукоположенія и всѣхъ таковыхъ безчинныхъ и дерзостныхъ святотателей осуждаю и анаемѣ предаю, равно и тѣхъ, которые протопопа Авакума, попа Никиту (пустосвята), Лазари и Федора не проклинаятъ, а мучениками и страдальцами исповѣдуютъ. Разные толки: поповщину, безоповщину, перекрещенцевъ, неперекрещенцовъ, онуфріевщичцовъ, андреевщичцовъ, стариковщичцевъ, діаконовщичцевъ, лысеновщину, кадильниковъ, и прочихъ сущихъ за рubeжемъ, у Поморья, въ Польшѣ (159), на Вяткѣ, на Корженцѣ проклинаяю, и отъ старцевъ ихъ, лживыхъ поповъ, учителей отрицаюсь. Если же все это говорю лицемѣрно, или когда-нибудь бѣсовскимъ навожденіемъ впаду въ прежнее заблужденіе, «аки песь на своя блевотины возвращуся» да возвратятся тогда на мою голову всѣ клятвы и анаемы; да подлежу всѣмъ казнямъ и суду ея величества. За тѣмъ преклоня колѣна кающійся, *по чину*, долженъ стоять съ сердечнымъ сокрушеніемъ, должно же тогда и слезамъ быть (160).»

Если первый годъ царствованія Елизаветы не ознаменовался изданіемъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ сочиненій, за то уже въ это время стали замѣчаться успѣхи свѣтскаго

вкуса. Уже дворъ нашъ, говорить Карамзинъ, блисталъ великолѣніемъ и, нѣсколько лѣтъ говоря по нѣмецки, началъ употреблять языкъ французскій. Въ одеждахъ, экипажахъ, въ прислугѣ — вельможи наши мѣрялись съ Парижемъ, Лондономъ, Вѣною.»

Итальянскій театръ въ Петербургѣ приведенъ былъ въ лучшее состояніе. Осенью 1742 года Аража возвратился изъ Италіи съ славнымъ пѣвцомъ Салетти превосходнымъ сопрано. Между артистами, явившимися по приглашенію Аража, замѣчательны еще были: гобонистъ Стацци, скрипачи Тито, Верокан; придворнымъ поэтомъ для либрето итальянскихъ оперъ былъ Боггачи, изъ Флоренціи; декорации ставилъ Валеріани, изъ Рима; при чемъ искусствомъ своимъ поражалъ зрителей, до такой степени, увѣряетъ Штелинь, что картины имъ поставленныя подражали природѣ. Для балета былъ выписанъ знаменитый, по своему времени, Фузано съ женою своею Антонинною (162).

По пріѣздѣ двора въ Петербургъ опера «Титово Милосердіе» было неоднократно играна на придворномъ театрѣ, возобновленномъ и украшенномъ. Либрето переведено было на русскій языкъ (163). Вотъ прологъ, при слушаніи котораго государыня постоянно «проливала токи слезныя.» Содержаніе пролога даетъ понятіе о томъ, какъ ставились въ то время оперы, какъ роскошны были сценическія представленія:

«Россія по печали паки обрадованная.

Персоны, дѣйствующія въ прологѣ: Астрея — *Г-жа Джорджи*. Рувенети — *Г-жа Роза*. Персоны безъ рѣчей, участвующія въ балетѣ: пять главныхъ свойствъ, добродѣтелей, ея величества Елизаветы: справедливость, храбрость, челолюбіе, великодушіе, милость. Пять главныхъ свойствъ ея подданныхъ: любовь, вѣрность, сердечная искренность, надежда, радость. Персоны, составляющія хоръ: европейцы, азіатцы, африканцы и американцы. На сценѣ, во мракѣ, страна запустѣлая, мѣстами поросшая дикимъ лѣсомъ; тамъ и сямъ полуразвалившіяся или недостроенныя зданія. Рутенія съ дѣтьми сидитъ подъ горой и сѣтуетъ о томъ, что земля ея снова покрывается мракомъ, веселья роицы заросли, поля раззорены и запустѣли. Воспоминаетъ благополучныя вре-

мена Петра I. Дѣти плачуть, мать утѣшаетъ ихъ.... узаконеньями Петра и Екатерины; обнадеживаетъ ихъ тѣмъ, что Петръ еще живъ, въ лицѣ своей дщери, и что скоро возвратитъ Россіи прежнюю ея славу. Рутенія поэтъ:

Сжальтесь, сжальтесь небеса, милосерды боги!
Зря на мать, и на дѣтей, и на муки многи.
Стражду въ горестной любви, духъ изнемогаетъ,
Ревность скорби въ естествѣ вышній силъ рождаетъ.

(На горизонтѣ занимается заря утрения)

Ежель образомъ боговъ долженъ быть царь свѣта,
Кто достойнѣе владѣть, какъ Елизавета.
Сей доброты изрещи, нельзя и помыслить;
Развѣ прежде въ небесахъ звѣзды всѣ изчислить.

Свѣтъ увеличивается. Рутенія утѣшаетъ дѣтей, дѣлается веселѣе. Слышны музыка и пѣсни. Рутенія удивляется, радуется, сомнѣвается. На горизонтѣ свѣтло восходящее солнце; въ растворенномъ небѣ показывается Астрея. Она опускается на свѣтломъ облакѣ, съ щитомъ. Астрея окружена хоромъ добродѣтелей Елизаветы и ея подданныхъ. Изъ угловъ театра выходятъ четыре части свѣта, каждая съ свитами. Дикіе лѣса смѣняются лавровыми и кедровыми рощами. Запустѣлыя поля обращаются въ цвѣтушіе сады. Астрея поднимаетъ и утѣшаетъ колѣнопреклоненную Рутенію. «Я не безъ причины, — говорятъ богиня, — надѣлила ея величество высокими свойствами и царскими добродѣтелями. Великость ихъ, неоспоримыя права государыни на престолъ, жалобы, желанія и надежды Россіи, я давно признала. Я украшу Елизавету императорскою короною, и Россія возстановится, просвѣтится и сдѣлается благополучною:

Видитъ свѣтъ, и я сама въ ней добротъ причины:
Идетъ по слѣдамъ Петра и Екатерины.

Астрея ведетъ Рутенію въ паки цвѣтущую страну. Народы удивляются сему приключенію и *въ радости* поютъ:

Милость и храбрость царю лавры соплетала,
Титова когда рука Римской скипетръ держала:
Образъ коего и мы зримъ на тронѣ нынѣ,
И того днесъ похвалы соплетемъ богинѣ.

«Добродѣтели и свойства Елизаветы Петровны, заканчи-

вають прологъ *балетомъ*». Затѣмъ слѣдуетъ самая опера. Достоинно замѣчанія, что роль императора Тита Веспасіана — исполняла *госпожа Жоржи*: видимое желаніе весь ходъ оперы примѣнить къ обстоятельствамъ ноябрьской экспедиціи.

Балетъ вообще выполнялся въ это время особенно хорошо. Елизавета по прежнему страстно любила танцы, съ прежнимъ пыломъ, ловкостью и отчетливостью выполняла труднѣйшіе па. Балетмейстеръ Ланде говаривалъ, что нигдѣ не танцовали менуэта съ большею выразительностью и приличіемъ, какъ при дворѣ Елизаветы (164).

Героиня танцевъ — государыня, судя по современнымъ портретамъ, была еще очень хороша, хотя ей уже шелъ 34-й годъ. Впрочемъ, сама государыня очень огорчалась, что ни одинъ живописецъ, по ея мнѣнію, не можетъ написать сходно ея портрета. Рассказывая объ этомъ Сильвестру Кулябкѣ, Елизавета показала ему однажды нѣсколько своихъ портретовъ. *Предметъ огорченія вашего величества*, сказалъ тогда Сильвестръ, *составляетъ предметъ радости нашей? — Почему? — Красота ваша неописанна!* (165).

Кромѣ исполненія церковныхъ обрядовъ, устройства маскарадовъ, баловъ, театральныхъ зрѣлищъ и проч., государыня, по свидѣтельству современниковъ, любила заниматься постройкою и передѣлкою церквей и соборовъ.

Такъ на мѣстѣ сѣзжей избы преображенскаго полка, у литейнаго проспекта, въ память ночнаго дѣла 25 ноября, Елизавета заложила здѣсь соборъ *Спаса Преображенія*: «по древнему, россійскому манеру, о пяти позлащенныхъ главахъ» (166). До сорока церквей въ разное время и въ разныхъ концахъ Петербурга заложены, или стали передѣлываться, по приказу Елизаветы (167). Императрица, собственными руками, утверждала первыя камни въ фундаментахъ храмовъ, постоянно присутствовала при ихъ освященіи; находила время, для важныхъ религіозныхъ подвиговъ: вышивала воздухи, пелены, ризы на образа, тесьмы на лампы и проч. Сама переписывала молитвы, дѣлала большіе церковные вклады, и т. п. Что касается до дворцовъ, то въ 1742-мъ году, начато строить нѣсколько: одинъ на мѣстѣ нынѣшняго михайловскаго замка; другой на Фонтанкѣ про-

тивъ лѣтняго петровскаго дома. Дворецъ ея на красной (садовой) улицѣ, поступившій въ ея владѣніе съ 1732 года, былъ поправленъ и подаренъ А. Г. Разумовскому.

Въ заключеніе нашего разсказа о первомъ годѣ царствованія Елизаветы, намъ остается разсмотрѣть важнѣйшіе изъ 222-хъ указовъ, обнародованныхъ съ 25-го ноября 1741 года по 1-е января 1743 года (168). Въ своемъ мѣстѣ мы уже говорили о нѣкоторыхъ изъ нихъ:

Извѣстно, на какомъ основаніи, и въ какомъ составѣ былъ возстановленъ Правительствующій Сенатъ 12-го декабря 1741 года. Послѣдующими указами (мар. 16-го, 17-го, 22-го, апр. 7-го, 10-го, іюня 17-го), былъ возобновленъ петровскій порядокъ въ производствѣ дѣлъ, въ порядкѣ подписей, въ веденіи протоколовъ; сенатъ освобожденъ отъ рѣшенія дѣлъ не столь важныхъ, переданныхъ въ нисшія инстанціи, для рѣшенія же дѣлъ государственныхъ, назначалось полное собраніе сенаторовъ, по пятницамъ въ 7 часовъ по полуночи (іюня 23-го). Власть сената нѣсколько расширена: *не утруждая* докладами государыню, онъ могъ выдавать жалованье разнымъ чинамъ, вдовамъ дозволять, при малолѣтнихъ дѣтяхъ, продавать имѣнья покойныхъ мужей, для удовлетворенія кредиторовъ (окт. 15-го); могъ распоряжаться суммами штатной конторы, составлявшейся изъ вычетовъ жалованій всѣхъ служащихъ (дек. 11-го). Губернаторы и воеводы не смѣли (мая 3-го) ни отрѣшати, ни опредѣлять секретарей, безъ сенатскаго указа; не смѣли опредѣлять на службу всякаго рода недорослей (дек. 11-го). Двѣнадцатилѣтніе недоросли представлялись въ сенатъ, здѣсь назначались они по желанію, во всѣ роды службы; до совершеннолѣтія «для обученія въ наукахъ, и чтобы душевредительнаго гулянья, и другихъ непотребствъ не было»; недоросли посылались въ школы, или отправлялись на время къ родителямъ. Скрывшій лѣта, и неявившійся въ сенатъ—опредѣлялся до совершеннолѣтія матросомъ, съ 20-ти лѣтъ въ солдаты безъ выслуги, не годные къ службѣ, ссылались въ Оренбургъ.—Нѣтъ сомнѣнія, что это распоряженіе пришло не по сердцу помѣщикамъ, облѣнявшимся, и въ тайнѣ надѣявшимся, что Елизавета не потревожитъ ихъ праздною жизни (169).

Составлено было новое положеніе о числѣ членовъ, присутствующихъ въ разныхъ коллегіяхъ и конторахъ (сент. 17-го), въ слѣдствіе чего, многіе чиновники остались заштатными. Для уменьшенія числа дѣлъ, подтвержденъ былъ (сент. 30-го) указъ 7194 г. — взыскивать истцамъ проѣсти и волокиты съ виновныхъ отвѣтчиковъ. Съ другой стороны, въ видахъ облегченія дворянъ, имѣющихъ дѣла въ вотчинной коллегіи, отъ путевыхъ издержекъ въ Петербургъ, Коллегія переведена (ноябр. 26-го) въ Москву, и только одна контора вотчинныхъ дѣлъ оставлена въ С. Петербургѣ.

Относительно купеческаго сословія, торговли, промышленности и мануфактуръ, не было сдѣлано никакихъ болѣе или менѣе важныхъ распоряженій, имѣвшихъ благотворныя послѣдствія; въ инструкціи, выданной тремъ купеческимъ гильдіямъ, подтверждалось все, что уже было постановлено Петромъ I, относительно сего сословія; обращено было вниманіе на акуратность въ сборѣ подушныхъ съ купечества денегъ. Пошлины таможенныя взымались со всѣхъ товаровъ (Февр. 12-го, апр. 6-го). Неявленные товары, гдѣ бы они не были найдены, кромѣ домовъ иноземныхъ пословъ, подлежали конфискаціи. Подтверждены петровскіе указы (дек. 21-го, апр. 7-го) объ отсылкѣ изъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ, негодной бумаги въ камерецъ-коллегію, о покупкѣ на мѣсто той бумаги хорошей, у русскихъ фабрикантовъ — этимъ распоряженіемъ, обезпечивался сбытъ ихъ фабрикъ. На счетъ выдѣлки бумаги, приказано дѣлать ее для книгъ тоньше, а то «книги въ величинѣ чрезвычайно наполняются переплетомъ, по толстотѣ скоро вредны, а книги должны выходить субтильѣе». — Бергъ-директоріумъ былъ уничтоженъ (апр. 7), а возобновлены съ отдѣльными вѣдомствами, Бергъ- и Мануфактуръ коллегіи; президенты и члены коллегій должны были осматривать фабрики, слѣдить за тщательнымъ выполненіемъ заказовъ, заботиться о улучшеніи фабрикъ и проч. Впрочемъ не видно, чтобъ возобновленіе этихъ двухъ коллегій, замѣнявшихся Бергъ-директоріумомъ, было бы особенно полезно для улучшенія фабричной производительности: перемѣнились названія учреждений, а дѣло осталось въ прежнемъ, довольно печальномъ состояніи.

Армянину Шербанову съ комп. выдана привилегія (іюн. 15-го) на заведеніе шелководства въ Астрахани и въ Кизлярѣ, на сѣяніе сорочинскаго пшена, хлопчатой бумаги, на устройство фабрики шелковыхъ, полушелковыхъ и бумажныхъ парчей. — Обращено было вниманіе на выдѣлку суконъ, для обмундированія войска. Предметъ этотъ вызвалъ въ свое время нѣсколько распоряженій Петра I, и нынѣ тѣ указы были подтверждены. Фабрикантамъ выданы высочайше-утвержденные образцы, сукна должны были выдѣлываться не только одного достоинства съ ними, но съ теченіемъ времени должны были ихъ превзойти (11-го дек.). О продажѣ и производствѣ вина состоялось нѣсколько указовъ: зачитать сборщикамъ, у которыхъ противъ окладовъ явится приборъ вина на сто ведеръ по два съ половиною, а на тысячу по 25 ведеръ въ годъ и о взысканіи за излишнюю усышку и утечку денегъ по продажнымъ цѣнамъ (дек. 17-го). За каждый не клейменный кубъ и казанъ на винокуренныхъ заводахъ приказано (мар. 11-го) взыскивать отъ 25 до 100 рублей штрафа (окт. 20-го). Но въ особенности, отягощенъ былъ народъ отдачею (окт. 20-го) сборовъ на откупъ и въ компаніи. Въ обезпеченіе казна брала съ откущиковъ, впродъ одну треть годовыхъ доходовъ. У поставочнаго за домовымъ расходомъ и принятаго въ розну вина постановлено (ноябр. 3-го) вычитать вмѣсто прежнихъ полкопѣшныхъ пошлинъ съ хлѣба, хмѣлю и дровъ по 3 копѣйки съ ведра.

Въ то время, когда куреніе и продажа вина стѣснялась въ ущербъ нравственности народа, онъ страдалъ отъ недостатка хлѣба. Въ Петербургѣ дороговизна дошла до такой степени, что правительство приказало продавать хлѣбъ по утвержденной таксѣ и цѣнъ не возвышать (янів. 19) Изъ острзейскихъ губерній подъ тягчайшимъ штрафомъ воспрещенъ вывозъ хлѣба (іюля 7-го). Перекупщикамъ хлѣба, скота, живности, рыбы, капусты и прочихъ сѣбственныхъ припасовъ, также сѣна и дровъ, запрещено перекупать у продавцевъ явившихся въ столицу и никакихъ «взаокъ собраныя компаніями не чинить», согласія съ продавцами къ повышенію цѣнъ не имѣть. Впрочемъ *послѣ полудня*, изъ опасенія, чтобъ продавцамъ не было лишняго простоя на рынкахъ, дозволялось

порекупщикамъ брать у нихъ ихъ товаръ. Ослушники указа лишались товара: половина его шла на госпиталь, половина доносчику; *иногда же* виновные подвергались штрафованію *морскими кошками*. Прямими слѣдствіями столь страннаго распоряженія — были безпорядки, всякаго рода злоупотребленія, фальшивые доносы, взятки, напрасныя *съкуции кошками* и презрѣніе къ закону (окт. 11-го).

Одною изъ причинъ дороговизны припасовъ въ С. Петербургѣ была трудность ихъ доставки: обратили вниманіе на исправленіе вышневолоцкихъ шлюзовъ и каналовъ. Сердюковъ, взявшій на себя сборъ узаконенныхъ пошлинъ съ барокъ и плотовъ, вѣдавшій и содержавшій шлюзы вышневолоцкіе, со времени царствованія Петра 1, доносилъ (въ 1742 г.), что истратилъ болѣе 40,000 руб. на починку шлюзовъ, и при всемъ томъ сообщеніе представляло невѣроятныя затрудненія: такъ напр. рѣка Тверца до того была крика, мелка, камениста, что для поднятія барки на ея порогахъ впрягалось до 50 лошадей; суда громадными караванами выжидали по недѣлямъ очистки пути. Хозяевамъ обходилась перевозка съ Вышняго-Волочка, на разстояніи 20-ти какихъ-нибудь верстъ такъ дорого, что цѣны возрастали болѣе нежели вдвое. Сердюковъ обѣщамъ фарватеръ въ мелкихъ мѣстахъ углубить, каменные шлюзы выстроить, каменные мѣста очистить, но за то выпросилъ разрѣшеніе, вмѣсто прежнихъ 5 копѣекъ, брать съ сажени 10-ть. Но обѣщанія остались обѣщаніями, а сообщеніе по вышневолоцкому пути было сопряжено съ прежними затрудненіями.

Распоряженія о улучшеніи сухопутныхъ путей сообщенія простирались только на дорогу изъ Петербурга въ Москву, или къ мѣсту военныхъ дѣйствій Выборгу. (Дек. 9-го, 23-го, фев. 19-го, іюля 9-го Авг. 17-го). Облегчена выдача и прописка подорожныхъ, отсылаемыхъ прежде изъ ямской канцеляріи въ сенатъ и коллегіи. Увеличены вообще прогоны (фев. 17-го Мар. 19-го, Окт. 15-го), съ обязательствомъ: платить ихъ каждому, ѣхалъ ли бы онъ по своей или казенной надобности. «Ѣздить по прешпективной дорогѣ силою (какъ то дѣлалось прежде) запрещено было принуждать (нояб. 12-го).»

По случаю войны обращено было вниманіе на улучшеніе

флота и арміи. Въ Кронштадтѣ для починки кораблей (фев. 15-го) заложенъ большой элингъ съ двумя воротами и шлюзами; обдѣланъ большой каналъ морскихъ доковъ (окт. 15-го). Для сокращенія издержекъ прекращена (февр. 17-го) выдача денегъ на угощеніе офицеровъ кронштадтскихъ въ *викторіальные* дни, что постоянно дѣлалось до 1737 года. Для этого же адмиральтейскими сборами поручено вѣдать губернаторамъ, а не особымъ офицерамъ (апр. 6-го). Во избѣжаніе недостатка офицеровъ во флотѣ воспрещенъ имъ переходъ на службу въ другія вѣдомства.

Для лучшаго надзора за выдѣлкой ружей, оружейная контора, также тульскіе и сестрорѣцкіе заводы подчинены непосредственно военной коллегіи (дек. 28-го и янв. 15-го). При сенатѣ для карауловъ и разсылокъ учреждена рота солдатъ съ полнымъ числомъ оберъ- и унтеръ-офицеровъ. Изъ чиновниковъ военной коллегіи составлены конторы комиссаріатская и цальмейстерская, къ первой присоединена мундирная контора (янв. 25-го). Инженерный *корпусъ* и фортификаціонная контора соединены въ одно вѣдомство (фев. 15-го). Малороссійской пороховой заводъ соединенъ съ московскимъ (окт. 15-го). Къ придворнымъ конюшнямъ приписаны 572 души мужескаго пола (въ зачетъ рекрутской повинности) съ тѣмъ, чтобы они изъ рода въ родъ были конюхами (авг. 27-го). Строго было подтверждено офицеровъ отнюдь не увольнять въ отставку, а негодныхъ къ службѣ, больныхъ, престарѣлыхъ и увѣчныхъ отсылать въ дальніе гарнизоны (авг. 27-го), или на поселеніе за Каму рѣку (сен. 27-го). Всѣмъ членамъ военнымъ и статскимъ стражайше воспрещалось (сент. 17-го) употреблять солдатъ на собственные работы и услуги. Шведскихъ артиллерійскихъ и инженерныхъ офицеровъ дозволялось (окт. 15-го, Ноября 26-го) принимать на службу не иначе, какъ съ опредѣленіемъ ихъ въ дальніе гарнизоны. По случаю прекращенія кампаніи 1742 г. третья часть штабъ и оберъ-офицеровъ арміи (окт. 18-го) были распущены въ отпускъ, но приготовленія къ новой кампаніи начались объявленіемъ новаго рекрутскаго набора. 31-го декабря было приказано представить въ сенатъ изъ всѣхъ коллегій и конторъ вѣдомости о числѣ нижнихъ чиновъ, о необходимомъ числѣ новыхъ для

укомплектованія всѣхъ командъ. За тѣмъ по примѣру 1741 года приказано приступить къ рекрутскому набору со всѣхъ посаженныхъ въ подушной окладъ «не обходя никого и не чня зачетовъ (170).»

Сборъ податей, сборовъ и всякаго рода пошлинъ вызвалъ рядъ самыхъ энергическихъ распоряженій, напомнимъ указы Бирона. Губернаторы, воеводы и офицеры-сборщики неоднократно были *понуждаемы* къ сбору недоимокъ. За неисполненіе приказано (авг. 31-го) губернаторовъ съ ихъ товарищами сажать подъ арестъ, воеводъ и офицеровъ заковывать въ желѣза; для скорѣйшей высылки податей и недоимокъ разосланы по городамъ гвардейскіе солдаты. Для пресѣченія беспорядковъ въ платежѣ подушныхъ денегъ (17-го сентября) объявлена новая ревизія, съ тѣмъ, чтобы она возобновлялась черезъ каждыя 15 лѣтъ. Для составленія переписи назначались отставные генералы, штабъ-офицеры и статскіе чиновники; по указу—они должны были быть люди способные и надежные.»

Въ общую генеральную перепись внесли *людей и крестьянъ* (?), находившихся на казенныхъ работахъ по паспортамъ, безъ отсылки таковыхъ работниковъ къ мѣстамъ ихъ жительства. Безпаспортнымъ дозволялось оставаться при работахъ, но впредь таковыхъ принимать запрещалось (нояб. 1-го). Недостатокъ денегъ въ государственномъ казначействѣ, за издержками на празднества, коронацію, и войну—былъ до того великъ, что правительство неоднократно приказывало (11-го декабря и проч.) взыскивать во всемъ государствѣ подати безъ увеличенія переписки и въ непродолжительномъ времени. Государыня находила, что подданные, освобожденные ею отъ многихъ недоимокъ, за два года получившіе облегченіе въ податяхъ (10 коп. вмѣсто 17-ти съ души) не позаботились изъ благодарности очистить прежніе недочеты. Виновикиами того, по словамъ указа, были помѣщики, а имъ нарочья, губернаторы и воеводы. Того ради *взыскивать безъ послабленія, чинить праведъ*, отписывать на государыню деревню *безповертно*, крестьянскихъ отговорокъ, что они только за себя могутъ выплатить подати, а за убогихъ, умершихъ, бѣглыхъ взятыхъ въ солдаты платить не могутъ и тѣ отговорки не

принимать, а доправлять съ нихъ за всѣхъ. Сборщикамъ запрещалось брать взятки, впрочемъ ради только того, что отъ этого «государынѣ чинится ущербъ, а слѣдственно и народное раззореніе возпослѣдуетъ».

И такъ, хотя доимочная канцелярія, въ слѣдствіи страшныхъ злоупотребленій была закрыта, но народъ снова страдалъ отъ рекрутскихъ поборовъ, злоупотребленій, съ которыми сопровождалась *генеральная перепись*, производившаяся людьми неспособными, порочными, привыкшими къ мѣрамъ свирѣпой жестокости въ десятилѣтнее владычество Бирона. Угрожаемые съ одной стороны штрафованіемъ *кандалами*, съ другой — увлекаемые жаждою корысти, они какъ баскаки татарской орды налетѣли и на *людей* (помѣщиковъ?) и на *крестьянъ* (?).

Монетное дѣло было усилено. (Марта 26-го, мая 13-го, 24-го, ноября 19-го, декабря 11-го.) Государыня повелѣла вычеканить 10,000 червонныхъ съ ея портретомъ (Іюня 20-го). Ради дешевизны въ наймѣ рабочихъ и доставкѣ матеріаловъ — монетному двору приказано (іюня 25-го) изъ Петербурга перебраться въ Москву, а мѣсяць спустя (іюля 20-го) указъ отмѣненъ (171).

Для улучшенія построекъ въ С. Петербургѣ, Москвѣ, селѣ Покровскомъ — Елизавета (апрѣля 17-го) запретила строить дома безъ разрѣшенія главной полиціи; при чемъ (мая 22-го) дома должны были строиться по планамъ, улицы проводились шириною въ восемь, переулки въ четыре сажени. Вся Москва обнесена была землянымъ рвомъ (іюня 10-го). Въ Петербургѣ обращено было вниманіе на обстройку васьилевскаго острова (іюля 30-го). Въ обѣихъ столицахъ улицы предъ казенными и *конфискованными* домами были тщательно вымощены (авг. 7-го). Въ предохраненіе отъ пожаровъ, полицейская канцелярія должна была (авг. 24-го, сент. 2-го) надзирать за лучшею кладкою печей и проводкѣ трубъ въ домахъ. Набережныя обнесены перилою, запрещено кабаки и харчевни заводить на главныхъ улицахъ, ходы въ погреба дѣлать со двора.

Изъ другихъ городовъ обращено было вниманіе на Оренбургъ. Основанный въ 1734-мъ году на бухарской сторонѣ,

при рѣкѣ Янкѣ, онъ перенесенъ, по донесенію Неплюева (окт. 15-го), нѣсколько верстъ далѣе отъ прежняго мѣста. Для заселенія сего города переселено туда (сент. 17-го) болѣе 1,000 семействъ малороссіянь, молдованъ, волоховъ и грузинъ (172). Жителямъ Лифляндіи, Эстляндіи, Эзеля, городовъ: Риги, Ревеля, Нарвы, Дерпта, Пернова, Выборга и Нѣжина выданы жалованныя грамоты съ подтвержденіемъ всѣхъ ихъ прежнихъ правъ и преимуществъ (ноября 3-го, іюня 25-го, сент. 17-го, окт. 27-го.).

Вишнія дѣла, заправляемые Безстужевымъ (ноябр. 12-го, декабря 10-го), для начала были очень-хороши: вскорѣ по возвращеніи двора въ Петербургъ, получено было извѣстіе, что дагестацкіе князья съ войскомъ, состоявшимъ болѣе 60,000 человекъ, вошли съ просьбою къ начальствовавшему въ Кизлярѣ генералу Тараканову о принятіи ихъ въ подданство Россіи, на что Елизавета изъявила согласіе. Съ Англіей заключенъ былъ (дек. 11-го) оборонительный союзъ на 15 лѣтъ, съ обезпеченіемъ взаимной цѣлости и спокойствія, особенно на сѣверѣ, и съ обязательствомъ, въ случаѣ нужды, снабжать вспомогательнымъ войскомъ. Англія только теперь признала за русскими государями императорскій титулъ.

«Мнѣ стоило большихъ хлопотъ, заключить этотъ договоръ», пишетъ англійскій резидентъ 15-го декабря. «Лестокъ и Безстужевъ, имѣя сильное вліяніе на дѣла, враждуютъ другъ съ другомъ. Съ трудомъ удалось мнѣ примирить ихъ, разумѣется, на время. Я предложилъ первому отъ имени короля великобританскаго 600 ливровъ годоваго дохода; онъ былъ очень доволенъ, надавалъ тысячу обѣщаній, но на нихъ нельзя много полагаться, ибо Лестокъ состоитъ на жалованьи отъ двора французскаго».

Послѣ капитуляціи 24-го августа съ Швеціей, дѣла были на время спокойны, и депутаты стокгольмскаго сейма признали Петра III (декабря 28-го) наслѣдникомъ русскаго престола, съ титуломъ императорскаго высочества. Съ оттоманскою портою миръ 1739 былъ подтвержденъ и по конвенціи (12-го окт. 1742) уполномоченныхъ обѣихъ державъ опредѣлена была граница: главнымъ рубежомъ назначена

линія со стороны Днѣпра, отъ вершины рѣки Конскихъ Водъ до рѣки Берды.

Достоинно замѣчанія, что во все это время, наравнѣ съ съ указомъ довольно важнымъ, выходили постановленія, имѣвшіе смыслъ по отношенію къ забавамъ двора, прихотямъ двора и проч. Почти въ одинъ день съ возстановленіемъ сената, строжайше воспрещено (дек. 1-го, 19-го) ловить и стрѣлять птицъ и звѣрей около Петербурга и Москвы: право это удерживала за собой государыня съ своимъ дворомъ. Изъ всѣхъ указовъ и учрежденій правительницы Анны, немедленно уничтоженныхъ, подтвержденъ былъ указъ о содержаніи *Индъ-Штата* (февр. 18-го): онъ получалъ только новый видъ съ учрежденіемъ (окт. 30-го) оберъ-егермейстерской канцеляріи, управляемой А. Разумовскимъ.

Нѣкоторые указы уничтожились только потому, что они вышли въ правленіе Анны: такъ въ отмѣну прежнему постановленію, Елизавета дозволила (дек. 15-го) 1741 г., своимъ сановникамъ впрягать лошадей и содержать ихъ сколько кому угодно. Но уже 18-го октября 1742 г. запрещалось ѣздить цугами и четвернями ради того, объявляла государыня, что даже и посредственные люди изъ тщеславія стали ѣздить цугами. Быстро развившаяся роскошь при дворѣ повидимому вызывала мѣры, имѣвшіе цѣлю ея уменьшить: золотыя и серебряныя матеріи (особенно любимыя Елизаветой) воспрещалось продавать безъ ея дозволенія и выбора (мар. 11-го). Ко двору тѣмъ не менѣе съ большими издержками доставляли цѣлые обозы фруктовъ южной Россіи (авг. 13-го). Для приготовления къ коронаціи драгоцѣннѣйшихъ вещей и уборовъ учреждена была (апр. 15-го) цѣлая коммиссія. Купецъ Стегельманъ гофъ-факторъ двора (28-го авг.), едва успѣвалъ выписывать изъ за-границы всякаго рода драгоцѣнныя ткани и проч. Между тѣмъ, по указу 11-го дек. 1742 г., никто кромѣ военно-служащихъ и иностранцевъ не смѣлъ носить богатаго платья; лица *не имющія ранговъ* не смѣли носить даже шелковыя подкладки въ платьяхъ; первымъ пяти кассамъ предоставлялось право носить кружева. На русскихъ фабрикахъ воспрещено было дѣлать серебряныя и золотыя парчи; а позументы въ необходимомъ числѣ для церковныхъ ризъ, облаченій и т. п.

Слѣдующій, довольно оригинальный указъ заключилъ первый годъ царствованія Елизаветы: «государыня замѣтила (дек. 31-го), что въ петербургскомъ гостинномъ дворѣ продаютъ желѣзныя табакерки, крытыя лакомъ, съ нарисованными на нихъ *пасквилями*: пять персонъ мужескихъ и одна женская въ одной рубашкѣ, а половина оной нагая, въ коронѣ, съ подписью на англійскомъ языкѣ тѣхъ персонъ неприличныхъ разговоровъ; а понеже такіе и подобныя тому пасквили здѣсь весьма ненавистны суть, того ради,» Сенатъ долженъ былъ принять мѣры къ воспрещенію таковыхъ вещей къ продажѣ.

По докладу князя Трубецкаго, Елизавета нашла, что Петербургскія вѣдомости печатаютъ *многія несправедливости*, какъ напр. ошибочно объявили (26-го февр. N-17), что Михайло Безстужевъ награжденъ орденомъ Андрея Превозваннаго. Академіи приказано (март. 18-го) отвѣчать въ этомъ сенату, а впредь печатать вѣдомости не иначе, какъ *съ дозволенія сенатской конторы*. Этотъ указъ былъ единственный въ первый годъ новаго царствованія, относившійся *къ дѣлу книжному, къ дѣлу народнаго образованія*: о немъ нѣтъ ни слова въ 222 указахъ сего времени.

За то множество относится къ увеличенію правъ духовенства, къ распространенію православія, уничтоженію *еретиковъ* и т. п. Не даромъ, не безплодно гремѣли духовные проповѣдники! Предики пожинали обильные плоды. Сама государыня по своему личному влеченію къ духовенству и религіозному настроенію приказала (декабр. 15-го 1741 г.) иновѣрцевъ, сдѣлавшихъ важное преступленіе и только изъ обязанности казни обратившихся къ православію *казнить смертью* (январ. 16-го), армянскія церкви *закрѣты* и впредь не позволять строить (январ. 22-го), церковно служителямъ, посланнымъ въ Камчатку для распространенія православія увеличить жалованье и назначить пособія (март. 30-го). Вдовымъ священнослужителямъ принятымъ въ монастыри, до постриженія ихъ въ монахи дозволять священнодѣйствовать, полковымъ священникамъ предоставить всѣ средства (апр. 6-го) обращать въ православіе калмыкъ, татаръ, черемисъ, мордву, чувашъ и другихъ иновѣрцевъ, находящихся на службѣ. Всѣхъ священниковъ освободить отъ присылки въ синодъ (мая 17-го) вѣдо-

мостей о исповѣдовавшихся и неисповѣдовавшихся. Въ пользу церквей и церковныхъ служителей взимать (мая 31-го, іюля 15-го), штрафъ съ человѣка по рублю за несоблюденіе тишины во время службы, за разговоры *о свѣтскихъ дѣлахъ*, за *неблагошное* стояніе, за громкое лобзаніе иконъ во время пѣнія и т. п. Престарѣлыхъ и въ умѣ поврежденныхъ *колодниковъ* препровождать изъ тайной канцеляріи *для исправленія* въ монастыри (іюля 23-го), судебнымъ свѣтскимъ мѣстамъ запретить безъ архіерейскаго разрѣшенія задерживать духовныхъ лицъ, за исключеніемъ тяжкихъ, государственныхъ преступленій (іюл. 7-го), *для утвержденія православія*, для иновѣрческихъ дѣтей казанской губерніи завести школы. Всѣхъ турецкихъ плѣнныхъ, оставшихся въ Россіи еще съ 1739 года, отпустить въ отечество, но принявшихъ христіанство возвратить на жительство въ Россію, (23-го сент.), ставленническія дѣла священниковъ вести не на гербовой, а на простой бумагѣ (апр. 7-го), дома и дворы церковнослужителей освободить отъ постоя. Духовныхъ сказавшихъ *слово и дѣло* отсылать не въ свѣтскіе суды, а въ синодъ. Помѣщиковъ, имѣющихъ у себя церкви, обязывать снабжать служащихъ въ тѣхъ церквахъ всѣмъ необходимымъ: землю, покосами и проч. (окт. 9-го).

Гоненія на раскольниковъ открылись съ перваго же года новаго царствованія: раскольническая контора, потерявшая свое значеніе со смерти Петра I, снова открыта (окт. 18-го) Она обложила «раскольниковъ и бородачей двойнымъ окладомъ» и поспѣшила устроить за ними *«духовный, наискрѣпчайшій надзоръ.»* Духовные приставники *безъ послабленія* раскольниковъ къ святой церкви побуждали, а бородачей отъ упрямства отгоняли (ноябр. 22-го).

Мечети приказано закрыть (ноябр. 19-го), за новоокрещенными слѣдить, да не обратятся они въ ересь, а таковыхъ *розыскивать*. Буде чуваша и иные *еретики* не пожелаютъ креститься таковыхъ штрафовать по указамъ. Но самымъ страннымъ распоряженіемъ, съ трудомъ извиняемымъ временемъ, было преслѣдованіе въ предѣлахъ російской имперіи всѣхъ жидовъ. Государыня въ указѣ 2-го декабря 1742 объявила, что отъ этихъ ненавистниковъ имени Христа надо

ожидать крайняго вреда всѣмъ нашимъ подданнымъ, «почему и повелѣваемъ немедленно всѣхъ жидовъ и жидовокъ всякаго званія и достоинства выслать изъ нашихъ владѣній и впредь оныхъ ни подь какимъ видомъ въ Россію не впускать. При высылкѣ жидовъ тщательно наблюдать, чтобъ при нихъ не было золота, серебра и иностранныхъ ефимковъ, все это обмѣнять имъ на мѣдные пятикопѣешники и копѣйки. Ослушники указа подвергнуться подь высочайшій гнѣвъ нашъ и будутъ преданы жесточайшимъ и тягчайшимъ истязаніямъ (173).»

Самое замѣчательное и гуманное распоряженіе было сдѣлано 21-го мая: приказано было малороссіянь отнюдь никому не укрѣплять въ холопство, не принуждать ихъ вступать въ бракъ съ *крѣпостными* дѣвками и женщинами. Женившихся же добровольно немедленно съ женами отпустить на волю. Всѣ крѣпости и писма на холопство малороссіянь отнынѣ считать недействительными. Съ ослушниками указа, съ барамы, *холопившими* малороссовъ и неотпущавшими ихъ на волю приказано (іюля 3-го) поступать какъ съ явными преступниками и ослушниками императорской воли «безъ всякаго милосердія.» По указу 9-го іюня свободные козаки имѣли право вездѣ шипковать безъ запрета, продавать вино ведрами, кучами и квартами.

Недовольствуясь этимъ, государыня (август. 18-го) облегчила малороссіянь отъ разныхъ повинностей: денежныхъ, лошадыми, отводомъ квартиръ, доставки припасовъ и проч. Подь страхомъ жестокаго наказанія воспрещено пренятствовать свободнымъ малороссіянамъ переходить съ мѣста на мѣсто.

Въ царствованіе Екатерины II малороссы были тысячами роздарены придворнымъ сановникамъ, но въ 1742 году они были обязаны своей свободой ходатайству и заступничеству А. Г. Разумовскаго, крестьянина черниговской губерніи, да преставленіямъ А. Б. Бутурлина, управлявшаго въ то время Малороссіей. Такимъ образомъ цѣлая страна обязана своими правами двумъ придворнымъ, пользовавшимся въ разное время особымъ расположеніемъ императрицы... Если такъ много было сдѣлано для малороссіянь, то какія же льготы

получили великороссiяне? Они видѣли освобожденiе своихъ сосѣдей, прислушивались къ восторженнымъ похваламъ императрицѣ монаховъ и священниковъ, слышали о щедрыхъ наградахъ русскихъ людей, предпочтительно предъ иноземцами, о набожности, кротости Елизаветы и молва облетѣла крѣпостную Русь: свобода, свобода, воля приходитъ, говорили мужички. Надежды, волновавшiе крестьянъ въ началѣ каждаго почти царствованiя, на этотъ разъ заглохли съ слѣдующимъ указомъ, 2-го iюня.» Узвали мы въ прошломъ мѣсяцѣ,—объявляла государыня,—что многiе помѣщичьи крестьяне оставляютъ своихъ господъ, самовольно затѣваютъ будто всѣмъ крѣпостнымъ дана будетъ воля. Многiе стали проситься въ военную службу для освобожденiя отъ помѣщиковъ; и о томъ просили насъ самихъ. Другiе, не подавая никакихъ челобитень, отъ господъ своихъ бѣжали и ждали указа объ освобожденiи, а за такiе ими вымышленныя и противозаконныя дерзновенiя, по собственноручному нашему указу, учинено имъ на площади *предъ публикою* жестокое наказанiе: тѣ, которые подавали просьбы толпами, биты кнутомъ, зачпички сосланы за тѣмъ въ Сибирь, въ каторжную работу, вѣчно, а подававшiе челобитныя порознь, по матернему милосердiю нашему, биты плетью, прочiе батогами; а по наказанiю, всѣ, кромѣ каторжныхъ, возвращены помѣщикамъ въ *услуженiе* по прежнему. И такъ, на крѣпко запрещаемъ крѣпостнымъ людямъ отъ помѣщиковъ не бѣгать, въ военную службу самовольно непросится, а ослушники какъ *наказанные ихъ братья* будутъ и впредь нещадно биты кнутомъ и сосланы въ каторжную вѣчную работу.»

Крестьяне увидѣли чего можно ждать, чего надѣяться и стали бѣгать толпами отъ помѣщиковъ въ привольную Малороссiю. Изъ одного муромскаго уѣзда бѣжало болѣе 1000 семействъ крестьянскихъ; многiе вотчины лишились совершенно жителей (ук. авг. 2-го). Пойманныхъ пороли плетью, батогами, били кнутомъ, и нерѣдко головой отдавали помѣщикамъ (174)... И такъ, «болѣзненно работающiй земледѣлецъ (примѣняемъ слова дьякона Савицкаго изъ проповѣди его 10-го октября 1742 г. стр. 4), многотрудящiйся крестьянинъ, ради своего (и помѣщичьяго) пропитанiя, исто-

щающійся въ страшныхъ усиліяхъ, не отеръ кроваваго пота съ лица своего. Надежда его перемѣнилась въ отчаяніе, день и ночь ожидаемое благополучіе возрасло въ несравненный плачь и скорбь лютую!»....

У насъ вообще принято думать, что въ концѣ первой половины XVIII-го вѣка настала тишина, водворилось спокойствіе, прекратились пытки, казни — чуть-чуть не насталъ вѣкъ золотого счастья. На сколько справедливо это странное мнѣніе, утвержденное всѣми учебниками, многими монографіями, трудами Н. А. Полеваго, А. И. Вейдемейера и друг. можно видѣть изъ нашихъ очерковъ.... Добавимъ въ заключеніе, что уже въ 1742 г. вышло нѣсколько указовъ по поводу казней и пытокъ: *перевѣщниковъ за границу шведскую казнить смертію безъ упущенія* (мар. 13-го); при губернскихъ канцеляріяхъ *овредѣлить по два палача или заплочныхъ мастеровъ*, а въ провинціальныхъ по одному *для розысковъ и экзекуцій* (іюня 10-го). За ложное сказаніе *слова и дѣла* приказано боярскихъ и посадскихъ людей *бить плетми нещадно; помѣщичьихъ людей и крестьянъ*, ежели владѣльцы обратно взять не пожелаютъ, *сѣчь плетми, а кнутомъ не бить.... дабы не попортить и въ службу негодными не сдѣлать* (іюня 25-го). Малолѣтнихъ преступниковъ важныхъ (менѣе 17-ти лѣтъ) отъ пытки и *смертной казни* освободить (значитъ взрослые не были освобождены), а въ замѣнъ, государыня всемплоствѣйше соизволила приказать сѣчь ихъ батогами, сѣчь плетми и ссылатъ для *исправленія* въ монастыри (августа 23-го). Во избѣжаніе споровъ, показанія подсудимыхъ, говоренныя съ *виски, дыбы, огня, желъза, воды, утки* и другихъ пытокъ (176), приказано было (сент. 1-го) записывать тутъ же въ застѣнкахъ, въ особій черновой журналъ и подписывать его судьямъ, не выходя изъ застѣнка или казамата, гдѣ производился *розыскъ* (175). Такимъ образомъ, говорятъ Н. М. Карамзинъ: грозы самодержавія еще пугали воображеніе людей: осматриваясь произносили имя кроткой Елизаветы или министра сильнаго; пытки и тайная канцелярія существовали: потоки крови лились, въ застѣнкахъ раздавались вопли терзаемыхъ!... (176).

ПРИМЪЧАНІЯ.

(103) *Вид.* 1742, 85, 92—94. *Полсваю.* Стол. Россіи. 1845. ч. 1, стр. 58. *Маништейнъ*, стр. 451, ошибочно говоритъ, что герцогъ пріѣхалъ въ Сиб. въ январѣ. *Беркгольцъ* (авторъ любопытнаго дневника), пробылъ въ Россіи до 1746 г. Кромѣ него прибыли изъ Голштиніи съ герцогомъ оберъ-гофмаршалъ *Брюммеръ* и камергеръ *Дукеръ*. Штатъ герцога умноженъ слѣдующими лицами: гофмаршалъ князь А. А. Черкасской; камергеры: графъ Г. И. Головкинъ, князь С. Гагаринъ, Лиценфельдъ и П. С. Сумароковъ; камеръ-юнкера: Лингардтъ, Н. И. Панинъ, Воронцовъ, Вожжнскій и Сиверсъ. Приказано камеръ-юнкеровъ считать въ числѣ бригадировъ, а дѣйствительныхъ камергеровъ генераль-маіорами (№ 8510). О призваніи въ Россію Петра III-го, смотр. рукопись Академ. Библиот. въ листъ, 650 стр. 1801 г.: «Дипломатическія сношенія между Россіей и Голштиніей. Сост. А. Малиновскій.

(104) *Вид.* 101, 109—111. *Примѣч.* 48—55. *Изъясненія* Фейерверкъ, Штелинъ увѣряетъ, что все *веселіище* императрицу, должно приводить въ восторгъ ея рабовъ. Онъ-же обращаетъ вниманіе на 14-ти лѣтній возрастъ наслѣдника; по Пнеагорову ученію, «кто священное седмиричное число лѣтъ дважды здраво, бодро и счастливо уже преиспроводилъ, тотъ многіе степенные годы проведетъ въ здравіи и счастіи». Смотр. также «Зерцало российскихъ государей», Сиб. 1794. *Малыгина*, стр. 527. Описаніе праздника 10-го февраля было напечатано въ 1742 г. и на франц. языкѣ. Празднованъ сей день въ Глуховѣ, Ригѣ и Нарвѣ. *Вид.* 127, 150, 182.

(105) Студентъ Ломоносовъ получилъ званіе адъюнкта 28-го января 1742 г., вмѣстѣ съ семинаристомъ г. Тепловымъ.

(106) Карлъ Голштинскій уѣхалъ въ Киль *въ июль 1727 г.*; Анна Петровна родила *10-го февраля 1728 г.*; такимъ-образомъ, по увѣренію Ломоносова, Петрополь терзался объ отъѣздѣ Петра III, когда онъ еще былъ въ материнской утробѣ. Собраніе сочиненій *Ломоносова* 1751 г., 8-я д., стр. 130—138. Первое собраніе его сочиненій, оно украшено его портретомъ. Книга нѣтъ рѣдка.

(107) П. С. З. 8495, 8516, 8520, 8521. *Вид.* 117, 134, 143. Здѣсь ошибочно сказано, что Елизавета выѣхала *въ понедѣльникъ*, достоверно извѣстно, что она выѣхала *во вторникъ*. Достоинно замѣчанія, государыня ничего не начинала *въ несчастный день понедѣльникъ*.

(108) Проповѣдь и дальнѣйшія подробности заимствуемъ изъ роскошнаго, по своему времени, изданія: «Обстоятельное описаніе вѣнчанія въ Москву и коронаванія Елизаветы». Спб. 1744, въ листъ, стр. 1—168, съ 60-ю рисунками, планами и чертежами. На приложенномъ портретѣ государыня изображена въ ростъ, стоитъ подъ балдахинномъ, въ Успенскомъ соборѣ. На головѣ корона, въ лѣвой рукѣ держава, въ правой скипетръ, на плечахъ порфира. Елизавета одѣта декольте, узкій корсетъ стягиваетъ талію, платье съ фижмами. Черные волосы густыми локонами надаютъ на плечи, обрамляя полное, круглое, улыбающееся лице. Глаза велики, ротъ малъ, подбородъ очень полонъ — вообще лицо довольное, спокойное, безъ думы и особаго выраженія. На первой страницѣ виньетка. Москва въ 1742 году изъ-за рѣки. Рисунки 1—9 изображаютъ триумфальныя ворота, аллегорическія на нихъ картины, далѣе картина въѣзда въ Москву и проч. Объясненія картинъ такого рода: «Орелъ прогоняетъ *совъ и петуховъ*» и т. п. Картины сочинены Штелинымъ и архіепископомъ Амвросіемъ. Ворота строились подъ руководствомъ искуснаго зодчаго, князя Ухтомскаго. Смотри «Старина» А. Мартынова, 1848 и 1853 г., ч. 1 и 4, стр. 23—26. Памятники Москвы, 1842 г. Снегирева, стр. 88—89. Описаніе Москвы, Рубана, 1782. Планъ Москвы 1739 г., Мишурина. О пожарѣ московскомъ 1737 г. въ «Чтеніяхъ исторіи» 1858 г., кн. 3. «Исторія московской академіи» Смирнова. М. 1855. Подносный экземпляръ описанія коронаціи 1742 г. хранится въ академіи въ богатомъ футлярѣ, съ раскрашенными чертежами и рисунками.

(109) П. С. З. 8523, 8530. Штелина: Сказанія о Петрѣ I-мъ. 1787, стр. 292. Описаніе двухъ аудіенцій персидскаго посла въ Москвѣ. 1742, въ 4-ю д.

(110) Спичева, «Слово», церкви. печати. М. въ 4-ю д. Гражд. печати. Спб. 1742, стр. 1—20.

(111) Маркела, на 28-е марта, церк. печати въ Москвѣ и гражд. въ Спб. 1742 г. Флоринскій, въ словѣ 11-го апрѣля, перевозоситъ на 40-ка страницахъ кротость Елизаветы, Крайскій, 17-го апр., хвалить за призывъ Петра III-го. Вовсе не замѣчательны проповѣди Топольскаго, 30-го мая, Григоровича, 23-го, Хотулицевича, 26-го, Кулябки, 16-го. Въ нихъ попадаются, однако, такого рода воззванія: «Государыня, затвори гортани хульниковъ церкви, уста хульныя — глиною заключи, а и снать нечестивые языки не худо, яко-же всѣ благочестивые цари творили такъ» и т. п. Маркела, 23-го іюня, Лесницкаго, 8-го августа, Змиловскаго, 16-го ок-

тября, *Левинскаго*, 25-го, *Антоновскаго*, 31-го, *Горленко*, 28-го ноября и проч.

(112) «Записки о жизни и службѣ», *А. И. Бибикова*, 1817, стр. 12. *Manstein*, стр. 458. *Даниловъ*, стр. 34—35. Слѣдственные дѣла за этотъ годъ во всѣхъ гвардейскихъ полкахъ составляютъ толстѣйшіе томы, преступленія были самыя разнообразныя. Напримѣръ въ Измайловскомъ полку за 1742-й годъ: «№ 5, дѣло о дракахъ, ссорахъ и злыхъ поступкахъ солдатъ съ посторонними. № 3, опредѣленіе солдатъ за продерзости въ армейскіе полки. № 6, о вышибленіи у солдата Леонтьева праваго глаза.... № 9, дѣло солдата Соколова въ порубленіи шлягою извооника. № 10, о дракѣ солдатъ съ корабельною командою. № 11, о обидѣ рядовымъ Аммосовымъ иноземца Гана. № 12, дѣло гренадера Кременева съ товарищами въ продажѣ корчемнаго вина. № 16, о продерзостяхъ солдатъ. № 23, бой сержанта Колобова съ капраломъ Загоскинымъ. № 24, о покраденыхъ изъ дворца вещахъ солдатомъ Федоровымъ, въ бытность его тамъ на караулѣ. № 29, дѣло о убіеніи гренадера Федаева рядовымъ Пикнымъ. № 35, о солдатѣ Артамонѣ Блудовѣ въ смѣшеніи блуда съ коровою и т. п. Объемъ нашего очерка не дозволяетъ намъ остановиться на этихъ дѣлахъ, но уже перечень ихъ довольно выразительно говоритъ о состояніи полковъ того времени. По случаю безпорядковъ, какъ видно изъ подлинныхъ бумагъ, многіе иностранцы офицеры поспѣшили выйти въ отставку.

(113) «Описаніе коронаціи» 1742 г. На поляхъ моего экземпляра рукою современника сдѣланы разныя поправки. Одинъ изъ рисунковъ изображаетъ маскарадъ-балъ въ яузскомъ дворцѣ.

(114) Описаніе иллюминаціи 25-го апр. 1742 г. М. 4-я д. Современнаго изданія оды *Тредьяковскаго*, 4-я д., 1742 г., мы нигдѣ не могли сыскать.

(115) Изображенія регалій въ *Обстоят. описан.* 1744 г. Любопытныхъ, явившихся ихъ осматривать, съ 7-го по 19-е мая, было 136,258 человекъ. На иллюминированномъ щитѣ въ уста *Россіи* вложена была надпись:

Надежда съ правомъ нынѣ довольны,
Желаніе съ вѣрностью спокойны.
Того Россія токмо ждетъ:
Да въ вѣкъ живетъ Елизаветъ.

Любопытны изображенія иллюминацій, бывшихъ предъ золотою рѣшеткою. Такъ, напримѣръ, представлено шесть сердець пирамидкою, на ней корона, подпись: *на сихъ подпорахъ безопасна.*

На столѣ стоитъ свѣчка въ подеѣвчникѣ: *егда свѣтъ всѣ про-
свѣщаются*. На скалѣ крѣпость, въ воздухѣ кнутъ: *ничею не
ищу кромѣ правости*. Столбъ увѣнчанъ короной: *перельны не
бойся* и т. д. Въ Вид.: «Экстрактъ изъ журнала о придворныхъ
церемоніяхъ». Въ прилжч. (стр. 185—196) помѣщено было объ-
явленіе такого рода: «По случаю коронаціи изданы разныя по-
хвальные стихи, рѣчи и тому подобныя сочиненія, которыя, мо-
жетъ быть, не во всѣхъ еще рукахъ находятся. Желая оказать
нашимъ читателямъ наиблаготѣвительнѣйшую услугу, мы будемъ ихъ
печатать въ Вѣдомостяхъ и Прижѣчаніяхъ». Но обѣщаніе оста-
новилось на напечатаніи стиховъ кенигсбергскаго адвоката *Ле-
стока, I. A.* (?), столь-же высокопарныхъ, сколько и нелѣпыхъ.
На медали, выбитой по случаю коронаціи, изображено на лицевой
сторонѣ: «Б. м. елисаветъ: императ. і самодер. всеросс.» поясное
изображеніе государыни. На оборотѣ: «промыслъ божій чрезъ
вѣрныхъ подданныхъ». Елизавета въ порфирѣ, ее вѣнчаетъ
геній, слетающій съ облаковъ; у ногъ Россія со щитомъ, сзади
двѣ колонны съ вензелями Петра и Екатерины. Въ обрѣзѣ:
«коронована в москвѣ 1742 год.» Работа неизвѣстнаго художника,
есть снимки. Собр. русск. медал. 1840, № 125. На жетонахъ зо-
лотыхъ и серебряныхъ (мы имѣемъ серебрянный величиною съ
четвертакъ) на лицевой сторонѣ: «елисаветъ императрица все-
россійская коронована в Москвѣ 1742 г.» на оборотѣ «от выш-
него благодать», корона въ лучахъ. Ода *Юнкера*, 29-го апр. 1742 г
напечатанная въ листъ, на нѣмецкомъ языкѣ, была тогда пере-
ведена *Ломоносовымъ*. (Изд. *Смирдина*, 1847, т. 1, стр. 189—204.

(116) Персидскому послу дано деньгами 29,969 рубл., подар-
ками на 44,315 рубл.

(117) Соч. *Тредьяковскаго*, изд. *Смирдина*, 1849, т. 1, стр. 291—
304. День коронаванія, говоритъ авторъ въ посвященіи, расши-
ривъ чувствительнѣйшимъ веселіемъ мое сердце, не попускаетъ
и мнѣ при всемірныхъ восклицаніяхъ быть безгласну.» Голосъ
бывшаго пѣвца *Анны Ивановны* раздается въ 280 стихахъ оды
благодарственной и 80 *привѣтственной*, та и другая *Елизаветѣ*.
Впрочемъ политическій угаръ *Василія Кирилловича* остылъ, покрай-
нѣй мѣрѣ въ 1730-мъ году онъ съ большимъ чувствомъ воскли-
цалъ привѣтствуя *Анну Ивановну*:

Веселіемъ у насъ всѣ плещутъ рѣкъ потоки!

Погибли въ безднѣ тьмы премерзкіе пороки:

Ужъ обстоятъ кругомъ:

Честь, правда, богу вѣра,

Усердность безъ пригѣра,
И милость предъ судьбою.....

Послѣднее не было отличительною чертою Анны и ея соправителя Бирона.

(118) Исторія музыки со временъ Петра I-го, *Штелина*. Худ. Газ. 1840. N° 21.

(119) *Взд.* 278. 281. Курьезныя рѣчи обоихъ ученыхъ напечатаны 1742. д. 4. О празднованіи дня коронаціи въ Ревелѣ, Нарвѣ, Выборгѣ, Кронштатѣ, Архангельскѣ, Берлинѣ у П. Г. Чернышева, въ Дрезденѣ у Кейзерлинга, въ Парижѣ у А. Д. Кантемира смотр. *Взд.* 289. 295. 338. 410. 502. Описаніе иллюминаціи въ рижской на нѣмец. языкѣ, въ листѣ. 1742 г.

(120) *Гребневскій*, въ послѣдствіи епископъ Владимірскій. Слово его гражд. печати, Спб. 1742. д. 4.

(121) *Объемъ нашего разсказа, и безъ того уже принявшаго большіе размѣры, не позволяетъ намъ при описаніи военныхъ дѣйствій вдаваться въ мелкія подробности; мы остановимся на важнѣйшихъ фактахъ. О причинахъ видны 1741-1743, о ходѣ компаніи 1741 г. смотр. въ запискахъ Манштейна, обзорѣ Вейдемейера, наконецъ въ сочиненіи, недавно изданномъ госпожою Шилевскою: Описаніе войны между Россіей и Швеціей въ Финляндіи въ 1741-1743 г. Спб. 8 до стр. 273 съ тремя планами 1858 г.» Трудъ госпожи Шилевской подробно разобранъ нами въ 3 книжкѣ журн. Министер. народ. просвѣщ. 1859 г. О немъ же смотр. въ От. зап. 1859 N° 4, въ Военномъ Сборникѣ N° 3. и друг. журналахъ. При неизбѣжныхъ недостаткахъ книга госпожи Шилевскій имѣетъ неоспоримыя достоинства: она освобождаетъ отъ труда рыться въ отдѣльныхъ брошюрахъ, Вѣдомостяхъ и проч. Большая часть извѣстій, многіе съ мельчайшими подробностями, сведены въ ея описаніи болѣе нежели изъ двадцати русскихъ и иностранныхъ источниковъ. Въ этомъ отношеніи почтенный трудъ составительницы заслуживаетъ полнѣйшій признательности. Смотр. также въ Финск. Вѣстникѣ 1845 т. 1. Очеркъ войны въ Финляндіи 1741-1742 г. (существенный изъ виду авторомъ описанія- Мор. Сборн. 1856 г.) Отрывокъ изъ исторіи шведскихъ, морскихъ войнъ «Гилежанта». Зап. Гидрогр. Общества 1847, т. 5. Морскіе походы противъ Шведовъ 1741-1743 г. *Соколова*.*

(122) *Взд.* 175, 8. 79 и проч. П. С. З. N° 8552. 8554. Въ Акад. библіотикѣ есть гравированная карта Ингерманландіи, Корелии и часто Финляндіи 1740 г.

(123) *Léonique*. Hist. de Russ. V. p. 252. *Lesur*: Histoir des Kosaques. Paris 1814 т. 2. с. 176. Первое изданіе этой рѣдкой книги была напечатана въ числѣ 30 экземпляровъ смотр. Отчетъ Публич. биб. 1856 г.

(124). Онъ былъ напечатанъ: на нѣмецкомъ, шведскомъ и финскомъ языкахъ, нынѣ почти неизвѣстенъ; Шилевская въ первые перевела и напечатала его на русскомъ языкѣ.

(125) *Примлч.* с. 117. «Журналъ о происхожденіяхъ побѣдоноснаго русскаго оружія противъ вѣроломнаго шведа».

(126) *Manstein* 464. Въ полковыхъ приказахъ по усмиреніи мятежа строжайше было подтверждено о нечиненіи буйства и всякаго рода мятежей. *Рукоп.* Измайл. полка.

(127) От. зап. 1825. ч. 22 с. 59 записки *И. А. Остермана*. Кейтъ такой генералъ, котораго поступки и поведеніе одушевлены вѣрностью престолу, храбростью и благородствомъ, нельзя ни въ чемъ попрекнуть его характера». Донесеніе *Миниха* 1737 г. Сѣв. Арх. 1822 № 3 с. 207. *Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement de Russie.* 1764 г. Оно переведено съ значительными выпусками въ *Рус. Вѣсти.* 1842. № 1 Во второмъ номерѣ помѣщены отрывки изъ записокъ *Вильбоа*.

(128) *Вѣд.* № 60. Планъ мѣстности у Фридрихсгама смотр. описаніе *Шилевской*.

(129) *Прим.* с. 263. Экстрактъ изъ Шведскихъ писемъ, заваленныхъ русскими».

(130) Донесеніе «Левенгаупта въ *Relation exact et circonstance de la guerre entre la Moscovie et la Suède.* т. II с. 86. Донесеніе Ласси *Вѣд.* № 60, 61.

(131). *Шилевская* 98-160. *Manstein* 450-480. *Примлч.* 237-257 *Кашенскій* 1847. ч. 2. с. 430-437.

(132) *Шилевская* 161-232. *Примлч.* 277-297. 310-335, *Manstein* 482-485.

(133) Буденброкъ потерялъ голову на плахѣ 18 іюля 1743 г. 22-го числа казненъ Левенгауптъ.

(134) *Примлч.* 337.

(135) Изд. 1742. М. 16 д. стр. 20. іюня 19-го,

(136) Церкви. печати. 4. д. 1742. Москва.

(137) Неправедныхъ судей, говоритъ Арсеній, хищниковъ и грабителей вымышленное правило: «знай насъ, не забывай насъ, дѣлись съ нами, будешь у мѣста: когда дашь — будешь князь, не дашь-будешь грязь». Митрополитъ рѣзко осуждастъ корыстолюбіе и страсть къ земнымъ, столь тѣннымъ благамъ: Въ цар-

ствование Екатерины II-й тотъ же Арсеній писалъ въ защиту монастырскихъ имѣній, былъ разстриженъ и бѣдственно кончилъ жизнь въ казamatѣ. Портретъ его въ Пантеонѣ *Бекетова* 1801 г. Сочиненія въ рукописи находятся въ Публич. библиот. біографія въ соч. Каменскаго, Евгенія, и Новикова. О мѣстѣ погребенія, если не ошибаюсь, въ началѣ любопытной запискѣ о Сибири *Штейнеля*.

(138) По свидѣтельству Савицкаго многое множество раскольниковъ 1742 году сами себя и жгли и различнымъ смертямъ предали, избѣгая православія. «А кудажь они пошли послѣ этого, вопрошаетъ придворный проповѣдникъ, да узнаеть всякъ—пошли во тьму кромѣшную.» Фанатическіе возгласы подобныхъ проповѣдниковъ имѣли немаловажное вліяніе на Елизавету: многіе ея указы противъ раскольниковъ, жидовъ и разныхъ иновѣрцовъ, которые преслѣдовались въ это время съ особымъ ожесточеніемъ имѣютъ большую связь съ проповѣдями сего времени.

(139) М. 4. д. церк. печати. Проповѣдь заканчивается панегирикомъ Елизаветѣ.

(140) Камерфурберскаго журнала за 1742 г. сохранилось три листика. Онѣ напечатаны въ 1858 году съ соблюденіемъ всѣхъ грубѣйшихъ ошибокъ подлинника подъ заглавіемъ: «Журналъ Троицкаго похода» Спб. 8 д., 1—5.

(141) Москва. 4 д. пер. печати.

(142) Мы видѣли подлинный указъ о пожалованіи Панина капитаномъ гвардіи: онъ написанъ безъ знаковъ препинанія, на толстой бумагѣ, собственноручная подпись: *Елисавета июля въ 10 день въ Москвѣ*. Въ сѣверномъ архивѣ 1823 г. т. V, между другими помѣщена подпись Елисаветы. «Любителю исторіи, замѣчаетъ редакторъ архива, пріятно взглянуть на подпись руки, отъ мгновенія которой зависѣла участь многихъ тысячъ семействъ.»

П. И. Панинъ на четырнадцатомъ году отъ роду (въ 1736 г.) стоялъ на часахъ во дворцѣ, какъ солдатъ Измайловскаго полка. При отданіи чести Аниѣ Ивановнѣ на лицѣ молодаго человѣка показалось судорожное движеніе: это сочли за умышленное кривлянье. Едва избѣгъ онъ Сибири, но отправленъ въ Крымскую армію.

(143) *Примѣч.* 277.

(144) Слово *Крайскаго* М. 4-я д. 1742 г. авг. 26. *Топольскій* въ словѣ на 30 августа «что дочь Петра, яко Соломонъ, разорвала челюсти свейскаго льва и оттуда подала намъ миръ и

благотншіе.» Слова *Петрукевича* на 19 сент. *Арсенія* на 16 октября. О празднованіи сего дня въ *Вид.* 757.

(145) Москва 4-я д. церк. печати. О празднованіи сего дня въ Ригѣ, Выборгѣ, Ревелѣ смот. *Вид.* 602, 626, 632. Въ Петербургскомъ крѣпостномъ соборѣ *Барановичъ* сказалъ проповѣдь: «человѣкъ иѣкій бѣ домотать, иже насади виноградъ.» По незначительности содержанія рѣчь, кажется, не была напечатана.

(146) *Вид.* 693, 716. На возвратномъ пути изъ Финляндіи Ласси; сынъ его генералъ и весь остальной генералитетъ встрѣчены съ торжествомъ въ Ревелѣ, Ригѣ, Перновѣ и Сиб.

(147) *La Cour de la Russie* 109.

(158) Описаніе дѣйствія..... объявленія Петра Федоровичемъ наслѣдникомъ престола и муропомазанія его.» Сын. Отч. 1839, т. 9, отд. VI, стр. 1 — 5. Рукопись сего описанія въ Акад. библиотекѣ.

(149) *Собраніе медалей* Сиб. 1840 г. *Вид.* 748, 779, 780, 789, 795, 803. *Вейдем* 34 *Manstém* 483. Проповѣдь 8 ноября говоритъ *Амеросій*. Не важно слово 14 ноября *Скабовскаго*. М. 4-я д. церк. печати. *П. С. З.* N° 8671.

(150) *П. С. З.* т. XI N° 8666. Въ этомъ указѣ подробный списокъ всѣхъ гренадеровъ, сподвижниковъ Елисаветы, N° 8639, 8641, 8648. Странно, что при всеобщемъ истребленіи всего носившаго имя Іоанна, переднія ворота, ведущія въ Петропавловскую крѣпость со стороны Троицкаго моста носятъ названіе и надпись: *Іоанновскія ворота 1740 года*. О гербахъ преображенцевъ въ *Общ. гербовн.* 1797. 4 тома.

(151) *П. С. З.* 8612, 8672. Невскій проспектъ еще въ 1721 г. привлекалъ вниманіе пріѣзжихъ. «Это длинная и широкая аллея, говоритъ Беркгольтцъ, вымощенная камнемъ и посправедливости, названа проспектомъ, конца ея почти не видно. Она проложена исключительно руками Шведовъ въ 1713 г. Деревья еще не велики, но улица необыкновенно красива по своей длинѣ и чистотѣ, такого проспекта я нигдѣ не встрѣчалъ (ч. 1, стр. 45 — 46). *Пушкаревъ* стр. 79. Описаніе обѣихъ триумфальныхъ воротъ издана декабря 22, въ 1742 г. въ листѣ 18 стр. Около этого же времени, если не ошибаюсь, поднесена императрицѣ, иллюминированная большая карта Сиб. (экземп. въ Акад. Наукъ). Елизавета въ золотомъ платьѣ изображена въ углу карты на великолѣпномъ пьедесталѣ, слава съ вѣнцомъ и знаменемъ витаетъ надъ ней, даѣе монументъ Петру I, музы, 12-ть коллегій.... Въ правомъ углу барабаны; пикки, штавры, глобусы, книги и между

ними мертвая голова съ исковерканными чертами лица, подлѣ сѣкира палача. (?)

(152) *Вѣд.* 836, 843. Прош. гражд. печати Спб. 4-я д. 1—15.

(153) *Вѣд.* 103, 167, 444.

(154) О порчѣ нравовъ стр. 54—55. «Сія государыня, говоритъ современникъ о Елизаветѣ, изъ женскаго полу въ молодости своей была отмѣнной красоты, набожна, милосерда, сострадательна и щедра, отъ природы одарена довольнымъ разумомъ, но о просвѣщеніи ея нельзя сказать многого.... Съ природы веселаго нрава, жадноищущая удовольствій, чувствовала свою красоту и страстно украшаться разными украшеніями старалась, лѣнива и недокучлева къ всякому требующему нѣкоего прилежанія дѣлу; такимъ образомъ внутреннія дѣла государственныхя многія иногда лѣта безъ подписанія ея лежали, но даже и виѣшнія государственныхя дѣла, яко трактаты, по нѣскольку мѣсяцевъ за неохотою подписать свое имя у нея лежали. Роскошна, любострастна, дающая многую повѣренность своимъ фаворитамъ, но однако такова, что всегда надъ ними власть монаршу сохраняла.

(155) Волчковъ въ послѣдствіи перевелъ и издалъ довольно много книгъ. У насъ подъ рукою: «Езоповы басни съ примѣчаніями Летранжа. Спб.: 1747 г. Разговоры о разныхъ до наукъ и до любопытства касающихся весьма курьезныхъ вещахъ. Тавернье 1597 г. перев. 1757 г. Спб. 4-я д. и др.

(156) Слово 11 апрѣля 1742 г. 10.

(157) Третье изданіе Граціана въ 1760 году. Изъ книгъ 1742 г. мы не нашли: «Желаніе подданныхъ, изъясненныя Елизаветѣ въ день восшествія ея на престоль. Спб. въ листѣ *Сониновъ* ч. 3. N° 3924.

(158) Эта книга была выправлена и приготовлена къ изданію митрополитомъ *Арсеніемъ*.

(159) О этихъ толкахъ смотр. въ Исторіи Раскола *Іоанна* въ 1858 г. О выходѣ новаго изданія Камня Вѣры соч. *Яворскаго* было объявлено въ *Вѣд.* 1742 г. января 29. Въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ о раскольниковскихъ сектахъ *учителя* и раскольниковскія *апостолы* страннымъ образомъ толкуютъ о Елизаветѣ, ея мнимомъ сынѣ Петрѣ III, о приверженности послѣдняго къ сектѣ хлыщей и т. п.

(160) Въ 1742 году въ Амстердамѣ напечатана *Histoire de Pierre I, surnommé le grand, empereur de toutes les Russies, roi de Sibirie, de Casan, d'Astracan, grand duc de Moscovie at. enrichis de plans, de batailles et de medailles.* 8-я д. 4 т. Исторія

составлена довольно отчетливо и обстоятельно, авторъ между прочимъ цитуетъ дневникъ Корба, матеріаль чрезвычайно драгоценный, (1698 — 1699 г.) изд. 1700 г. Странно, что во всемъ сочиненіи нѣтъ ни слова о Елизаветѣ.

(161) Печатаемая въ Русскомъ Вѣстникѣ. 1842 г. № 4 стр. 1 — 16, Н. А. Полевой замѣчаетъ это любопытное, современное сочиненіе, гдѣ воцареніе Елизаветы излагается въ видѣ легенды, «имя автора неизвѣстно.» Нѣтъ сомнѣнія, что авторъ былъ духовнаго званія. Мы не нашли рукопись сей легенды.

(162) Худ. Газета 1840. № 21. Многія подробности о театрѣ того времени собраны въ превосходной статьѣ г. В. Стоюнина: «А. П. Сумароковъ» въ Музык. и Театр. Вѣстникъ 1856 года.

(163) Милосердіе Титово «1742 г. 4-я д. Ланде ставилъ балетъ, Бонъ декорация, Меркурьевъ перевелъ либрето.» Этотъ же сюжетъ въ послѣдствіи взятъ: Я. Б. Кляжинымъ для его трагедіи: Милосердіе Тита. Собр. его соч. 1787 г. т. I стр. 78 — 168.

(164) *Карпиловичъ* Р. Старина. 1824 г. стр. 121. О русскомъ театрѣ изъ бумагъ А. П. Сумарокова Отеч. Записк. 1822 года № 33. Записки А. М. о театрѣ: Сѣв. Арх., ч. 4. № 21.

(165) Пантеонъ русскихъ авторовъ 1801 г. Словарь духовныхъ писателей *Евгенія*, ч. 2, стр. 579.

(166) Соборъ имѣетъ два придѣла: Сергія Родоневскаго и Климента Римскаго (празд. 25-го ноября) планы и фасады разсматривалъ архитекторъ *Зайцовъ*, строилъ соборъ *Трезинъ*, кончилъ *Растрелли*. Въ соборѣ мало достопримѣчательностей: Полковой образъ, корсунскій крестъ, евангелія временъ Петра и Анны, сосуды того же времени, *крестъ и евангеліе* Елизаветы; евангеліе, крестъ, лампы и сосуды Запорожской сѣчи, мундиры императора Николая и проч. Записка о соборѣ, доставленная намъ протопопомъ *И. В. Воиновымъ*; соч. *Боданова* стр. 304. *Пушкарева*, письмо *Трубецкаго* 7-го сентября 1742 г. *Салтыкову*. Приказъ по Преображенскому полку 7-го дек. 1741 г.; Исторія Спб. *Реймера* 1805 г. ч. 1, *Георги* 1794 г. стр. 184.

(167) О нихъ смотр. въ соч. *Рубана* о Спб. стр. 163 — 197. Вообще это дорогой историческій матеріаль и въ немъ много разсѣяно любопытныхъ извѣстій. Напр.: «изображеніе келейнаго житія монаховъ Александро-Невской лавры:....» Аще кто не покорится уставу, таковій да облежится узами и нещадно будетъ изтязанъ наказаніемъ на тѣлѣ. Аще кто дастъ брату удареніе да будетъ изтязанъ. Аще намѣстникъ вознерадитъ въ чемъ изтяжится соборнѣ и проч. въ этомъ родѣ.

(168) П. С. З. суд. Спб. 1830 года т. XI, № 8473 — 8683 стр. 537 — 753.

(169) Въ небольшой книжечкѣ, неиздѣвшейся въ продажѣ и напечатанной не для публики: «Родословіе Головинныхъ соч. *Казанскаго*, М. 1847 г. разсѣяно довольно много самыхъ интересныхъ подробностей о нравѣ того времени (стр. 56-73.) Въ 1721-мъ году Матвей Алексѣевичъ Головинъ за то что не хотѣлъ ядиться на святкахъ и мараться сажею, раздѣтъ былъ до нога и, наряженный демономъ, долженъ былъ прогуливаться по льду Невы, среди веселящагося народа. Головинъ жизнью расплатился за невольную потѣху. Другой Головинъ Василій Васильевичъ по дѣлу Мона въ 1724-мъ году посаженный въ тюрьму на два года, былъ преданъ пыткѣ. Въ 1736-мъ году неизвестно за что оный, по приказу Бирона, снова брошенъ въ казематъ. Василій Васильевичъ былъ подвергаемъ невыразимымъ мукамъ: его подымали на пялы, вывертывали ему лопатки, гладили по синимъ горячимъ утюгомъ, кололи подъ ногти разожженными иглами, били кнутомъ и наконецъ истерзаннаго, не задолго до смерти Анны Ивановны, возвратили его семейству послѣ бывшего выкупа, даннаго женою. Въ послѣдствіи Головинъ отмѣчалъ въ своихъ календаряхъ: «того-то числа подчищали ногти у меня бѣднаго и ихъ изрядно изуродовали». Несчастный подъ пытками надавалъ множество обѣщаній, состоявшихъ въ служеніи обѣдней и молебновъ. Головинъ исполнялъ ихъ потому по особой запискѣ. Елизавета заботилась о поправленіи здоровья невиннаго страдальца», впрочемъ Казанскій не пишетъ въ чемъ состояли эти заботы, а благодарный Головинъ въ табельные дни постоянно служилъ молебны за здравіе государыни. Какъ видно здоровья оный былъ атлетическаго, ибо умеръ на 86-мъ году отъ рожденія. Изъ оставленныхъ *записокъ* Василя Васильевича видно, какъ проводилъ время этотъ богатой помѣщикъ; нѣтъ сомнѣнія, что такъ или почти такъ, жили всѣ столбовые, дворяне-помѣщики, зажиточные люди того времени:

Головинъ вставалъ до восхода солнечнаго, прочитывалъ съ дьячкомъ полунощницу и утреню. То и другое смѣнялось бесѣдою дворецкимъ, ключникомъ, выборнымъ и старостою. Они входили и выходили по командѣ горничной дѣвушки. «Здравствуйте, привѣтствовалъ ихъ баринъ, здравствуйте друзья немученные, неопытные и не наказанные». Друзья можетъ быть немученные, но не разъ наказанные, рапортовали каждый о своемъ вѣдомствѣ въ однихъ и тѣхъ же, разъ принятыхъ вы-

раженіяхъ». Ночью на землѣ трясенія не слыжать, говорили между прочимъ староста, небеснаго явленія не видалъ; котъ Ванька, сосланный вашею боярскою милостію въ деревню за съѣденную рыбу, и кошка Зажигалка-проживаютъ, и по приказу вашему господскому невѣйку ежемесячно получаютъ, о преступленіи своемъ ежедневно воздыхаютъ, и васъ государь слезно умоляютъ, чтобы вы гнѣвъ боярскій на милость положили, и ихъ бы виновныхъ рабовъ своихъ простили». — Откушавъ чаю, государь бояринъ соизволясь подняться для выслушанія въ храмѣ божьемъ службы, стоялъ на парадномъ мѣстѣ и уходилъ церемоніально, въ свитѣ челядлицевъ, поддерживаемый лакеями. Затѣмъ завтракъ и обѣдъ въ присутствіи священника и въ полномъ собраніи всѣхъ членовъ семейства. Обѣдъ занималъ болѣе трехъ часовъ времени. Кушанье считалось семь, но число блюдъ доходило до пятидесяти. На кушанье былъ особый поваръ, разноска блюдъ производилась двѣнадцатыи офиціантами, крѣпостными, по установленному церемоніалу. Въ 6-мъ часу государь бояринъ убитанный и насыщенный ложился въ постель, по прочтеніи молитвы во всемъ домѣ затворяли ставни. Староста, дворецкой и ключница, дѣвица, пользовавшаяся особою боярскою милостію, отдавали приказъ охранять спокойствіе, сонъ и здоровье государское. Близъ спалили боярина было семь кошекъ; днемъ они ходили свободно, на ночь привязывались къ семиноженному столу. Семь крѣпостныхъ фрейленъ двора государя-боярина должны были наблюдать за ихъ поведеніемъ. Если случилось, что кошка срывалась и тѣмъ беспокоила боярина, то и гувернантка дѣвка, и воспитанница кошка подвергались нещадной сѣкуціи. Въ бессонныя ночи бояринъ читаетъ единственную книгу жизни Александра Македонскаго Квинта Курція въ русскомъ переводѣ (мы имѣемъ изданіе 1759-го года). Или качаясь въ креслахъ заклиналъ бѣсовъ и перебиралъ четки..... Боярскіе выѣзды производились съ большимъ торжествомъ: ѣхало болѣе двадцати экипажей, шло подъ нихъ семьдесятъ лошадей; въ раззолоченной каретѣ вели икону и придворнаго боярскаго священника, въ остальныхъ вели боярскую фамилію, его самого и штабъ придворныхъ. Верховые охраняли затѣйливый поѣздъ.....»

За исключеніемъ нѣкоторыхъ странностей, принадлежавшихъ собственно Головину, жизнь его въ остальномъ была обща всей тогдашней помѣщичьей богатой Россіи. Тотъ же деспотизмъ, въ высшей степени произволъ, капризъ, тщеславіе, бездѣлье, хан-

женство, пустосвятство, жестокость съ подчиненными и униженіе предъ тѣмъ, которые ради своего удовольствія гладили помѣщицья спины горячимъ утюгомъ, подчищали ногти и выправляли имъ лопадки!

(170) Съ 1727 г. взято въ рекруты 202,000 человекъ. Бѣжало отъ рекрутчины 197,876 чел. Сослано въ каторгу 2,494 чел. Съ 1736 по 1741 годъ взято въ военную службу 147,530 чел. Въ 1741 мѣ году взято 28,935 чел. Да въ ноябрѣ 1742-го года 30,000 чел. П. С. З. № 8619.

(171) Съ 1738 по 1741 г. на Петербургскомъ дворѣ вычеканено 5345 пудовъ серебра, на Московскомъ 3721 пудъ.

(172) Между другими рукописями мы владѣемъ слѣдующимъ манускриптомъ: «Топографія или описаніе Оренбургской губерніи ко изъясненію сочиненныхъ ландкартъ, на которыхъ она губернія съ подчиненными ей мѣстами и народами представляется съ краткимъ изъясненіемъ, объ оныхъ мѣстахъ и народахъ и проч. 1754 г. Въ листъ 473 стр. Отрывки изъ этого сочиненія печатались въ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ *Миллера*. С. и. б. 1755-1759. Наша рукопись имѣетъ предисловіе Михаила *Антоновскаго*.» Рукопись досталась мнѣ, пишетъ Антоновскій, случайно въ 1783-мъ году: бывшая при ней карта Оренбургскаго края 1754 года истлѣла. Боясь, чтобъ и рукопись не подверглась той же участи или съѣденію мышей и моли, а паче, по смерти моей, приближеніе которой весьма чувствую, рѣшился я нынѣ ее издать 1809 г. ноябрь. Подпись цензора *Ив. Тимковскаго*. С. и. б. апрѣля 30, 1810 г. На цензорскомъ просмотрѣ, кажется, изданіе остановилось. Рукопись найдена нами у г. Т., конецъ ея сгнилъ. —

(173) Если вѣрить Штеллину, а вѣрить ему надо съ осторожностью, то и Петръ 1-й раздѣлялъ предрасудки своихъ предковъ противъ умнаго, даровитаго, промышленнаго народа Еврейскаго. Высланные изъ Россіи еще Іоанномъ IV-мъ евреи, просили чрезъ Амстердамскихъ своихъ собратій, а они черезъ бургомистра Вицена, у Петра 1-го дозволенія селиться имъ въ Россіи. «Другъ мой Виценъ, сказалъ Петръ съ усмѣшкою выслушавъ отъ него просьбу, знаешь ты жидовъ и образъ мыслей моихъ подданныхъ: и я знаю: и тѣхъ, и другихъ. Относительно моего народа, не время еще жидамъ дозволять пріѣзжать и жить въ моемъ государствѣ. Скажи имъ отъ моего имени: благодарю ихъ за предложеніе своихъ услугъ, но принять ихъ не могу въ Россію; хотя и почитаются они, что весьма искусно

умѣютъ обманывать весь свѣтъ, однакожъ я думаю, что немного у монахъ русаковъ выторгуютъ. (Сказанія 1787 г. с. 37-41.)

(174) Въ Временникѣ 1852 г. 12-й книж. стр. 12-32 напечатаны экономическіе до деревни слѣдующія записки «составленныя въ 1742-мъ году Астраханскимъ губернаторомъ В. Н. Татищевымъ, человекомъ по словамъ Щербатова радушнымъ и предпримчивымъ. — Вся записка его проникнута сознаниемъ помѣщичьей власти и презрѣніемъ къ крестьянамъ, которые, по понятіямъ Татищева, ничего не должны дѣлать безъ воли барина. Староста долженъ обращаться съ крестьянами съ весьма строгою прилежностью». Работу дѣлать сперва помѣщичью, а потомъ *принуждать* ихъ свою дѣлать, а не давать имъ то на волю. Имъ опредѣлена дань съ крестьянъ живностью и деньгами. По мнѣнію автора записки, помѣщикъ, имѣющій 1000 душъ долженъ имѣть не менѣе двухъ камердинеровъ, трехъ поваровъ, кучера, фореитора, двухъ лакеевъ, истопника, работника, горничную, прачку и работницу. —

(175) Интересно приказаніе 7-го апр. 1742 г. не отсылать писцовъ и рукоприкладчиковъ для розыску въ тайную канцелярію, какъ то дѣлалось прежде, за неумышленные описки въ титулъ ея величества». Но только въ царствованіе Екатерины II-й Державинъ могъ сказать: (соч. его. 1808 г. ч. 1 с. 44-45.)

Теперь можно пошептагъ въ бесѣдахъ,
И казни не боясь, въ обѣдахъ
За здравіе царей не пить.
Тамъ съ именемъ Екатерины можно
Въ строкѣ описку поскоблить,
Или порграть неосторожно
Ея на землю уронить.....

(176) Въ чемъ состояли и какъ производились пытки въ Россіи, въ первой половинѣ XVIII вѣка мы подробно говоримъ въ біографическомъ очеркѣ: Авдотья Ѳедоровна Лопухина 1669-1731, «который вскорѣ думаемъ напечатать». Объ этомъ же смотри: въ примѣчаніяхъ на Леклерка *Болтика* 1788 г. т. 1 стр. 558-552. Русскіе въ своихъ пословицахъ *Снѣгирева* 1832 г. книж. 3-я стр. 173-177. Записки *Горюшкина*. Россійское уголовное право *Гуляева* 1826 г. Москва стр. 3-26. Описаніе С. п. б. *Рубана* 1779 г. стр. 35. Историческій взглядъ на правези въ Россіи *Васильева* (Труды общества исторіи 1826 г. ч. 3.) *Voyage en Sibirie Шанна* 1769 г. и друг.

МИХАИЛЬ СЕМЕВСКІЙ.

Спб. 1-го іюня 1859 г.

ЦАРСТВОВАНИЕ

ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ¹⁾.

1743 годъ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРЕКЪ.

(Посвящается Александрѣ Ивановичу Семевскому.)

I.

ВОЙНА И МИРЪ.

Приготовленія къ шведской кампаніи. — Конгрессъ въ Або. — Укомплектованіе флота и арміи. — Постройки въ адмиралтействѣ и Кронштадтѣ. — Спуски галеръ и кораблей. — Рекрутскій наборъ. — Выступленіе въ походъ. — Дѣйствія на сушѣ генераль-поручика Штофельна. — Морская побѣда при Корно. — Стоянка у Гангзуда. — Адмиралъ Головинъ и военный совѣтъ. — Соединеніе Ласси съ эскадрою Кейта. — Заключеніе мира. — Объявленіе и празднества по сему случаю въ Петербургѣ. — Медаль на заключеніе мира. — Смуты въ Швеціи. — Помощь стокгольмскому правительству со стороны Россіи. — Зимнія квартиры въ Стокгольмѣ и въ Петербургѣ. — Слѣдствія войны для Россіи. — Политическій памфлетъ сего времени.

«Съ помощью Божіею главное дѣйство въ кампаніи 1743 года противъ миролюбиваго непріятеля шведа надлежитъ по большей части и почти все флотомъ производить.»

Докладъ Сената (5 февраля 1743 г.).

Впродолженіе войны 1742 года шведы не разъ дѣлали мирныя предложенія; Россія не принимала ихъ. Англійскій и датскій кабинеты усердно хлопотали о примиреніи воюющихъ державъ, но петербургскій дворъ, отклонивъ это по-

средничество, предложилъ собраться уполномоченнымъ съ обѣихъ сторонъ въ Або. Со стороны Швеціи явились государственный совѣтникъ баронъ Цедеркрейцъ и президентъ фонъ-Нолькенъ, со стороны Россіи были генераль Румянцевъ и баронъ фонъ-Люберасъ. Тѣ и другіе съѣхались въ Або въ началѣ марта, но нашъ кабинетъ хотѣлъ съ оружіемъ въ рукахъ заставить Швецію принять тотъ миръ, который имъ дадутъ. Вотъ почему, съ самаго начала года шли самыя живыя приготовленія: полки заблаговременно получили приказаніе быть готовыми къ выступленію съ первымъ приказомъ. Намъ нечего было опасаться высадки со стороны шведовъ, вся Финляндія была покорена, почему планъ новой кампаніи состоялъ въ дѣйствіяхъ на морѣ. Предположено было дѣйствовать гораздо смѣлѣе, нежели дѣйствовали въ прошломъ году, на галеры посадить сколь можно болѣе пѣхоты, наконецъ флотъ увеличить новыми судами.

Множество распоряженій того времени по сухопутному и морскому вѣдомствамъ свидѣтельствуютъ о энергіи, съ которою принялось петербургское правительство за продолженіе войны ²⁾. Такимъ образомъ: оберъ-офицеры освобождены ³⁾ (8 января), *ради собственнаго исправленія къ настоящей войнѣ*, отъ вычета изъ жалованья, вычета, разложеннаго на всѣхъ служащихъ (11-го декабря 1742 года) для наполненія денежной казны; въ отставку строжайше было подтверждено (5-го февраля) не увольнять; впрочемъ совершенно не годныхъ къ службѣ, за тяжкими увѣчьями, болѣзнями и ранами, не присылать въ сенатъ для освидѣтельствованія, какъ то было прежде, а во избѣжаніе казеннаго убытка, отпускать съ мѣста служенія, по освидѣльствованіи генералитетомъ ⁴⁾. Что же касается до укомплектованія флота, доносилъ Головинъ, то хотя по штату 1732 года и положено содержать 8,899 человекъ экипажу, но за командировками и болѣзнями, на лицо этого числа не состоитъ; да изъ наличныхъ до четырехъ тысячъ новобранцевъ, которые по краткости ихъ службы и оттого «что на морѣ въ дальнихъ практикахъ не бывали» за добрыхъ матросовъ нельзя и считать. Вотъ почему, продолжалъ адмиралъ, надо обратиться къ петровскимъ мѣрамъ: переимено-

вать въ матросы нѣсколько армейскихъ полковъ, въ полномъ ихъ составѣ. Подобными мѣрами флотъ всегда поддерживался въ хорошемъ состояніи, но изъ сего *добраго экипажа* большая часть *безвинно пропала* въ донской и днѣпровской экспедиціяхъ 1736 — 1739 годовъ ⁵⁾; теперь же для *наисильнѣйшихъ* дѣйствъ прежде всего надо обратить вниманіе на флотъ. Вотъ почему я нахожу нужнымъ, продолжалъ Головинъ, армейскіе полки гагинской, дербентской, дагестанской и сальянской обратить въ матросовъ. Сенатъ, принимая въ расчетъ, что эти полки *сочинены* въ 1720 году только для *завоеванныхъ* персидскихъ провинцій, земли же эти уступлены Анной Ивановной, а содержаніе *сочиненныхъ* полковъ было производимо отъ штатсъ-контороны *съ великимъ недостаткомъ*, утвердилъ представленіе адмирала.

Кромѣ этого распоряженія относительно флота сдѣланы были и другія: адмиралтейство получало на расходы свои съ 1725 года по 1,400,000 рублей, а съ 1732 года по 1,200,000 рублей. Деньги эти собирались въ губерніяхъ изъ таможенныхъ, кабацкихъ и разныхъ канцелярскихъ сборовъ. Но полученіе ихъ сопряжено было съ не малыми затрудненіями: деньги постунали въ три разныхъ вѣдомства, отсюда высылались въ адмиралтейство, которое до полного сбора суммы не могло употреблять денегъ въ расходъ. Съ цѣлью устранить эти затрудненія и уничтожить постоянныя *недостатки*, приказано было (февраля 7-го) получать деньги по третямъ прямо изъ губерній.

Производство флотскихъ офицеровъ было усилено (апрѣля 2-го), причемъ и впредь, по указу, должны были производить *по старшинству и достоинству* въ очередь. Поэтому случаю правительство прямо объявляло свое намѣреніе: «вооружить флотъ, какъ можно скорѣе; дабы тотчасъ, по вскрытіи льда, *ничего не мышкаявъ*, отправить корабли въ море». Но для построекъ въ адмиралтействѣ и Кронштадтѣ правительство не находило нужныхъ рабочихъ. Не однократно повелѣвалось изъ приходящихъ въ Петербургъ *на партикулярныя работы* отослать 11,333 работника на кронштадтскія доки, но опредѣленный къ нимъ *инженеръ-майоръ-мина* Руминцевъ доносилъ (мая 23-го), что являются на работу не

многіе, да и изъ нихъ *пригоняемые силою* работники оказываются вовсе не знающими того дѣла, къ которому ихъ назначали, годные же дѣлаютъ не много; плата де казенная, четыре рубли пятьдесятъ копеекъ въ мѣсяць, скудна; работать не-изъ-чего. Отъ такого порядка вещей, писалъ разсудительный *инженеръ-майоръ-мина*, слѣдуетъ *народное тягощеніе, безъ всякаго плода.*

Сенатъ, вслѣдствіе предложенія Румянцова, приказалъ работниковъ *силою не держать*, нанимать не за казенную плату, а *добровольными договоромъ* за хорошее содержаніе, дабы, смотря на то, вольные мастера охотно шли на заработки; притомъ объявить, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ губерніяхъ, чтобы работники, не опасаясь *принужденныхъ поступковъ*, шли и нанимались добровольно; но сомнѣваясь, что бы мѣра эта сразу привлекла потребное число людей, сенатъ приказалъ собрать работниковъ, находящихся въ столицѣ, и прямо имъ объявить, по прочтеніи указа, «что кромѣ Кронштадта они нигдѣ работы не сыщутъ»⁶⁾.

Не смотря на не послѣдовательность и спутанность распоряженій, работы подвигались довольно скоро и Елисавета съ своимъ дворомъ не разъ присутствовала на спускахъ новыхъ галеръ и кораблей. Такъ: 28-го апрѣля спущено восемь галеръ, 3-го мая четыре, 4-го мая заложенъ шестидесяти пушечный корабль, 10-го мая спущены двѣ галеры и т. д. ⁷⁾.

По военно-сухопутному вѣдомству вышло также нѣсколько распоряженій: полки сдвигались съ разныхъ городовъ къ театру войны ⁸⁾; подтверждено было (апрѣля 5-го) непременно содержать при каждомъ полку по двѣ пушки въ добромъ порядкѣ; никому не покупать, подъ жестокимъ штрафомъ, у драгунъ, солдатъ и прочихъ служилыхъ людей ружей, аммуничныхъ вещей, мундировъ, кромѣ развѣ *заслуженнаго* (апрѣля 11-го). Ради большой потребности въ сукнахъ, дозволено было на годъ русскимъ фабрикантамъ выдѣлывать ихъ не по иностраннымъ образцамъ, а по своимъ. Притомъ *кафтаны* солдатамъ армейскимъ и гарнизоннымъ вмѣсто красныхъ и зеленыхъ дѣлать синіе (мая 21-го). Отступая такимъ образомъ иногда отъ петровскихъ указовъ,

правительство, вопреки имъ, дозволило не нанимать ямскихъ подводъ подъ полковую казну, а брать ихъ неволею (апрѣля 19-го). Самымъ важнѣйшимъ распоряженіемъ, по поводу кампаніи былъ новый рекрутскій наборъ. Въ силу именнаго указа (Февраля 11-го) положено было собрать рекрутчину со всего государства, «не чиня никакихъ зачетовъ, дабы всѣ вѣрноподанные равную тягость несли» ⁹⁾. Съ купечества, крестьянъ дворцовыхъ, ясашныхъ, черносошныхъ, сучодальныхъ, архіерейскихъ, монастырскихъ, церковныхъ, приписныхъ къ частнымъ заводамъ, иновѣрцовъ и разночинцовъ, съ трехъ сотъ тридцати душъ требовался одинъ человѣкъ; съ крестьянъ же помѣщичьихъ, приписныхъ къ госпиталямъ, адмиралтейству, артиллеріи и къ казеннымъ заводамъ — взять съ двухъ сотъ двадцати душъ человѣка, *для уравненія*, такъ какъ въ прошлогоднемъ наборѣ они облегчены были.

При наборѣ, между прочимъ, должно было наблюдать слѣдующее :

«Сбирать крѣпкихъ, здоровыхъ, отъ двадцати до тридцати пяти лѣтъ, ростомъ не меньше двухъ аршинъ четырехъ вершковъ. Требовать поставки рекрутъ въ два мѣсяца съ объявленія указа, въ противномъ случаѣ, у дворянъ брать лучшихъ дворовыхъ людей; а купцовъ, управляющихъ и приказчиковъ *ставить самихъ въ рекруты*, либо дѣтей ихъ, буде годны.

Буде представлятъ таковыхъ, которые въ прежнихъ наборахъ, отбывая отъ службы, пальцы и другіе члены себѣ повредили, а на службу какъ лѣтами, такъ и ростомъ явятся годны и тѣхъ *принимать*. А кто нынѣ такое воровство учинить, тѣхъ (вмѣсто кнута, дабы не попортить) *бить плетми* и опредѣлять въ погонщики. Уязвившихъ же себя такъ, что не только въ службу, но и въ крестьянской работѣ будутъ не годны, такихъ *бить кнутомъ, вырывать ноздри* и ссылатъ *въ каторжную работу*.

Если кто продаетъ въ рекруты чужаго человѣка, тѣхъ *бить плетми, ссылатъ въ Оренбургъ солдатами*, а негодныхъ къ службѣ *портятъ кнутомъ и отправляютъ въ Охотскъ*. Отдаваго въ рекруты бѣглаго солдата, равно и самого солдата,

поступившаго въ рекруты, *бить кнутомъ и отдавать на десять лѣтъ въ работу на фабрики, либо на работу же въ монастыри.* Кто продастъ двухъ и трехъ бѣглыхъ солдатъ, либо перепродастъ одного и того же два-три раза — надѣтъ чинить наказаніе *безъ всякой пощады, при публикѣ, и вырѣзавъ поздри, ссылатъ вѣчно въ каторжную работу.* Людей, знавшихъ о той куплѣ и поставкѣ и не донесшихъ *бить, по выше писанному, кнутомъ, рвать поздри и ссылатъ на жительство въ Оренбургъ.*

Такъ какъ нѣкоторые, малолѣтки помѣщики, подобныя продажи чинятъ, почему накрѣпко подтверждается у нихъ не только чужихъ, но и собственныхъ ихъ людей не покупать. Въ противномъ случаѣ и покупателей, и продавцевъ *бить кошками и писать въ матросы* ¹⁰⁾.

Приемщикамъ взятокъ, подарковъ, ниже харчевыхъ запасовъ отнюдь не брать, подѣ жестокимъ штрафомъ, и въ вымыслахъ того не домогаться, а принимать рекрутъ безволокитно. Погрѣшившихъ же въ этомъ, кто коснется хоть одной копейки, и тѣхъ *бить кнутомъ нещадно и ссылатъ на вѣкъ въ каторгу.*

Кормить и содержать рекрутъ такъ, чтобъ они *безвременно* не помирали. Къ набору опредѣлить добрыхъ и совѣстныхъ отставныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ и дворянъ, а за ними имѣть прилежное смотрѣніе губернаторамъ и воеводамъ. Въ два мѣсяца полки должны быть укомплектованы рекрутами, подѣ опасеніемъ *тячайшаго гнѣва* государыни, т. е., *жестокаго истязанія.*

Страшной грозой для крѣпостной Россіи являлся подобный указъ. Его читали каждое воскресенье по городамъ, селамъ, деревнямъ въ церквахъ, на торгахъ и ярмаркахъ. Правительство боялось, чтобы кто-нибудь не отговорился *невѣднїемъ* указа. Страхъ былъ напрасенъ: кнутъ, плеть, кошки, каторжная работа, ссылка на поселеніе, тячайшій гнѣвъ, т. е., нещадныя истязанія — все это не были пустыми словами, ихъ вносили въ указы не по старой привычкѣ, ихъ приводили въ исполненіе..... На бумагѣ оставалось только безъ выполненія: *успокоенія* не брать взятокъ. Свѣстлвые приемщики не страшилась плети и кнута, ихъ

прикрывали воеводы и губернаторы, а тѣ, въ свой чередъ, имѣли милостивцевъ въ столицѣ. Не откуда явиться было въ ту невѣжественную эпоху совѣстливымъ и добрымъ пріемщикамъ: они не могли явиться изъ подъ плети и кнута, какъ не сдѣлала въ свое время честнымъ человѣкомъ свѣтлѣйшаго князя Меньшикова, тяжелая дубина великаго Петра.

Такимъ образомъ войнѣ внѣшней предшествовала борьба внутренняя: въ послѣдней побѣдителями были пріемщики съ ихъ помощниками, побѣжденнымъ былъ — *подушной* людъ, обложенный рекрутчиной. Разница между тою и другою войнами была — *коммерція*. Съ началомъ шведской кампаніи вся коммерція пресѣкалась, съ открытіемъ рекрутскаго набора начиналась самая дѣятельная продажа, покупка и перекупка людей. Человѣкъ стоилъ сто рублей, сумма большая по тому времени, и для пріобрѣтенія ея, какъ мы видѣли изъ указа, было много *воровскихъ хитростей*.

А наборъ обхватилъ не одну Русь, онъ распространился и на побѣжденную Финляндію. Рекруты отсюда, по представленію Ласси (марта 16-го), поступали въ матросы; во флотъ брали также людей и съ купеческихъ судовъ. Впрочемъ тѣ и другіе, по окончаніи войны, буде не захотятъ продолжать службы (Ласси въ томъ сомнѣвался) могутъ возвратиться домой «дабы чрезъ то лучшею охоту къ службѣ во флотѣ придать».

Не смотря на дѣятельныя приготовленія, все было готово не ранѣе 2-го мая. Генералу Кейту, бывшему въ Або, приказано было начать дѣйствія съ галерами, зимовавшими въ финляндскихъ портахъ, фельдмаршалу Ласси съ десантнымъ войскомъ на галерахъ слѣдовать изъ Петербурга къ Або, для соединенія съ Кейтомъ, корабельному флоту, изъ Кронштадта и Ревеля, прикрывать галеры; бѣломорской эскадрѣ не медля слѣдовать въ Балтійское море, для совокупныхъ дѣйствій.

Въ Кронштадтѣ приготовлено было десять кораблей (отъ шестидесяти шести до ста пушекъ), два брандера (по шести пушекъ), одно бомбардирское судно (десять пушекъ). Въ Ревелѣ находилось семь кораблей (отъ пятидесяти до шестидесяти шести пушекъ), одинъ фрегатъ (тридцати-двухъ-

пушечный), одно бомбардирское судно (десяти - пушечное). Въ Гельсингфорсѣ одинъ фрегатъ (тридцати-двухъ пушечный), одна бомбарда (шести-пушечная), два прама (тридцать шесть пушекъ). Въ Колѣ и Архангельскѣ готовились шесть кораблей отъ (пятидесяти четырехъ до шестидесяти пушекъ), три фрегата (тридцати-двухъ пушечные).

Мишуковъ, такъ несчастливо стоявшій на якорѣ въ прошломъ году, теперь былъ сдѣланъ командиромъ кронштадтскаго порта, а начальство надъ всѣмъ флотомъ поручено президенту адмиралтействъ коллегіи, графу Николаю Федоровичу Головину. Еще въ прошломъ году, недовольный медлительностью Мишукова, Головинъ вызывался принять команду надъ флотомъ; получивъ ее, онъ писалъ начальникамъ ревельской и бѣломорской эскадръ «всеусердно желаю.... благополучнаго успѣха и счастія, и лучшей чести, а не безчестія, *не такъ какъ въ прошедшей кампаніи было*, дабы какъ флоту российскому, такъ и себѣ славу доставить могли».

17-го апрѣля ревельская эскадра, подъ начальствомъ контръ-адмирала Баржу, выступила въ походъ, но не ранѣе, какъ 1-го мая приблизилась къ Гангэудду, гдѣ уже былъ генераль-лейтенантъ Хрущовъ съ галерами изъ финляндскихъ портовъ. Взявъ отъ эскадры прамы, генераль, по инструкціи Кейта, пошелъ къ Оландскимъ островамъ; между тѣмъ Баржъ до 16-го мая крейсировалъ между Оденсгольмомъ и Гангэуддомъ, исправляя поврежденія кораблей, наливаясь у Наргэна водой и занимаясь раздачей жалованья, присланнаго предъ самымъ отъѣздомъ, жалованья еще за сентябрьскую треть *прошлаго* года.

2-го мая, какъ мы сказали, кронштадтскій флотъ былъ готовъ къ выступленію. На рейдѣ стояло восемь кораблей линейныхъ, одинъ бомбардирскій, два брандера и мелкія посыльные суда. Галерный флотъ состоялъ изъ тридцати четырехъ галеръ и шестидесяти восьми канчебасовъ; на эти суда посажено было девять пѣхотныхъ полковъ, восемь гренадерскихъ ротъ и двѣсти казаковъ. Втеченіе двухъ недѣль *нарузка* судовъ производилась у галерной пристани. 3-го мая вся флотилія остановилась предъ зимнимъ домомъ

императрицы. Въ среднѣй, украшенная флагами и вымпелами, стояла галера Ласси, за нею по чинамъ, галеры остальныхъ генераловъ. Государыня изъ адмиралтейства отправилась на галеру главнокомандующаго, слушала въ его каютѣ молебень; «для добраго начинанія дѣла», повѣсила на шею Ласси крестъ, наполненный частицами мощей. При пушечной пальбѣ государыня допустила къ рукѣ генералитетъ, штабъ и оберъ офицеровъ, наконецъ подарила фельдмаршалу бриллантовый перстень. При отъѣздѣ ея въ адмиралтейство гремѣли выстрѣлы, раздавались усердные клики: *виватъ, троекратно* ¹¹⁾.

Шестнадцать лѣтъ, со времени Екатерины I-й, царская фамилія не посѣщала Кронштадта. Елисавета изъявила желаніе посѣтить кронштадтскій флотъ. Церемоніаль ея приѣма былъ предметомъ многихъ споровъ и совѣщаній. Начальные люди толковали о томъ, въ какое время опустить и поднять флаги и вымпела, когда начать пальбу и проч. Рѣшивши этотъ важный вопросъ тѣмъ, чтобы стрѣлять со всѣхъ судовъ и крѣпости вдругъ, когда императрица выйдетъ на берегъ, положили за непремѣнное кричать семь разъ *виватъ, а не ура*.

7-го мая, съ самого утра, сенаторы, свѣтскіе и духовные сановники, наслѣдникъ престола посѣтили флотъ, къ которому подъѣхала наконецъ на великолѣпной шлюпкѣ сама императрица. Вѣрноподданинческія радостныя чувства всѣ чины изъявляли по апробованному церемоніалу. Послѣ торжественнаго обѣда въ городѣ, государыня вновь приѣхала на адмиральскій корабль св. Петръ ¹²⁾, роздала нижнимъ чинамъ по рублю денегъ, приказавъ выступить въ море съ первымъ попутнымъ вѣтромъ.

Рано по утру, 8-го мая, тронулись въ походъ галеры, 9 го мая снялись корабли. Въ указѣ, данномъ Головину (апрѣля 24-го) сказано: «если непріятельскій флотъ заступитъ дорогу нашему галерному флоту у Гангэудда, то стараться въ бой вступить, и онаго отъ Гангута отбить, и учинить галерамъ свободный проходъ. Затѣмъ, идти къ Лемеланду, отправить галеры на шведскую сторону, подъ прикрытіемъ кораблей и ежели нужда востребуетъ атаковать

непріятеля, не только съ превосходящею надъ непріятелемъ силою, въ числѣ судовъ и пушекъ, но и съ равною противъ онаю. А что надлежитъ до осторожности отъ непріятеля и посылки крейсеровъ для присматриванія движенія его, а паче, чтобы непріятель не могъ учинить нападенія на наши эстляндскіе, лифляндскіе и прочіе берега, въ томъ поступать адмиралу, какъ надлежитъ вѣрному и искусному морскому главному командиру, причемъ имѣть о всемъ консиліи съ фельдмаршаломъ Ласси, флагманами и командирами кораблей ¹³⁾».

13-го мая галеры Ласси, послѣ долгой борьбы съ противными вѣтрами, пришли въ Фридрихсгамъ, гдѣ былъ учрежденъ магазинъ военныхъ снарядовъ и припасовъ. Ласси сдѣлалъ въ госпитали больныхъ, пополнилъ экипажъ гарнизонными солдатами, хотѣлъ выдти въ море, но противный вѣтеръ задержалъ его. Между тѣмъ, пришла вѣсть, что генералъ Кейтъ въ виду непріятеля, и Ласси, какъ ни торопился, подошелъ къ Гельсингфорсу только 23-го мая. Проходъ между Гельсингфорсомъ и Фридрихсгамомъ былъ чрезвычайно тѣсенъ, между рядами скалъ. Галеры должны были проходить одна за другою, идти съ крайнею осторожностію, дабы не сѣсть на мель. Стояло затопить здѣсь нѣсколько старыхъ судовъ и русскіе, говоритъ Манштейнъ, долго бы провозились, разчищая себѣ проходъ. Но шведы упустили это изъ виду.

Въ Гельсингфорсѣ, городкѣ въ то время ничтожномъ, Ласси запасся необходимыми припасами, людьми и получилъ отъ Кейта слѣдующее донесеніе ¹⁴⁾:

«15-го мая я подошелъ къ киркѣ Корно съ 16-ю (по другимъ извѣстіямъ 21-ю) галерами и двумя бомбардирными прамами. Непріятель ушелъ въ море верстъ на двадцать, получилъ подкрѣпленіе, а 18-го числа вечеромъ, пользуясь благоприятнымъ для него, и не благоприятнымъ для меня вѣтромъ двинулся къ намъ. Я приказалъ прамамъ занять мѣста въ проходѣ, галерамъ стать назади, а подполковнику, съ командою изъ трехъ сотъ человѣкъ, устроить на берегу батарею изъ восьми осьми фунтовыхъ орудій, расположивъ такимъ образомъ, чтобы обстрѣливать все пространство

предъ нашими судами. Пока шли работы, шведы стояли на якорѣ въ нѣсколькихъ верстахъ. Съ разсвѣтомъ 19-го мая на чистомъ плессѣ, въ близкомъ разстояніи сталъ непріятельскій флотъ: вице-адмиральское судно и правое крыло расположились за островомъ; вся эскадра — двадцать галеръ и одна большая прама выстроились въ боевой порядокъ противъ устья рѣки Корпо. Шведы первые открыли каннонаду, она не умолкала втеченіе трехъ часовъ. Наши галеры не могли, за неимѣніемъ мѣста, отстрѣливаться, такъ что отвѣчали двѣ прамы и береговая батарея. Выпущено было 1474 выстрѣловъ, притомъ столь удачныхъ, что шведскій флотъ, не смотря на свое превосходство, долженъ былъ отступить, не только безъ всякаго *авантажа*, но и съ немалыми поврежденіями: особенно потерпѣли большой уронъ двѣ ихъ галеры и большой прамъ Геркулесъ. Вся эскадра шведская отступила столь поспѣшно, что даже обрубил канаты у нѣсколькихъ якорей. Мы потеряли тридцать человѣкъ раненыхъ и убитыхъ. Нашему успѣху, заключалъ Кейтъ, не мало способствовала выгодная къ защитѣ позиція. Особенно отличились въ дѣлѣ кондуитъ и храбрые командиры двухъ прамъ: поручики Прончищевъ и Соймоновъ, также и весь экипажъ дѣйствовалъ, какъ нельзя лучше. Я не медля иду вслѣдъ за непріателемъ къ Аланду и буду ждать присоединенія генераль-фельдмаршала».

Генераль-фельдмаршалъ отиѣлъ по случаю этой побѣды молебень въ Гельсингфорсѣ и вышелъ въ море. 26-го мая онъ прибылъ въ Твереминне, и здѣсь узналъ, что у Гангэудекаго мыса стоитъ шведскій корабельный флотъ.

Двадцать девять лѣтъ тому назадъ, въ іюлѣ 1714 года, на этомъ же мѣстѣ, въ такихъ же обстоятельствахъ, былъ галерный флотъ, подъ начальствомъ адмирала Апраксина. Но подъ командою Апраксина былъ знаменитый шаутбенахтъ Петръ Михайловъ (государь); онъ предложилъ перетащить галеры черезъ мысъ (1170 сажень), а когда этотъ замыселъ не удался, рѣшился пробиться сквозь непріятеля; пробился, и 27-го числа одержалъ побѣду надъ шведскимъ флотомъ. Подвигъ былъ отчаянный, но вынужденный, ибо для отвлеченія непріятеля отъ Гангэудда корабельнымъ фло-

томъ не было средствъ, надежныхъ кораблей было только два, а прочіе, купленные, не ходки, и ежелибъ придти близко, писалъ государь въ журналѣ своемъ, то трудная была-бъ ретирада, а ежели появиться бѣ издали, то только былъ смѣхъ неприятелю».

Теперь былъ у насъ довольно сильный корабельный флотъ, и фельдмаршалъ рѣшился дожидать Головина. Адмиралъ 15-го мая соединился у Наргэна съ крейсировавшей здѣсь ревелльской эскадрой. Бросивъ якорь, Головинъ занялся поправкой нѣкоторыхъ судовъ, повредившихся въ походѣ, сдачей припасовъ и командъ, привезенныхъ для ревелльской эскадры. 21-го мая флотъ вступилъ подъ паруса, опредѣливъ по консиліуму крейсировать между Рогервикомъ и Гангэудомъ, а на другой день, 22-го числа, узнавъ, что шведскій флотъ занялъ позицію у Гангэудда, положено идти туда со всѣми силами, давъ знать Ласси: «дабы въ Гангутѣ, какъ съ моря корабельнымъ флотомъ, тако жъ съ другой стороны, буде случай допустить, съ галерами, вѣнщій поискъ надъ неприятелемъ учинить, и оттуда онаго отбить. А въ Твереминне, писалъ Головинъ фельдмаршалу, для консиліума быть не удобно: ни цѣлому флоту, за трудностью форватера, ни адмиралу, за невозможностью отлучиться».

24-го мая крейсера донесли, что неприятель стоитъ на форватерѣ въ числѣ тринадцати кораблей, двухъ бомбардирскихъ суденъ, одного гальота, двухъ мелькихъ и одного фрегата. Противъ этого мы имѣли пятнадцать кораблей, два фрегата, два бомбардирскихъ суденъ, два брандера и три посылочныхъ.

Созванъ консиліумъ, Головинъ предложилъ атаку, говоря, что «гдѣ неприятель лежитъ, тутъ и намъ лежать можно.» Но, по большинству голосовъ, согласно военному уставу, рѣшили остаться подъ парусами, вблизи Гангэудда и послать донесеніе къ фельдмаршалу. Адмиралъ Головинъ протестовалъ это рѣшеніе консиліума, и въ оправданіе себя, передъ современниками и потомствомъ записалъ въ протоколѣ слѣдующее: «Неприятель можетъ усилиться, либо вовсе отъ насъ уйти; для того, чтобъ неучиненіемъ поиска, и упущеніемъ нынѣ способнаго случая, мнѣ, яко главному командиру, не

причтено было въ нерадѣніе и къ слабому поступку: ибо по силѣ генеральнаго регламента, вижу себя принужденнымъ нынѣ, съ большею частию голосовъ, съ немалымъ сожалѣніемъ, быть согласну. Что же нѣкоторые изволили объявить, что оное надъ непріятелемъ дѣйство не малому газарду подлежитъ, а понеже никогда безъ газардированія военныхъ дѣйствій не бываетъ, того ради, при атакѣ газарду съ обѣихъ сторонъ миновать не возможно».

26-го мая, какъ уже извѣстно, галерной флотъ прибылъ въ Твереминне. 27-го числа Ласси предписалъ Головину прибыть туда съ флотомъ; но жестокий штормъ, переменные вѣтры и туманы позволили адмиралу приблизиться къ галерамъ, мили на три, не ранѣе 2-го іюня.

4-го іюня новый ордеръ фельдмаршала предписывалъ атаковать. Но въ копіи съ высочайшаго указа (отъ 28-го мая) на консиліумѣ у Головина прочитали: «буде случится хотя и для знатнаго надъ непріятелемъ поиска газардовать, въ томъ, при нынѣшнихъ, близкихъ къ миру обстоятельствахъ, до времени удержаться». Атаки же не могло быть безъ газарду, почему консиліумъ и положилъ приблизиться къ непріятелю на одну и три четверти мили, и быть въ оборонительномъ положеніи.

Послѣ безвредной перестрѣлки 8-го іюня, шведскій флотъ потянулся назадъ, очистивъ фарватеръ, а наши корабли ушли къ Рогервику, не преслѣдуя шведовъ, на томъ основаніи, что наша цѣль — пропускъ галернаго флота — была достигнута, а главное указомъ 28-го мая приказано не газардовать.

Головинъ хорошо предугадалъ, что его обвинять въ слабости и угодливости консиліуму; уже тогда, въ самомъ флотѣ, осуждали его нерѣшительность и Маштейнъ рассказываетъ слѣдующую басню, важную для насъ, какъ слухъ, молва современниковъ, не знавшихъ дѣло вполнѣ. «Фельдмаршалъ посылалъ приказъ за приказомъ, атаковать непріятеля, но адмиралъ каждый день находилъ новыя отговорки, чтобъ миновать сраженія. Наконецъ сослался на морской регламентъ Петра I, въ которомъ предписано, чтобы русскій флотъ шведскому не давалъ баталіи, если не будетъ трехъ нашихъ

кораблей противъ двухъ непріятельскихъ. А какъ Головинъ имѣлъ семнадцать противъ двѣнадцати, то недоставало ему одного корабля въ число предписанное ¹⁵⁾».

Отговариваясь, на основаніи консиліума, отъ возможности идти къ Лемелауду (подлѣ Оланда), какъ то предписывала инструкція, Головинъ писалъ, что тамъ множество подводныхъ камней, путь кораблямъ не безопасенъ, требовалъ отъ Ласси новаго распоряженія, а между тѣмъ, 10-го іюля, флотъ изъ Рогервика перешелъ къ Ревелю.

Между тѣмъ флотилія Ласси у Тверминне усилилась четырнадцатую галерами, восемнадцатую канчebasами и пятью полками экипажа, прошла Гангаудъ и 12-го іюня у Сатунга соединилась съ Кейтомъ. Отсюда пошли къ Оландскимъ островамъ; не встрѣчая непріятели готовились двинуться къ шведскимъ берегамъ, какъ 17-го іюня получено извѣстіе о подписаніи мирныхъ статей въ Або ¹⁶⁾. Давно желанная вѣсть остановила походъ и наши галеры простояли до половины августа у Оландскихъ острововъ, готовые вспомоществовать шведскому правительству, нынѣ уже союзному Россіи.

Уполномоченные обѣихъ сторонъ въ Або съ нетерпѣніемъ ждали вѣстей о побѣдѣ; она должна была дать иной оборотъ дѣлу. Островъ Корно отстоитъ отъ Або въ пятидесяти верстахъ; почти каждый выстрѣлъ трехъ-часоваго боя генерала Кейта слышанъ былъ на мѣстѣ конгресса. Уполномоченные съ большимъ безпокойствомъ ждали вѣстей, а Кейтъ двадцать четыре часа оставилъ ихъ въ невѣдѣніи. Шведы, не думая, чтобъ русскій генералъ сталъ мѣшкать извѣстіемъ объ успѣхѣ, стали торжествовать побѣду, но адъютантъ генерала разочоровалъ ихъ ¹⁷⁾.

Тогда шведскіе министры поспѣшили объявить, что, изъ уваженія къ ходатайству русской императрицы, они изберутъ наследникомъ шведскаго престола герцога голштинскаго, енископа любскаго, Адольфа Фридриха, впрочемъ не иначе, если согласіе на миръ послѣдуетъ до 22-го іюня; въ противномъ случаѣ будетъ объявленъ преемникомъ шведской короны датскій король, и Швеція соединится съ Даніей противъ Россіи. Нѣкоторые писатели не безъ основанія думаютъ, что

это обстоятельство ускорило заключеніе мира и побудило петербургскій дворъ сдѣлать нѣкоторыя уступки.

Главнѣйшее содержаніе *увѣрительнаго акта*, такъ былъ названъ договоръ, подписанный министрами 16-го іюня, состоялъ въ слѣдующемъ :

1) Установились, какъ это водится искони вѣковъ, до новой брани вѣчный миръ и совершенная дружба. *Непріятельство* съ обѣихъ сторонъ пресѣкалось.

2) *Въ разсужденіи рекомендаціи* русской государыни шведскіе чины сколь возможно скорѣе декларируютъ наслѣдникомъ престола принца Адольфа. Швеція отдаетъ Россіи провинцію Кюменгорскую съ рукавами и устьями рѣки Кюмени, также въ вѣчное владѣніе уступаетъ (*sub sperat*) крѣпость Нейшлотъ.

3) Взамѣнъ русское правительство очищаетъ шведо-финляндскія провинціи, *кунно съ принадлежностями*. Наслѣдникъ русскаго престола за себя и свое потомство отрекается отъ правъ на шведскую корону; если же Швеція будетъ *обезпокоена*, за избраніе принца Адольфа, то Россія употребитъ *пристойныя мѣры* то безпокойство отворотить.

4) По подписаніи сего утвердительнаго акта, должно потрудиться о заключеніи формальнаго мирнаго трактата, на основаніи Нейштатскаго, причемъ въ точности опредѣлить шведо-русскую новую границу и рѣшить другіе артикулы, не приличныя нынѣшнимъ обстоятельствамъ ¹⁸⁾.

Въ день заключенія мира наше правительство, не зная еще о немъ, стражайше подтвердило не пропускать въ Россію шведскихъ подданныхъ. Ближайшимъ поводомъ къ сему указу былъ камергеръ стокгольмскаго двора Норденфлятъ, съ паспортомъ рудоконнаго мастера, пробравшійся въ Петербургъ ради политическихъ какихъ-то видовъ. Вообще правительство нѣсколько дней находилось въ невѣдѣніи о подписаніи увѣрительнаго акта, вѣроятно потому, что курьеры того времени, какъ рассказываетъ Даниловъ, по обычаю ѣздили верхомъ, какое бы разстояніе не было, хоть изъ одного конца Россіи въ другой. «Считали верховую ѣзду за солдатскую исправку и крѣпость, и въ томъ было молодечество, чтобы скакать день и ночь, сутокъ десять не спавши ¹⁹⁾.....»

Какъ бы то ни было, но только 3-го іюля Петербургъ узналъ о мирѣ. Объявленіе его сопровождалось слѣдующей церемоніей:

Въ восемь часовъ утра, залпъ изъ тридцати одного орудія возвѣстилъ о началѣ торжества. Съ этимъ сигналомъ казанская церковь Пресвятой Богородицы наполнилась именитымъ духовенствомъ, сенаторами, генералитетомъ, придворными дамами и кавалерами въ богатомъ платьѣ. Гвардія и армія въ парадѣ вытгнули полки на площади. По прибытіи въ церковь государыни съ наслѣдникомъ и свитою, оберъ-секретарь сената Севергинъ прочелъ:

«Яко всецелый Богъ, по благополучномъ ея величества на природный свой престолъ вступленіи, на сіе законное государство изобильныя благословенія свои явственнѣйшими оказательствами во всѣхъ дѣлахъ, а особливо счастливыми прошедшей войны прогрессами, пріять не оставилъ; тако и нынѣ еще новый знакъ божескаго своего милосердія намъ даровать благоволилъ, когда сія война благополучно заключеннымъ, полезнымъ миромъ, къ приращенію высочайшей славы ея величества, и благополучію ея имперіи и всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ счастливо окончена 2°)....»

Пріятная вѣдомость получена чрезъ адъютанта и капитана Румянцова. Онъ повѣстилъ, что стокгольмскій дворъ утвердилъ 28-го іюня, статьи увѣрительнаго акта, а за пять дней до сего принцъ Адольфъ торжественно объявленъ наслѣдникомъ шведскаго престола. «Это избраніе, читалъ Севергинъ, нетокмо къ не малой славѣ ея величества, но и къ дѣйствительной пользѣ россійской имперіи касаться и доволно твердымъ впредъ удостовѣреніемъ быть имѣеть, что оный наслѣдникъ, вступя на шведскій престолъ, по столь ближнему свойству и всѣмъ другимъ причинамъ, ни о чемъ болѣе, какъ о содержаніи съ Россією истинной и непарушимой сосѣдственной дружбы стараніе свое простирать будетъ; слѣдовательно отъ стороны сего сосѣдства на предбудущія времена въ совершенной и въ доволно утвержденной тишинѣ и безопасности пребывать, и всякаго отъ онаго доброжелательства и пріязни надежно ожидать можно.» И о такой благоприятной вѣдомости, о счастливомъ, почитай безъ кро-

вопролитія полученномъ мирѣ, объявляется всенародно, съ тѣмъ, чтобы со смиреннымъ сердцемъ возблагодарили Господа за его благодать и принесли усердныя моленія; дабы и впредь Господь свои неотмѣнныя благословенія милостиво продолжать благоволилъ надъ ея величествомъ и ея государствомъ.»

За чтеніемъ Севергина слѣдовала проповѣдь епископа псковскаго Стефана ²¹⁾. Поздравленія государыни и великаго князя, молебень, молитва съ колѣнопреклоненіемъ, троекратный залпъ изъ ста-одного орудія, бѣглый ружейный огонь — все это, по обычаю, служило выраженіемъ всерадостныхъ чувствъ благодарности.

Во дворцѣ государыню и ея многочисленный дворъ ждалъ церемоніальный обѣдъ, а капитана Румянцова производство въ полковники ²²⁾. Съ наступленіемъ сумерекъ въ аллеяхъ Лѣтняго сада всѣ вмѣстѣ съ императрицей «веселились до полуночи, при — игранный и спѣванной итальянской, презрительной музыки».

× Колокола гудѣли цѣлый день, толпы народа бѣжали за кортежомъ конной гвардіи. Въ главѣ его, съ лавровою вѣтвію ѣхалъ генераль-маіоръ Гамфъ, за нимъ хоръ литавристовъ и трубачей, далѣе рейтары съ бѣлыми знаменами, бѣлыми, чрезъ плечо, перевязами и лавровыми вѣтвями. На главнѣйшихъ перекресткахъ, въ литейной, адмиралтейской и васьильевской частяхъ поѣздъ останавливался и секретарь Замятинъ громогласно читалъ объявленіе о мирѣ ²³⁾.

Въ то время, когда Петербургъ ликовалъ, а злобствовалъ одинъ Безстужевъ-Рюминъ, придворною интригою удаленный отъ участія въ заключеніи мира ²⁴⁾, Швеція была въ критическомъ положеніи. Вопросъ о наследникѣ короны волновалъ умы; цѣлая область Далекарлійская возстала, требуя избранія датскаго короля. Послѣ многихъ неистовствъ и грабежей, инсургенты приблизились къ столицѣ и вынудили у старика короля обѣщаніе рѣшить дѣло къ 21-му іюню. Король ждалъ результата абовскихъ переговоровъ. 16-го іюня увѣрительный актъ былъ подписанъ, и подполковникъ фонъ-Лингенъ взялъ на себя трудное дѣло, доставить его сколько возможно скорѣе въ Стокгольмъ. Избравъ для этого крат-

чайшій путь, Фонъ-Лингенъ прибылъ на Аландскіе острова. Тамъ онъ нашелъ дома, оставленные жителями: они скрылись въ лѣсахъ. Лингенъ пѣшкомъ прошелъ нѣсколько миль вдоль береговъ, наконецъ встрѣтилъ старика, а у него нашелъ ветхую лодочку. Выбирать было не-изъ-чего. Подполковникъ съ служителемъ и старикомъ усѣлся въ нее и смѣло пустились въ море. Двое гребли, третій безпрестанно вычерпывалъ воду, она обильно сочилась сквозь скважины и разчелныцы. Шляпа не успѣвала отливать, Лингенъ сталъ бѣльемъ своимъ затыкать дырки. Наконецъ, поздно вечеромъ, 20-го іюня — храбрый гонецъ вышелъ на шведской берегъ, а на другой день Стокгольмъ узналъ о заключеніи мира ²⁵).²²

Пріѣздъ Лингена измѣнилъ многое, а прежде всего далъ королю возможность приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ: 22-го числа онъ объявилъ инсургентамъ, что если кто не положитъ оружія къ пяти часамъ вечера, тотъ будетъ наказанъ по законамъ. Далекарлійцы не сдавались, но первый залъ королевскихъ войскъ, высаженныхъ съ прибывшихъ кораблей, положилъ на мѣстѣ до пятидесяти инсургентовъ, остальные сдались и были немедленно разсажены по тюрьмамъ, за недостаткомъ мѣста на дворы казенныхъ зданій, на кладбище и проч. Послѣ первыхъ допросовъ арестантовъ перевели на галеры, гдѣ отъ возникшей заразы, скверной пищи, тѣсноты и смрада болѣе семи тысячъ человекъ умерло. Главные заговорщики погибли на эшафотѣ, другіе выѣчены кнутомъ, немногіе прощены.

Достойно замѣчанія, что эти безпорядки ускорили участь Левенгаупта и Буденброка, несчастныхъ вонтелей прошлаго года. Казни этой требовала Швеція, обвиняя ихъ въ бѣдственной кампаніи. Генерала Буденброка не спасли покровители и друзья, онъ принесенъ былъ въ жертву народной мести и 18-го іюля 1743 года сложилъ голову на плахѣ. Друзья фельдмаршала Левенгаупта думая, что одна казнь удовлетворитъ ожесточенныхъ, помогли ему бѣжать. Вѣсть о томъ возбудила еще болѣе ожесточенье шведовъ. Правительство должно было обѣщать двадцать тысячъ талеровъ за голову Левенгаупта. Обѣщаніе прельстило шкипера, взявшагося

увести фельдмаршала и онъ выдалъ бѣглеца. 22-го іюля Левенгаупту отрублена голова.

Кровавыми жертвами и большими потерями купила Швеція миръ, но и то непрочный. Вопросъ о границахъ, по свидѣтельству современниковъ, въ нѣсколько лѣтъ не былъ разрѣшенъ, а ссоры и распри двухъ дворовъ возобновились въ концѣ того же года. Какъ бы то ни было, но оффиціальнѣйшій трактатъ *вѣчнаго мира* былъ ратификованъ Елисаветою 19-го августа ²⁶). 27

Трактатъ состоялъ изъ двадцати весьма длинныхъ статей, не прибавлявшихъ ничего существеннаго къ тому, что было сказано въ увѣрительномъ актѣ. Любопытно въ немъ одно, что изъ общей амнистіи съ той и другой стороны исключались казаки и ихъ дѣти, *сѣдовавшіе свейскому оружію*, безъ сомнѣнія, въ 1709 году.

Шведское правительство обязалось всегда признавать за государями Россіи императорскій титулъ, а великій князь Петръ Ѳеодоровичъ 20-го августа подписалъ отреченіе отъ шведской короны.

Выполняя статьи трактата, правительство приказало (сентября 6-го) свезти въ военную коллегію всѣхъ шведскихъ плѣнныхъ, оставивъ на мѣстахъ жительства принявшихъ подданство либо православную вѣру. Женившимся на русскихъ отпускать, но черезъ два года, буде не возвратятся къ женамъ, считать разведенными ²⁶).

Съ заключеніемъ мира войска наши получили наконецъ приказъ возвратиться на постоянныя квартиры. Генераль-поручикъ Штоффельнъ, командовавшій сухопутнымъ отрядомъ русскихъ войскъ, всю кампанію почти безъ дѣла стоялъ у города Улы, противъ шведскаго главнокомандующаго генераль-маіора Фрейденфельда. Штоффельнъ и Браунъ, по высочайшему указу, вышли изъ занятыхъ областей Финляндіи, предварительно разоривъ ихъ въ конецъ, чтобы долго не могла оправиться эта несчастная страна. Русскій дворъ или вѣрнѣе Безстужевъ, рассказываютъ Манштейнъ и Линаръ, не разъ приказывалъ генераламъ опустошать непріятельскую землю, между тѣмъ, какъ императрица, дѣлая видъ,

будто она ничего не знает приказывала раздавать финнам хлѣбъ свой на посѣвы. Мало того, въ неизрѣченной милости, Елисавета отмѣнила указъ 1742 года, о казни шведовъ-преступниковъ *натуральною* смертію, замѣнивъ его повѣліемъ: отсѣкать у виновнаго руку, вырѣзывать ноздри и ссылатъ въ вѣчную каторгу (августа 2-го).

Императрица послала графу Ласси собственную свою яхту для вѣзда въ Петербургъ. Вслѣдъ за нимъ прибылъ и галерный флотъ. Главное торжество по случаю мира, объявляли вѣдомости, будетъ отправляться въ Москвѣ. Тамъ въ будущемъ году государыня *раздѣлитъ* всенародныя и партикулярныя милости, теперь же будетъ малое торжество.» Оно состояло въ обыкновенныхъ церемоніяхъ: 15-го сентября служили обѣдню и молебень въ казанской церкви, въ присутствіи Елисаветы и всей знати. Севергинъ прочелъ съ амвона мирный трактатъ ²⁷⁾, епископъ Стефанъ съ церковной каедры сказалъ напыщенный панегирикъ, и въ немъ, по словамъ вѣдомостей, «всѣ матернія попеченія о Россіи новой Юдифи, пространно показалъ и изъяснилъ» ²⁸⁾. Въ парадѣ принимали участіе пришедшія галеры; развѣченныя флагами и вымпелами, они красовались на Невѣ предъ царскимъ дворцомъ. Въ пять часовъ въ дворцовыхъ залахъ открылся балъ. Семь фонтановъ, оранжерейныя деревья и цвѣты, хрустальныя лампы изъ бѣлаго воска, яркое освѣщеніе — отличало столовую камору отъ другихъ: сто кувертовъ были къ услугамъ танцующихъ; каждый кавалеръ ужиналъ съ своимъ номеромъ, дамою. До двухъ часовъ стрѣляли у дворца, играла музыка и возглашались тосты во дворцѣ. На другой день — маскарадъ; на третій обыкновенное празднество отличено было великолѣпнымъ фейерверкомъ, пущеннымъ съ галеръ ²⁹⁾. На маскарадѣ было болѣе трехъ сотъ человѣкъ, какъ изъ шляхетства, такъ и изъ имѣннаго купечества. Елисавета, сверхъ обыкновенія, ужинала за общимъ столомъ въ залѣ, убранномъ по рисункамъ неугомпаго Штелина, *нынѣ противъ прежняго манеромъ*. Три дня въ городѣ горѣла иллюминація, стояли вензеля и щиты на васильевскомъ островѣ, петербургской стороцѣ и противъ адмиралтейства ³⁰⁾.

Торжество увѣковѣчено золотой медалью въ тридцать пять червонцевъ: на лицевой сторонѣ портретъ государыни съ обыкновеннымъ титуломъ, на оборотѣ—рѣка *Кюмень*, на ней мостъ, изъ облаковъ видны двѣ руки съ лавровымъ вѣнкомъ, въ немъ связаны государственные гербы Россіи, Швеціи и Голштиніи, надпись: *крѣпчайшимъ союзомъ, въ память заключеннаго съ Швеціей вѣчнаго мира въ Абовь 1743 года, августа 7-го дня* ³¹⁾.

Но военныя дѣйствія, или вѣрнѣе сказать морскіе походы русскихъ войскъ еще не кончились. Датскій король придвинулъ свои войска къ границамъ Швеціи и волновалъ нѣкоторыя провинціи; сенатъ и король шведскій просили помощи у Елисаветы: русское правительство чрезвычайно было довольно случаю такъ скоро заявить свое могущество. Генераль Кейтъ, уже возвратившійся въ Кронштадтъ, получилъ приказъ, на галерахъ съ одинадцатью тысячами войска идти къ шведскимъ берегамъ, а адмираль Головинъ, 27-го августа, получилъ указъ идти изъ Ревеля до Карлскроны, соединиться съ шведскою эскадрою и съ нашею, имѣющею прибыть изъ Архангельска, и продолжать крейсерство весь сентябрь. 7-го сентября приказаніе было подтверждено, но не смотря на это Головинъ, выполняя странныя представленія консиліума, отложилъ походъ, ссылаясь на недостатокъ провизіи, трудность пути въ позднее осеннее время, поврежденія судовъ и проч. Въмѣсто Карлскроны Головинъ явился съ своимъ флотомъ въ Кронштадтъ. На другой день по его прибытіи, 28-го сентября, въ Ревелѣ полученъ слѣдующій указъ императрицы: «изъ присланнаго вашего къ намъ рапорта, отъ 22-го сентября, и приложеннаго притомъ консиліума, усмотрѣли мы, что вы, оставя на ревелескомъ рейдѣ эскадру съ нѣкоторыми кораблями, сами въ Кронштадтъ возвратиться имѣете, что насъ къ немалому не только неудовольствію, но и удивленію привело: понеже по посланнымъ къ вамъ указамъ, повелѣно вамъ съ флотомъ слѣдовать къ Карлскрону, а вы, не токмо туда не пошли, но и не малаго движенія не учинили, и зпато не хотя бытъ на морѣ, только на одномъ мѣстѣ время продолжали и упустили...» Въ заключеніе предписывалось немедленно идти

въ море. По приѣздѣ въ Кронштадтъ, Головинъ немедленно съѣхалъ на берегъ и сказанъ большимъ, его встрѣтила при дворѣ не милость. Контръ-адмиралъ Баржъ ходилъ вслѣдствіе указа въ море, крейсировалъ у Гангеудда до 19-го октября, наконецъ за недостаткомъ провизіи и прочими обстоятельствомъ возвратился въ Ревель. Что касается до архангельской эскадры, то та совершила переходъ изъ Бѣлаго въ море Балтійское довольно несчастливо, потеряла въ Каттегатѣ фрегатъ Меркурій, который разбился о камни и прибыла на кронштадтскій рейдъ въ началѣ ноября. Одинъ только Кейтъ выполнилъ, какъ слѣдуетъ, данное ему порученіе. Онъ долженъ былъ преодолѣть холодъ, недостатокъ припасовъ и страшныя бури. Русскія галеры никогда не оставались въ море позже сентября, теперь онѣ должны были быть подъ парусами до послѣднихъ чиселъ ноября. Генералитетъ, офицеры и солдаты роптали, прямо говорили о невозможности столь поздняго плаванія по морю бурному и опасному. Кейтъ отобралъ письменныя представленія отъ недовольныхъ, оставилъ ихъ безъ вниманія, и въ половинѣ октября прибылъ къ фаремундской гавани, на шведскомъ берегу. Онъ привезъ бывшему непріятелю союзный отрядъ и 400,000 рублей вспомошествованія, о чемъ свидѣтельствуется посланникъ Гегсдорфъ, (донесеніе сентября 21-го, 1743 года). Только съ наступленіемъ сильныхъ морозовъ, въ началѣ декабря, полки генерала Кейта расположены были на зимнихъ квартирахъ вокругъ Стокгольма, гдѣ и пребыли до слѣдующаго года ³²).

Что же касается до остальныхъ полковъ русской арміи, возвратившихся въ Петербургъ, то по сдачѣ въ адмиралтейство галеръ, они были разведены по разнымъ городамъ. Росписаніе, составленное по сему случаю сенатомъ (октября 6-го), любопытно для насъ какъ оффиціальная вѣдомость о наличномъ числѣ высшихъ военныхъ чиновъ, также полковъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ.

Генералъ фельдмаршаловъ по табели 1720 года полагалось два, теперь ихъ было три: князь Долгоруковъ управлялъ военной коллегіей, Лассен назначался на время отъѣзда государыни главнокомандующимъ въ Петербургъ,

принцъ Гессенъ-Гомбургскій состоялъ при артиллеріи, фортификаціи и *друмахъ довольноныхъ трудахъ*. Полныхъ генераловъ по табели 1720 года было пять, теперь же состояло семь. Генераль-лейтенантовъ вмѣсто шести — двѣнадцать, генераль-маіоровъ вмѣсто двѣнадцати — семнадцать, (изъ нихъ десять нѣмцевъ), бригадировъ только четыре, вмѣсто двѣнадцати, почему сверхштатные генералы переведены на бригадирское содержаніе. Вотъ любопытная вѣдомость о полномъ составѣ русской *арміи* въ 1743 году:

Въ Петербургѣ: лейбъ-кирасирскій полкъ; пѣхотные: ингерманландскій, астраханскій, вологодскій, псковскій, суздальскій и кабардинскій.

Въ Стокгольмѣ: пѣхотные: низовскій, апшеронскій, тобольскій, казанскій, азовскій, кексгольмскій, ростовскій, черниговскій и пермскій.

Въ московской губерніи: драгунскій каргопольскій, пѣхотные: володимірскій, бутырскій, первый московскій, ярославскій, воронежскій, выборгскій и великолукскій.

Въ кievской губерніи: пѣхотные: шлиссельбургскій и петербургскій.

Въ казанской: драгунскіе: вятскій, луцкій и вологодскій.

Въ Новгородѣ: драгунскій кievскій.

Въ нижегородской губерніи: драгунскіе: володимірскій и олонецкій.

Въ Калугѣ: пѣхотный новгородскій.

Въ Твери: драгунскіе: казанскій и драгунскій. (?)

Въ Смоленскѣ: драгунскій архангелогородскій.

Въ Пензѣ: драгунскій ростовскій.

Въ воронежской губерніи: драгунскіе: сибирскій, тверскій, псковскій, азовскій, нижегородскій и ябургскій.

Въ бѣлгородской губерніи: драгунскіе: астраханскій и ингерманландскій.

Въ Кронштадтѣ: пѣхотные: смоленскій и вятскій.

Въ Шлиссельбургѣ: пѣхотный нижегородскій.

Въ Нарвѣ: пѣхотный кievскій.

Въ Фридрихсгалтѣ: пѣхотные: нарвскій и копорскій.

Въ Выборгѣ: пѣхотный рязанскій.

Въ Лифляндіи: кирасирскій его императорскаго высочества, пѣхотные: троицкій, муромскій, углицкій и бѣлозерскій.

Въ Эстляндіи: третій кирасирскій, пѣхотные: второй московскій, астраханскій, ладожскій и сибирскій.

Въ алаторской провинціи: драгунскіе: московскій, троицкій и ревельскій.

Въ Ладолѣ: пѣхотный невскій.

Въ крѣпости св. Анны: пѣхотные: нашебургскій и ширванскій.

Въ Царицынѣ: пѣхотные: навангшскій и куринскій.

Въ Астрахани: пѣхотный теигинскій.

Въ Малороссіи: гусарскихъ три, драгунскихъ: пермскій, тобольскій, новотроицкій, рязанскій, рижскій, нарвскій, пестербургскій и новгородскій.

Такимъ образомъ одна армія, не считая гвардіи и гренадерскаго полка, состояла въ 1743 году изъ двадцати девяти драгунскихъ полковъ, сорока шести пѣхотныхъ, трехъ кирасирскихъ и трехъ гусарскихъ ³³).

Мы свели въ одинъ очеркъ важнѣйшія свѣдѣнія, относящіяся къ военнымъ дѣйствіямъ и миру съ шведами. Спрашивается, окупилась ли наши потери и громадныя издержки клочкомъ финляндскаго княжества? Это пріобрѣтеніе было слишкомъ неважно и *существенныхъ* выгодъ отъ войны мы не получили. Съ другой стороны не пріобрѣли и того вліянія, того значенія въ ряду европейскихъ державъ, которое, повидимому должны были пріобрѣсти. Въ самомъ дѣлѣ, при плачевномъ состояніи государства внутри, при неурядицѣ въ администраціи, при постоянныхъ, самыхъ запутанныхъ интригахъ и распряхъ сановниковъ, правителей Россіи, наши отношенія къ иностраннымъ державамъ, наше мѣсто въ европейской политикѣ подчинялось игрѣ случая. Въ ряду правителей Россіи, у трона государыни, не заботившейся о управленіи, не было человѣка вполне достойнаго, съ умомъ государственнымъ, въ текущихъ дѣлахъ не видать было прямого вѣрнаго самому себѣ начала, все зависѣло отъ каприза слабохарактерной женщины и прихотей любимцевъ. «Если при всемъ томъ, пишетъ саксонскій

посоль, русское оружіе и увѣнчалось успѣхомъ въ войнѣ 1742—1743 годовъ, то этимъ обязано превосходству силъ, а главное тому непростительному легкомыслію, съ какимъ война эта и начата и ведена дворянской партіей, господствовавшей въ Швеціи»³⁴).

Заключаемъ нашъ разсказъ *политическимъ памфлетомъ* сего времени. Такъ мы можемъ назвать рукописное сочиненіе, найденное нами въ академической библиотекѣ. Вотъ его заглавіе: «Разговоры, бывшіе между двоихъ російскихъ солдатъ, случившихся на галерномъ флотѣ, въ кампаніи 1743 года.» (Рукоп. въ 4-ю д. связнымъ полу-уставцемъ, 56 стр.) Это любопытное сочиненіе не было до-сихъ-поръ напечатано, и сколько намъ извѣстно, нигдѣ о немъ не упоминалось. Форма его весьма обыкновенная по тому времени *разговорная*. Здѣсь говорятъ два солдата: *Симонъ Коницъ* и *Яковъ Алексѣевъ*. Въ первой части разговора, ведется разсказъ о дѣйствіяхъ нашего флота съ его выступленія въ 1743 году, до стоянки у Суттонга. При скудности извѣстій о этой кампаніи новыя подробности, сообщаемыя разговаривающими, довольно важны. Вторая половина *солдатской бесѣды* интересна въ другомъ отношеніи: это памфлетъ или самый строгій, весьма часто бранный разборъ всей военной дѣятельности фельдмаршала Миниха. Авторъ, какъ самъ говоритъ, былъ *самовидцемъ* того, о чемъ сообщаетъ чрезъ вымышленныхъ Коница и Алексѣева; какъ видно, хорошо зналъ современныя политическія дѣла; простой разговорной языкъ, пересыпанный пословицами, поговорками, нерѣдко площадными, *балагурствомъ* — достаточно показываетъ, что неизвѣстный сочинитель не былъ какой-нибудь ученый педантъ, академикъ, и мы вѣримъ, что сочиненіе написано на галерѣ, скуки ради, во время стоянки въ Твеременне или у Суттонга, въ іюнѣ 1743 года.

Достоинно вниманія, что разговаривающія лица за частую щеголяютъ цѣлыми фразами, взятыми изъ извѣстныхъ намъ проповѣдей Кирилла Флоринскаго, Амвросія Юшкевича и другихъ; вообще духъ ненависти къ иноземцамъ вездѣ выбивается, во всѣхъ мѣстахъ разговора. Страшась кнутаго увѣщанія, авторъ не рѣшается прямо бранить иноземныхъ

начальниковъ своихъ, однако не хвалить Ласси, напротивъ осуждаетъ за кроткое обхожденіе съ покоренными народами, упрекаетъ за его бездѣйствіе, не разсынается въ похва-лахъ Кейту и, напротивъ, не упускаетъ случая расхвалить русскихъ генераловъ Хрущова, Румянцева и въ-особенности Левашова.

Печатая этотъ разговоръ цѣликомъ, мы не считаемъ нужнымъ сохранять современную орфографію, исполненную ошибокъ, но слогъ оставили прежній. Мѣста почему-нибудь особенно замѣчательныя отмѣчаемъ курсивомъ:

«Симонъ. Знаешь ли ты братъ, куда мы поплывемъ?»

Яковъ. Нискуда и куда — въ Финляндію.

С. Да Финляндія наша, что тамъ дѣлать?

Я. Финляндія наша, а замелацкія и оландійскіе острова не наши.

С. Да сказали, что прошедшею зимою и тѣ намъ присягали?

Я. Присягали, да измѣнили. Пришли къ нимъ шведы, а они ихъ подговорили на наши команды, и въ полонъ нашихъ побрали.

С. А правда, надобно такую каналію искоренить, да и шведовъ, храбрыхъ ихъ господъ смирить, чтобъ они впрредъ на насъ носъ не подымали.

Я. Самъ братъ знаешь, что они и прежде намъ докучали, а нынѣ безъ вины на насъ возстали, да Богъ ихъ Спасу покоряетъ; трусить онъ насъ будетъ.

С. Сказываютъ *плмцы*, что они собрались въ великой силѣ и флотъ свой исправили.

Я. Какъ имъ скоро исправится, видѣлъ ты, каковы они въ прошлой кампаніи были? а хотя исправны, да мы имъ не уступимъ.

С. Сказываютъ, будто имъ французъ прислалъ много червонцевъ, а датскій король людей.

Я. Лгутъ братъ, не слушай! Я подлинно отъ русскихъ нашихъ штаповъ слышалъ, что французіку самому пришлось трудно, а датчанинъ давно шведовъ не любитъ.

С. Для чего французъ намъ трудилъ?

Я. Онъ имѣетъ войну съ венгерской королевою, а король аглицкій и голландскій, также и многіе нѣмецкіе князья королевщѣ помогаютъ.

С. За чтожь у него съ венгерской королевной война?

Я. Слышалъ я, что королевниинъ отецъ, бывши цесаремъ нѣмецкимъ, тому три года какъ умеръ. Она послѣ него наследница съ маленькимъ своимъ сыномъ. А на нее, французскою помощію, на мѣсто покойнаго цезаря, избранъ курфирстъ баварскій, но баварскому онъ помогаетъ, да несчастливо.

С. Какъ несчастливо?

Я. Неоднократно войско его отъ венгерцовъ было побито и изъ гарнизоновъ выгнано, да много померло и разбѣжалось; *они люди лѣжные, не стануть такой нужды терпѣть какъ мы, имъ была бы курочка да свѣжее яичко.* А можно видѣть, что и шведы французску сторону держать, и намъ войну объявили, да половину своей арміи въ Финляндіи потеряли.

С. *Сказываютъ плъмы,* что уже шведскій корабельный флотъ стоитъ въ Ангутѣ, насъ ожидаетъ, чтобы дать баталію, а генераловъ *Кейта и Хрущова* на галерахъ они своимъ же галернымъ флотомъ атаковали и въ немалой де онѣ находятся силѣ; да и грозятъ не по прежнему отъ насъ бѣгать.

Я. *Все братъ они мрутъ,* два тому минуло года, помнишь ли, какъ мы пошли изъ Выборга къ Вильманстранду? Тогда сказали, что шведы такъ храбры: одинъ изъ солдатъ пятахъ нашихъ прогнать; а стрѣлять такіе мастера, что въ лобъ нашихъ бить будутъ: а какъ мы сошлись съ ними, и *одинъ противъ друга съли на колюки, дали по нимъ залпъ,* другой, такъ они, какъ курята завертѣлись! *А послѣ крикнувъ, пошли на нихъ со штыками,* а они отъ насъ бѣжать, а мы ихъ гнать и колоть. Самъ ты братъ видѣлъ, какъ скотину въ хлѣвъ, въ Вильманстрандѣ ихъ загнали, да и командира ихъ, генерала Врангеля, въ полонъ взяли.

А прошлаго году, какъ мы приблизились къ ихъ засѣлкѣ, сказали намъ, будто она на семь верстѣ поперекъ весьма

крѣпко зарублена и батареями, и пушками утверждена; тутъ де они противъ насъ крѣпко стоять будутъ! а мы, слава Богу, какъ къ нимъ смѣло пришли, такъ смѣло и черезъ ихъ перешли, а храбрые шведы и глазу показать намъ не смѣли. Гусары и казаки наши ихъ прогнали. Послѣ того, какъ мы стали приходять къ Фридрихсгаму, сказали, что такой и такой укрѣпленный городъ, валъ превысокій, ровъ широкій и глубокій, батарей множество, пушекъ на нихъ безъ числа! И такъ далеко бить будутъ, что за девять верстъ до крѣпости насъ не допустятъ, а мины де около крѣпости сдѣланы версты на три. А мы ни на что не смотря, пошли къ нимъ прямо посмотрѣть на шведскую храбрость. Лишь увидѣли насъ тѣ, хваленые шведы, зажгли въ городѣ свои дома, покинули крѣпость и кирки оставили, магазины и припасы бросили, большія мортиры и пушки, да ушли за рѣку къ нимъ.

А гусары и казаки наши за ними гнать, въ полонъ ихъ брать, колоть и рубить. А мы съ арміей послѣдовать. Да въ такую робость привели, что самый ихъ главный командиръ *генералъ Левенаунтъ*, въ которомъ сказывали *самсонову силу, эркулесову храбрость, улисову хитрость, соломонову мудрость, бажавъ штаны едва не умаралъ*. И прогнали ихъ чрезъ Борговъ до Гельсингфорса, а тамъ къ Абову сухимъ путемъ трактъ имъ заступили, и водно пошли наши галеры и такъ со всѣхъ сторонъ ихъ окружили: вотъ не побѣдимые шведы принуждены отъ насъ дѣлать батареи и сидѣть въ атакѣ, а и нашему фельдмаршалу фонъ-Лессію часто присылають и просятъ, чтобъ ихъ во Швецію живыхъ отпустить. И такъ съ ними учинили, что всю артилерію и аммуницію у нихъ отобрали, а ихъ во Швецію отпустили. А финляндскіе полки всѣ передъ нами ружья положили, а ихъ въ дома распустили. Еще брать счастливы были тогда шведы, что нашъ корабельный флотъ къ Гельсингфорсу не поспѣлъ, а тобъ ни одинъ ихъ человекъ отъ рукъ нашихъ не ушелъ.

С. Сказываютъ, что нынѣ они уже противъ насъ будутъ крѣпко стоять, и въ Ангутѣ насъ съ галерами грозятъ атаковать, чтобы мы не соединились съ генераломъ Кейтомъ?

Я. А вотъ увидимъ что будетъ, поплывемъ къ Гельсингфорсу.

(Потомъ приплыли къ Гельсингфорсу съ галернымъ флотомъ.)

С. Здравствуй братъ, приплыли благополучно къ Гельсингфорсу, на прошлогоднее мѣсто!

Я. Благодарствую братецъ, и васъ тѣмъ же поздравляю. Былъ ли ты въ городѣ? Сказывали, для чего тамъ изъ пушекъ стрѣляютъ и поповъ нашихъ собираютъ?

С. Былъ и слышалъ, что хотятъ пѣть благодарственный молебень, для того, что пришелъ отъ генерала Кейта къ фельдмаршалу фонъ-Лессію рапортъ, что шведскія галеры и прамы при Корно какъ его атаковали, да шведовъ наши назадъ прогнали, такъ хорошо, что славный ихъ прамъ, непобѣдимый Геркулесъ, потерялъ было свою корму и носъ, и на силу его, обрубя якорь, живо тѣ отбуксировали. И говорятъ, будто отвезли его въ стокгольмскій госпиталь, и тамъ лучшіе доктора лѣчуть: всего пластырями уклали, и скипидаромъ мажутъ, да вылечить не могутъ!

Я. Да, гдѣ жъ теперь *Кейтъ* и *Хрущовъ* съ дивизіей?

С. Пошли за ними далѣе къ Ламеланду, а мы поплывемъ къ Ангуту ³⁵).

(Приплыли къ Ангуту благополучно, и тамъ видны шведскіе корабли, стоящіе на самомъ галерномъ проходѣ.)

Я. Видишь братъ, что это корабли шведскіе захватили нашъ галерной проходъ, что мы будемъ дѣлать?

С. Да и нашъ корабельный флотъ сюда-жъ скоро будетъ. И шведскіе корабли атакуемъ, а мы ужъ и съ галерами проходу искать будемъ, не стоять прищли.

Я. Правда атакуемъ; да что жъ онъ и въ такомъ крѣпкомъ мѣстѣ сдѣлаетъ? *Говорятъ нѣмцы*, что на немъ *адмиралъ тоже человекъ весьма умный*, и храбрый, и насъ все-конечно не пропуститъ?

С. Да, ну, нашъ адмиралъ *Головинъ не безъ смысла*, какъ ни есть промышлять надъ ними будетъ, а безъ дѣла стоять не будетъ.

Я. Я думаю, что намъ на галерахъ идти бы къ нимъ прямо?

С. Недождавшись нашихъ кораблей, идти нельзя. Видишь ли большой шведскій корабль стоитъ на самомъ галерномъ проходѣ. Что мы ему своими галерами сдѣлать можемъ?

(Смотрягъ они, ажно и россійскій корабельный флотъ въ морѣ показался.)

Я. Видишь ли, братецъ, отъ Гельсингфорса, въ морѣ, бѣлбють никакъ паруса?

С. Вижу; слава Богу, идутъ корабли наши, вотъ вскорѣ будетъ намъ дѣло.

Я. Слушай, изъ пушки выпалили у насъ, съ фельдмаршалской галеры, да и сборъ ббють.

С. Видишь ли у шведовъ во флотѣ выпалили-жъ изъ пушки и выкинули походный флагъ, и распускаютъ паруса?

Я. Прости братъ, поидемъ на галеру; видишь, это наши командиры хотять шведскій флотъ атаковать, а имъ отъ насъ будетъ бѣжать, да и стали изъ Ангута уже въ море выступать.

(Поплыли все въ море въ ордеръ баталію по Гангэудду благополучно, а шведскіе корабли отступили въ море).

С. Съ ума сошли шведы, что такое крѣпкое мѣсто оставили и наши галеры пропустили.

Я. Сойдешь съ ума, какъ мочи нѣтъ стоять, имъ такой въ прошлые годы *поставили квестиръ*. Это оставило воинство, храбрые шведы, о которыхъ тебѣ сказывали, что они уже нынѣ крѣпко стануть противъ насъ и непобѣдимы будутъ! а намъ *въ правдѣ нашей* самъ Богъ помогаетъ, *пуцай насъ русскихъ уничтожаютъ*, а мы и никого не боимся!

С. Ахъ, какой *великой туманъ на флотъ нашель*, много галеръ нашихъ въ такой туманности на камени и на мели стануть и не достались бы въ шведскія руки, видишь задніе ихъ корабли стали къ намъ приближаться?

Я. Не бойся *этотъ туманъ намъ великую учинитъ помощь*, ибо шведы ни одной нашей галеры не увидятъ, да и ѣхать имъ въ такомъ туманѣ къ намъ нельзя, а насъ Богъ сохранить всехъ цѣлыхъ ³⁶).

(Ту ночь нельзя было пристать къ берегу, ночевали на якорѣ, гдѣ кто успѣлъ стать, между островами, а по утру, какъ было свѣтло):

С. Всѣ ли братъ наши галеры и суда цѣлы, не остались ли иные позади, въ прошедшемъ туманѣ?

Я. Да уже фельдмаршалу рапортовали, что всѣ наши суда въ цѣлости изъ Ангута вышли и рапортъ ко всемилостивѣйшей государынѣ въ Петербургъ онъ послалъ ³⁷).

Смотри братъ, по всѣмъ дѣламъ, какъ насъ Богъ сохраняетъ и своимъ промысломъ подкрѣпляетъ? Счастливая наша всемилостивѣйшая государыня императрица! Да, молитесь за насъ православная наша церковь. Правда, во удивленіе будетъ многимъ, что мы и нынѣ Ангутъ прошли счастливо. А особливо въ Абовѣ, на конгрессѣ министрамъ нашимъ (и шведскимъ). Теперь съ генераломъ Кейтомъ мы соединитя препятствія никакого не имѣемъ. А ежели, дастъ Богъ, соединимся, подумаютъ шведы, что съ нами дѣлать: поплывемъ далѣе.

(И какъ прошли чрезъ Фарзунтъ и приближаются къ Корпо киркѣ).

С. Да, да, сказывали, здѣсь стоитъ Кейтъ съ дивизіей, и тутъ была у него преждерѣченная битва, и шведы отъ него стоятъ близко, ажно никого нѣту?

Я. Да ты не слышалъ, шведы отъ него такъ скоро отступили, что и якори отъ судовъ своихъ обрубил, а наши галеры пошли за ними къ Ламеланду и тутъ стоятъ между собой не далеко. Кейтъ насъ ожидаетъ и для того мы къ нему въ сигурсъ поспѣшаемъ, вотъ завтра поплывемъ чрезъ широкое плессо, къ Ламеланду.

(На другой день).

Я. Охъ, какой намъ вѣтръ сталъ способный; на тѣхъ галерахъ матетровые паруса поднимаютъ. Боже помоги намъ переплыть плессо сіе благополучно.

С. Смотри братъ, вонъ видишь наши прамы и кейтовой дивизіи галеры идутъ; недалеко шведскій галерный флотъ, прамы и фрегаты. Уже теперь у насъ будетъ съ ними необходимо дѣло.

Я. Но они противъ насъ никогда не будутъ стоять, всегда будутъ бѣжать, вотъ увидишь.

С. Не статочное дѣло, чтобъ воевать, а непріятель всегда уступать, какая будетъ въ томъ польза?

(Смотрятъ они, ажно на шведскихъ галерахъ, прамахъ и фрегатахъ стали паруса поднимать и уходить по Форватеру въ Зундъ-Ламеландской).

Я. Смотри: я братъ тебѣ сказывалъ, уѣдутъ шведы и стоять противъ насъ не могутъ. Вотъ уже паруса поднявъ, ушли, а генераль-лейтенантъ Хрущовъ за ними погнался, да еще кейтова дивизія пошла, иль и мы тотчасъ за ними-жъ?

(На другой день вся армія пошла за шведами и приплыла къ острову Едерво, отъ Ламеланда въ близости, и тутъ стали).

С. Да гдѣ-жъ шведской флотъ, уже ихъ и за плессомъ къ Ламеланду не видно?

Я. Посылали провѣдывать шлюпки, да и тамъ ихъ нѣтъ. Сказываютъ ихъ дезертиры и здѣшніе жители, что ушелъ въ Стокгольмъ, а мы къ нимъ, по прежнему, на ту сторону въ гости, вотъ ихъ храбрость и оказалась. *Задорчивы, какъ кошки, а трусливы, какъ зайцы.*

(При тѣхъ островахъ, ожидая погоды нѣсколько дней стояли).

С. Поздравляю, братецъ, васъ со шведами миромъ; проѣхали изъ Абова, отъ конгресса, къ нашему фельдмаршалу два шведскіе офицеры, а именно подполковникъ Линденъ съ объявленіемъ, что 16-го числа сего іюня мѣсяца миръ заключили; и они будутъ для подписанія ратификацій къ своему двору въ Стокгольмъ, а въ Петербургъ отъ нашихъ министровъ посланъ инженеръ-капитанъ-порутчикъ *Елманиновъ* и положено размѣнятся тѣми ратификаціями на Петровъ день.

Я. Благодарствую, братецъ, за добрыя вѣсти; дай Богъ чтобъ совершилось благополучно; а намъ бы въ добромъ здоровьѣ въ Россію возвратится, хотя бы на *малое время быдныя наши солдатскіе домишки посмотрѣли, да женъ и дѣтей увидѣли бы.*

(Послѣ сего еще нѣсколько дней при тѣхъ же островахъ стояли, ожидая указа о походѣ).

С. Сегодня приѣхали изъ Стокгольма шведской полковникъ, да подполковникъ *Линденъ*, везутъ ратификацію, подписанную о мирѣ въ Або, на конгрессѣ. И одинъ изъ нихъ

поѣдетъ въ Петербургъ. Сказывали команды ихъ солдаты, что въ Стокгольмѣ было великое замѣшеніе и бунты: нѣкіе далекіе мужики, которыхъ они называютъ далбуры, подкуплены отъ датчанъ сбунтовали и пришли въ Стокгольмъ, вооружены и съ артиллеріей, и шведскихъ нарочитыхъ управителей четыре человека до смерти убили³⁸). И многихъ гвардіи и прочихъ чиновъ людей побили, домогаясь, чтобъ взять датскаго принца къ коронѣ и самодержавству. А шляхта шведская и купечество того не желаютъ и объявили наслѣдникомъ королевскимъ принца Голстейнбека, который, нашему великому князю Петру Федоровичу ближній дядя, и ежели бы не ускорили пріѣхать въ Стокгольмъ ихъ флотъ и не объявили съ нами вѣчнаго мира, то-бъ великое кровопролитіе и междо-усобныя брани между ими учинились бы. *Итакъ, говорятъ, ужасно тамъ смотрѣть было: кровь человеческая по улицамъ текла струями, множество мертвыхъ тѣлъ валялось, а какъ Далбуре жъ миръ съ нами и наслѣдника короны, вышереченнаго принца, объявили и о приходѣ не далече отъ Стокгольма нашего галернаго флота сказали, то они назадъ отступили.* А чѣмъ еще окончится, не знаютъ; только надѣются, что, опасаясь Далбуре нашего войска, болѣе ничего дѣлать не будутъ. А зачинателей того бунта уже подъ караулъ взяли.

Я. Видишь братецъ, какъ гордость и высокомеріе, а паче не согласія въ бѣдственныхъ случаяхъ не то что города, но и цѣлыя царства приводитъ. И какими праведными судьбами Богъ человѣческія, неразумныя и гордыя замыслы испровергаетъ! Я видѣлъ у російскаго знатнаго господина старинный руской лѣтописецъ, въ немъ, между прочимъ, описана война, бывшая у нашего російскаго великаго князя Александра Невскаго со шведскимъ королемъ Магнусомъ Вегеромъ³⁹). Когда онъ король на рѣкѣ Невѣ (гдѣ нынѣ монастырь Невскій) разбитъ былъ со всѣмъ шведскимъ войскомъ и раненъ саблей въ голову отъ самого великаго князя Александра и по многимъ, случившимся послѣ сей побѣды, напастямъ, возвратился въ свое шведское королевство и учинилъ вѣчный миръ съ великимъ княземъ Александромъ, съ его наслѣдниками и со всѣмъ русскимъ народомъ. У него

было два сына, одного изъ нихъ опредѣлилъ королѣ своей наслѣдникомъ, и, умирая, учинилъ духовную, а въ ней написалъ между прочимъ тако: «я король Магнусъ-Вегеръ шведскій, готскій, квендскій, будущимъ по немъ наслѣдникамъ шведскаго королевства и всѣхъ шведовъ заклинаю всемогущимъ Богомъ и судомъ его страшнымъ, чтобъ съ русскими великими князьями и съ ихъ народомъ отнюдь не воевать ни сушей, ни моремъ. А ежели въ сіе преступленіе впадете, воевать съ ними будете, то не будетъ вамъ счастья, ни на сушѣ, ни на морѣ. И между вами будетъ сѣча и кровопролитіе». Вотъ и учинили надъ ними все то, за ихъ клятвопреступленіе и за начатіе неправедныхъ съ нами войнъ. Они взяли у француза деньги, да съ нами войну начали, напротивъ того далбуры ихъ взяли у датчанъ деньги, да на нихъ возстали; вотъ по дѣламъ имъ воздаянье!

Только сей гордый, лукавый и хищный народъ: одна немощь и безчиніе ихъ, съ нами принуждаетъ миръ содержать, *надобно* всегда ихъ опасаться, а на границахъ *имѣть* *крѣпкіе города и гарнизоны*, а паче наши *корабельной и галерной флотъ* *будетъ* *имъ* *страшенъ*. Посмотри нынѣ, сколь довольно у насъ на галерахъ войска, артиллеріи, провіанту и всякихъ припасовъ, и пришли почти къ самому ихъ столичному городу Стокгольму, безъ всякаго труда, и не съ такими убытки, какъ было въ прошедшею съ турками войну. А во время мира надобно стараться, чтобъ морскіе служители, въ лучшее состояніе отъ нынѣшнихъ были.

С. Для чего мы столь долго въ пустомъ мѣстѣ стоимъ? *Гдѣ* *не* *можно* *на* *пищу* *ничего* *свиньямъ* *купить?* *Да* *и* *вода* *самая* *нужная* *и* *нездоровая*. *А* *видишь* *по* *островамъ*, *финновъ* *скота* *шатается* *много* *безъ* *пастуховъ* *и* *жителей* *въ* *деревняхъ* *лѣтъ*, *а* *брать* *его* *не* *велятъ* *и* *отъ* *сего* *недовольства* *въ* *полкахъ* *весьма* *больныя* *умножаются*. *Да* *и* *мрутъ*, *а* *главные* *наши* *командиры* *о* *довольствѣ* *нашемъ* *не* *стараются*, *на* *хорошія* *мѣста* *не* *переводятъ*, *Богъ* *ихъ* *суди!* *Съ* *великой* *бы* *мы* *охотою* *противъ* *непріятеля*, *съ* *ружьемъ* *померли*, *нежели* *нынѣ*, *здѣсь*, *отъ* *недовольствія*; *ежели* *бы* *такимъ* *образомъ* *случилось* *шведу* *войдти* *въ* *наше* *россійское* *мѣсто*, *тобъ* *онъ* *по* *своей* *гордости*, *и* *къ* *намъ* *зависти*, *не* *только* *скотъ* *нашъ* *не* *пощадилъ*, *но* *и*

женъ, и дѣтей нашихъ мученически обрзуалъ бы и церкви осквернилъ бы; какъ это въ преждевременную войну, они жъ въ Малороссіи дѣлали, разве мы ихъ скота хуже? Дорогою за мясо и за прочія харчи платить ихъ цѣною должны, только бы не терпѣть такой нужды!

Я. Правда есть въ томъ, ничь не малая нужда и подлинно, что шведы насъ такъ, при своемъ благополучіи, не пощадили, какъ мы ихъ землю, а можетъ быть что такой указъ имѣютъ главные наши, дабы своевољствомъ не ходили и ничего отъ здѣшнихъ жителей безъ платы не брать; однако можно бы армію здѣсь на Оланскихъ островахъ, въ лучшія мѣста, и при хорошихъ водахъ поставить, ибо хорошихъ мѣстъ много, и недалеко сыщется, и для пропитанія солдатству брать скотъ и прочее съ запискою и платежемъ за то денегъ, хотя бы обыватели не продавали. Вотъ въ Петербургъ о такой нуждѣ нашей не вѣдаютъ, а въ Або въ конгрессъ къ министрамъ не отпишутъ; завѣрно уповаю, чтобъ генералъ Румянцовъ, какъ написалъ учинилъ намъ въ такой нуждѣ помощь!

(Еще послѣ того нѣсколько времени въ томъ же мѣс стояли).

С. Слышали приказъ въ полки, чтобъ генералу Левашеву съ дивизіей перейти далѣе въ Алацкіе острова искать удобныхъ и довольныхъ мѣстъ? А кейтовой дивизіи къ Корно-киркѣ?

Я. Слышалъ, только и указъ поздно сдумали и сію диспозицію, вѣдь арміи не зазимовать здѣсь. Время наступаетъ къ благополучному нашему возвращенію въ Петербургъ, надлежало бы всякія потребности упржедать заблаговременно, а спустя мѣто по малому не ходятъ. Только братецъ, пожалуй, не дивись тому; фельдмаршалъ человекъ хотя и добрый, да ему уже многого по старости мѣтъ и въ умъ не придетъ ⁴⁰⁾, а генералитеты говорить о томъ опасаются, чтобы не досадить; еще подлинно мы знать не можемъ, каковы дѣла происходятъ въ Стокгольмѣ и въ Абовѣ, на мирномъ конгрессѣ.

С. Въ какомъ бы состояніи была наша со шведами война, еслибъ прежніе, всероссійскіе управители, еще цѣлы были, чѣмъ-то бы она окончана была? Страшно, страшно и спрашивать ⁴¹⁾?

Я. Тебѣ страшно о томъ спрашивать, а мнѣ ужасно сказывать; какъ я по все́мъ тогдашнимъ обстоятельствамъ, признаваю; памятуешь ли прошлые годы, при покойной государынѣ, императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, пошли мы въ Польшу, для избранія нынѣшняго короля Августа III, на мѣсто отца его ⁴²⁾. Былъ назначенъ главнымъ командиромъ генераль Лессій, который нынѣ фельдмаршалъ, *хотя и иностранецъ*, только человекъ добрый, а какъ пришли подъ Данцигъ, такъ приѣхалъ къ намъ генераль фельдмаршалъ Минихъ, *природный нѣмецъ*, и не нашей вѣры! Сталъ жестоко съ нами, российскими солдатами и офицерами, поступать и, не разсуждая о государственныхъ нашихъ убыткахъ, и о гибели нашего рода, *во многія непристойныя тогда партіи посылалъ*, а паче подъ *Риенсбергъ* *мертво напившись пьянъ* ⁴³⁾ лучшихъ тогда изъ все́хъ гренадеровъ ночью на приступъ командировалъ, откуда ихъ малое число назадъ въ лагерь пришло, да и тѣ почти все́ переранены. И тутъ множество добрыхъ солдатъ погубилъ, а пользы никакой не получилъ ⁴⁴⁾; а какъ Польшу смирили и короля Августа на престолѣ утвердили, вышли въ Россію, надѣялись пожить съ покоемъ, ажко съ турками войну объявили; и въ 1736 году поручили главную команду ему жъ, Миниху, а генераль Лессій пожалованъ въ фельдмаршалы и Азовъ брать посланъ; и стали *у насъ оба фельдмаршалы иностранцы, чего съ начатія Россіи и при всемилостивѣйшемъ нашемъ отцѣ и государѣ, вѣчно славныя памяти, императорѣ Петрѣ Великомъ не бывало* ⁴⁵⁾. Пошла мы подъ командою его, Миниха, въ Крымъ; вышли въ степь пустую, провіанту и телѣгъ малое число съ собою взяли; сталъ Минихъ российскихъ людей перебирать, штабъ и оберъ-офицеровъ штрафовать, въ солдаты безъ суда писать и самыхъ старшихъ и заслуженныхъ полковниковъ предъ фрунтомъ арміи подъ ружьемъ водить, а все за бездѣлицу: увидитъ, *что у офицера галстукъ не бѣлой или волосы не напудрены*, а въ степи кому на то смотрѣть? Да нельзя было напудреннымъ ходить: учинется пыль такая, что и лица у человека не видать ⁴⁶⁾. Довольно бы при такихъ трудныхъ походахъ и того: чтобы всякъ свою воинскую должность исполнять могъ, *а не церемонію править*. А хотя бъ онъ, Минихъ, въ одинъ день де-

сять разъ ко одному фрунту пріѣхалъ, всегда ему отдавая честь, становись въ парадъ, бей въ барабанъ, распускай знамена и уклоняй ихъ до земли, съ играющей музыкою ⁴⁷); вотъ Петра Великаго законы зачали уничтожать! а какъ мы близъ Перекопья, на Черную долину, пришли, тутъ насъ крымскій ханъ со всеми ордами вооруженною рукою встрѣтилъ. Однакожь храбрость нашихъ російскихъ солдатъ имъ ни въ чемъ не уступила. Пошли за ними къ Перекопу, они ушли за Перекопъ; а мы на другой день, по утру рано, Перекопъ атаковали: такъ храбро вскочили въ глубокій перекопскій ровъ и безъ лѣстницъ по рогаткамъ и по пикамъ на высокой и крутой перекопскій валъ тотчасъ взлѣзли; крымскаго хана со всеми ордами прочь отогнали, многихъ изъ нихъ убили; нѣкоторые знатные шатры, а на другой день и крѣпкую крѣпость совсѣмъ гарнизономъ турецкимъ, и пашу, и артиллерию ихъ взяли. Думали мы, слава Богу, авось либо фельд-маршалъ Минихъ за такіе, наши крѣпкіе, проступки стаетъ благодарить насъ и добръ къ намъ будетъ; ажно не то у него на умѣ: пошли за татарами далѣе въ Крымъ, взяли великій ихъ городъ на Черномъ морѣ Карсовъ, послѣ и столицу Бахчисарай разорили; провіанту у насъ же ничего не стало, люди стали ослабѣвать, и съ голоду помирать, а Минихъ на то ни на что не смотритъ, хотя многихъ мертвыхъ старыхъ солдатъ предъ собою лежащихъ видѣлъ, никогда не сожалѣлъ; *ибо не его крестьяне, и не его деревень взяты, а російскихъ дворянъ, онъ ни одного во свойствъ себѣ не имѣлъ, чего ихъ жалеть, не вѣкъ, думалъ, въ Россіи жить, только бы ко двору о своихъ храбрыхъ поступкахъ реляцію сообщить и оттого славу да богатство себѣ получить*; а при дворѣ въ то время кому было разсуждать, *главные правители имперіи, его друзья и свойственники, а російскихъ генераловъ и сенаторовъ они тогда и за людей не почитали*, того и смотрѣли, какъ бы кому голову отсѣчь, а по малой мѣрѣ и въ ссылку сослать, чтобъ намѣреніе къ пользѣ ихъ дѣламъ исправлять не мѣшали. Возвратились мы назадъ изъ Крыма къ Перекопу, а людей такъ измучилъ, только основаніе человѣческое, а не солдаты были; ѣли тогда и лошадиное мясо, а о *невозможности* російскихъ людей онъ, Минихъ, и слышать не хотѣлъ, и часто

говаривалъ, «а батушка у русскихъ людей невозможности нѣтъ». Онъ тогда свѣжое мясо ѣлъ и венгерское вино пилъ, и то отъ *воздуха похудѣлъ*, а солдаты бѣдные по три дни и воды чистой не видали! Потомъ, какъ ни есть оставшіеся выбрали въ Украину. А фельдмаршалъ Лессій Азовъ благополучно взялъ и людей не много потерялъ; съ нимъ тогда былъ, *нашъ російскій генералъ Левашевъ, человекъ старый, весьма добрый и хранитель государственнаго интереса*, какъ сынъ отечества. Былъ онъ въ началѣ персидской войны въ Персіи главнымъ командиромъ надъ нашими войсками, а передъ турецкою войною въ Россію пріѣхалъ ⁴⁸).

На другой годъ собрали армію, больше прежней, только старыхъ солдатъ развѣ третья часть осталась; пошелъ Минихъ съ главной арміей подъ Азовъ (а Лессій въ Крымъ черезъ Гнилое море Хіорсъ-Базаръ), а пришедъ атаковали Очаковъ, въ немъ народа турецкаго много было и великій гарнизонъ. Командиромъ надъ всѣми ими тогда былъ сераскиръ Ел-Паша. Городъ положеньемъ мѣста не худого и очень крѣпокъ. Шанцы у насъ были готовыя изъ канавъ и грядъ, которыя у нихъ около садовъ и овощниковъ, вмѣсто изгороди были. Немедленно поставили нашу армію и бомбардировать стали; зажгли заборы, отъ бомбъ взорвало пороховые погреба и многія строенія; а потомъ велѣлъ онъ всѣмъ полкамъ идти на приступъ. И такъ наши солдаты храбро пошли, что къ самому палисаднику, а иные и за палисадникъ, къ главному рву пошли, да всѣхъ на приступъ къ такому крѣпкому городу *нагло* пославъ, не приготовилъ ни одной лѣстницы, ни фашины, ни доски, а ровъ глубиною и широтою больше десяти сажень. Турки увидѣли, что мы такъ близко пришли, и изъ городской стѣны кого хотѣли, того били и многихъ достойныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, и храбрыхъ солдатъ побили; только великой учинился, по счастью нашему, пожаръ въ городѣ: почти всѣ строенія загорѣлися, а народъ и разбѣжался отъ такого великаго страха, не сыскалъ въ немъ мѣста, внизу жжетъ великій огонь, а сверху бьютъ бомбы, голубицы (?) и гранаты. Того времени не прошло трехъ часовъ, какъ мы *нагло* къ городу приступили близко, ажно и вынесли турки на стѣну бѣлое знамя и ста-

ли махать платками, и сраскиръ ворота отворивъ самъ, вышелъ; и ежелибъ помедлить три часа, то - бѣ безъ потерянна людей отъ одной бомбардировки тотъ городъ сдался бы. Минихъ въ то время *досталъ многия себѣ турецкия пожитки*. (А фельдмаршалъ фонъ-Лессій и генераль Левашевъ сколько было возможно въ Крымѣ повредили, и землю его немалу разорили, и не съ большимъ убыткомъ въ Украину возвратились). А Минихъ въ разоренномъ и сожженномъ Очаковѣ оставилъ въ гарнизонѣ восемь полковъ пѣхотныхъ, да два драгунскихъ и представилъ ко двору, что оный городъ изъ всей Азии и портовъ весьма способенъ, надобно его построить и населить, и при немъ флотъ учредить; такъ скоро де можно и Царьградъ получить, и по тому его представленью, послали немедленно для строенія судовъ Пенена (?), вице-адмираловъ и лучшихъ морскихъ офицеровъ, матросовъ, плотниковъ и прочихъ служителей многое число, изъ городовъ купцовъ, разныхъ мастеровыхъ и заработныхъ людей множество. Столькожъ всякихъ матеріаловъ, припасовъ, провіантовъ, лѣсовъ и сколько всего было о томъ и говорить страшно! Такъ я тому *самовидецъ былъ*: мы уповали, что все адмиралтейство въ Очаковъ перевезутъ; какъ были брынскіе лѣса часты и тѣ нынче отъ Очакова стали рѣдки. А какъ увидѣлъ, что сдѣланныхъ судовъ чрезъ днѣпровскіе пороги переправлять нельзя, велѣлъ суда морскія около порога, называемаго Ненасытній, сухимъ путемъ перетаскивать и съ такой трудностью, что надобно было его прежде нѣсколько сажень тащить на гору, а потомъ спускать подъ гору. Тутъ бѣдныхъ людей многихъ передалило, руки и ноги переломило; и такъ народъ мучили больше года, однакожъ почти ни одного цѣлова судна не переволокли, все попортили, а на другое лѣто въ Очаковѣ усилился моръ, и отъ того во всѣхъ днѣпровскихъ крѣпостяхъ и редутахъ, а отъ нихъ въ цѣлой Украинѣ. Какъ доходилъ въ Очаковъ гарнизонъ, такъ и умиралъ, а онъ, немилосердый чловѣкъ, на то не смотрѣлъ, всегда свѣжихъ людей туда командировалъ, а послѣ объявилъ, да пособить было нельзя! Да и стараться было некому, все отдано въ его волю и власть, и онъ что хотѣлъ то и дѣлалъ, неразсуждалъ, и не

сожалѣлъ, гдѣ будетъ пусто и не съ кого взять; не его языка и отечества люди, и не одной съ нимъ вѣры, *только бы слышали о имени его, что онъ человекъ храбрый и умный, какія высокія и полезныя дѣла дѣлаетъ*, за то его надобно пожаловать деревнями, да многими деньгами и богатыми вещами! *а о російскомъ народѣ, который напрасно погибалъ, разоренья крайнія терпѣлъ, куды сожалѣть было! и постараться за него некому; російскіе генералитеты и сенаторы то видѣли и знали, да говорить не смѣли*, всякъ животъ свой берегъ, купя дни жилъ, а другіе, бѣдные, которые въ полкахъ служили, такъ загнаны были, что уже ничего, не желая, только искали дорогу въ отставку, понеже и въ чины не производилъ, а кого и производилъ, *развѣ за недостаткомъ нѣмцовъ* ⁴⁹⁾. И какъ онъ, Минихъ, такъ и прочіе тогда жъ генералы *нѣмцы* ругали насъ и обижали *дураками* и скотомъ признавали, и до того довели, что въ иномъ полку *ни одною* російскаго офицера не было; отколь какой нѣмецъ не прѣхалъ: пожалуй его генераломъ, полковникомъ и прочимъ штабъ-офицеромъ, а по послѣдней мѣрѣ въ капитаны, также и въ штатскіе знатные чины! Уже они всѣхъ російскихъ дѣлъ управители стали, и въ Курляндіи *гезелей и мясниковъ* немного осталось, всѣ въ офицерахъ! неложно вамъ, братецъ, объявляю, въ *Итзовъ* ⁵⁰⁾ случилось съ нарочитымъ нѣмцемъ мнѣ говорить и дошла рѣчь до офицерства, а онъ мнѣ сказалъ: «у васъ де въ арміи, бывшихъ при мнѣ гезелей и разнощиковъ, большія дюжины въ штабъ-офицерахъ нынче служатъ; развѣ у васъ російскихъ достойныхъ дворянъ не стало?» А я ему сказалъ: «естъ у насъ достойные, нынче много, да Богъ такъ изволилъ, до времени, его воля!» Выпепомнуды-жъ посланные въ Очаковъ морскіе служителя и всякихъ чиновъ люди во время моровой язвы, почти всѣ тамъ померли; а суда, лѣсъ, матеріалъ, припасы и маожество провіантовъ пропало безостатку; а какъ пришла *невозможность* (по) Миниховой же волѣ Очаковъ разорили, и все пропало, и вѣдалъ онъ, съ какимъ сильнымъ народомъ воевалъ и у кого Очаковъ взялъ; не токмо мира, но и конца войнѣ не слышать было, и стровтъ его до окончанія войны не надлежало,

а хотя-бъ онъ и непріятелю достался бѣ невеликая государству была бѣда.

Послѣ же очаковского походу, на другой годъ, въ третій разъ, набрали армію, таково-жѣ велику, еще и больше прежней, ибо сверхъ рекрутскихъ наборовъ взяли *не малое число церковниковъ, разстригали поповъ и черницовъ* ⁵¹), *тѣхъ, якобы они не присягали.* — Вотъ, приготовивъ множество провіанту, тяжелой артиллеріи, денегъ, аммуниціи, отъ десяти до двѣнадцати тысячъ скота въ одну упряжку, а подъ провіантомъ до пятидесяти тысячъ паръ воловъ, къ тому же нѣсколько тысячъ заводныхъ воловъ, и съ такимъ сильнымъ убранствомъ двинулся къ рѣкѣ Днѣстру въ такое неудобное мѣсто, что и помыслить пройти невозможно; а турки на другой сторонѣ, противъ нашего лагеря, поставили свой лагерь и навели пушки, и тутъ дня съ три простояли, ничего не учинили, назадъ отступили, и шатались по степи, людей и скота померло въ арміи, провіантъ и припасы многіе погубили, и съ великимъ государственнымъ убыткомъ на Украину едва вышли; а въ реляціяхъ ко двору цуце прежняго онъ нахвасталъ, а тамъ его *партизаны нѣмцы* дѣла его выхваляютъ. А фельдмаршалъ Лессій и генералъ Левашевъ то лѣто крымскую крѣпость Перекопъ разорили всю, порохъ подорвали *и безъ большаго убытка* ⁵²), въ Украину возвратились.

Послѣ того походу, на другую весну, съ такимъ же сильнымъ убранствомъ Минихъ подъ Хотинъ явился, и перешедъ рѣку Днѣстръ, не далече отъ Хотина, при деревни Ставучанахъ, жестокою акцію съ турками учинили, на которой *грабры россійскіе* солдаты всѣхъ турковъ побѣдили и разогнали и нѣкоторую часть лагеря, а потомъ скоро и Хотинъ получили; въ немъ же былъ губернаторомъ славной Калчакъ-Паша, его со всѣмъ гарнизономъ въ полошъ взяли и хотя уже осеннее тогда время наступило и провіанта тогда недостатки являться стали, однакожъ Минихъ все то презирая, пошелъ было отъ Хотина къ Бендерамъ и прошелъ Яссы, столицу молдавскую; по счастью же, бѣдные солдаты наши получили извѣстіе о мирѣ съ турками, и тако въ границы россійскіе, чрезъ Польшу возвратились; а ежели бы о мирѣ тогда из-

вѣстiя вскорѣ не получили, то нашимъ солдатамъ безъ провiанта во время глубокой осени, будучи въ пустыхъ мѣстахъ, пропадать было *по прежнему; такiя ихъ господь, нѣмцовъ, къ намъ российскимъ подьямъ милости показаны были и вѣрные заслуги къ российскому государству; есть чѣмъ вспомнить!!*

С. Скажи, пожалуй, были-жъ съ нимъ, Минихомъ, въ тѣхъ походахъ наши российские генералы; и для чего ему, Миниху, о такихъ не порядочныхъ поступкахъ не говорили?

Я. Тогда съ ними были почти *всѣ генералы нѣмцы, его союзники* и единой вѣры, а именно: два *Биропа, Левендалъ и прочiе* ⁵³⁾, а российскихъ полныхъ генераловъ одинъ *Румянцовъ*, и хотя это человекъ добрый, и умной министръ, и любимецъ, генераль-адъютантъ вѣчно славныя памяти государя императора Петра Великаго, и нынѣ съ шведами, въ Абовѣ на конгрессѣ, миръ учинилъ, да што ему было дѣлать (?) вся *плени пощия* Миниху, яко *Отелму* (?) предана: российскихъ полковниковъ разстрѣливалъ, а генераловъ въ солдаты писалъ! Румянцовъ и самъ отъ него всегда ожидалъ смертной напасти. Въ одно время, будучи въ хотинскомъ походѣ, призвалъ Минихъ къ себѣ, съ прочими генералами Румянцова, на консилiумъ; Румянцовъ намѣренiю его прекословилъ и предлагалъ о цѣлости российского интереса. За то Минихъ такъ на него осерчалъ, что изъ палаты своей такого честнаго человека не честно выслалъ, да *не однократно на него ко двору писалъ и бездѣльные слѣдства за тѣмъ учинилъ*; только его добраго человека и российского отечества сына за его правду и добрыя дѣла отъ такого злонаправнаго человека самъ Богъ закрылъ, и до гибели не допустилъ ⁵⁴⁾. По окончанiи же войны, какъ прiѣхалъ Минихъ въ Петербургъ, соединился съ курляндскимъ бывшимъ герцогомъ, *Биропомъ* и съ его *креатурами нѣмцами* стали, что имъ надобно дѣлать: изъ Россiи серебро и золото и прочiя вещи тащить за-границу ⁵⁵⁾. *Не давно я видѣлъ* отъ него *Биропа въ Итавъ* и въ Ригѣ пожитки и построенные его въ Ругиндалѣ дома: не стыдно тѣмъ довольствоваться и самому великому монарху, а все-то ему Россiя даровала! *Бѣдныхъ крестьянъ нашихъ изъ за-доумокъ въ тюрьмахъ поморили, а*

у него серебрянные великіе серезы и золотой богатой посуды ставить некуда было; а брильянты въ пряжкахъ башмачныхъ, а въ упряжахъ и сѣдлахъ на лошадяхъ его золотые уборы, возить негодились! въ такое пришелъ богатство. После же оной, турецкой войны, какъ объявили намъ о кончинѣ покойной государыни, императрицы Анны Ивановны, а его, Бирона, сдѣлали правителемъ россійскаго государства, такъ меня, братецъ, по кожѣ подрало, какъ *медвѣжьимъ котель!* Вотъ теперь бѣдная Россія *попала изъ михорадки въ юрличку!* Прости православная наша *впра и церковные учителя* ⁵⁵⁾! И такъ десять лѣтъ почти молчали, а нынѣ и ничего уже говорить не будете! Прости россійское, вѣрное дворянство, и Петромъ Великимъ наученное, храброе солдатство, десять лѣтъ вы забыты и уничтожены были, а нынѣ конецъ вамъ и всѣмъ славнымъ дѣламъ вашимъ приходитъ! Отъ Петра Великаго насажденныя фабрики и мануфактуры, и всѣ премудрыя науки, уже васъ Россія имѣть не будетъ, ибо чужіе ея обладаютъ! Вотъ скоро велятъ намъ забыть законы и дѣла петровы, а учинять новыя *интриги!* При томъ же и прочіе мои братья, вѣрныя россійскаго отечества дѣти сердечно и болѣзненно о томъ сожалѣли. И о законной наслѣдницѣ, государынѣ, цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ, *ей, ей, ей*, братецъ многожды, со слезами вспомянули, что родители ея все то оставили, чѣмъ нынѣ иноплеменники царствуютъ; да не токмо тогда пособить и говорить много не смѣли, дондеже воля Божія къ тому была; и тако, поговоря, пошли *въ повельный нашъ походъ*; вотъ послѣ того услышали вскорѣ, что Минихъ Бирона арестовалъ и въ ссылку послалъ, со всей его креатурой, въ томъ числѣ и пруссака Бисмарка; а мы россійскіе солдаты сошлись между собой, тихонько пошептались, *сталъ гонать чортъ дьявола*, а обонмъ не миновать гонки; а де *рубимъ татаринъ татарина*, а оба въ *Россіи ненадобны* ⁵⁶⁾. Тотъ же годъ объявили шведы съ нами неправедную войну, а признавають къ сей со шведами войнѣ великую причину: *подали ее ядушіе россійской хлѣбъ и плыцы, ибо шведы видѣли въ прошедшей съ турками войнѣ все государственные убытки и надпльлись, что у насъ, въ Россіи, противъ нихъ и солдатъ не будетъ!* И разсуждали такъ: «мы де вотъ

командиры будемъ, что захотимъ, то и учинимъ, пущай де русскіе *роговъ* своихъ высоко не поднимаютъ, и нами не обладаютъ». Да всемогущій Богъ коварные совѣты языковъ разорилъ Духомъ Своимъ Святымъ; воздвигъ духъ Петра Великаго, живущій въ дщери его, Елисаветѣ Петровнѣ. Послалъ ее вырвать изъ чужихъ рукъ скипетръ отца ея, Петра I-го, избавить отъ наспльныхъ обидъ, учиненныхъ россійскому дворянству и всему народу, котораго Петръ научилъ, и кровавымъ своимъ потомъ и трудами *людьми* учинилъ; о которомъ народѣ *прежніе наши нѣмецкіе правители* говорили, порицая: «нѣтъ де ни одного изъ русскихъ достойнаго чловѣка и ни въ какой чинъ не годятся».

А Петръ Великій, изъ своихъ природныхъ русскихъ учредилъ: генераль-фельдмаршаловъ, генераловъ, адмираловъ, министровъ, сенаторовъ и президентовъ! И они интересъ его въ цѣлости сохранили, и многими народами обладали.

Во истину братецъ, еслибы, великая государыня Елисавета не воскресла, и намъ бы, *россійскимъ людямъ* сидѣть бы *въ темности*, да и до смерти не видѣть бы свѣта. Утверди-жь ее Богъ на престолѣ, устроенномъ изъ твердаго камня отъ отца ея, непоколебимо въ его законахъ на многія лѣта. *Се мы ей послужимъ вѣрно*, сколько мочи нашей будетъ! Право, есть у нее много природныхъ, россійскихъ, храбрыхъ и достойныхъ людей, *только еще нынѣ, при иностранныхъ начальникахъ не видны!* Такожъ-бы и наслѣдникъ ея, великій князь Петръ Ѳеодоровичъ наслѣдовалъ бы славу дѣда своего, Петра Великаго, во вѣки незабвеннаго, отца-государя россійскаго; и былъ бы милостивъ къ *русскимъ дворянамъ* и ко всему народу!»

Этимъ *моленіемъ* заканчивается интересная бесѣда двухъ солдатъ; бесѣда эта, равно и прочія современныя сочиненія, какъ-то предики, оды и проч., достаточно показываютъ, до какой степени возбуждено было *общественное мнѣніе* противъ иноземцевъ. Елисавета въ день восшествія на престолъ слышала крики ликующихъ солдатъ: *тбелъ иноземцамъ, честь россійнамъ* ⁵⁷⁾, и *возсѣвъ* на престолъ окружила себя русской партіей; именитѣйшіе пзъ иноземцевъ, оказавшіе

безспорныя заслуги новому своему отечеству, тотчас увидѣли, что императрица не благоволитъ къ нимъ. Одинъ за другимъ стали удаляться они изъ Россіи: между другими удалился генераль-аншефъ и командиръ кирасирскаго полка Левендаль; славный Кейтъ также просилъ увольненія и государыня едва могла удержать его, впрочемъ ненадолго, въ русской службѣ; извѣстный полковникъ Манштейнъ потерялъ жалованныя ему двумя Аннами деревни: Елисавета роздала ихъ своимъ любимцамъ. Манштейнъ едва избѣгъ ссылки на границы Сибири и хотя остался на службѣ и участвовалъ въ походѣ 1743 года, но уже готовился бѣжать изъ Россіи. «Дисциплины въ войскахъ нѣту ни какой, пишетъ Пецольтъ въ донесеніи, отъ 29-го марта, солдаты и въ-особенности лейбъ-кампацы, буйствуютъ до необузданности. Свѣдавъ, что принцъ гессенъ-гомбургскій жалуется на ихъ своеволие, гвардейцы прямо объявили, что буде онъ не уймется, то и его, и всѣхъ *пльмцевъ* изрубятъ въ куски. Императрица страшится наказывать мятежниковъ, страшится этими казнями охладить къ себѣ любовь простонародья. Нечего и удивляться отсутствію порядка и повиновенія, заключаетъ резидентъ, иноземцы — офицеры, которые одни на что-нибудь годились, хотя и между ними было много прескверныхъ людей, они не имѣютъ ни какого значенія, *русскіе офицеры* вредятъ имъ, гдѣ можно возбуждаютъ противъ нихъ всѣхъ и всячески тѣснятъ изъ службы.»

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) *Русское Слово* 1859 г., книжки 2, 6 и 8-я. — Елисавета до восшествія своего на престолъ и Первый годъ ея царствованія. 1709—1742.

2) *Manstein*, стр. 486.

3) *И. С. З.*, N° 8694.

4) N° 8701. Опредѣленіе состоялось по докладу сенатской конторы изъ Москвы; контора спрашивала, что дѣлать съ двѣнадцатью солдатами, у которыхъ поотморожены пальцы на ногахъ, нѣту плюсны, у одного, семидесяти-лѣтняго драгуна, нѣ-

сколько ранъ. «Идти они не могутъ, а дать имъ до Петербурга подводы казнѣ ея величества будетъ напрасный убытокъ?»

5) *С. З* № 8700. Исторія л. г. павловскаго полка *Гоувальта*. 1852 г., стр. 21.

6) *И. С. З.*, т. XI, № 8694—8848.

7) *Спб. Вѣдомости* 1743 г., стр. 298, 313, 322. Въ вѣдомостяхъ вызывались поставщики на дѣйствующую армію пива 141,650 ведеръ, лѣсу, угля; вызывались въ Кронштадтъ 3,500 работниковъ и т. п., стр. 235, 347, 348.

8) *Вѣд.*, 168.

9) № 8703. Исключены изъ набора однодворцы и старыхъ службъ служилые люди; ими пополняли ландмилицкіе полки, да ямщики, имѣвшіе свою повинность. *Кощкою* называлась плеть съ короткою, плетеною рукояткою и пятью, либо семью хвостами, оканчивавшимися толстыми узлами. Наказаніе кошками уничтожено въ нашемъ флотѣ весьма недавно.

10) *Вѣд.*, стр. 373—376, *прибавленіе* 45.

11) Въ числѣ генераловъ, сопутствовавшихъ Головину, былъ *Лопухинъ*.

12) *Manstein*, стр. 486—518. *Вейдемейеръ*, стр. 64—77. *Шнилевская*, стр. 239—275. *Журн. мин. нар. пр.* 1859 г., № 3, стр. 125—134. *Финскій Вѣстникъ* 1845 г., т. I, стр. 49—57. *Каменскій*, 1836 г., ч. 2, стр. 113—116, ч. 3, стр. 155—157. *Каменскій*, біографія фельдмаршала, ч. I., стр. 210—215. *Родословіе Головиныхъ*, 1847 г., стр. 215—220. *Современникъ* 1843 г., № 6. *Мальчикъ*, 1825 г.: Россійскій ратникъ или лѣтописецъ войнъ до 1805 г., стр. 640—644. *Списокъ генераловъ* отъ Петра I, 1809 г., стр. 56—84. *Бутурлинъ*: Военная исторія Россіи, 1839 г., ч. 2, стр. 160—179. Въ *Geschichte des russischen Staats von Dr. Ernst Herrmann*, ч. 5. Гамбургъ, 1853 г., глав. II, стр. 24—65, превосходно изложена дипломатическая сторона шведо-русской войны. Германъ пользовался современными депешами пословъ, бывшихъ въ Россіи: Линара, Пецоляда, Гегсдорфа и друг. *Журн. Петра I*, ч. I, стр. 434. *Вѣд.*, стр. 337, 338. *Берхъ*: Жизнеописанія русскихъ адмираловъ, ч. 2. Весьма важныя подробности собраны въ статьѣ г. *Соколова*: «Морскіе походы противъ шведовъ, 1742—1743 г., въ *Запискахъ гидрографическаго департамента* 1847 г., ч. 5., стр. 252—330. *Соколовъ* пользовался дѣлами главнаго морскаго архива, приложилъ хорошій планъ Финскаго залива, планъ шведскаго флота у Гангзудда 24-го мая 1743 г., и русскихъ кораблей 6-го іюня того же года.

13) *Экстрактъ изъ рапортовъ*, обрѣтающагося при войскахъ ея императорскаго величества на галерахъ генераль-аншефа *Кейта*, о его въ началѣ нынѣшней кампаніи операціяхъ, и случившихся у него съ неприятелемъ на галерахъ, подъ командою вице-адмирала Фалкенгрена сраженіи, у острова Корпо, 19-го мая. 4. д., 4 стр. Спб., 13-го іюня. Нѣтъ сомнѣнія, что какъ эта, такъ и послѣдующія реляціи разосланы были при вѣдомостяхъ, но въ единственномъ академическомъ экземплярѣ Вѣдомостей 1743 г. ихъ нѣтъ; мы приобрѣли эти листочки, вмѣстѣ съ другими бумагами, отъ г. Ш—ма.

14) *Манштейнъ, Берхъ, Вейдемейеръ* спутали въ своихъ разсказахъ старый и новый стиль, также счисленіе гражданское и морское; г. *Соколовъ* опредѣляетъ точно всѣ дни, слѣдуя подлиннымъ, современнымъ журналамъ командировъ флота. *Кейтъ* не *разуукрашилъ* свою реляцію о побѣдѣ при Корпо, въ этомъ отношеніи разсказъ *Манштейна* подробнѣе; самое донесеніе Головина, 11-го іюня, несравненно витіеватѣе. Головинъ много говоритъ о боязни шведовъ, умалчиваетъ о своей нерѣшительности; читая его реляціи, можно подумать, что адмиралъ одержалъ не одну побѣду. Смотри. «Экстрактъ изъ рапорта, полученнаго отъ обрѣтающагося во флотѣ ея императорскаго величества адмирала графа Головина отъ 11-го сего іюня. Спб., 20-го іюня. 4 д. л., 1—3 стр.» Головинъ упоминаетъ о неприятельской стрѣльбѣ изъ *гаубицъ*.

15) Адмиралъ фонъ-Утфаль лишень былъ, внослѣдствіи, полугодоваго жалованья за то, что, отойдя отъ Гангзудда, позволилъ Ласси соединиться съ Кейтомъ.

16) *П. С. З.*, № 8748.

17) *Записки М. В. Данилова*, изд. 1842 г., стр. 26—27. «Отъ этой скачки люди слабые впадали въ чахотку и умирали, кто же былъ покрѣпче, тотъ обращался за *синной помощью*, т. е., начиналъ шить мертвую. Съ 1760 годовъ курьеры стали ѣздить въ кибиткахъ и въ девятый день поспѣвали изъ Валахіи въ Петербургъ, о чемъ при верховой скачкѣ нечего было и думать.»

18) «*Порядокъ* церемоніи, объявленія торжественнаго мира въ царствующемъ градѣ С. Петербургѣ, и *объявленіе*, которое чтено въ 3-й день іюля, въ церкви пресвятыя Казанскія Богородицы, въ высочайшемъ присутствіи ея императорскаго величества. Печатано при академіи. Спб. 4 д., 8 стр.» Изданіе столь же рѣдко, какъ и названныя нами реляціи, въ академическомъ экземплярѣ Вѣдомостей нѣтъ сего *порядка* и *объявленія*.

19) *Стефана*, епископа псковскаго и нарвскаго, слово краткое при первомъ торжественномъ объявленіи, заключеннаго между Россіей и Швеціей, вѣчнаго мира, проповѣданное 3-го іюля 1743 года. Москва, 1744 г., въ 4 д. (по *Сопикову*, т. I, стр. 207).

20) Петръ Александровичъ, сынъ генераль-аншефа Александра Румянцева, родился въ 1725 году, и такимъ образомъ на восемнадцатомъ году отъ рожденія сдѣланъ былъ полковникомъ. Но *рангъ полковникий* не стѣснялъ юношу, будущаго героя Россіи: его поведеніе было далеко не степенное. Онъ удалствомъ превосходилъ товарищей, страстно любилъ женщинъ, былъ любимъ ими, не зналъ препятствій и очень часто въ виду солдатъ торжествовалъ надъ непреклонными красавицами. Заплатилъ оскорбленному мужу двойной штрафъ и въ тотъ же день воспользовался своимъ правомъ. «Вѣдь ты не можешь жаловаться, сказалъ Румянцевъ мужу-рогоносцу, я впередъ заплатилъ тебѣ удовлетвореніе!» Проказы полковника дошли до высочайшаго свѣдѣнія. Елисавета, блюдя чистоту нравовъ, особенно была строга къ подобнаго рода поступкамъ; но, уважая заслуги Александра Ивановича, предоставила ему *штрафовать* сына. Отецъ велѣлъ разложить сына и нещадно отодралъ восемнадцати-лѣтняго полковника. Тотъ съ покорностью ребенка перенесъ отческое, тѣмъ не менѣе весьма *вышительное* *штрафование*. Не извѣстно, какое вліяніе имѣло это неприятое обстоятельство на любовные подвиги Задунайскаго? *Жизнь Румянцева*. Москва, 1803 г., и друг. Въ одно время съ Румянцевымъ началъ службу, будущій герой чесменскаго боя, адмиралъ Г. А. Спиридовъ. Въ походѣ 1743 г. онъ былъ лейтенантъ.

21) *Екатерина II*, стр. 7.

22) Въ Стокгольмѣ долго показывали, какъ вещь замѣчательную, шлюбку Лингена.

23) *П. С. З.*, N° 8766, 8771, 8777, 10,086.

24) *Ратификація* ея императорскаго величества самодержцы всероссійской на трактатъ вѣчнаго мира, заключенный съ его королевскимъ величествомъ и государствомъ шведскимъ въ Абовѣ, со внесеніемъ всего онаго трактата. Въ листъ. 14-го сентября 1743 г., 1—20 стр. Внизу подписи Елисаветы, *контрасинировалъ* графъ Алексѣй Безтужевъ-Рюминъ, а на шведской ратификаціи *изображена* государственная великая печать.

25) *Стефана*, епископа псковскаго, слово въ день торжественнаго благодаренія Богу о заключеніи съ Швеціей мира,

проповѣданное 15-го сентября 1743 г. Москва, 1744, въ 4 д. л. (по *Сопикову*, т. I, стр. 207).

26) Тогда же розданы печатные экземпляры *описанія* сего фейерверка. Устройствомъ его занимался Штелинь; профессоръ аллегоріи изобрѣлъ при этомъ случаѣ *подвижныя фигуры*, которыя чрезвычайно понравились двору и были потомъ усовершенствованы. *Евгеній*, словарь св. писат. 1845, ч. 2, стр. 264.

27) О церемоніяхъ, бывшихъ въ Нарвѣ, Дерптѣ, Ревелѣ, Ригѣ, Або, въ *Вѣдом.* стр. 543, 546, 547, 584, 586. Въ нарвской и ревельской киркахъ говорились, по этому случаю, *преизрядныя* проповѣди. Донесеніе камеръ-юнкера *Сиверса*.

28) *О. Бяллева*: «Кабинетъ Петра Ъ». Спб. 1800 года, ч. III, стр. 80—81.

29) Кейтъ первое время, по прибытіи въ Стокгольмъ, занималъ мѣсто нашего посла; это званіе получилъ баронъ фонъ Корфъ, пріѣхавшій въ Швецію въ декабрѣ 1743 года. *Вѣдом.* стр. 832, 842.

30) *Herrmann*: *Geschichte Russlands*, ч. V, гл. 2, стр. 61—66. Донесеніе *Гейсдорфа* отъ 21-го сентября. Приложение второе въ соч. Германа.

31) Густой вечерній туманъ скрылъ движеніе Ласси въ обходѣ гангэуддскаго мыса. *Manstein*, стр. 496.

32) *П. С. З.* № 8798. Вѣдомость, помѣщенная здѣсь, составлена весьма сбивчиво. Тутъ же смотр. № 8802: «отводить въ столицахъ квартиры унтеръ-офицерамъ, рядовымъ и подполковныя аптеки, а офицерамъ квартиръ не отводить».

33) Въ числѣ убитыхъ былъ сенаторъ *Адлерфельдъ*.

34) Все что касается до всѣхъ войнъ Россіи съ Швеціей — все введено *Шафировымъ* въ изданной имъ книги 1718 года: «О древнихъ и новыхъ причинахъ, которыхъ ради должно было его царскому величеству, противъ короны шведской войну начать». Съ *дедикаціей* плн приношеніемъ *наследнику* царевичу Петру Петровичу. Книга кромѣ историческаго значенія, имѣетъ и литературный интересъ: языкъ ея наполненъ иностранными словами, противъ которыхъ стоятъ русскіе переводные.

35) *Ласси* родился въ 1678 году, въ 1743 году ему было 65 лѣтъ. Любопытныя свѣдѣнія о немъ въ *Ephemérides Russes politiques, littéraires, historiques et nécrologiques par Spada*, т. IV, стр. 255—267.

36) Искусно перейдя ко второй части своего разсужденія,

авторъ уже прямо говоритъ отъ себя въ лицѣ одного Якова, и говоритъ гораздо смѣлѣе.

37) Ласси подошелъ къ Данцигу 10-го февраля 1734 года, находя дѣйствія его медленными, Биронъ поручилъ команду Миниху. Фельдмаршалъ явился въ лагерь 25-го числа.

38) Едва ли это не клевета. Строгий до чрезмѣрности къ подчиненнымъ, Минихъ еще былъ строже къ самому себѣ и отличался необыкновенной воздержностью. Солдаты, вопреки намѣлетисту, любили Миниха, были преданы ему безусловно, наконецъ воспѣвали его *яснымъ соколомъ* въ разныхъ пѣсняхъ. Онъ заботился о солдатскихъ нуждахъ и смѣло осуждалъ за разныя злоупотребленія генераль-кригсъ-коммиссара Н. Ю. Трубецкаго, имѣвшаго большую силу при дворѣ. Наконецъ въ самую критическую минуту жизни фельдмаршала, солдаты явили къ нему несомнѣнные знаки любви: 17-го января 1742 г. гренадеры съ грустью и сожалѣніемъ конвоировали своего вожда, безстрашно выступавшаго за дровнями съ Остерманомъ къ мѣсту казни. Эта сцена живо описана Пецольдомъ и другими послами иноземными, видѣвшими ее изъ оконъ коллегій. *Herrmann: Geschichte Russlands*, т. 1, стр. 40—50 и *La Cour de la Russie*, 1858 года.

39) Минихъ пытался завладѣть гагельсбергскимъ возвышеніемъ, отъ котораго зависѣло занятіе Данцига. Эта попытка, 27-го апрѣля, не удалась потому, что при началѣ штурма главнѣйшіе офицеры были убиты. Вся наша потеря въ семь дѣлѣ простиралась до двухъ тысячъ людей. Но гарнизонъ не сумѣлъ воспользоваться нашей неудачей.

40) Изъ *деяти* фельдмаршаловъ петровскаго времени было *три* иноземца: *Крои, Ошльвій и Гольцъ*.

41) Въ одномъ изъ нашихъ рукописныхъ сборниковъ XVIII вѣка есть современная (царствованія Елисаветы) сатира на одежду русскаго воинства, указываются ея недостатки и проч.

42) Минихъ былъ дѣйствительно честолюбивъ, самолюбивъ и тщеславенъ. Домъ его, на углу 12-й линіи (съ 4-го марта 1743 года морской корпусъ), былъ разукрашенъ знаменами, пушками, изображеніями *скованныхъ* турокъ и проч. *Исторія морскаго корпуса, Веселаго*. 1852 года, стр. 118.

43) Манштейнъ и друг., рассказывая о походахъ 1736—1739 годахъ, осуждаютъ Миниха за излишнюю трату людей въ бояхъ, но отдаютъ справедливость его военному генію, его распорядительности и находчивости. Если войска страдали отъ недостатка

въ провіантѣ, въ этомъ былъ виноватъ генераль-кригсъ-коммисарь Трубецкой, о чемъ составитель памфлета умалчиваетъ. *Herrmann*, 1. Изъ журнальныхъ статей о войнахъ Миниха укажемъ: стат. *Н. А. Полеваго*: Библ. для Чтен. 1844 года, т. LXIV, стр. 37—89: «Польская и турецкая войны 1734, 1736—1739 годовъ»; гораздо важнѣе статья *Висковатова*, «Военныя дѣйствія гребнаго флота на азовскомъ морѣ 1736—1738 годовъ». Сынъ Отеч. 1830 года. СXXXIII, стр. 226, 339—395. Авторъ, на основаніи подлинныхъ документовъ, находитъ много ошибокъ въ разсказѣ Манштейна.

44) Между многими, безспорно пристрастными обвиненіями, здѣсь много вполне справедливыхъ замѣчаній. Вотъ почему кто будетъ писать о фельдмаршалѣ, не долженъ упустить *разговоры 1745 года*.

45) Въ этихъ и другихъ выходкахъ слышны голоса *Амвросія Юшкевича*, *Кирилла Флоринскаго* и друг. ораторовъ 1740 годовъ. См. *III главу* нашего очерка.

46) Русскіе произносили въ то время *Митава*, вмѣсто *Митава*. См. *Моск. Вѣстн.* 1830 года, № 4.

47) Достойно замѣчанія, что даже воинскіе успѣхи памфлетистъ нашъ не признаетъ за Минихомъ. «Все дѣлало храбрость русскихъ воевъ», а главнокомандующій только вредилъ своимъ *славолюбіемъ*.

48) Въ компаніи 1736 года подъ начальствомъ Миниха было пять иноземныхъ и шесть русскихъ генераловъ. Въ 1737 году: *семь* нѣмцевъ, *шесть* русскихъ; въ 1738 году: *десять* нѣмцевъ, *семь* русскихъ; наконецъ въ 1739 году: *шесть* иноземцевъ, *семь* русскихъ. Отношенія между числами иноземныхъ и русскихъ генераловъ не измѣнились въ пользу русской партіи и въ 1743 году: не говоря уже о томъ, что двое главнѣйшихъ вождей *Ласси* и *Кейтъ* — были иноземцы, но изъ *шести* генераловъ *три* были иностранцы: Брили, Ведель, Стуртъ.

49) Характеристику А. И. Румянцева смотр. въ VII главѣ «Елисаветы Петровны». Если Минихъ очернилъ при дворѣ отца Задунайскаго, то какимъ же образомъ при заключеніи мира въ 1740 году, Румянцевъ получилъ шпагу, брилліантами осыпанную и достоинство украинскаго штатгальтера, то есть, правителя?

50) Это обвиненіе еще прежде было говорено съ церковныхъ кафедръ. VIII гл. *Елисаветы Петровны*.

51) Замѣчательно, что подобно извѣстнымъ уже намъ пропо-

вѣдникамъ, составитель *разговоровъ* ни однимъ словомъ не поносятъ бывшую правительницу Анну.

52) *Н. М. Карамзинъ*: Записка о древней и новой Россіи. *Manstein*, ч. 2. Замѣчанія на записки *Миниха-сына*. Отеч. Зап. 1825 г. «Объ авторѣ примѣчаній на записки Манштейна», статья *Н. К. Щербальскаго*. Чтен. Общ. Истор. Москва, 1859 г. — Статья эта была уже въ наборѣ, когда, по представленію В. М. Анчикова, получили мы разрѣшеніе отъ генералъ-квартирмейстера барона Ливена заниматься въ архивѣ военно-топографическаго депо при главномъ штабѣ. Архивъ этотъ драгоцѣненъ по богатству матеріаловъ, относящихся къ военнымъ дѣйствіямъ нашихъ войскъ съ конца XV вѣка по настоящее время. Изъ бумагъ, важныхъ для описанія русско-шведской войны 1741—1743 года, мы обратили вниманіе на слѣдующія: а) *Собраніе* специальныхъ плановъ, показующихъ, гдѣ имѣлъ ставки російскій галерный флотъ, дѣйствуя войною противъ шведовъ 1742—1743 годовъ. Съ приложеніемъ походнаго журнала. Въ листъ. Карты превосходно раскрашены (N° 15,436); б) *Журналъ* о дѣйствіяхъ войскъ. 1741—1743 годовъ. (N° 44,707); в) Записки генерала *Завалишина*, о войнѣ 1741—1743 годовъ. (N° 47,357); г) *Журналъ* полковника *Кейта*, на французскомъ языкѣ. 1741—1743 годовъ. (N° 48,110); д) Замѣчанія касательно новой Финляндіи, относительно военныхъ дѣйствій 1741—1743 годовъ. *Бибикова*, соч. 1808 года. (N° 35,499); е) Россійско-шведская война 1741—1743 годовъ, соч. *Неизвѣстнаго*, 1789 года. (N° 15,488) и проч.

МИХАИЛЬ СЕМЕВСКІЙ.

С. Петербургъ, 2 декабря 1859 года.

РУССКОЕ СЛОВО.

II.

ПАТЕНТНОЕ СЛОВО

II

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ГРАФОМЪ ГР. КУШЕЛЕВЫМЪ БЕЗБОРОДКО.

1860.

ФЕВРАЛЬ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ РЮМИНА И КОМП.

ЦАРСТВОВАНИЕ
ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

1743 годъ.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРЕГЪ.

(Посвящается Александру Ивановичу Семевскому.)

П 1).

ДВОРЪ И ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ПЕТРЪ ѲЕДОРОВИЧЪ.

Вѣшняя жизнь двора Елисаветы: празднества, торжества, проповѣди и стихи хвалебные; банкеты и церемоніи; награды и повышенія. — Шубинъ. — Разумовскіе. — Великій князь Петръ Ѳедоровичъ; его дѣтство и отрочество. — Петръ — капралъ голштинской гвардіи. — Производство его въ офицеры. — Брундершафтеръ. — Страсть къ фрунтовой выправкѣ. — Характеръ, способности и недостатки воспитанія Петра. — Первое свиданіе съ Екатериной. — Петръ въ Россіи. — Антипатія къ ней. — Веселовскій, Штелинь, Ланге, Тодорскій. — Внутренній бытъ двора: партіи, интриги, силетини, подкупы и доносы. — Слѣдствія этого для Россіи и ея управленія.

«У того, кому самъ Богъ чрезъ собственный свой инструментъ (Елисавету) высочайшую власть жалуетъ, мы, какъ звѣри ненасытные, никогда своимъ недовольные, изъ горла выдираемъ, и за полushку, за щепку, за бездѣльнѣйшее нѣчто человѣка умертвить мы рады!»

Слово Славяцкаго (1743 г., января 9, стр. 43).

Жизнь Елисаветы и ея двора въ первые годы сего царствованія отчасти разнится отъ послѣдующихъ годовъ: государыня была еще молода, хотя рѣдко, тѣмъ не менѣе

1) «Елисавета Петровна до восшествія своего на престолъ и первый годъ ея царствованія». См. наши статьи въ Русскомъ Словѣ 1859 г., № 2, 6, 8; главы I, II, III, IV до XIII включительно; также въ Русскомъ Словѣ 1860 года, № 1, Царствованіе Елисаветы 1743 года, глава I.

обращалась иногда къ дѣламъ государственнымъ, была жива, веселилась съ тѣмъ удовольствіемъ и наслажденіемъ, съ какимъ отдавалась забавамъ до восшествія своего на престоль. Она еще не погрузилась въ жизнь среди людей, *особенно къ ней приближенныхъ*; не всѣ еще ея занятія ограничивались препровожденіемъ времени за питьемъ и яствами въ обществѣ Разумовскихъ, Шуваловыхъ, Бекетова и новыхъ любимцевъ; не всѣ свободные часы отъ этихъ бесѣдъ проводила она у обѣденъ, всенощныхъ бдѣній и молебновъ. Но и въ первые годы царствованія Елисаветы характеръ ея достаточно обнаружился: и теперь она являла себя женщиной безпечной, легкомысленной, сластолюбивой; и теперь при ея дворѣ кипѣли распри и интриги сановниковъ, бушевали страсти; шла борьба, — не всегда замѣтная для императрицы, тѣмъ не менѣ самая ожесточенная.

Но прежде нежели раскроемъ пружины этой борьбы и обнажимъ тайную жизнь двора того времени, перевернемъ медаль: познакоимся съ оффиціальной стороною этой жизни, съ тою которая видна была если не Россіи, то жителямъ столицы.

Эта сторона скудна, разумѣется, содержаніемъ: ее составляютъ празднества, всевозможныя торжества, льстивые панегирики съ церковныхъ кафедръ на библейскомъ нарѣчій и проч. въ томъ же духѣ ²⁾. Такъ напримѣръ, король польскій и курфирстъ саксонскій, занекая у могущественной сосѣдки, прислалъ Елисаветѣ орденъ Бѣлаго Орла. Петербургскія Вѣдомости сообщали о церемоніи поднесенія сего ордена съ мельчайшими подробностями, придавая имъ особое значеніе:

«23 января послѣ обѣдни, государыня, окруженная свитой, остановилась *въ галлерей, въ средней комнатѣ, подлѣ большаго стѣннаго зеркала, у столика*. Тогда подошли къ ней съ поклонами принцъ Гессенъ-Гомбургскій, оберъ-гофмаршалъ графъ М. П. Безстужевъ-Рюминъ (кавалеры Бѣлаго Орла), за ними королевско-польской и курфирстъ-саксонской резидентъ фонъ-Пецольдъ ³⁾, съ подушкою въ рукахъ, на которой лежали орденъ и звѣзда, украшенныя брилліантами. Гессенъ-Гомбургскій сказалъ на нѣмецкомъ языкѣ *весьма изрядное*

привѣтствіе, на него по нѣмецки же отвѣчалъ Алексѣй Петровичъ Безстужевъ-Рюминъ. Подушка передана изъ рукъ въ руки, поднесена Елисаветѣ и та надѣла на себя орденъ, высказавъ свое удовольствіе. Пецольдъ отвѣчалъ по нѣмецки, допущенъ былъ къ рукѣ; а за нимъ облобызали руку императрицы всѣ присутствовавшіе. За торжественнымъ столомъ подлѣ государыни сидѣли ландграфъ Гессенъ-Гомбургскій, оба Безстужева и Лестокъ, кавалеры Бѣлаго Орла; послѣдній получилъ отъ короля его портретъ, осыпанный брилліантами 4).

Въ придворной церкви за обѣднями, по случаю подобныхъ торжествъ, гремѣли рѣчи проповѣдниковъ. «Покайтесь, покайтесь, приближися бо царствіе небесное, взывалъ дьяконъ Стефанъ Савицкій, *при высочайшемъ присутствіи* Елисаветы, у которой дворцовый ораторъ прямо просилъ.... «обычнаго, матерняго снисходительства къ его скудоумной бесѣдѣ.....» «Человѣкъ и до-сихъ-поръ бѣгаетъ и безпрестанно удаляется отъ царствія Божія, а Богъ самъ за нимъ ходитъ, ищетъ его, зоветъ, и не инымъ резономъ къ покаянію его возбуждаетъ, только тѣмъ, что царствіе небесное само къ нему приблизилось. О милосердія сего никакимъ воистинну умомъ необъятаго! никакимъ языкомъ неисповѣдимаго! не только въ прежніе вѣки чрезъ пророковъ, но и нынѣ приводя человѣка ко спасенію, чрезъ сына своего едиnorodнаго, Богъ употребляетъ къ тому средствомъ едино милосердіе. Отсюда несумнѣнно заключить можно: что хотя у Бога и миллионныя, и неисчетныя находятся способы, которыми онъ приводитъ человѣка ко спасенію, однако всѣ они утверждаются на основаніи милосердія.... И если кто изъ насъ погибнулъ и лишился спасенія, тотъ самъ не похотѣлъ его милосердія.»

Чтобъ доказать это, столь важное положеніе, проповѣдникъ вдается въ толкованія, которыя, безъ сомнѣнія, не безъ любопытства перечитывались современными любителями духовнаго краснорѣчія 5). Всѣ доводы Стефана ограничиваются разборомъ двухъ *способовъ*, которыми Богъ ведетъ насъ ко спасенію и «которыя имяются въ общежитіи: благополучіемъ и противностью.» Подъ благополучіемъ разумѣтъ Савицкій «все пріятнѣйшее, сладчайшее и желаниѣй-

шее; подъ противностью — неприятное, горькое, невкусное и вовсе нами не желаемое.»

Интересны утѣшенія, которыя выказываетъ дьяконъ людямъ, на долю которыхъ выпали плачь и горе. «Не желайте благополучія, говоритъ онъ, не гонитесь за счастьемъ, вы уподобитесь младенцамъ, которые вопреки приказу родителей, тянутся къ зажженной свѣчкѣ, не понимая того, какую боль причинитъ имъ этотъ яркій пламень. Счастье для васъ — свѣтильникъ для малютки! Свыкайтесь съ плачемъ и горемъ, то Богъ вамъ послалъ, чтобъ вѣчными противностями очистить вашу душу и приготовить ее... къ царствію небесному. Если мы нынѣ до того разслаблены, что не можемъ подражать древнимъ христовоборцамъ: если ихъ убиваніе плоти, неустанное бдѣніе, бѣдность, — ради вѣчнаго живота, кажутся намъ подвигами вышеестественными, то будемъ же снискивать Божье расположеніе милосердіемъ къ ближнему! Не забудемъ словъ: блаженіи милостивіи, яко ти помиловани будутъ — этимъ *способомъ* приблизимся къ царствію небесному. Но, воистинну! *Самый разумный Діогенъ, въ полудни со свѣчею искавши чловѣка, сего въ насъ не сыскалъ бы!* Развѣ то милосердіе наше, что мы даже не по частямъ, а всецѣло всячески стараемся поглощать нашихъ ближнихъ? И откуда мы научились сему милосердію? Ужъ конечно не отъ Бога; онъ самъ страдалъ и умеръ за насъ безчестно, — нѣтъ, — наше милосердіе не богоподражательное, а подобно дьявольскому. *Одного не достааетъ нашей злобѣ: Богъ, къ нашему сожалѣнію, ключи отъ ада къ себѣ единому отобралъ и неослабно ихъ при бедрѣ своемъ носить, о чемъ самъ говоритъ въ апокалипсисѣ: азъ имамъ ключи ада, а достались бы они намъ въ руки: наполнили бы мы его жертвами своей злобы — и весь бы адъ застоналъ!* Въ тебѣ, въ тебѣ одной, наша мать-государыня, заключается милосердіе; какъ бы не говорили о немъ пространно, все будетъ коротко; ты одна подражательница Божьяго милосердія, ты одна приближилась ко царствію небесному. Съ самыхъ пеленъ одарена ты милосердіемъ, нѣтъ надобности изъяснять твои дѣла милостивыя — всѣмъ они извѣстны. Начала и неустанно продолжай, по благоутробію своему, миловать бѣдныхъ, спрыхъ,

беспомощныхъ, защищать ихъ отъ руки обидящаго; въ особенности же не оставляй рабовъ твоихъ, *свидѣтельствующихъ въ вѣрности*. Но что я, низжайшій, сердце твое утруждаю, оно въ рудѣ Божіей — знаешь ты, что дѣлаешь!»

10 февраля, день рожденія наслѣдника, отпраздновали съ обычными церемоніями и баломъ ⁴⁾, но съ наступленіемъ поста стихли пѣсни и звуки *камерной* музыки, прекратились танцы и прочія удовольствія.

«Сей родъ, пороженіе сатанинское, ничимже можетъ изыти токмо молитвою и постомъ,» мрачно возглашала Арсеній Могилеанскій ⁶⁾; душеспасительнымъ словомъ іеремонахъ предлагалъ изгнать изъ предстоящихъ «духа нѣма, его же отецъ сатана, духа зависти, лести, боязни, унынія, гордости! *Не вступая въ дальнія любознѣтства*, проповѣдникъ рассказывалъ, какъ Спаситель ратуетъ для нашего спасенія съ сонмомъ духовъ, а намъ даетъ постъ и молитву, необходимѣйшія орудія въ этой борьбѣ. Арсеній, какъ и его сотоварищи по дворцовой *оратори*, не пренебрегалъ и мнѳологіей для округленія своихъ доводовъ; эти мѣста для насъ тѣмъ интереснѣе, что они обнаруживаютъ степень начитанности *передовыхъ* людей того времени. «Историческіе творцы, замѣчаетъ Могилеанскій, описуя возставленіе рода человѣческаго по потопѣ обыкновеннымъ творческимъ слогомъ, баснословятъ, аки бы оставшіе по немъ Девкаліонъ и жена его Пиррга (вмѣсто праведнаго Ноя, яко же истинствуется у насъ) возставляли родъ человѣческой верженіемъ камней по себѣ, и сколько камней верже Девкаліонъ, столько мужеска пола, сколько Пиррга верже, толико женска пола рождалось. Вещь эта и невѣроятна, и неподобна; но мнѣ кажется, творцы чрезъ сію баснь хотѣли изобразить твердость и неудобосклонность человѣка къ повелѣніямъ Божіимъ; объ этой твердости самъ Богъ чрезъ Исаію сказалъ: вѣмъ, яко жестокъ еси, и жила желѣзна — выя твоя, и чело твое мѣдяно!... Регулярное воинство сильнѣйшее есть противъ супостатовъ отъ нерегулярнаго, аще и толь нетвердо видится, яко по слову единаго человѣка цѣлая армія повинуется. Тако регулы правой жизни наученый человѣкъ, повинующійся весь въ молитвѣ волѣ единаго Бога, надежнаго вождя своего, сильнѣй-

шій есть многихъ козней вражихъ... А мы какъ молимся и отчего въ молитвѣ просимое зачастую не получаемъ: заше злѣ просимъ! Иные больше о тѣлесныхъ благахъ, а не о душевныхъ молятся, или *безъ всякой нужды нужное царствіе небесное получить хотяще*; или еще болѣе о всякомъ довольствѣ и сластѣхъ, а не о божеской жизни промышляемъ. Иные молятся достойнаго просить, но зане не внятно, не разсуждая, что глаголютъ!»

Приводя цитату за цитатой изъ разныхъ книгъ, преимущественно Священнаго Писанія, Арсеній такъ заключаетъ свои доводы о необходимости поста: «не постясь, мы лишаемся Иисуса Христа; а приняше постъ въ свѣтлы преобразуемся ангели: а въ сіе превозшедше достоинство, чего ужасатися будемъ?»

Съ окончаніемъ поста прекратились и призывы къ умерщвлению плоти: 25-го апрѣля — день коронованія Елисаветы отпраздновали роскошнѣйшимъ обѣдомъ и *великимъ торжествомъ*. Государыня съ племянникомъ обѣдали на тронѣ, служили имъ Воронцовъ и *форшнейдеръ Балкъ*. За ближайшимъ столомъ въ числѣ именитѣйшихъ дамъ была статсъ-дама *И. О. Лопухина* ⁷⁾, (о дѣлѣ и казни которой мы будемъ подробно говорить въ слѣдующей главѣ). Возглашали тосты за здоровье ея величества и высочества, за счастливое оружіе и благополучное окончаніе всѣхъ дѣлъ. Елисавета въ отвѣтъ провозглашала тостъ за *всѣхъ верныхъ слугъ* ⁷⁾. Особенное вниманіе какъ теперь, такъ и при слѣдующихъ обѣдахъ обращено было на убранство обѣденной залы: столъ былъ фигурный, на двѣсти приборовъ, между другими украшеніями отличались «пирамидальной, архитектурной постаментъ съ небольшими статуями бѣлаго мрамора, съ горшками прензрядныхъ цвѣтовъ, деревъ, между которыми отличалось большое, свѣжее пальмовое дерево. Въ маскарадныхъ залахъ длинные столы заставлены были яствами и завалены конфектами и фруктами; въ антрактахъ между танцами за нихъ садились всѣ, безъ наблюденія очереди, чина и званія... Балы продолжались двѣ ночи, городъ былъ иллюминированъ, а на особомъ щитѣ горѣла *аллегорія* — сочиненная Штелинымъ: на горѣ замокъ, вѣнчанный короной, надъ короной мачта, на

ней штандартъ съ царскимъ вензелемъ; сквозь ворота видѣнъ садъ съ зеленой аллеей, въ глубинѣ ея—восходъ солнца.» Изъясненіе аллегоріи предлагалось найти въ слѣдующихъ виршахъ:

Зри счастье твое, Россія *обновлена*,
 Главою кая днесъ короной украшена,
 Въ сей день, въ который та наслѣдства пріяла,
 И твой коронный градъ — *вторично основала*.
 Вторично освѣтивъ въ отеческомъ престолѣ,
 Выложивъ на той вѣнецъ, во вѣкъ недвижимъ болѣ.
 Взыграло солнце вновь опять своимъ восходомъ,
 Отдавъ твою весну желанную народамъ.
 Съ надеждою ведетъ твое преславно племя,
 Столповъ защитный ходъ, въ благополучно время.

Амвросій, архіепископъ новгородскій сулилъ «свои все-радостныя чувства» въ приличной предикѣ ⁷⁾, даже пасторы въ Финляндіи и Остзейскихъ провинціяхъ — не упустили случая воскурить еміамъ, и думая о благахъ земныхъ, сулили владычицѣ своей — блага небесныя ⁷⁾. Объ участіи народа *въ радостяхъ* этихъ — не извѣстно; впрочемъ А. Б. Бутурлинъ въ официальномъ донесеніи изъ Москвы писалъ: «что высокія торжества эти съ высказаніемъ всего народа веселіемъ препровождается». Что же касается до придворныхъ сановниковъ, эти дни ознаменовывались для нихъ полученіемъ разныхъ наградъ. Изъ длиннаго списка награжденныхъ 25-го апрѣля нельзя не упомянуть о А. Я. Шубинѣ. Мы уже говорили, что съ царствованія Екатерины I-й, по словамъ иностранцевъ, сослано было до 20,000 несчастныхъ. Бѣольшую часть изъ нихъ ссылали безъ приговору, въ которомъ называютъ мѣсто ссылки, имъ перемѣняли имена и за частую прямо отъ двора, безъ сношенія съ тайной канцеляріей отправляли толпами и по одиночкѣ въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири ⁸⁾. Въ числѣ ихъ попалъ и Шубинъ — явившійся изъ ссылки съ воцареніемъ Елисаветы послѣ всѣхъ (ихъ смѣняли постепенно въ Сибири ональные новаго царствованія). Шубинъ въ началѣ царствованія Анны, т. е., въ годъ своей ссылки, былъ гвардіи сержантомъ, по другимъ извѣс-

тѣмъ прапорщикомъ, и состоя при царицѣ Елисаветѣ, вѣдалъ ея казной (впрочемъ довольно скудной: дочь Петра I-го была въ постоянныхъ долгахъ) и пользовался ея особою любовью. Это было его преступленіе. Впродолженіе мѣсячнаго регенства Бирона, затѣмъ и въ правленіе Анны Леопольдовны, по ходатайству Елисаветы, дѣлались распоряженія о возвращеніи Шубина; но его искали тщетно и въ Сибири и въ Камчаткѣ. Наконецъ какъ-то дознано было, что ордеръ объ отправленіи любимца Елисаветы данъ былъ фельд-маршаломъ Минихомъ. Тотчасъ въ Пелымъ поскакалъ новый курьеръ и только Минихъ указалъ мѣсто, гдѣ можно найти Шубина; это было на самой оконечности Камчатки, по причинѣ большихъ объѣздовъ въ 15,000 верстахъ отъ дворца новой государыни ⁹⁾. Бывшій фаворитъ помѣщенъ немедленно при дворѣ, произведенъ за прежнія, ему извѣстныя заслуги и невинное претерпѣніе въ генераль-маіоры, «зачисленъ въ прежній Семеновскій полкъ свой премьерь-маіоромъ» украшенъ орденомъ Александра Невскаго, пожалованъ душами и деревнями — не получилъ одного: здоровья разстроеннаго въ ссылкѣ ⁷⁾.

Силы Шубина до того были ослаблены, что уже онъ не могъ помѣшать А. Г. Разумовскому пользоваться прежними правами. Елисавета постоянно оказывала ему свое расположеніе и одновременно съ возвращеніемъ прежняго любимца, явила новому фавориту особую милость: пятнадцатилѣтній братъ Разумовскаго, крестьянинъ деревни Лемеша, Кирила Григорьевичъ, вызванъ былъ ко двору. Неразвитый, безграмотный, но видный и рослый мальчикъ (24-го апрѣля 1743 года) получилъ званіе камеръ-юнкера и ввѣренъ адъюнкту академіи Г. Н. Теплову, съ которымъ и отправленъ за-границу учиться ⁷⁾.

Съ наступленіемъ весны Петербургъ опустѣлъ. Дворъ вслѣдъ за государыней разѣхался на дачи. Съ одиннадцати часовъ утра до двухъ пополудни, 23-го мая, государыня пробыла въ полномъ собраніи сената, о чемъ, какъ о рѣдкомъ случаѣ, успѣли возвѣстить вѣдомости. Елисавета простилась съ сенатомъ, а два дня спустя вышла къ съѣхавшимся во дворецъ сановникамъ, въ особомъ зеленомъ уборѣ, допу-

стила къ рукѣ и при пушечной пальбѣ отбыла при всенародно желаемомъ благополучи въ Петергофъ ⁷⁾, «для провозженія нынѣшняго весьма пріятнаго и веселаго лѣтняго времени».

Петергофъ, основанный еще въ 1711 году, въ это время представлялъ весьма хорошее мѣсто для житья здѣсь лѣтомъ, и постепенно украшаемый Петромъ I, Екатериной I, Анной I, былъ значительно улучшенъ Елисаветой, которая между прочимъ вскорѣ по восшествіи на престолъ построила здѣсь, въ небольшомъ лѣску, весьма знатный павильонъ *Mon plaisir* ¹⁰⁾, недалеко отъ подобнаго же домика, выстроеннаго ея отцомъ. Впрочемъ самый дворецъ, занимаемый Елисаветой, какъ и всѣ дворцы того времени, былъ небольшой двухъ-этажный домикъ съ низкими комнатами, неудобно расположенными ¹⁰⁾.

Отсылая сухой и скучной дневникъ переѣздовъ изъ дворца во дворецъ Елисаветы — въ примѣчанія, дневникъ празднествъ и торжествъ постоянно однообразныхъ ¹¹⁾, упомянемъ только о днѣ ангела великаго князя Петра Федоровича, 29-го іюня, болѣе другихъ замѣчательномъ, потому что въ этотъ день М. В. Ломоносовъ поднесъ новую — сто-сорока стихную оду; въ ней между стихами надутыми и вялыми попадаются строфы, дышущія истиннымъ чувствомъ и поэзіей ¹²⁾; вотъ нѣкоторыя изъ этихъ мѣстъ:

1.

Уже врата отверзло лѣто;
 Натура ставитъ общій пиръ;
 Земля и сердце въ насъ нагрѣто;
 Колеблетъ вѣтви тихъ зефиръ;
 Объемлетъ мягкій лугъ крилами;
 Крутится чистый токъ полями;
 Брега питаетъ тучный иль;
 Древа и цвѣтъ покрылись медомъ;
 Ведетъ своимъ довольство слѣдомъ
 Посиѣнно ясный вождь свѣтилъ.

3.

(Солнце) почти Петрова внука,
Сіяй, какъ нашъ веселый духъ
Горитъ отъ радостнаго звука,
Который въ нашъ внушаетъ слухъ
Младаго шумъ орла паряща
И предкамъ вслѣдъ взлетѣть спѣшаща;
На міръ возрѣтъ, искать побѣдъ.....

7.

..... Премудрость сядетъ въ судъ съ тобою,
Изгонитъ лесть и ковъ съ хулою.
И мужество твои чресла
Скрѣпитъ для общей нашей чести,
Защититъ насъ, къ противныхъ мѣсти,
Дабы исторгнуть корень зла.

13.

Возри на трудъ и громку славу,
Что свѣтъ въ Петрѣ неложно чтить;
Нептунъ позналъ его державу,
Съ Минервой сильный Марсъ гласить:
Онъ богъ, онъ богъ твой былъ, Россія ^(*),
Онъ члены взялъ въ тебѣ плотскія,
Сошедъ къ тебѣ отъ горнихъ мѣстъ;
Онъ нынѣ въ вѣчности сіяетъ,
На внука весело взираетъ,
Среди героевъ, выше звѣздъ, и т. д.

Но если Петръ I, по поэтическому выраженію Ломоносова, весело взиралъ на своего внука, тѣмъ не менѣе Елисавета не только не весело глядѣла на племянника, но даже тяготилась его присутствіемъ, по многимъ обстоятельствамъ. Чтобъ не имѣть повода сердиться, видя не всегда удовлетворительное поведеніе Петра Федоровича, притомъ, чтобъ не стѣсняться его присутствіемъ, она положила на будущее время жить великому князю съ своимъ штатомъ весну и лѣто до поздней осени въ восьми верстахъ отъ Петергофа, въ Ораніенбаумѣ. — Императрица не замедлила обнародованіемъ указа, въ силу котораго «вселюбезнѣйшій ея племян-

Отд. I. 7

никъ получалъ въ свое владѣніе отниснос князя Меньшикова мѣсто Ораніенбаума съ деревяннымъ, каменнымъ строеніемъ, съ землями, заводами и угодьями»¹⁴).

Остановимся на интересной личности новаго владѣльца Ораніенбаума. Петру Ѳедоровичу было въ это время пятнадцатъ лѣтъ; мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ о томъ, какъ пріѣхалъ онъ въ Россію, какія лица его окружили, какимъ людямъ поручено было его воспитаніе. Но чтобы вполне ознакомиться съ племянникомъ Елисаветы необходимо прослѣдить его воспитаніе въ дѣтскій и отроческій его возрастъ; безъ этого привычки, странности, характеръ Петръ III будутъ для насъ непонятны.

Мать его, дочь Петра I, 3-го мая 1728 г. скончалась отъ чахотки, три мѣсяца послѣ рожденія сына, въ небольшомъ голштинскомъ городѣ Килѣ. Ее сокрушила тамошняя жизнь и несчастное супружество. Отецъ Петра III, голштинскій герцогъ Карлъ-Фридрихъ, племянникъ Карла XII, какъ видно изъ разсказовъ Берггольца, былъ человекъ хворый, бѣдный, дурень собою, безхарактерный, небольшого роста, слабого сложенія, наконецъ пилъ безмѣрно — что и свело его впоследствии въ преждевременную могилу. — Въ 1735-мъ году, на седьмомъ году отъ рожденія, наслѣдникъ Голштиніи освобожденъ отъ надзора мамъ и нянюшекъ; къ нему стали приставлять попеременно нѣкоторыхъ камеръ-юнкеровъ и камергеровъ: эти придворные кавалеры въ тоже самое время занимали офицерскія должности въ герцогской гвардіи. Въ прочихъ же маленькихъ корпусахъ было нѣсколько офицеровъ, служившихъ нѣкогда въ прусской арміи; поэтому при дворѣ, такъ разсказываетъ Я. Штелинь, воспитатель Петра Ѳедоровича¹⁵), — только и говорили, что о фрунтовой службѣ. Наслѣдный принцъ, еще ребенкомъ, пожалованъ унтеръ-офицеромъ, учился ружью и маршировкѣ, ходилъ на дежурство съ другими молодыми людьми, и говорилъ съ ними только о внѣшнихъ формахъ солдатскаго быта. Вслѣдствіе этого, съ самаго нѣжнаго возраста, такъ онъ къ нему пристрастился, что ни о чемъ другомъ не хотѣлъ и слышать. — Начинаясь маленькій парадъ предъ его окнами, Петръ бросалъ книги и перья, летѣлъ къ окну и до окончанія церемо-

ни не было возможности оторвать его отъ завѣтнаго мѣста. Иногда, въ наказаніе за дурное поведеніе принца, закрывали нижнюю половину его оконъ, оставляя свѣтъ только вверху, чтобъ его королевское высочество не имѣлъ удовольствія смотрѣть на горсть голштинскихъ солдатъ. «Объ этомъ, добавляетъ Штелинь, часто мнѣ рассказывалъ принцъ, какъ о самомъ жестокомъ наказаніи. Онъ приходилъ въ неописанный восторгъ, когда говорилъ о солдатахъ, о своихъ военныхъ выходкахъ и о строгости военной жизни. Никакой день въ его жизни не былъ для него такъ достопамятенъ, какъ тотъ, въ который на девятомъ году своего возраста, былъ произведенъ изъ сержантовъ въ офицеры отцовскаго войска. Это случилось въ день рожденія герцога, празднованный при дворѣ съ возможною пышностью (1738 г.); былъ большой обѣдъ; маленькій принцъ, въ чинѣ сержанта, стоялъ на часахъ, вмѣстѣ съ другимъ великорослымъ сержантомъ, у дверей въ столовую залу. Такъ какъ онъ на этотъ разъ долженъ былъ смотрѣть на обѣдъ, въ которомъ обыкновенно участвовалъ, то у него безпрестанно текли слюнки. — Отецъ, глядя на это, смѣялся съ сидѣвшими подлѣ него особами; когда подали второе блюдо, онъ велѣлъ смѣнить маленькаго унтеръ-офицера, поздравилъ его офицеромъ, и позволилъ ему занять мѣсто за столомъ, по его новому чину. Въ радости отъ такого неожиданнаго повышенія, онъ (какъ самъ мнѣ рассказывалъ), почти ничего не могъ ѣсть. Съ этого времени всѣ мысли его были заняты исключительно военными потѣхами, и его обхожденіе съ пустоголовыми его товарищами стало свободнѣе. Онъ говорилъ имъ всѣмъ *ты* и хотѣлъ, чтобъ они, какъ его братья и друзья, также говорили ему *ты*»¹³⁾.

Съ десятилѣтняго возраста, то есть, съ производства своего въ офицеры и съ вышивки на *брудершафтеръ* наслѣдникъ голштинскаго герцога сталъ привыкать къ крѣпкимъ напиткамъ, такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ одна изъ его современницъ; время свое юный отрокъ сталъ проводить либо на парадахъ и дворцовыхъ церемоніяхъ, либо въ кругу сотоварищей за нивомъ и виномъ. Отецъ умеръ въ 1739-мъ году и опеку надъ одинадцатилѣтнимъ мальчикомъ принялъ его дядя, герцогъ голштинскій и епископъ любекскій Адольфъ-Фридрихъ,

вступившій потомъ по абовскому конгрессу и ходатайству Елисаветы на шведскій престолъ. Главнымъ воспитателемъ Петра III былъ гоф-маршалъ двора его, Брюмеръ, родомъ шведъ, потомъ оберъ-каммергеръ Берхгольцъ (авторъ любимаго дневника). Какъ Брюмеръ такъ и Берхгольцъ, смотрѣвшій на все глазами Брюмера, были приверженцы принца-опекуна и правителя. Каммергерами при малолѣтнемъ принцѣ были Адлерфельдтъ, составитель исторіи Карла XII, Вахмейстеръ— шведъ, Волфъ и Мадфельдтъ— голштинцы. Петра воспитывали, какъ наслѣдника шведскаго престола. Дворъ его, слишкомъ многочисленный для Голштиніи, раздѣлялся на нѣсколько партій, ненавидѣвшихъ другъ друга. Каждая партія старалась овладѣть душою принца, воспитать его по своему, и разумѣется внушить ему отвращеніе къ своимъ противникамъ. Молодой принцъ отъ всей души ненавидѣлъ Брюмера и изъ всѣхъ придворныхъ показывалъ привязанность только къ двумъ старикамъ камердинерамъ: лифляндцу Крамеру и шведу Румбергу; послѣдній былъ для его дороже всѣхъ, а между тѣмъ это былъ человѣкъ довольно грубый и неотесанный: онъ служилъ драгуномъ въ полкахъ Карла XII. Вслѣдствіе всего этого никто изъ голштинцевъ не любилъ своего наслѣднаго принца, а тѣмъ болѣе его приближенныхъ.

Вскорѣ послѣ смерти Карла-Фридриха, въ 1739-мъ году, будущая императрица Екатерина II въ первый разъ увидѣла Петра III. — Его опекунъ созвалъ въ Евтинъ всѣхъ родственниковъ, чтобъ представить имъ своего питомца. Бабушка Екатерины (мать принца-епископа) и сестра его, мать Екатерины, пріѣхали изъ Гамбурга съ будущей женой Петра III. Екатеринѣ было тогда десять лѣтъ. Кромѣ ихъ въ Евтинъ пріѣхали принцъ Августинъ и принцесса Анна, братъ и сестра принца-опекуна и правителя Голштиніи. — На этомъ первомъ свиданіи съ Петромъ, Екатерина услышала, какъ собравшіеся родственники толковали между собой, что молодой герцогъ наклоненъ къ неумѣренному питью крѣпкихъ напитковъ, что его приближенные не даютъ ему много пить за столомъ, что онъ упрямъ и вспыльчивъ, не любитъ своихъ приставниковъ и особливо Брюмера; что впрочемъ онъ до-

вольно живаго права, но сложенія слабаго и болѣзненнаго. Дѣйствительно, лицо его Екатерина находила блѣднымъ. Петръ казался тощъ и нѣжнаго темперамента. Онъ еще не вышелъ изъ дѣтскаго возраста, но придворные хотѣли, чтобъ онъ держалъ себя какъ совершеннолѣтній. Это тяготило его, заставляя быть въ постоянномъ принужденіи. Натянутость и неискренность перешли отъ виѣшнихъ приѣмовъ обращенія и въ самый характеръ ¹⁶⁾.

Извѣстно уже намъ какъ Петръ III вызванъ былъ въ прошломъ году Елисаветой. Государыня рѣшилась объявить его наслѣдникомъ престола; враги гофмаршала Брюмера, графъ Безстужевъ и Н. Панинъ распустили слухъ, что какъ скоро сдѣлалось извѣстнымъ намѣреніе императрицы, Брюмеръ приложилъ всѣ старанія испортить душу и сердце своего питомца, между тѣмъ какъ прежде онъ прилагалъ будто бы стараніе воспитать его достойнымъ шведской короны. Молва эта была не болѣе, какъ придворная сплетня, но вѣрно было то, что обученіе пятнадцатилѣтняго юноши въ Россіи было едва ли не хуже, нежели въ Голштиніи. Еще съ дѣтства онъ вовсе не хотѣлъ ничему учиться, и съ пріѣздомъ въ Петербургъ не пошло ученіе: преподаватель русскаго языка, Исаакъ Веселовскій, съ самаго начала являлся рѣдко, а потомъ вовсе пересталъ ходить; профессоръ Штелинь, который долженъ былъ учить его математическимъ наукамъ и исторіи — былъ, по увѣренію Пецольда, наставникомъ ученымъ и способнымъ ¹⁶⁾, но Екатерина II свидѣтельствуется противное — она прямо говоритъ (и безъ всякаго сомнѣнія справедливо) что Штелинь, вмѣсто занятій только игралъ съ великимъ княземъ и служилъ ему вмѣсто шута ¹⁶⁾. Всѣхъ точнѣе былъ балетмейстеръ Ланге, учившій танцованію. Въ своихъ внутреннихъ покояхъ Петръ Оеодоровичъ исключительно занимался военною выправкою нѣсколькихъ лакеевъ, которые были даны ему въ услуженіе. Онъ возводилъ ихъ въ чины и степени, и потомъ разжаловалъ, какъ ему вздумалось. Это были дѣтскія игры, постоянное ребячество и вообще, не смотря на близкое свое совершеннолѣтіе, Петръ, по общимъ рассказамъ очевидцевъ, былъ очень ребячливъ ¹⁷⁾.

Капризный и вспыльчивый молодой человекъ, онъ вдался въ самыя пустыя развлеченія; а главный его менторъ Брюмеръ, какъ видно изъ донесенія саксонскаго резидента ¹⁶⁾, забывая воспитанника, хлопоталъ объ одномъ, какъ бы при посредствѣ Лестока приобрести на дѣла больше вліянія, — чего и достигъ. А между тѣмъ въ Петрѣ III только развилось одно: его слѣная любовь къ военнымъ игрушкамъ; научныхъ свѣдѣній онъ не приобрѣлъ никакихъ, душу и сердце развить было не гдѣ за недостаткомъ хорошихъ примѣровъ.

«Все голштинское привлекаетъ великаго князя, пишетъ Пецольтъ 12-го октября 1742 года, все русское — онъ презираетъ. До-сихъ-поръ Петръ почти ни слова не говоритъ по русски. Для обращенія его въ греко-россійское исповѣданіе приставили къ нему Симона Тодорскаго, человека не даромъ проведеннаго четыре года въ Галле, много трудившагося, съ большими свѣдѣніями и убѣжденіями самыми кроткими. Слушая его лекціи, Петръ обнаруживалъ отвращеніе къ новой вѣрѣ, говорилъ, что въ немъ не найдутъ приверженца православію». Его высочество вступалъ съ учителемъ въ преніе, не хотѣлъ ни съ чѣмъ соглашаться и его приближенные часто были призываемы, чтобъ охладить его горячность и склонить къ болѣе мягкимъ выраженіямъ ¹⁶⁾. Разъ какъ-то, въ присутствіи австрійскаго посланника маркиза де-Ботта и прусскаго, барона Мардефельда, онъ выразился такимъ образомъ: «слишкомъ уже много обѣщаль я поамъ, сдержать будетъ трудно, не упомнишь!».

Не смотря на недостаточную подготовку къ перемѣнѣ религіи, государыня поспѣшила крещеніемъ племянника потому именно, что въ это время напугана была слухомъ, будто бы брауншвейгская фамилія, арестованная въ Ригѣ, приобретаетъ больше и больше приверженцевъ. Робкая Елисавета, страшась какого-нибудь волненія, приказала совершить обрядъ не въ главномъ кремлевскомъ соборѣ (6-го ноября 1742 года), а въ дворцовой церкви, вокругъ которой разставлены были войска. Объявляя племянника наслѣдникомъ и великимъ княземъ, государыня умалчивала о материнскомъ завѣщаніи, въ силу котораго, какъ извѣстно, Петръ III

имѣлъ болѣе правъ на корону, нежели Елисавета. Составленіе манифеста въ величайшей тайнѣ поручено было Брюмеру, Лестоку и архіепископу новгородскому Амвросію, который, по отзыву посланника Пецоляда, *вертъся туда, куда дуетъ вѣтеръ*. Порученіе было исполнено такъ, что генераль-прокуроръ сената узналъ о немъ въ день крещенія Петра и публикаціи манифеста ¹⁶).

Всѣ эти извѣстія незамѣтно вводятъ насъ въ самую среду придворныхъ интригъ, распрей и ожесточенной борьбы партій, кончавшихся возвышеніемъ однихъ и арестами, ссылками и казнями другихъ.... Посланники французскіе, англійскіе, польско-саксонскіе и другіе, находившіеся при нашемъ дворѣ и принимавшіе участіе съ той или другой стороны, въ депешахъ къ своимъ дворамъ знакомятъ насъ съ составомъ партій и съ ходомъ борьбы ¹⁸).

Вообще можно сказать, что исторія Россіи этого времени представляетъ исключительно борьбу честолюбцевъ, не рѣдко самыхъ низкихъ, пользовавшихся всѣми средствами, чтобы исторгнуть другъ у друга власть и могущество. Въ этихъ распряхъ Германъ болѣе находитъ азіатскаго звѣрства и цевѣжества нежели вліянія европейской цивилизаціи и въ подтвержденіе своего мнѣнія приводитъ любопытныя выписки изъ рукописныхъ источниковъ.

Такъ саксонскій посоль, камергеръ Герсдорфъ, не можетъ надивиться (въ донесеніи 16-го августа 1743 года) какимъ образомъ столь огромное государство, какова Россія, при общей безурядицѣ во внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ все еще держится, между тѣмъ какъ *столабы*, ее поддерживающіе вовсе не радятъ о своихъ обязанностяхъ. «Елисавета, замѣчаетъ Герсдорфъ, меньше, чѣмъ когда-либо занимается дѣлами.... она какъ бы сама старается уничтожить то уваженіе, какое должны питать къ ней ея подданные: таково, по крайней мѣрѣ, ея поведеніе и образъ жизни. Прихоть, минутный капризъ — руководятъ дѣлами государственными; каждый страшится за свое званіе, мѣсто, значеніе, боится интриги, могущей ему повредить, почему и не заботится о своей обязанности. Сегодня безъ причины жалуется госуда-

рыни своей довѣренностью, завтра безъ всякаго повода лишаетъ ея — вотъ почему всѣ люди сильные пекутся объ одномъ, какъ бы имъ усидѣть на мѣстѣ, а тамъ хоть трава не рости...»

Главными бойцами въ дворцовыхъ партіяхъ 1742 и 1743 года были Лестокъ, маркизь Шетарди, великій-канцлеръ Черкасскій и вице-канцлеръ Безстужевъ; они преимущественно вѣдали дѣлами иностранными, между тѣмъ какъ Н. Ю. Трубецкой имѣлъ рѣшительной голосъ въ дѣлахъ внутренняго управленія. Вотъ въ какихъ чертахъ обрисовываются эти правители имперіи российской въ реляціяхъ иноземныхъ пословъ:

«Лестокъ то и дѣло толкуеть, по словамъ Пецольда, 25-го февраля 1742 года, про свое сильное вліяніе на императрицу. Онъ входитъ съ докладами по такимъ дѣламъ, съ какими бы никто другой и не сунулся, онъ докладываетъ, онъ и рѣшаетъ дѣла, какъ ему вздумается. Впрочемъ лейбъ-хирургъ признавался мнѣ, что тяготится этой ролью, охотно де взялъ бы прежнюю; бывало отъ иной пакости взялъ да отвернулся; а теперь поди, докладывай, упрашивай о ней, да пересылай въ министерство. За хлопоты, кромѣ зависти вельможъ, ничего; благоволеніе государыни никогда не обходится безъ кислой мины на многихъ лицахъ. Впрочемъ, по увѣренію Лестока, ему нѣтъ дѣла до завистниковъ и враговъ; онъ вѣрить въ клятвы и увѣренія императрицы; знаетъ, что онъ ей необходимъ и по докторской части: кромѣ какъ у него, она не станетъ ни у кого пользоваться, и никого не допустить открывать себѣ кровь.

Безстужевъ тѣмъ болѣе досадовалъ на зависимость Елисаветы отъ ея врача, что ненавидѣлъ прусскаго короля; изъ личныхъ выгодъ искалъ союза съ Австріей и Англійей — Лестокъ же, состоя на жалованьи у французскаго двора, имѣлъ совершенно противныя мнѣнія относительно шведской и силезскихъ войнъ. Притомъ докторъ пользовался правомъ проводить по нѣсколько часовъ глазъ на глазъ съ государыней каждый день; могъ нѣсколькими словами повернуть все дѣло, о которомъ хлопотали сторонники Безстужева,

тщетно добиваясь приѣма у императрицы хоть на четверть часа.

По приѣздѣ въ Москву на коронацію (въ мартѣ 1742 года) Елисавета занемогла обычной своей болѣзнию коликъ. Лестокъ улучилъ время и ввелъ маркиза Шетарди на тайную аудіенцію въ спальню къ больной. Министерство вошло съ докладомъ о томъ, какое могутъ придать политическое значеніе этому свиданію; Елисавета отвѣчала, что дружбу съ Франціей она считаетъ нужнымъ поддержать, тѣмъ болѣе, что Шетарди человекъ во всѣхъ отношеніяхъ достойный и доказалъ ей свою преданность и усердіе. Противъ этихъ доводовъ нечего было возражать. Тѣмъ болѣе, что государыня, не ограничиваясь словесными изъявленіями своего расположенія къ маркизу; какъ видно изъ донесенія Пецольда (отъ 3-го сентября 1742 года), Шетарди получилъ въ разное время деньгами около 150,000 рублей, андреевскій орденъ: крестъ со звѣздой, усыпанные крупными алмазами въ 35,000 рублей, — золотую табакерку съ портретомъ государыни, перстень съ большимъ брилльянтомъ въ 30,000 рублей, дорожную карету; государыня купила у него сервизъ за 20,000 рублей и проч. и проч. Трудно описать, заключаетъ посоль, то негодованіе и общій ропоть, съ которыми смотрятъ всѣ на эти награды французу, въ то время, какъ люди болѣе достойные ничего не получаютъ. Проклятій на маркиза Шетарди нѣтъ конца. Лестокъ не упускалъ случая высказывать свои убѣжденія о необходимости союза съ Франціей; всѣхъ не раздѣлявшихъ его мнѣнія, прямо называлъ противниками интересовъ государыни. Особое уваженіе представителю французскаго правительства Лестокъ заявлялъ вездѣ, гдѣ только можно; такъ, напримѣръ, въ день перѣзда изъ Кремля въ яузскій дворецъ, Елисавета пожелала проѣхать по Москвѣ, вечеромъ, въ мужскомъ костюмѣ и полюбоваться на иллюминацію, причемъ сказала своему лейб-хирургу, что съ прогулки заѣдетъ къ нему. Лестокъ отдалъ изъ-подъ себя лошадь маркизу Шетарди, чтобъ не оставить императрицы безъ спутника, а самъ поспѣшилъ приготовиться къ приѣму. Случай маловажный, но и онъ возбудилъ толки и пересуды, и онъ подстрекалъ зависть и досаду вице-

канцлера. Къ его удовольствію Черкасскій рѣшился явно возстать противъ ненавистнаго доктора. Дѣло въ томъ, что великій канцлеръ положительно узналъ, что тысячи червонцевъ, проигрываемые Лестокомъ въ карты идутъ изъ кошелька Шетарди, о чемъ Черкасскій и не преминулъ довести до высочайшаго свѣдѣнія; канцлеръ обще съ вице-канцлеромъ просили государыню либо запретить своему доктору мѣшаться въ политическія дѣла, или же, буде считаетъ его человѣкомъ особенно способнымъ, помѣстить въ конференцію и тѣмъ прекратить дальнѣйшія дразги».

Въ другихъ донесеніяхъ Пецольдъ, какъ бы въ отвѣтъ на высказанныя ему жалобы вице-канцлера, приводитъ сужденія Лестока; дѣло въ томъ, что ловкій и осторожный резидентъ умѣлъ близко сойтись съ обоими противниками, людьми сильными при дворѣ.

«Враги мои, говорилъ Лестокъ, обвиняютъ меня въ дружбѣ съ Шетарди. Сознаюсь, люблю хорошее общество, а оно-то и собирается у маркиза; люблю тамъ потолковать, поѣсть, поить и поиграть. Я много обязанъ маркизу за услуги, оказанныя имъ государынѣ, да и мнѣ самому. Но безъ личныхъ отношеній всегда скажу, что союзъ Россіи съ Франціею необходимъ. Въ началѣ своего правленія, императрица, за отсутствіемъ правильно учрежденнаго министерства, совѣтовалась со мной исключительно. Въ дѣлахъ я знатокъ небольшой, но для нихъ не было нужно много свѣдѣній. Государыня старалась упрочить за собой любовь народа и тѣмъ укрѣпиться на престолѣ, я въ этихъ видахъ старался о заключеніи мира съ Швеціей, и о посредничествѣ на конгрессѣ Франціи. Но великій канцлеръ, лѣнивый и отъ природы капризный человѣкъ, понять не можетъ, для чего записывать у Франціи, когда прежде этого не дѣлали? Достаточною причиною Черкасскому для возраженія служить то обстоятельство: зачѣмъ послали грамоту въ Парижъ безъ его совѣта. А между тѣмъ, вотъ какъ честно и умно обдѣлывалъ онъ свои дѣла: башкирская орда предложила возобновить существующій съ Россіей дружескій договоръ. Не пустое дѣло расположить въ свою пользу богатую и могущественную орду, а что дѣлаетъ Черкасскій? Продерживаетъ посольство

два мѣсяца и не входитъ о немъ съ докладомъ. Послы пришли ко мнѣ съ жалобой, я навелъ справки и оказалось, что тайный совѣтникъ Татищевъ, астраханскій губернаторъ, зная, что башкирскіе депутаты принесутъ на него справедливую жалобу, выслалъ великому канцлеру 30,000 рублей. По моему докладу, башкирцы были представлены императрицѣ, причемъ государыня невольно спросила меня: «отчего это, когда великій канцлеръ хранить молчаніе, не говоритъ и вице-канцлеръ». Вопросъ далъ мнѣ случай распространиться о томъ, какъ вяло и лѣнливо идутъ дѣла въ иностранной коллегіи, какъ удерживаетъ у себя на дому важнѣйшія дѣла князь Черкасскій и чисто изъ зависти (?) не даетъ имъ ходу; какъ трусливъ вице-канцлеръ, ничего не рѣшающійся представить лично отъ себя. Я никогда не считалъ, продолжалъ Лестоку, А. П. Безстужева-Рюмина за особенно дѣльную голову, но все-таки разсчитывалъ на его сметливость и на то, что братъ его, оберъ-гофмаршалъ, даетъ ему надлежащее направленіе; но въ этомъ-то я и ошибся. Братья очень и очень не далекіе люди, лѣнны, корыстны, честолюбивы и злы. Преданные интересамъ Австріи, они впутались въ сѣти вѣнскаго посла, маркиза де-Ботта. Безстужевы убѣждены, что Россія обязана помочь королевѣ венгерской; но императрица знаетъ ихъ замыслы и интриги, она сама мнѣ сказала однажды, что «слышала о полученіи вице-канцлеромъ 20,000 рублей отъ Маріи-Терезіи», притомъ замѣтила, «когда начинается разговоръ о маркизѣ де-Ботта, А. П. Безстужевъ и блѣднѣетъ, и краснѣетъ»¹⁹). Время покажетъ кто изъ насъ больше подкупленъ: я ли французскимъ, или онъ вѣнскимъ кабинетами. А отъ существующаго нынѣ русско-австрійскаго союза пользы не видать: не проискамы ли вѣнскаго кабинета, во время правленія верховнаго тайнаго совѣта (въ 1730 году), Елисавету объявляли незаконной дочерью Петра²⁰) и предлагали заточить въ монастырь? Императрица никогда этого не забудетъ.

«При спорахъ, возникшихъ во время церемоніала при коронаціи: кому изъ иностранныхъ пословъ слѣдуетъ быть выше мѣстомъ, государыня сказала мнѣ: «Ботта меньше всѣхъ имѣетъ право важничать; коли онъ будетъ черезъ-

чуръ чваниться, такъ пусть убирается туда, откуда пришелъ. Расположеніе людей преданныхъ издавна для меня важнѣе, нежели дружба какой-нибудь *голачки-королевы* (*nackende Königin*).

«Итакъ, заключилъ Лестоку, если теперь что и помѣшаетъ ближайшему соединенію съ Франціей, то съ устраненіемъ австрійскаго вліянія все придетъ къ желаемому мной результату....»

Противникамъ Лестока, составлявшимъ *русскую партію* (Черкасскій, Трубецкіе и проч.), пребываніе двора въ Москвѣ казалось чрезвычайно удобнымъ: здѣсь всего меньше чувствовали они стѣсненія со стороны партіи иноземцевъ, въ Москвѣ они жили въ покоѣ. А между тѣмъ Лестоку, изъ своихъ видовъ, то и дѣло толковалъ Елисаветѣ, что въ Москвѣ ей предстоитъ много непріятностей, что обширность древней столицы вполне способствуетъ развитію тайныхъ сходбищъ, составленію заговоровъ... Лестоку зналъ всѣ слабья стороны своей пациентки (нельзя не вспомнить о фокусѣ его съ разрисованной картой, смотр. глава VI), зналъ, чѣмъ надо дѣйствовать на трусливую женщину... Государыня выѣхала изъ Москвы по первому зимнему пути, хотя и предполагала пробыть здѣсь до конца года.

Между тѣмъ, къ большому удовольствію вице-канцлера, 15-го ноября 1742 года скончался князь Черкасскій; чело-вѣкъ этотъ, сильно мѣшавшій своею лѣпностью Безстужеву, въ послѣдніе мѣсяцы много потерялъ въ глазахъ Елисаветы по просякамъ камергерши Шуваловой, задушевной любимицы и повѣренной всѣхъ тайныхъ распоряженій императрицы. Почти всѣ, замѣчаетъ Пецольдъ въ донесеніи отъ 17-го ноября 1742 года, искренно радовались смерти Черкаскаго, до такой степени этотъ лѣшвый и безнечный чело-вѣкъ злоупотреблялъ своею властію. Слѣдующіе три факта превосходно рисуютъ предъ нами эту любопытную личность: во всю свою жизнь Черкасскій не могъ сдѣлать трехъ вещей: не достроилъ множество домовъ, имъ начатыхъ; родную дочь продержалъ въ дѣвкахъ до тридцати лѣтъ, не умѣя выбрать жениха по своему нраву; наконецъ, владѣя громадными по-

мѣстями съ 70,000 душъ крестьянъ, подарками отъ царствовавшихъ лицъ на 150,000 рублей, онъ умеръ, не заплативъ ни своихъ, ни даже отцовскихъ долговъ ¹⁶).

Черкаскаго замѣнили, если не по титулу, то по существу власти, А. П. Безстужевъ-Рюминъ съ помощникомъ своимъ фонъ-Бреверномъ. Лестокъ согласился на возвышеніе своего противника ¹⁷). Способности и ловкость сего противника теперь стали болѣе и болѣе проявляться. Проведя всю почти молодость при дворахъ англійскомъ, ганноверскомъ, брауншвейгскомъ и датскомъ, Безстужевъ признавалъ необходимость иноземцевъ, только никакъ не допускалъ ихъ до значительныхъ мѣстъ, а своею сметливостью, ловкостью, умомъ изворотливымъ — онъ сталъ несравненно выше всей *русской партіи*. Одинъ изъ главнѣйшихъ ея партизановъ, генераль-прокуроръ Трубецкой лелѣялъ надежду достигнуть того, о чемъ старался верховники (1730 года), т. е., ограничить самодержавіе, измѣнить форму правленія. Пецольдъ увѣряетъ ¹⁸), что Трубецкой домогался того, чтобъ заправлять всѣми внутренними дѣлами россійской имперіи съ полнымъ произволомъ, безотчетно. На сколько это справедливо, рѣшить трудно, а подлѣ Елисаветы въ числѣ ея родственниковъ не было пока еще никого, въ пользу котораго, по словамъ саксонскаго резидента, Трубецкой могъ бы сдѣлать новый переворотъ.

Достойно замѣчанія, что самое отреченіе Елисаветы за своего племянника стъ предложенной ему шведской короны было не что иное, какъ слѣдствіе придворныхъ интригъ и подкупа. 4-го января 1743 года прибыли въ Петербургъ депутаты изъ Стокгольма съ предложеніемъ Петру наслѣдованія шведскаго престола. Ихъ приняли чрезвычайно холодно. Безстужевъ уже былъ въ достаточной силѣ, чтобъ брать верхъ надъ партіей Лестока; былъ подкупленъ Англійей, опасавшейся сильнаго вліянія Россіи въ Швеціи, почему и поспѣшилъ увѣрить императрицу, что избраніе ея племянника не болѣе какъ обманъ, ловушка. Депутатовъ держали какъ арестантовъ, подъ постояннымъ присмотромъ; имъ нельзя было сдѣлать шагу, безъ сопровожденія приставленныхъ къ нимъ чиновниковъ. Во дворцѣ, въ пріемные дни,

лишь только заводили они разговоры съ кѣмъ бы то ни было, приближались лазутчики и подслушивали. Вступать въ объясненія, по дѣлу избранія Петра Ш, дозволено было депутатамъ не иначе, какъ съ людьми, назначенными самимъ Безстужевымъ ¹⁸⁾. Слѣдствіемъ всего этого было то, что шведскіе послы оставили Петербургъ (19-го января) съ отказомъ Петра Федоровича.

Лестоку, проигравъ въ этомъ дѣлѣ *partію*, выигралъ слѣдующую, и тѣмъ отплатилъ Безстужеву. На абовскій конгрессъ отправлены были не оберъ-гофмаршалъ Михайло Безстужевъ-Рюминъ и сенаторъ Голицынъ, какъ хотѣлъ вице-канцлеръ, а Румянцевъ и Люберасъ — люди преданные Лестоку ¹⁸⁾. Оба уполномоченные, желая угодить своему патрону, предписали Швеціи миръ далеко не столь тягостный, какъ этого можно было ожидать, невыгодный и для Россіи, относительно тѣхъ издержекъ, какихъ стала намъ эта трехъ-лѣтняя война ¹⁸⁾.

Такимъ-то образомъ рѣшали судьбу множества миллионъ людей, торговали интересами цѣлой страны — люди бездушные, мелкіе интриганты и корыстолюбивые честолюбцы.

Любопытно, что Елисавета забавлялась, прислушиваясь къ переторжкамъ ея сановниковъ, состоявшихъ на жалованьи у разныхъ дворовъ; любила до страсти придворныя сплетни, сама подстрекала одну партію въ проискахъ противъ другой. Въ одно изъ многочисленныхъ ея посѣщеній своего хирурга, Лестоку пожаловался ей на буйное и развратное поведеніе лейбъ-кампанцевъ. Воротясь къ себѣ, Елисавета передала этотъ разговоръ шести-семи лицамъ, причемъ не обинуясь сказала: «мнѣ кажется, еслибы Лестоку могъ за одинъ разъ отравить ложкой яду всѣхъ *monsieгъ* русскихъ, то онъ бы это сдѣлалъ».

Вслѣдствіе подобныхъ выходовъ вражда распалялась, число враговъ Лестока расло. «Онъ мнѣ самъ рассказывалъ, пишетъ Пецольдъ, 13-го апрѣля 1743 года, что даже старикъ фельдмаршалъ Долгорукій, который многимъ ему обязанъ, сказалъ въ сердцахъ двумъ офицерамъ нѣмцамъ: «чего вы хлопочете по вашему дѣлу, обратитесь къ тайному

совѣтнику Лестоку — вѣдь онъ для нѣмцевъ тоже, что для насъ русскихъ Богъ!». Шубинъ, только что пріѣхавшій изъ Камчатки, также попалъ въ усобицу петербургскаго двора и примкнулъ къ противникамъ Лестока ¹⁸⁾.

«...Дворъ и правленіе россійской имперіи, заключаетъ Пецольдъ, въ донесеніи *отъ 29-го ноябля 1743 года*, находятся въ самомъ плачевномъ состояніи: ропоть и общее негодованіе возникаютъ все больше и больше. Правители обще съ Елисаветой, ночь превращаютъ въ день, а день въ ночь; время убиваютъ въ прогулкахъ, комедіяхъ, маскарадахъ, балахъ, катаньяхъ и тому подобныхъ развлеченіяхъ. Не желая, чтобы что-нибудь мѣшало проводить время такъ, какъ ей вздумается, государыня терпѣть не можетъ дѣлъ государственныхъ; удаляется отъ нихъ, либо разсматриваетъ чрезвычайно небрежно, и зачастую, въ досадѣ, что ей *мѣшаютъ*.... назначаетъ приговоры съ ужаснѣйшей строгостью. Вслѣдствіе безпорядочнаго управленія недостатокъ въ финансахъ до того увеличился, что большая часть служащихъ чиновниковъ и офицеровъ, не получая года полтора слѣдующаго имъ жалованья, должны закладывать послѣднее свое платье. А между тѣмъ и общая неурядица не унимаетъ интригующихъ сановниковъ! Пронски продолжаютъ едва ли не съ большимъ ожесточеніемъ; каждый торопится воспользоваться успѣхомъ, выконать яму своему совмѣстнику. Весь сенатъ пляшетъ по дудкѣ генераль-прокурора Трубецкаго; Лестокъ ворочаетъ иностранными дѣлами, причемъ послѣдній употребляетъ все усилія посадить на мѣсто великаго канцлера А. И. Румянцева, преданнѣйшаго ему челоуѣка, а Безстужева съ Бреверномъ — удалить отъ дѣлъ. Замыселъ не удался, Лестокъ пришелъ въ такую ярость, что въ одномъ торжественномъ собраніи русскихъ вельможъ, прямо назвалъ: вице-канцлера Безстужева измѣнникомъ. «Чтобы вывести его безбожные замыслы на чистую воду, сказалъ Лестокъ, надо засадить Безстужева въ застѣнокъ, казематъ и допросить подъ кнутомъ!» ²¹⁾.

Видно дьяконъ *Савицкій* вполне справедливо восклицаетъ, въ *высочайшемъ присутствіи*, обращаясь къ враждующимъ сановникамъ: «мы какъ звѣри ненасытны, никогда своимъ не-

довольны, изъ «горла выдираемъ (власть и отличія), и за полушку, за щепку, за бездѣльнѣйшее нѣчто, человѣка умертвить мы рады!».

ПРИМѢЧАНІЯ.

2) *Вѣдомости* 1743 г., стр. 29 и 30.

3) *Пецольдъ* оставилъ по себѣ въ высшей степени интересныя и правдивыя донесенія о событіяхъ при петербургскомъ дворѣ. Документы эти впервые обнародованы *Германомъ* въ его: «Geschichte des russischen Staats» von Dr. Ernst *Herrmann*, ausserordentlicher Professor an der Universität zu Jena. Hamburg, 1853, ч. 4 и 5. Книга Германа доставила намъ обильные матеріалы.

4) *Вѣд.* 66, 126, 134, 142, 274. Академическій, извѣстный намъ, экземпляръ *Вѣдомостей* 1743 г. не полонъ: въ немъ нѣтъ описанія празднествъ 10-го февраля и другихъ царскихъ дней. Любопытно, что подобно прошедшему году, въ газеты присылались описанія иногороднихъ празднествъ: изъ Риги, Ревеля, Москвы, Выборга, иногда изъ Архангельска, разъ даже находимъ извѣстіе, что въ финляндскомъ городѣ *Улео* въ царскій день былъ богатый трапезентъ и магистръ Дегерманъ, полковой пасторъ, говорилъ *преурядную* предіку.

5) *Слово* въ недѣлю по просвѣщеніи, которая по сошествіи святаго духа была 31-я, проповѣданное придворнымъ дьякономъ Стефаномъ *Савицкимъ* 1743 г., января 9-го. Печатано при академіи наукъ 16-го мая. 4 д., гражд. печ., 16 стр.

6) *Слово* въ недѣлю четвертую великаго поста, въ высочайшемъ присутствіи ея священнѣйшаго величества (этотъ эпитетъ впервые встрѣчается при имени Елисаветы) и наслѣдника ея, проповѣданное *Мотлеанскимъ* въ придворной церкви, 13 марта 1743 г. Печ. гражд. печатью при академіи наукъ 25-го мая. 4 д. У *Сопикова* смотр. т. I, стр. 205.

7) *Журналы* церемоніальные, банкетныя и походныя 1743 г. 8 д. *Журналъ банкетной* за апрѣль, сентябрь, ноябрь и декабрь. Изд. публичной библіотеки 1851 г. — Также *Вѣд.* 1743 г., стр. 265, 289, 297, 305, 346, 401. Въ Выборгѣ «изрядную предіку, по сему случаю, говорилъ препозитъ Мелантопеусъ.» — Елисавета, по прежнему, любила крестить дѣтей; таковы были кре-

стины 16-го мая у М. Л. Воронцова (доч. Анна), у Б. Г. Юсупова 19-го мая (доч. Александра) и друг. Какъ извѣстно, отецъ жены Воронцова, дядя Елисаветы, Карлъ Самуйловичъ Скавронскій, выкупленъ изъ крѣпостнаго состоянія за весьма дорогую цѣну и въ 1727 году, черезъ четыре года, сдѣланъ графомъ. Двѣ сестры его выкуплены на волю изъ лифляндскихъ поселянъ въ 1723 г.

8) Изъ сыновей Шубина намъ извѣстенъ Иванъ Алексѣевичъ; въ царствованіе Петра III онъ былъ воеводою въ Ярославлѣ. Въ *Москвитянинѣ* (1849 г., т. XX, стр. 132, и 1851 г., т. I, стр. 125) напечатаны два письма къ нему принца Карла Бирона, съ которымъ онъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ.

9) *Herrmann. Geschichte des russischen Staats*, т. V, стр. 185, прилож. III.

10) Новый и полный *географическій словарь Россіи*. 4. д. л. М. 1788. 4 тома. Лексиконъ историко-географической *Татищева*. Спб. 1793 г. Географическій Лексиконъ *Полунина*, 1773 г., стр. 250: «Петергофскій дворець, сказано въ Лексиконѣ, садъ, статуи, фонтаны, гроты, каскады, аллеи, рощи и другія, къ увеселенію чувствъ служащія мѣста, подають причину сравнить Петергофъ съ славною Версалью; а по прекрасному мѣстоположенію оному и предпочесть.» О Петергофѣ время Петра I, см. у *Беркгольца*, ч. I, стр. 131—136. О Петергофѣ время Петра II, см. *Lettres d'une dame anglaise Rondo. Rotterdam*, 1776 года, стр. 5 и 52. О Петергофѣ позднѣйшаго времени у *Щекатова*: Географическій словарь 1805 г., т. 4, стр. 1105—1107 и проч.

11) Вся безцѣльность препровожденія времени Елисаветы какъ нельзя лучше усматривается изъ безграмотнѣйшаго дневника, или «журнала за 1743 г. церемональнаго, банкетнаго и походнаго». Не считая нужнымъ соблюдать орфографію и длинные титулы, которыми испещрены журналы, дѣлаемъ изъ него краткое извлечение: «4-го мая, среда. Сухимъ путемъ государыня отправилась въ Петергофъ, гдѣ провела три дня. Отъѣздъ возвѣщали стрѣльбою изъ пушекъ. 7-го мая. Осматривала въ Кронштадтѣ флотъ; были молебны, обѣдъ и проч. 8-го мая. Не доѣзжая семи верстъ до Царскаго села, кушала въ палаткѣ, на дорогѣ. 9-го мая. Слушала обѣдню въ церкви св. Николая, тамъ же молебень. При выходѣ и входѣ въ комнаты палили изъ пушекъ. 10-го, вторникъ. Забавлялась послѣ обѣда въ звѣринцѣ, гдѣ потомъ кушала и увеселялась съ оберъ-егермейстеромъ А. Г. Разу-

мовскимъ. 11-го, среда. Слушала обѣдню, отправилась въ Петербургъ; не доѣзжая, верстахъ въ одиннадцати закусывала въ палаткѣ. 23-го мая, вторникъ. Вновь отправилась въ Петергофъ; ѣхала, по обычаю, весьма медленно съ роздыхами; пила и кушала въ Лиговой мызѣ на дорогѣ. 27-го, въ пятницу. Очень веселилась на свадьбѣ камеръ-юнкера, графа Гендрикова. Былъ большой столъ. Маршаломъ и церемоніймейстеромъ Н. Ю. Трубецкой. 29-го числа, шествовала въ Стрѣльну и Царское село *). 2-го июня. Обратная поѣздка, вечернее кушанье въ селѣ Ивановѣ. 5-го июня, катанье въ Петербургъ, на другой день возвращеніе въ Петергофъ. 8-го числа, прогулки по окрестностямъ и новая поѣздка въ столицу. 15-го июня въ Царское село. 19-го числа въ Петергофъ, 22-го, вторникъ, въ Петербургъ. 7-го июля, въ Царскомъ селѣ. 13-го въ Петергофѣ. 16-го въ Стрѣльнѣ. 18-го въ Петергофѣ. 20-го въ Петербургѣ. 22-го въ Петергофѣ. 24-го въ Петербургѣ. Дни между показанными числами государыня проводила въ дорогѣ; завтракая, обѣдая, нерѣдко ночуя въ разбиваемыхъ для нея и ея свиты палаткахъ. Нѣсколько десятковъ лейбъ-компанцевъ составляли конвой государыни. Въ своемъ мѣстѣ мы скажемъ, почему императрица не оставалась долго въ одномъ мѣстѣ, въ одномъ дворцѣ, не ночевала нѣсколько ночей сряду въ одной и той же комнатѣ... 5-го сентября, понедельникъ. Празднество въ новомъ лѣтнемъ домѣ (гдѣ нынѣ инженерной замкъ). За обѣдней говорилъ предикъ архимандритъ Троицко-Сергіевской лавры, Кирилъ Флоринскій. Обѣдала на тронѣ съ племянникомъ. Присутствовавшіе сановники были не ниже шестаго класса. За стуломъ Елисаветы стоялъ камергеръ Скворцовъ (бывшій лакей ея въ царствованіе Анны), форшнейдеромъ былъ камергеръ Строгоновъ (Балкъ, исправлявшій эту должность въ прежніе праздники, теперь былъ въ опалѣ), за стуломъ Петра красовался камергеръ Бецкій. 6-го сентября. Играла комедія; весь лѣтній садъ былъ иллюминированъ. 15-го числа праздновали объявленіе мира. «За ужиномъ, внутри столовъ, изъ сдѣланныхъ нарочно фонтановъ пущена вода.» Октября 7-го. Обѣдъ, ужинъ и разныя удовольствія въ Лиговѣ, на дачѣ у гофмаршала Д. А. Шепелева. Ночевала государыня въ Красномъ селѣ.

*) О Царскомъ селѣ издана Б. Х. любопытная брошюрка въ 1840 году. Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ фактовъ, собранныхъ въ этой книжечкѣ: «Стѣны одной изъ комнатъ дворца царскосельскаго обложены янтарными дощечками, подарокъ отъ Фридриха Вильгельма I Аннѣ Ивановнѣ за ея небольшой презентъ: восемьдесятъ рослыхъ гренадеръ, стр. 8—10.

8-го числа, въ шестомъ часу по полуночи, «шествовала Елисавета для стрѣлянiя птицъ, къ нарочно сдѣланнымъ для того шалапамъ, и тутъ пробыла цѣлый день.» Ночевала въ Царскомъ. 10-го, *понедѣльникъ*, провела въ шалапахъ, «на стрѣлянью птицъ.» 11-го октября веселилась и забавлялась въ новопостроенномъ дворцѣ на дорогѣ изъ Царскаго въ Петербургъ. Спутниками на охотѣ были: Разумовскiй, Шепелевъ, Воронцовъ, Шуваловъ, Девiеръ (незадолго вернувшiйся изъ Охотска, куда былъ сосланъ въ 1728 году), Петръ Сумароковъ, Елагинъ, камеръ-юнкеръ Лялинъ (бывшiй лакей Елисаветы), Сиверсъ и отрядъ лейбъ-кампанцевъ. 24-го *ноября, день великомученицы Екатерины*, большой обѣдъ, балъ, ужинъ и концертъ итальянскихъ музыкантовъ. 25-го числа, день восшествiя на престолъ, обѣдня, проповѣдь Амвросiя, жалованье къ ручкѣ. «За обѣдомъ, какъ всегда, государыня сидѣла рядомъ съ Разумовскимъ.» Участниками въ царской трапезѣ были двѣсти сорокъ четыре лейбъ-кампанскихъ гренадеръ. Они были и на большомъ придворномъ балѣ, заключившемъ этотъ день. 30-го *ноября*, орденскiй праздникъ Андрея Первозваннаго, новое торжество въ большомъ зимнемъ, каменномъ домѣ. Проповѣдь въ высочайшемъ присутствiи рождественскаго архимандрита Платона. Обѣдъ, балъ и проч. 18-го *декабря*, день рожденiя Елисаветы, предика Флоринскаго, обѣдъ на тронѣ, подъ багдахиномъ, балъ и иллюминацiя на льду, противъ дворца, и т. д.

12) *Въд.* 458, 601, 816. Собранiе разныхъ сочиненiй въ стихахъ и прозѣ, *Михайла Ломоносова*, изд. 1751 года, съ портретомъ автора, ода на 10-е февраль 1743, стр. 138—145; въ изданiи 1847 года см. т. I, стр. 65—71; изд. 1778 года, ч. I, стр. 93—100; изд. 1803 года, ч. I, стр. 73—78.

13) Двѣнадцать лѣтъ спустя, въ похвальномъ словѣ 26-го апрѣля 1755 года Ломоносовъ повторилъ это: «Часто размышлялъ я, говорить Ломоносовъ, каковъ тотъ, который всесильнымъ мановенiемъ управляетъ небо, землю и море? Но мыслямъ человѣческимъ предѣлъ предписанъ! Божества постигнуть не могутъ! Обыкновенно представляютъ его въ человѣческомъ видѣ. И такъ ежели человѣка Богу подобнаго, по нашему понятiю, найти надобно, кромѣ Петра Великаго не обрѣтаю.» Но если предписанъ предѣлъ человѣческимъ мыслямъ, то не положенъ предѣлъ *лести* придворныхъ пѣвцовъ и ораторовъ. До чего доходитъ эта лесть — видно изъ выписанныхъ нами строкъ.

14) *П. С. З.* № 8820. Оранiенбаумъ состоялъ съ 1736 года

въ вѣдомствѣ адмиралтейства. Кстатн замѣтимъ здѣсь, что въ брошюрѣ *А. Вейдемейера*: «Царствованіе Елизаветы», попадаются весьма странныя и наивныя ошибки. Такъ, наиримѣръ, ссылаясь на исторію Малороссіи *Каменскаго*, онъ рассказываетъ о поѣздкѣ Елизаветы въ Кіевъ на богомолье, *въ августъ 1745 года*, причемъ утверждаетъ, что старшины казацкіе просили ее объ избраніи гетмана. (Стр. 77.) *Вѣдомости, походные журналы* и другіе современные документы молчатъ объ этой поѣздкѣ. *Нащокинъ* прямо говоритъ, что «1743 годъ государыня изволила продолжаться въ Петербургѣ неотлучно» (стр. 70 и въ *Библ. для Чт.*, т. LIV, стр. 19—21). Что же касается до цитируемаго *Каменскаго*, то у него безошибочно сказано (изд. 1830, ч. I, стр. 192): «Елизавета ѣздила въ Кіевъ *въ 1744 году*». Объ этой поѣздкѣ мы имѣемъ много свѣдѣній. Видимо, что *Вейдемейеръ*, какъ часто съ нимъ случается, спуталъ года и вмѣсто одной поѣздки у него вышло двѣ: въ 1743 и 1744 годахъ.

15) *Записки Штеллина*. О нихъ смотр. въ указателѣ къ Москвитянину *Бартенева*. Временникъ общества исторіи. Москва, 1855 года, стр. 59 и 65; также въ статьѣ *М. П. Погодина*, стр. 4—6.

16) *Записки современницы*, стр. 2—6. Въ сообщаемыхъ ею извѣстіяхъ, кажется, сомнѣваться трудно. Не смотря на то, что пишущая, по разнымъ обстоятельствамъ, смотрѣла на Петра пристрастно, почти всѣ ея слова подтверждаются свидѣтельствомъ *Штеллина*, *Пецольда* и другихъ. *Geschichte des Russischen Staats, Herrmann*, т. V, гл. I: «anlagen, carakter und erziehung des jungen Herzogs Karl-Peter-Ulrich von Holstein.» Стр. 1—24. *Жизнь Петра III*, изд. 1808 года. Тюбингенъ, ч. I, стр. 21 и слѣдующія. «Histoire de Pierre III, imprimée sur un manuscrit, trouvé dans les papiers de *Montmorin*, ancien ministre des affaires étrangères, et composé par un agent secret de Louis XV à la cour de Pétersbourg; avec des éclaircissemens et des additions importantes. Avec figures. Paris. An. vil. de la république française», стр. 360. Эта книга самая восторженная защита Петра III отъ нареканій писавшихъ о немъ.

17) Петръ Ѳеодоровичъ любилъ, между прочимъ, балагурить, слушать хорошихъ рассказчиковъ и т. п. Такъ, наиримѣръ, многіе вечера проводилъ у него надзиратель за постройками галеръ, Игнатій Ѳеодоровичъ Елагинъ, одинъ изъ заграничныхъ воспитанниковъ корабельнаго дѣла, въ царствованіе Петра I. Елагинъ много рассказывалъ о старинѣ. Петръ Ѳеодоровичъ

смѣялся, слушая рассказы и высказывалъ иногда сомнѣніе. Простодушный старикъ выходилъ изъ себя. «Пожалуй, Петръ Федоровичъ, говаривалъ Елагинъ въ этихъ случаяхъ, не ври пустяго, а вѣрь всему, что я передаю о твоёмъ дѣдѣ, да поступай также, какъ онъ поступалъ». Елагинъ умеръ въ глубокой старости, въ 1760 году. Смотри *Штелина* анекдоты о Петрѣ I Каменскаго: Словарь 1836 года, ч. II, стр. 379—380.

18) *Geschichte des Russischen Staats, Herrmann*, т. V, гл. I. Донесенія Пецоляда отъ 25-го февраля, 29-го марта, 12-го октября, 3-го сентября, 16-го, 26-го и 29-го ноября 1742 года и другія; глава II, стр. 56, 57, 58. Донес. *Пецоляда* отъ 8-го января, 5-го февраля и 15-го декабря 1743 года. Приложенія: III, стр. 185—186, VI, стр. 190, 191.

19) Въ VI томѣ «Исторіи Петра I», Спб. 1859 года, Устряловъ обнаружилъ письмо Безстужева изъ Лондона къ царевичу Алексѣю въ Неаполь (1717 года). Безстужевъ предлагалъ свои услуги бѣглецу-царевичу. Г. Устряловъ нашелъ копию этого письма въ вѣнскомъ тайномъ архивѣ; оригиналъ, нѣтъ сомнѣнія, сожженъ Алексѣемъ предъ возвратомъ на родину. Во всякомъ случаѣ документъ, любопытный для полной характеристики вице-канцлера.

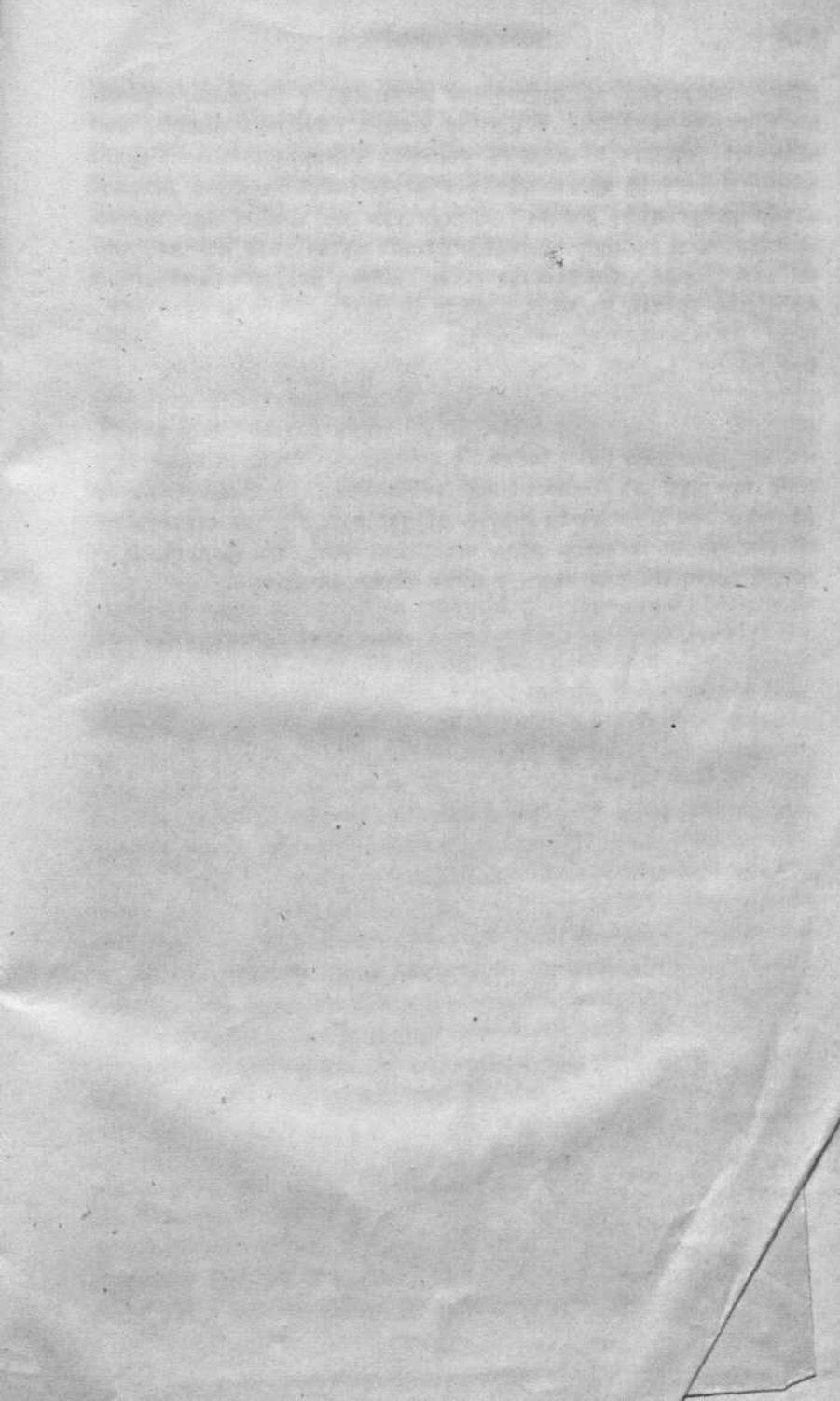
20) По этому поводу нельзя не привести любопытной замѣтки; мы ее находимъ въ запискахъ *Г. Р. Державина*. (Русск. Бесѣда 1859 года, N° V, стр. 453.) «..... По гражданскому закону, пишетъ Державинъ, говоря объ одномъ сенатскомъ дѣлѣ щекотливаго свойства, по уложенію, строго воспрещено вы...-...мъ вступать въ наслѣдство и принимать фамилію отцовъ; а по духовнымъ правиламъ позволено привѣнчивать при совершеніи браковъ незаконныхъ дѣтей или такъ сказать усыновлять — чему и былъ весьма знатный примѣръ въ Россіи: императрица Елизавета Петровна привѣнчана была при совершеніи брака Петра I и почиталась законною.»

21) *Geschichte, Herrmann*. Гамбургъ, 1853 года, т. V; смотри также: «*La Cour de la Russie il y a cent ans 1725—1783. Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français*. Berlin. 1858 года. 8-я д. л., стр. 96—105. «Это время, говоритъ составитель этой книги о царствованіи Елизаветы, представляетъ зрѣлище поразительное, едва ли не единственное въ исторіи Россіи.» Германъ, котораго нельзя заподозрить въ преувеличеніи фактовъ и пристрастіи, справедливо замѣчаетъ: все, что дѣбалось въ это время въ Петербургѣ, напоминаетъ азіят-

скія государства, гдѣ царствуетъ произволъ и полное презрѣніе къ правамъ человѣка. Къ этому выводу придетъ всякій, кто прочтетъ депеши иѣмецкихъ пословъ, обнародованныя Германомъ. Донесенія французскихъ и англійскихъ агентовъ несравненно умѣреннѣе, потому ли, что они не хотѣли пристально вглядываться въ современные обстоятельства, или потому, что не отличались наблюдательностью. Впрочемъ, вотъ что, на примѣръ, писалъ ко двору своему М. Wich, 29-го апрѣля 1743 года: «Настоящее правительство далеко и далеко не прочно: оно всегда будетъ подвергаться всякаго рода колебаніямъ и революціямъ тайныхъ заговоровъ. Если императрица не переимѣнится въ своемъ поведеніи, не обратитъ надлежащаго вниманія на управленіе внутренними и виѣшними дѣлами, то государство придетъ въ безвыходное положеніе.... Елизавета много обѣщала при восшествіи своемъ на престолъ (?), но страсть къ наслажденіямъ всякаго рода испортила все: она будетъ причиною несчастій ужасныхъ и бѣдъ несправимыхъ!»

МИХАИЛЬ СЕМЕВСКІЙ.

1860 года. Спб. Января 1-го.

ppp (K5) 20.

2590